

ТОМ XXVII

ЖУРНАЛ

**СОЦИОЛОГИИ
И
СОЦИАЛЬНОЙ
АНТРОПОЛОГИИ**

**THE JOURNAL
OF SOCIOLOGY
AND
SOCIAL ANTHROPOLOGY**

№ 2

2024

**Федеральный социологический центр РАН
Фонд «Интерсоцис»**

**ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИИ
И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ**
2024. Том XXVII. № 2

Журнал основан в 1998 году

ISSN 1029-8053 (печатная версия)

ISSN 2306-6946 (электронная версия)

Журнал выходит 4 раза в год

**Санкт-Петербург
2024**

**Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
“Intersotsis” Foundation**

**ZHURNAL SOTSIOLOGII
I SOTSIALNOY ANTROPOLOGII
(The Journal of Sociology and Social Anthropology)
2024. Volume XXVII. No 2**

Founded in 1998

ISSN 1029-8053 (print)

ISSN 2306-6946 (online)

Frequency: quarterly

**Saint Petersburg
2024**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Владимир Вячеславович Козловский (д. филос. н., профессор, Социологический институт ФНИСЦ РАН, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Александр Владимирович Тавровский (асс., СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ханс-Петер Блоссфельд (доктор социологии, профессор, зам. главного редактора, Бамбергский университет, Германия)

Асалан Ользонович Бороноев (д. филос. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Руслан Геннадьевич Браславский (к. соц. н., зам. главного редактора, Социологический институт ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Майкл Буравой (PhD, профессор, Калифорнийский университет, Беркли, США)

Питер Вагнер (PhD, профессор, Барселонский университет, Испания)

Юрий Витальевич Веселов (д. соц. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Вадим Викторович Волков (PhD, д. соц. н., Европейский университет, Санкт-Петербург, Россия)

Ирина Андреевна Григорьева (д. соц. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Владимир Николаевич Давыдов (PhD, к. соц. н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Инна Феликсовна Девятко (д. соц. н., профессор, НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

Александр Владимирович Дука (к. соц. н., Социологический институт ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Елена Андреевна Здравомыслова (к. соц. н., профессор, Европейский университет, Санкт-Петербург, Россия)

Дмитрий Владиславович Иванов (д. соц. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Владимир Иванович Ильин (д. соц. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Маркку Кивинен (PhD, профессор, Хельсинский университет, Финляндия)

Вольфганг Кнебль (Dr., профессор, Гамбургский институт социальных исследований, Германия)

Николай Николаевич Крадин (д. истор. н., профессор, чл.-кор. РАН, ИИАЭ ДВОРАН, Владивосток, Россия)

Фредерик Лебарон (Dr., профессор, Высшая нормальная школа Париж-Сакле, Париж, Франция)

Елена Леонидовна Омельченко (д. соц. н., НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия)

Никита Евгеньевич Покровский (д. соц. н., профессор, НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

Николай Генрихович Скворцов (д. соц. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Йоран Тернборн (PhD, профессор социологии, Кембриджский университет, Великобритания)

Лариса Григорьевна Титаренко (д. соц. н., профессор, БГУ, Минск, Белоруссия)

Жанна Владимировна Чернова (д. соц. н., Социологический институт ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Елена Ростиславовна Ярская-Смирнова (д. соц. н., профессор, НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

© Интерсоцис, 2024

© Авторы материалов, статей, 2024

EDITOR

Vladimir Kozlovskiy (Dr., Prof., Saint Petersburg University; Sociological institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)

ASSISTANT EDITOR

Alexander Tavrovskiy (Saint Petersburg University, Russia)

EDITORIAL BOARD

Hans-Peter Blossfeld (Dr., Prof., Deputy Editor, University of Bamberg, Germany)
Asalkhan Boronoev (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Ruslan Braslavskiy (CSc., Deputy Editor, Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)
Michael Burawoy (PhD, Prof., University of California, Berkeley, USA)
Zhanna Chernova (Dr., Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)
Vladimir Davydov (PhD, CSc., Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), RAS, St. Petersburg, Russia)
Inna Deviatko (Dr., Prof., Higher School of Economics, Moscow, Russia)
Alexander Duka (CSc., Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)
Irina Eliseeva (Dr., Prof., Corr. Member of the RAS, Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)
Irina Grigoryeva (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Elena Iarskaia-Smirnova (Dr., Prof., Higher School of Economics, Moscow, Russia)
Vladimir Ilyin (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Dmitry Ivanov (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Markku Kivinen (Dr., Prof., University of Finland, Helsinki, Finland)
Wolfgang Knöbl (Dr., Prof., Hamburg Institute for Social Research, Germany)
Nikolay Kradin (Dr., Prof., Corr. Member of the RAS, Institute of history, archaeology and ethnography of the peoples of the far-east, Vladivostok, Russia)
Frédéric Lebaron (Dr., Prof., École normale supérieure Paris-Saclay, Paris, France)
Elena Omelchenko (Dr., Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia)
Nikita Pokrovsky (Dr., Prof., Higher School of Economics, Moscow, Russia)
Nikolay Skvortsov (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Larisa Titarenko (Dr., Prof., Belarusian State University, Minsk, Belarus)
Göran Therborn (PhD, Prof. Emeritus of Sociology, University of Cambridge, United Kingdom)
Yuriy Veselov (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Vadim Volkov (PhD, Dr., Prof., European University, St. Petersburg, Russia)
Peter Wagner (PhD, Prof., University of Barcelona, Spain)
Elena Zdravomyslova (CSc., Prof., European University, St. Petersburg, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

Социологическая теория

- Эфендиев А.Г., Кожанов А.А.* Пути модернизации социологической
идентичности: опыт теоретического поиска 7

Социология труда

- Сизова И.Л.* Стратегии поддержания занятости и профессионализма
российскими работниками 38

- Лыткин Д.Н.* Рабочее время и творчество: опыт практического
исследования 63

Городские исследования

- Недосека Е.В., Ненько А.Е., Порошина С.Е.* Привязанность к месту
в контексте убывающего города: анализ дискурса жителей
в городском онлайн-сообществе 86

Антропология инфраструктуры

- Рахманова Л.Я.* «Паттерн удаленности» и потенциал руин:
неопределенности и ресурсы туризма в Томской области 116

Социология телесности

- Пивоваров А.М.* Формы телесного капитала: анализ социологических
концептов 152

Социальные практики психологической помощи

- Михайлова О.Р., Фомичева Е.В., Жыргалбек кызы Ж.* Факторы доверия
цифровым платформам оказания психологической помощи:
обзор литературы 179

- Ткач С., Бурдина О.И., Одинокова В.А.* Факторы и предикторы обращения
за психологической помощью в религиозные организации 211

Социология преступности

- Ростовская Т.К., Васильева Е.Н., Русанова Е.И.* Осужденные женщины,
пребывающие в исправительных колониях:
социально-демографическая структура и проблемы
социальной адаптации 233

Рецензии

- Сосновская А.М.* Рецензия на книгу: Социокультурное пространство
Санкт-Петербурга: репрезентации и интерпретации. К 350-летию
Петра I и 320-летию Петербурга / Отв. ред. В.В. Козловский,
Н.Е. Мазалова. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. — 388 с. 266

CONTENTS

Sociological Theory

- Azer G. Efendiev, Andrey A. Kozhanov.* Modernizing Sociological Identity:
A Theoretical Exploration 7

Sociology of Labor

- Irina Sizova.* Strategies for Maintaining Employment and Professionalism
among Russian Workers 38
- Dmitriy Lytkin.* Working Hours and Creativity:
Practical Research Experience 63

Urban Studies

- Elena Nedoseka, Alexandra Nenko, Svetlana Poroshina.* Place Attachment
in the Context of a Shrinking City: Analysis of the Discourse
of Residents in an Urban Online Group 86

Anthropology of Infrastructure

- Lydia Rakhmanova.* The “Pattern of Remoteness” and Life on the Ruins:
Everyday Life and Tourism in Tomsk Oblast 116

Sociology of the Body

- Alexander Pivovarov.* Forms of Bodily Capital:
Analysis of Sociological Concepts 152

Social Practices of Psychological Assistance

- Oxana R. Mikhaylova, Elizaveta V. Fomicheva, Zhasmin Zhyrgalbek kyzy.*
Factors of Trust to Digital Mental Health Platforms:
Literature Review 179
- Sergey Tkach, Olga I. Burdina, Veronika A. Odinkova.* Factors and Predictors
of Seeking Psychological Help from Religious Organizations 211

Sociology of Crime

- Tamara K. Rostovskaya, Ekaterina N. Vasilieva, Ekaterina I. Rusanova.*
Convicted Women Staying in the Correctional Facility:
Socio-Demographic Structure and Problems of Social Adaptation 233

Book Review

- Anna Sosnovskaya.* Book review: Sociocultural space of St. Petersburg:
representations and interpretations. To the 350th anniversary
of Peter I and the 320th anniversary of St. Petersburg. Kozlovsky V.V.,
Mazalova N.E. (eds.) M.: FCTAS RAS, 2023. — 388 p. 266

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ПОИСКА

Азер Гамидович Эфендиев¹ (efendiev@hse.ru),

Андрей Александрович Кожанов^{1,2}

¹ Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

² Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Цитирование: Эфендиев А.Г., Кожанов А.А. (2024) Пути модернизации социологической идентичности: опыт теоретического поиска. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(2): 7–37. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.2.1>. EDN: DPJYDK

Аннотация. Кризис, фрагментарность и «упадок духа» современной социологической науки анализируются с главной целью — наметить одну из стратегий преодоления кризисных явлений внутреннего развития современной социологии как науки, как профессии и как призвания. Важно для этого утвердить методологический монизм, что позволит восстановить социологическую идентичность на основе реконструированной системы социологического знания. Рассматриваются отдельные эпистемологические инструменты модернизации социологии: преодоления фрагментарности, научного изоляционизма и даже взаимной враждебности социологических парадигм, разработанные, в частности, на основе реализации принципа комплементарности, благодаря реализации которого несовпадающие или даже противоположные теории, характеризующиеся различными трактовками социальной реальности, создают более полное и корректное представление о социальной действительности как целостности, чем каждая по отдельности. На основе этого принципа сделана попытка обосновать некоторые теоретические и эмпирические стратегии исследования базовых понятий социологии: социальное, социальные институты, социальные структуры, утверждающие гармоническое единство и взаимодействие в социальной жизни символически объективного, структурно-функциональных независимых от актора условий, правил и символически субъективного как проявления феноменологически конструктивной активности, повседневного опыта актора.

Ключевые слова: кризис социологии, полипарадигмальность, структурно-функциональная традиция, феноменологическая концепция, постмодернистская традиция, деятельно-активистская концепция, принцип комплементарности, система социологического знания, социальное, символически объективное, символически субъективное.

Постановка проблемы

На современном этапе исторического развития на протяжении как минимум 30–40 (если не более) лет, социология и как наука, и как профессия, и как призвание испытывает серьезные негативные процессы, все чаще в последние годы трактуемые как «кризис». Кризисные явления в развитии нашей науки являются предметом серьезного беспокойства как отечественного, так и мирового социологического сообщества (см., например: Alexander 1982; Коллинз 1994; Pleasants 1997; Camic, Gross 1998; Ядов 2003; Zammito 2004; Matthewman, Hoyer 2006; Малинкин 2006; Гофман 2013; Радаев 2013; Романовский 2016). Показано, что кризисное состояние в социологии охватывает самые различные ее аспекты: от фундаментальных основ социологической науки до общественной репутации, от инструментально-методических аспектов до ее социальной востребованности. При этом на сегодняшний день многочисленные дискуссии по этому поводу, в которых часто повторяются слова о глубочайшем кризисе социологии, напоминают хаотичное online общение в Сети: каждый «говорит о своем», «наболевшем», переживаемом как наиболее важном. В результате дискуссия напоминает калейдоскоп самых различных недугов социологии. Не более того.

Важно понять, что разнообразные кризисные проблемы, описанные авторитетными исследователями (см. выше), шаг за шагом приводят и уже привели к коррозии, рассыпанию этой целостности как идентичности, ее деформации, «угасанию», если не сказать «элиминации» как явления.

Целью нашей работы является не историко-социологический анализ отдельных кризисных недугов и всего кризиса в целом. Мы концентрируем внимание на фундаментальных интегральных проблемах социологии, экзистенциально связанных с идентичностью социологической деятельности, понимаемой как ее тождественная целостность, единство. Тождественная целостность не как одинаковость, уподобляемость, а как органическое единство и тождественность исходных допущений понимания социальной жизни.

Наша работа представляет собой опыт разработки одной из моделей процесса формирования новой идентичности, точнее модернизации исторически сложившейся идентичности социологии как науки, призванной обеспечить ее успешное функционирование с учетом современного состояния, ее дееспособность и адекватность вызовам современного мира.

Предметом нашей работы являются эндогенные проблемы развития социологической науки, исследование внутренней организации социологического познания как целостной тождественности. В качестве основной

проблемы, решение которой составляет научный смысл работы, мы рассматриваем следующее.

Одной из глубинных характеристик современной социологии выступает признание того, что социологическое знание представляет собой фрагментированное по многим критериям (аспектам), направлениям, школам поле. Современная социология рассечена многими водоразделами изоляции, непримиримости, а иногда и научной враждебности и неприятия между «чистыми» теоретиками и эмпириками, количественниками и качественниками, социологическими реалистами и номиналистами, утверждающими познаваемость социальных явлений и социологами-агностиками, исследователями, реализующих принципы монистической методологии и сторонниками плюралистической методологии.

Природа кризиса социологии: эндогенный ракурс

Отчетливо симптомы текущего кризиса были сформулированы 20 лет назад в рамках дискуссии о «конце социологической теории»: «Многое из того, что мы говорим сегодня о работе коллег, отличается негативизмом, враждебностью, пренебрежением. Эта фракционность ослабляет социологию» (Коллинз 1994).

Эволюционные процессы развития социологического знания привели к кризису не только в связи с процессами конкуренции, но и кооперации между социологическими теориями. «Вся социология, — пишет Дж. Заммито, — подошла к кризису в конце 1980-х годов. Фундаментальное правдоподобие социальных объяснений было поставлено под сомнение» (Zammito 2004: 234). И это стало началом кризиса, в развитии которого мы находимся и сейчас¹.

Найджл Плизантс показывает логику этого кризиса. В частности, то, что фрагментация социологического теоретизирования, т.е. наличие сразу множества способов образцового решения исследовательской задачи (паттерна) вместо одного «правильного», привела к переносу интеллектуального противостояния из внешнего контура защиты социологии как науки во внутренний контур, где разнообразие и специфичность подходов, решений, методологий, «оптик», приводила к постоянному переопределению словаря и фундамента социологии (Pleasant 1997: 149).

До какого-то момента внутренние теоретические споры имели для социологии 1980–1990-х годов позитивный эффект, они повышали социологическую эвристику и открывали социологию соседним областям знания. Там мы, например, обрели этнометодологию, когнитивную социо-

¹ Подробнее этот вопрос рассмотрен в: (Кожанов 2015a).

логию, вычислительные социальные науки (Computational Social Research), но после новых обретений образовалась пустота в ядерном, основополагающем и квалифицирующем для любого социолога блоке — социологической теории. Ценой этих приобретений оказалась потеря чего-то большего, и не только общей социологической теории, но и универсальной, кодифицированной базы для построения теорий среднего диапазона.

Любопытное наблюдение: если раньше в учебных планах университетской подготовки социолога основное внимание уделялось обязательным дисциплинам (общие дисциплины профессионального цикла), то сейчас вариативность курсов является, пожалуй, основной гордостью университетских школ — наличие эксклюзивных, узкопрофилированных, авторских курсов, а не единого учебника (пусть даже вызывающего критику коллег), общего курса по социологической теории. Пожалуй, только наличие консолидированной истории социологии (от Конта до Сорокина) еще может считаться платформой для научной коммуникации социологов, единство в методах и теоретизировании все еще находится на стадии взаимного подозрения и в ситуации «культуры отмены», когда направления или методологии осознанно не упоминаются, вместо того чтобы критиковаться.

На пересечении этих расколов возникло множество социологических локаций, испытывающих научное отторжение, а нередко и чувство научной вражды, локаций, участники которых говорят на разных «научных» языках. В результате сегодня во многом деформировано, если не утрачена, идентичность социологии как науки. Основная причина, на наш взгляд, деформированного состояния идентичности и ее публичной репрезентации социологии заключается в историческом «запаздывании» процесса формирования современной идентичности социологии, ее модернизации, отвечающей новым приобретениям, которая сделала социология за последние 30–40 лет, новым вызовам современного мира. Идентичность, опирающаяся на подходы, господствовавшие до 1960–1970-х годов, сделавшие социологию великой наукой, деформированы и фактически распались, профессиональная рефлексия ставит вопрос о модернизации и обновлении (House 2019).

Речь идет о формировании новой идейно-духовной и методологической целостности, единства социологии как науки, как призвания, как профессии.

Исследуя методологические основания решения данной проблемы, мы исходим из следующего.

Ведущий критерий социологии как вида научно-познавательной деятельности заключается в «формировании обобщенных объяснительных

принципов, организованных в модели глубинных процессов, порождающих социальный мир» (Коллинз 1994: 71).

Научное социологическое знание (и это во многом *интегральный критерий*) образует систему (а не конгломерат, симбиоз) обоснованных концепций, моделей, универсальных конструкций, категорий.

Элементы данной системы, во-первых, имеют определенную структуру, иерархизированы, взаимосвязь между иерархизированными элементами имеет определенную логику и последовательность; во-вторых, представляют собой организованное множество, реализующих принципы методологического монизма в понимании исходных посылов изучения социальной жизни; в-третьих, эта система носит открытый (а незакрытый) характер, находится в постоянном развитии под воздействием изменений, происходящих в обществе, в тенденциях его развития и новых научных свидетельств и теорий. Данная система и есть идейно-содержательная основа идентичности, единства и целостности мировой социологии как науки, как профессии и как призвания.

В контексте данной работы принципиально выделение еще одного тезиса: *рассмотрение идентичности социологической деятельности как исторически развивающегося феномена*. В основе его исторического развития лежат, с одной стороны, новые достижения теоретического и эмпирического познания социальной жизни, с другой стороны, изменяющаяся социальная действительность, приобретающая новые черты, тенденции развития. Идентичность, в основе которой достижения социологии с XIX в. до примерно 1960-х годов, социальный мир индустриальной эпохи заложили фундамент социологии, который сохранил свое значение и в современную эпоху.

Социологическая деятельность приобрела, благодаря усилиям наших классиков ориентацию на объективные, истинные знания, базирующиеся на обоснованных эмпирических доказательствах, органически присущей ей многоуровневой связи теории и эмпирики, рационализме.

В то же время ряд идейно-теоретических посылов, подходов показали свою ограниченность начиная с бурных 1960-х годов. Конец XX в. и особенно первая четверть XXI в. показали неспособность объяснить новый изменчивый, бурно развивающийся мир в рамках прежних социологических догматов с их акцентом на стабильность и европоцентризм, составлявших во многом основу старой исторически сложившейся идентичности. Эта неспособность и стала причиной кризиса социологии, того «разброда и шатания», который мы наблюдаем и который охватил как теоретическую, так и эмпирическую социологию, как теоретические идеи, модели, так и методы исследования.

Ортогональная практика vs комплементарная перспектива социологической идентичности

Современное социологическое знание как определенная модель познавательной деятельности, таким образом, должно представлять собой целостную, иерархизированную систему общественно ориентированных и востребованных эмпирически обоснованных объективных (истинных) научных знаний об устойчивых тенденциях, закономерностях развития явлений социальной жизни, построенную на принципах монистической методологии и познаваемости социальной жизни.

К сожалению, на современном этапе социологическое знание не в полной мере отвечает критериям целостной, единой системы, скорее это некое условно обозначенное поле с размытыми и даже подчас изолированными взаимоисключающими эпистемологическими принципами, локациями познавательной деятельности. Все сильнее проявляется теоретический и методологический хаос. Как показало активное развитие постмодернизма в последние два-три десятилетия, дальнейшее развитие нашей науки без модернизации ее фундаментальных начал таит в себе усиление кризиса научности социологии, релятивизма, агноститизма, «мелкотемья», псевдодоказательности. Все это ведет к размыванию, деформации идентичности социологии как науки, профессии и призвания.

Главной когнитивной причиной такого положения является приоритет ортогонального принципа в социологическом теоретическом и инструментально-эмпирическом дискурсах. Имеется в виду явное или латентное утверждение принципиальной независимости, несовместимости («вертикальности») различных теоретических и инструментально-методических подходов. Ортогональность может проявляться как в открытой (воинственной) форме непризнания других путей поиска истины, так и в латентной форме, в которой или не учитываются, или учитываются чисто ситуативно-прагматично иные концепции и позиции, так и в констатирующей миролюбивой форме, в виде признания несовместимости мегаподходов, концепций и признающие такое положение дел нормальным.

Ортогональность имеет свои эпистемологические и историко-социологические корни. Во-первых, каждый автор стремится сделать акцент на том особенном, специфическом, что составляет особенности его видения, концепции. Вполне закономерная для индивидуального творчества практика оборачивается для всей науки губительными последствиями в результате примата (по крайней мере в отечественной социологии) историко-социологического дискурса над общесоциологическими утверждениями по формуле «история социологии и есть теория социологии». Историко-

социологический анализ, чаще всего делая акцент на той особенности, которая характеризует творчество того или иного социолога, или содержание той (тех) или иной (иных) социологических идей и теорий концентрирует внимание не на универсальном, едином, а на специфическом, отличительном. В результате формируется особое видение самого социологического научного поля, в котором состязаются, борются несовместимые концепции. На обочине остаются проблемы, требующие содержательного теоретического постижения актуальных явлений переживаемого социального бытия

Преодоление фрагментации социологии как науки, укрепление социологического знания как единой структурированной системы, модернизация идентичности социологии, на наш взгляд, предполагает в качестве одного из важнейших условий последовательную реализацию принципа комплементарности в развитии социологии, т.е. принципа взаимного дополнения различных подходов и позиций.

Исторически, как отмечают Чарльз Камик и Нил Гросс, одним из решений проблемы фрагментарности социологической теории были попытки поиска модели диалога между теоретическими подходами, которые исходили не из идеи преодоления фрагментарности за счет ее отрицания или за счет преодоления в конкретном эмпирическом исследовании, а из необходимости понимания комплементарности теоретических подходов.

Описывая историю поисков модели такого диалога в социологической теории, Камик и Гросс отмечают: «Но текущие проекты диалога направлены не только на то, чтобы подчеркнуть функции теоретического разнообразия, но и на признание и поощрение комбинаций и взаимодействий различных теоретических точек зрения — цель, которая может быть понята по-разному» (Camic, Gross 1998: 461). Они описывают точку зрения Дональда Левина (научного руководителя Чарльза Камика), который разрабатывал модель диалога между социологическими теориями, но делал это в определенном ключе. Для него первичным было понимание лингвистических различий между теориями в духе диакритических знаков — языковых маркеров, служащих для различения. А модель самого сопряжения теорий и их сочетания в единой теоретической модели он рассматривал на основе социально-психологической готовности и открытости социологов к диалогу друг с другом. «Будучи убежденным в том, что общение — спокойное “понимание действительно альтернативных точек зрения” — это и есть “исцеляющая реакция” в ответ на крики о фрагментации, Левин ставит перед теоретиками задачу культивировать “дух диалога”, особенно путем “использования наших разнообразных форм социального знания” и, таким образом, создания “общего словаря, кото-

рый социологи могут использовать для ведения конструктивных бесед об их различиях», в то же время «открывая (для себя) более широкий спектр возможностей”¹» (Camic, Gross 1998: 461).

Сам Д. Левин был сконцентрирован на рассмотрении формы и функции социальной теории для целей объяснения общества, в их классификации и уровнях обобщений пытался найти ответ на вопрос, как преодолеть фрагментарность социологической теории. Он был сторонником плюрализма при оценке различных подходов, но видел за множеством форм выражения социальной мысли какую-то общую идею или цель социального познания. Он признавал, что «вопрос о взаимосвязи, которая возникает между различными формами, действительно остается открытым». И, полагая, что это вопрос будущих теоретических изысканий, заключал, что «на данный момент² я не могу найти оснований для априорного утверждения о том, что связь между любыми двумя расходящимися формами обязательно имеет один вид применительно к любой проблеме». Иными словами, он видел функциональную полезность комплементарности социологических теорий, проводил этот историко-социологический анализ начиная с Конта, Вебера и Дюркгейма, но не мог сформулировать окончательный принцип (правило), по которому эта комплементарность (или, в его терминах, диалог), могла бы быть определена как природа социального теоретизирования.

В заключительно работе, вышедшей в свет после его кончины, Левин пишет: «Может случиться так, что расходящиеся формы не имеют отношения друг к другу, например когда они определяют совершенно разные проблемы и обращаются к ним. Может случиться так, что они пересекаются друг с другом, например когда генерируют разные определения сходной проблемы. Может случиться так, что они конкурируют, например когда решают сходную проблему, но приводят к разным решениям. Они могут быть связаны в режиме совместной работы, например, когда они касаются разных частей одной и той же проблемы. Или, когда они касаются разных аспектов одной и той же проблемы, мы можем рассматривать их взаимосвязь как комплементарность. Но в финале, мы можем рассматривать их взаимосвязь как воплощенную в некотором архитектурном синтезе, когда кажется, что они выполняют различные задачи, которые

¹ Камик и Гросс приводят здесь цитаты из монографии Д. Левина «Видения социологической традиции» (Levine 1995: 2, 297, 305, 324, 329).

² Речь идет о периоде с 2002 г. до конца жизни (Дональд Левин умер в 2015 г.), когда он формулирует основные принципы своей теории диалога социологических теорий.

интегрированы или поддаются интеграции в некоторую иерархическую или последовательную структуру» (Levine 2018: 266).

По сути, он описывает развитие «куновских сообществ» в науке, где теоретические предпочтения или установки рассматриваются как результат социализации и некритического воспроизводства локальных парадигм. «За редкими исключениями, немногие современные проекты демонстрируют осведомленность о множестве других проектов, с которыми они разделяют теоретическую область. Такая ситуация исключает систематическое взаимодействие в области возможных взаимосвязей между проектами: различных интеллектуальных вопросов, к которым различные проекты могут быть по-разному применимы; точек, в которых различные программы могут работать в режиме сотрудничества, комплементарности, интеграции или сквозного взаимодействия, в отличие от вопросов, в которых они конкурируют или где они нерелевантны друг другу¹» (Camic, Gross 1998: 46).

Для раннего понимания задачи преодоления фрагментарности характерны педагогическая нацеленность на формирование единства социологов как «мыслящего коллектива» с очевидным подозрением, что за этим может стоять нечто большее — объективная потребность или условие адекватного социологического теоретизирования. Этот этап истории развития метатеории в социологии является для нас точкой опоры и одновременно поворота: мы фиксируем понятие комплементарности, считаем его плодотворным, но переопределяем его на другом, более абстрактном уровне философии социальных наук.

Наше понимание комплементарности (взаимодополнения) как принципа научного познания основывается на следующих ключевых идеях.

Комплементарность — это эпистемологический принцип, благодаря реализации которого различные или даже противоположные теории, идеи, характеризующиеся различными взглядами на социальную действительность, совместно (дополняя друг друга) создают более полное и точное представление о социальной реальности как целостности, чем каждая по отдельности.

В философском дискурсе комплементарность создает познавательную целостность как единство и противоположность, противоречие «идея и бытие». В социологическом познании, в нашем случае как единство и противоположность (как это будет показано ниже) «структуры и автономии личности».

¹ Камик и Гросс отсылают здесь к работе Левина «Формы и функции социального знания» (Levine 1986).

При таком подходе комплементарность выступает как принцип познания действительности как внутри себя противоречивой целостности как единства и интеллектуального соперничества, конкуренции, борьбы противоположностей в процессе научной рефлексии действительности. Иными словами, комплементарность применима там и в тех случаях, когда мы познаем внутренне противоречивую действительность, порождением которой является противоречие, антагонизм научных идей, их отражающих. Комплементарность выражает эту противоречивость и «примиряет» эти противоречия в рамках единого познавательного дискурса.

Интеллектуальным инструментом подобного «примирения» могут выступать различные методы познавательной деятельности (аналогия, сопоставление, сочетание и т.п.) Мы реализуем комплементарность как эпистемологический принцип, который предполагает не просто дополнение, сочетание, суммирование, а синтез (различных) позиций, идей, методологических принципов, который ведет к порождению нового знания, новых теоретических и методолого-инструментальных моделей социологической деятельности. Стратегически, рожденное в результате комплементарного синтеза новое выступает как «отрицание отрицания» предыдущего и рождение принципиально нового с сохранением в своем содержании позитивного прошлого опыта научного познания.

В стратегическом понимании принцип комплементарности ведет к формированию единой, целостной системы идей, подходов на основе монистической методологии. В современной социологии осознанно стремление к комплементарному синтезу различных социологических платформ в творчестве таких авторитетов, как П. Бурдьё, Э. Гидденс, А. Штомпка. Но эти попытки стали лишь шагом, первым этапом процесса формирования единой системы, идентичной тождественности современного социологического знания

По нашему мнению, процесс модернизации социологической идентичности предполагает, в качестве (одних из) ключевых, преодоление проблемы полипарадигмальности.

Единство, целостность социологии vs полипарадигмальность

Одним из главных (если не главным), на наш взгляд, препятствием на пути модернизации идентичности социологии как науки является «дурное разнообразие», хаос, который царит в сфере социологической теории, понимания исходных начал социологического анализа, называемое полипарадигмальностью. Знаменитый методолог и философ науки Имре Лакатос писал: «Если рассмотреть наиболее значительные последователь-

ности, имевшие место в истории науки, то видно, что они характеризуются непрерывностью, связывающей их элементы в единое целое. Эта непрерывность есть не что иное, как развитие некоторой исследовательской программы, начало которой может быть положено самыми абстрактными утверждениями» (Лакатос 1995: 79).

Парадигмы в социологии, как писал В.А. Ядов, — это группы теорий, которые объединяет: а) «принятие некоторой общей... философской... идеи о социальном мире... о том, что есть социальное»; б) критериев «обоснованности и достоверности знаний...»; в) наличие «общего круга проблем... исследуемых в рамках данной парадигмы» (Ядов 2003: 11–15). Солидаризуюсь с этим определением социологических парадигм, обратим внимание на то, что это не только группа сугубо теоретических конструкций и моделей, но и конгруэнтных им инструментов научного познания и обусловленное теоретическими моделями и инструментальными методами проблемное поле, которое та или иная парадигма отбирает для своих исследований. Близким к этому смыслу становится понятие «модели объяснения в социологии» (Девятко 1996), в котором вопросы понимания парадигмы Томаса Куна в узком и в широком смысле, т.е. как типового решения исследовательской задачи или как мировоззрения ученого, объединяются в прагматичные конфигурации исследовательского цикла, в котором первое и второе взаимодействуют постоянно.

Сделаем еще один важный комментарий определения парадигмы в социологии. В основе парадигмы лежит метасоциологическое понимание социального, соответствующего современным представлениям о мире. Роберт Мертон писал: «Каждая теория — это нечто большее, чем простое эмпирическое обобщение, то есть отдельное утверждение, суммирующее наблюдаемые закономерности отношений между двумя или более переменными. Теория содержит множество предположений, из которых получены сами эмпирические обобщения» (Мертон 2006: 67).

История социологии последних десятилетий знает множество научных классификаций социологических парадигм. Одним из первых классификацию парадигм в социологии предложил Джордж Ритцер (Ritzer 1975). Он выделил парадигмы надындивидуальных социальных структур, интенционально действующих социальных субъектов, собственно поведения этих субъектов, рассмотрев их затем систематически в попытке построить социологическое метатеоретизирование (Ritzer 1991). В российской социологии достойным эквивалентом этой классификации являются предложенные В.А. Ядовым системно-структурная, феноменологическая (субъективная) и деятельно-активистская парадигмы (Ядов 2003).

После «ритцеровского» осмысления парадигм в социологии через успешные кейсы, что вполне в духе куновского понимания парадигмы как «образца», способа решения исследовательской проблемы, мета-теоретизирование стало развиваться в сторону большего масштаба обобщений. Так, «теоретические логики» Джеффри Александера, сформулированные им в многотомной работе «Теоретическая логика в социологии» (Alexander 1982), рассматривают всю историю социологии в сложном, глубоко исторически контекстуальном развитии от классического единства социологии в период ее позитивизма через антиномии (классические интеллектуальные противостояния) периода XIX — начала XX в. до появления теоретических синтезов (у М. Вебера) и их теоретических реконструкция в период зрелого модерна (у Т. Парсонса). То есть у Дж. Александера речь идет не столько об одной, линейной классификации (ее место занимает хронология развития социологической мысли), а о появлении на каждом этапе развития своего метатеоретического смысла, назначения развития.

Полипарадигмальности противостоит монистическая методология, воспринимаемая апологетами полипарадигмальности как архаизм, диктат, в результате которого может быть уничтожено разнообразие социологических идей и теорий. Нередко проблему «полипарадигмальность vs монизм» увязывают с определенной системой политических ценностей, как минимум политикой организации науки, что в корне неверно. Внутренняя организация науки в принципе отлична от организации общей.

Как справедливо отмечал А.Н. Малинкин, «сторонники полипарадигмального подхода исходят из постулата о том, что сосуществование и конкуренция множества парадигм... закономерные следствия реализации демократических свобод, опирается на т.н. либералистские и прагматические принципы» (Малинкин 2006). А «утверждения парадигмального подхода к анализу социальных процессов, особенно в работах молодых авторов, позволяют надеяться на то, что российская социология приближается к современному общемировому уровню» (Ядов 2003: 17).

Хотим верно быть понятыми. Для нас разнообразие теоретических идей, их оппонирование друг другу — важный признак и метод развития современного социологического познания. В признании монизма нет ни грамма сциентического тоталитаризма, посягательства путем научных репрессий всех подчинить одному мнению, одной концепции.

Вопрос может быть прояснен, если мы введем, наряду с понятием полипарадигмальность, понятие мульти(поли)теоретичность. Второе гораздо шире. Политеоретичность является естественной формой развития научного знания, в том числе на основе монистической методологии.

Если мульти(поли)теоретичность выступает как всеобщий инструмент социологического познания, поиска объективной истины, то полипарадигмальность выступает как методологический принцип, противостоящий монизму («или... или»). Полипарадигмальность ведет к признанию нескольких сущностей социального, нескольких идентичностей, нескольких целостных систем социологии. Монизм формирует единую идентичность, единое ментальное пространство, где мыслят и говорят на едином языке основополагающих понятий, базовых закономерностей, все понимают друг друга, обладая единым социологическим воображением, восприятием окружающего мира.

Преодоление полипарадигмальности на основе принципа комплементарности, на наш взгляд, процесс поэтапный.

Начальный этап — различение — обнаруживает односторонность, однобокость, характерные для этих парадигм. Начать демонстрацию этого принципа можно с опыта исследования Джона Заммито в области истории новейшей социальной теории. В работе «Приятное расстройство эпистем» (Zammito 2004) американский историк науки проводит глубокий, критический и весьма саркастический анализ ситуации в «эпистемах» социальных наук с 1950 г. до наших дней — периода формирования постпозитивистской философии социальных наук (от Куайна до Латура). Показывая ситуацию в современном многообразии версий социологического релятивизма, критической теории, социального конструктивизма и «сильной программы» как беспорядочное, но красивое, как прекрасно безумное нагромождение неотрефлексированных до конца авторских подходов, прочтений, толкований, Заммито пытается найти объяснения этому процессу формирования идентичности и саморепрезентаций социологов в недрах философии науки, интеллектуальных пристрастиях («дух времени») в западной традиции. Отечественная социология, которая до сих пор остается в известной степени закрытой в рамках своей истории и своего языка (буквально — русского языка!), в меньшей степени может быть объяснена влиянием европейской версии постпозитивизма, скажем, Жака Дерриды и его идеи деконструкции как вида аналитической философии. Тем не менее способ описания современного состояния современной социальной теории как «красивый беспорядок» видится таким же и по эту сторону Атлантики.

Понятие «эпистема», понимаемое то в смысле простого теоретического знания, то в смысле скрытых социальных векторов, сил и интересов, пронизывающих актуальный социологический дискурс, так слабо определено, в том числе у М. Фуко, что его использование становится частью «текущей современности» З. Баумана, в которой смысл «протекает сквозь

пальцы». В этом и состоит ироничный контекст использования «эпистемы» в работе Заммито, показывающий манипулятивные риторические стратегии придания теоретической значимости тем языкам описания, которые не обладают на самом деле признаками научного объяснения, которые мы рассматривали выше.

Нельзя также не учитывать фактор интеллектуальной моды в социологии и его влияние на формирование «приятного расстройств» социальной теории. Как остроумно заметил А.Б. Гофман одной из публичных лекций в 2010 г., «чем меньше мода на социологию, тем больше моды внутри социологии» (подробнее см.: Гофман 2013).

Однбокость объективистской парадигмы и структурного функционализма, являющегося ядром прежней исторически сложившейся идентичности социологии, породила ряд неблагоприятных тенденций, породивших кризисные явления в развитии современной социологии. Так или иначе историческая ограниченность, которая объясняется не только (да и не столько) акцентом на стабильность, запрограммированное взаимодействие структур, институтов в процессе функционирования общества, стало осознаваемой причиной пересмотра основных устоев социологической идентичности в 1960–1970-х годах.

Структурный функционализм в определенной степени засушил социальные устои, структуры, элиминировав из них личностей, акторов, процесс принятия ими правил, согласие с ними, размышления о желательном, реалистичном и т.д.

Использованная Э. Дюркгеймом метафора социального явления «как вещи», осознанно или неосознанно породило отношение к социальным конструкциям и институтам как существующим внеиндивидуально, что так или иначе придало социологическому реализму натуробъективность, физикализм социального. Как отмечал П. Бурдьё, подобные метаморфозы произошли и у К. Маркса с его трактовкой, например, классов как не выводимых из межиндивидуальных солидарностей социальных групп, данных как бы априори (Бурдьё 1993).

В результате социальные порядки, структуры выглядят не только в переносном, но и в прямом смысле «окаменевшими». В рамках структурного функционализма социальное «обезлюдено», «обесчеловечено». Неслучайно П. Вайзе с иронией заметил, что традиционно социологический человек «разучивает, материализует и играет свои роли с тихой радостью субъекта, для которого нет большего удовольствия, чем минимизировать разницу между должным и сущим. <...> Сам человек может отсутствовать, его заменяют доводы разума и ожидания» (Вайзе 1994: 117).

В результате в рамках структурного функционализма возникают непреодолимые затруднения в понимании свободы личности, ее социального творчества и инициативы.

Активная, созидательная сила деятельности агента (термин, используемый постмодернистами в химическом смысле слова — как элемент действующий, активный), преимущественно раскрывается в работах феноменологов и постмодернистов, а также в работах М. Арчер, П. Бурдьё, приложивших усилия для модернизации структурно-функционального анализа.

Далее, исключив личность, ее переживание из повестки научного поиска, структурный функционализм (в версии Т. Парсонса) фактически не замечает деятельность личностей и, более широко, историческую практику, отдавая приоритет сложившимся культурным доминантам (ценностям, нормам, социальному контролю и порядку).

При этом фокус на закономерностях общественного функционирования и эволюции, характерный для европейской модели, сформировал евроцентристские акценты, характерные для прежней социологической идентичности.

Реакция на неспособность структурного функционализма ответить на вызовы истории привели на первом этапе к бурному развитию теорий типа этнометодологии, сводивших социологию к анализу речи, и, более широко, к феноменологической социологии.

В социологии в последней трети XX в. — начале XXI в. развитие получили различные концепции, учения, объединенные под зонтичным понятием «постмодернизм». Последнее в современной социологии антипод не только объективизма и прежде всего структурного функционализма, но и науки вообще. Ограниченность, односторонность и даже антинаучность постмодернизма описана достаточно подробно как у нас, так и за рубежом (см., например: Mattherman, Douglas 2006; Зарубина 2012; Мначаканян 2016; Щелкин 2017; Borden 2019).

Если попытаться определить основные методолого-фундаментальные упущения «постмодернизма», нанесших в чем-то непоправимый ущерб социологии как науке, профессии и призванию, то выделим следующее.

Во-первых, в постмодернизме так или иначе происходит элиминация символически объективного и абсолютизация, акцентирование на символически субъективном. В этом ключе проблема ставится как «эпистемологическая дилемма» в социологии (Александр 2004). По сути, общество как относительно независимая от агента данность исчезает. «Постмодернизм», по сути, сводит социальное к субъективной перцепции, к конструктам сознания, воображения, языка. Последствие подобной деонтоло-

гизации — отказ социальной жизни в праве на наличие устойчивого, закономерного, неодолимого и его познания. По сути, социологии предрекают превращение из науки в эссеистику.

Во-вторых, происходит редуцирование исследования закономерного, неслучайного в описание сиюминутного, в «мелкотемье», когда в исследованиях на первый план выходят «личные пристрастия социолога», далекие от задач познания фундаментальных закономерностей развития российского общества (Тощенко 2013). В современной социологии благодаря нарастанию в ней постмодернистских тенденций происходит проблематизация обыденных явлений и процессов (Радаев 2013). Примером могут служить социологические работы, предметом анализа которых являются микропрактики или поведенческие реакции, которые с точки зрения традиционной науки либо не содержат научной задачи вообще, либо таковая не может быть отнесена к социологической. Исследования «неявного знания», обращения с металлическими монетами, владения каллиграфическим почерком, поздравления с помощью открытки и подобные составили череду текстов, демонстрирующих некие тезисы, но не ведущих к приращению нового научного знания в социологии.

В-третьих (и это вытекает из предыдущего), встает проблема познаваемости социального мира, формируется в той или иной форме агностицизм. Агностическая традиция восходит к философу Ж. Лиотару, который открыто призывает не к изучению социальной реальности, а к любованию ею. Постмодернистский подход к социальной реальности порождает индетерминизм и в конечном счете агностицизм, что неминуемо маргинализирует социологию.

Вместе с тем хотели бы обратить внимание на два обстоятельства.

Первое. В немалой степени постмодернистские конструкции есть своеобразная реакция на жесткость и прямолинейность функционально-го структурализма.

Второе. Постмодернизм выдвинул ряд подходов и идей, которые при соответствующей «обработке» существенно обогащают социологический анализ современности. Некоторые из них будут представлены позже.

Второй этап, назовем его «вчитывание» в позитивные идеи, схемы, модели, развиваемые в рамках различных парадигм, закладывает толерантное отношение к идеям оппонируемой парадигмы вместо противостояния и противоборства. Процесс научного исследования перерастает в процесс содружества различных идей. На этом этапе выявляется, что различие между противоборствующими парадигмами чисто условное, носит не онтологический, а эпистемолого-познавательный характер. Это

касается, в частности, различения социологического реализма и социологического номинализма.

Независимая от личности социальная структура, которая диктует конкретной личности ее поведение, есть не что иное, как результат договоренностей, к которому как к итогу дискуссий, противоборств, убеждений и согласия приходят акторы.

Интерпретативный подход раскрывает генезис общественных структур, социальный реализм же делает акцент на функционировании результата процесса становления и развития общественных требований, структур и т.д.

Есть еще одна важная трактовка фундаментального различия реализма и номинализма акцентирует наше внимание на соотношении существующих вне личности общественных требований, порядков и личностного процесса интернализации этого социального мира.

Ни Э. Дюркгейм (хорошо понимавший, что по своей онтологии социальные конструкции не являются материальными вещами, считал необходимым их познавать как вещи, путем наблюдения, эксперимента) — исторический столп социологического реализма, ни М. Вебер — основоположник интерпретативно-номиналистской парадигмы, никогда не выступавший против объективности социальных структур, не усматривали ортогональности (несовместимости) своих подходов. По крайней мере они нигде не высказывались об этом. Это касается и таких более поздних классиков, как Т. Парсонс, Г. Блумер, Р. Мертон и т.д. Список легко можно продолжить.

«Социальное» как понятие: опыт комплементарной реконструкции

Третий этап, самый важный, — комплементарный синтез парадигм, в результате которого: а) преодолевается полипарадигмальность, б) рождается новое знание, в) формируется одна из теоретических основ новой идентичности социологии на основе монистической методологии.

Интеллектуальная технология, осуществление комплементарного синтеза — мультитеоретичность, т.е. совмещение различных теорий для объяснения социального как явления.

Следует учесть, что не всякое совмещение различных социологических теорий, применение мультитеоретических подходов автоматически ведет к признанию новой «философии» толкования «социального», а значит к продвижению к новой основе модернизированной социологической идентичности. Ярким примером мультитеоретического подхода, его преимуществ и ограниченности являются исследования процесса форми-

рования социальных институтов «постмодернистами» П. Бергером и Т. Лукманом (Бергер, Лукман 1995). Реализуя интерпретативный подход к исследованию зарождения институтов, их функционирования у новых поколений акторов, им фактически удается «расколдовать» проблему исторического и объективного в социальной жизни — базисного положения социологического реализма и структурного функционализма. Напомним, акцентируя внимание на факте объективности социальных структур и систем, реалистами так и не была «расколдована» проблема истоков объективного, исторического в социальном бытии.

Обращает на себя внимание признание самого Т. Лукмана о замысле книги, написанной им в соавторстве с П. Бергером. «Она избирательно и эклектично основывалась на основных идеях антропологических работ К. Маркса, социологическом объективизме Дюркгейма, понимающей исторической социологии Макса Вебера и, конечно же, социальной психологии Дж. Мида» (Интервью с профессором Томасом Лукманом 2002: 8).

Между тем эффективное применение мультитеоретического подхода П. Бергером и Т. Лукманом происходило в неизменных рамках субъективно-интерпретативной парадигмы. В центре внимания авторов возникновение и функционирование различных форм мышления, социология знания, интернализация реальности. Совмещение теорий произошло, но синтез, рождающий новую парадигму, еще не состоялся.

По пути синтеза теоретических подходов (где мультитеоретичность лишь один из необходимых механизмов интеллектуально-познавательной деятельности), порождения нового «философского» видения осуществляли свои теоретические поиски представители так называемой активно-деятельностной парадигмы (П. Бурдьё, А. Гидденс, М. Арчер, П. Штомпка). Наше понимание активно-деятельностной парадигмы, понятий поля, социальные изменения в дискурсе этой парадигмы изложены в работе: (Эфендиев 2021).

Специфическая картина социального мира с габитусом, человеческими капиталами, практикой и пространствами создана П. Бурдьё, теоретические принципы концепции которого «в двух словах можно определить как конструктивистский структурализм или структуралистский конструктивизм» (Бурдьё 1993: 137). Выступая с позиций критически осмысленного структурного функционализма, он подвергает последовательной критике этнометодологию и, более широко, феноменологическую социологию. При этом П. Бурдьё, как и другие представители складывающейся деятельностно-активистской парадигмы, осуществляет синтез теорий, стремясь «окончательно преодолеть искусственное противопоставление **структуры** и **представлений** (выделено нами. — Авт.), что возможно только отказав-

шись от определенного способа мышления... в рамках которого люди признают реальностью только основанное на интуиции знания... что характерно для представителей субъективно-интерпретативной социологии и в современной социологии постмодернизма» (Бурдые 1993: 139).

Есть основания полагать, что тенденции научного познания, реализуемые в процессе формирования деятельностно-активистской парадигмы, во-первых, преодолевают ограниченность как структурно-функционализма в процессе его критического осмысления, так и последовательный субъективизм, деонтологизацию, редуцирование социального к восприятиям, высказываниям, речи, характерных для феноменологии и постмодернизма; во-вторых, в деятельностно-активной парадигме происходит органический синтез этих доктрин, и намечены шаги к формированию качественно нового представления о социальной жизни. Все это позволяет выдвинуть предположение, что благодаря развитию деятельностно-активистского понимания социальной жизни реализуется одно из направлений формирования новой системы социологических знаний, модернизация социологической идентичности.

Данный процесс еще далек от завершения, требуется огромная работа по становлению и развитию категориального аппарата, формирование единой всеохватной системы научных знаний, опирающихся на доказательную и обоснованную эмпирически основу.

Особое значение, на наш взгляд, имеет формирование, в частности, деятельностно-активистского понимания социального как безусловно базового понятия социологии.

Удивительно, но в социологии по сей день не выработано всеобъемлющего и в то же время однозначно толкуемого фундаментального понимания (определения) социального. Ряд авторов предельно расширительно трактуют социальное, идя по пути «от противного», как противоположное природному, тем самым создаю основу для трактовки всего внеприродного как социального, что затрудняет понимание отличия социального от культурного, психического и другого многообразия внеприродного в человеческом существовании

Другие, как справедливо отмечает Б. Латур, один из авторитетов современного постмодернизма, под «социальным» начинают понимать разнovidность материала, пользуясь этим термином как прилагательным примерно того же ряда, что и «деревянное», «стальное», «биологическое», «экономическое», «ментальное», «организационное» или «мифическое». В этом случае понятие «социальное» «предстает как особый тип компонента, который, как предполагается, отличается от других материалов» (Латур 2014: 11), а не сам процесс «сборки этих компонентов» (термин

Б. Латура). В результате социальное подменяется социальной сферой, социологическая деятельность оттесняется в сферу социальной политики, социальной работы и т.д.

Нередко, избегая определения «социального», заменяют его носителями «социальные общности», «социальные структуры», а еще чаще «общество», «социальные связи». Предельная размытость, если не сказать неопределенность, ключевого фундаментального понятия, вне всякого сомнения, усугубляет кризис социологии, определенно являясь тормозом процесса модернизации социологической идентичности. Ведь социальное — это ген, постоянно присутствующий в каждой клеточке, фрагменте социальной жизни.

Исходным моментом нашего понимания «социального» является веберовская «ориентация на Другого», или «ожидание ожидания».

Речь идет, на наш взгляд, об особом типе регуляции взаимоотношений индивидов, которое, во-первых, противостоит природной, преимущественно инстинктивной, «запрограммированной» (а потому в основном малоизменяемой) регуляции взаимосвязи индивидов. Социальное — это внеприродная регуляция только взаимоотношений (их изменения) индивидов. Другие внеприродные явления не могут быть рассмотрены как социальное.

Специфичность социального как особого типа (формы) регуляции в том, что, на наш взгляд, оно осуществляется как интенция-ориентация на взаимоотношения на основе опережающего прогноза поведения партнера (партнеров, окружающих и т.п.), осуществляемого на базе имеющихся взаимных обязательств, договоренностей, правил и норм. Это не просто экспектация. Социальное — это интенция, направленная на другого на основе определенного ожидания, которое порождено наличествующими нормами, принятыми законами, традициями.

Следует отметить еще один момент.

В структуре социального интенция на другого с ожиданием ответного действия — это личностно-субъективный феномен, который не существует как некая застывшая конструкция, а это «пульсирующее» ожидание, ритм пульсации которого определяется пониманием актора внешних условий, его вызовов, желаниями, ресурсными возможностями актора ответить (или не замечать) на эти вызовы. Иными словами, социальное в качестве важнейшей компоненты, согласно нашему пониманию, включает в себя личностно-интенциональный, субъективный, подвижный, способный изменяться и изменять элемент.

С одной стороны, социальное, которое как «эфир» существует во всех конструкциях, явлениях социальной реальности, нельзя понять, без

взаимосогласованных, принятых правил, норм, которые наполняют вероятный прогноз определенным рамочным содержанием. С другой стороны, социальное — это не абстракция, а наполненное волей, движениями души интенционально-субъективное отношение к партнеру, который обладает собственной логикой, программой действий, опирается на определенные ресурсы.

Итак, любое «социальное» изначально вбирает в себя два начала: а) существующие символически, но имеющие объективную, т.е. независимую от актуального сознания окружающих природу договоренностей, принятых правил игры, традиций, приличий; б) символически субъективные (субъектные) ориентации, интенции актора строить отношения связи с другими (по существующим правилам, традициям или изменяя их).

Оба начала социально-символические. Наше понимание социального как регулятора взаимоотношений на основе опережающего прогноза ответного действия партнера, далека от натуробъективистских, физикалистских трактовок. Первое начало выступает в качестве объективно-обязывающего, принуждающего элемента, что обеспечивает устойчивость и самовозобновляемость социальных явлений; второе начало в качестве субъективных интенций, ориентаций (на другого) согласия (или несогласия) с принятыми договоренностями, способностью желать, обладать волей, т.е. субъектно-деятельностное начало.

Если применять методологию «Капитала» К. Маркса, где дуализм, заложенный в товаре стал главным содержанием развития капиталистических отношений и их анализа, дуализм символически объективного и символически субъективного становится исходной позицией понимания природы социального, социальных конструкций и систем. Берем ли мы институты, для которых характерно противоречие между устойчивостью, инерционностью правил, норм и необходимостью совершенствования, изменения; берем ли мы социальные структуры, устойчивость которых абсолютна, но изменчивость относительна, но реальна. Везде, где есть социальное, борются два начала: договоренности, установления, принятые нормы и субъективно-деятельностная активность, стремление желать, проявить волю и самостоятельность, готовность согласиться или не согласиться с принятыми правилами.

Фундаментальное понимание главных демиургов устойчивости, стабильности, самовозобновляемости в социальной жизни — социальных институтов — также, на наш взгляд, коренится в исследовании дуализма символически субъективного и символически объективного, в изучении диалектики легитимности как духовно-мотивационной компоненты и принуждаемого (enforcement) и поощряемого типа социальных практик,

назовем эту формообразующую компоненту института социальным порядком.

Ресурсы легитимности и ресурсы принуждаемого порядка в процессе институциональной (т.е. повторяемой, неэкспериментальной, типичной) практики находятся в сложном амбивалентном взаимодействии. «Реалистские» (рационалистические) концепции понимания социальных институтов делают легитимность некритическим духовно-мотивационным слепком социального порядка. Легитимность всякого относительно устойчивого социального явления в соответствии с «рационалистической» трактовкой, разделяется априори подавляющим большинством акторов (DiMaggio 1998; Ingram, Clay 2000), пренебрегается способность актора взвешивать, соглашаться или возражать, проектировать иные желательные для него, но конфликтующие с установленным порядком свои стратегии будущего. У разных акторов эти оттенки нового, иного могут быть выражены в разной мере и в разнообразных формах: от неосознанных интуитивных надежд и предпочтений до последовательных доктрин и программ будущего.

Вместе с тем феноменологические трактовки институтов предполагают понимание институциональной практики как интериоризованного «сценария», проигрываемого акторами в соответствии с привычными стандартами поведения (Nielsen 2001). В этом случае происходит абсолютизация личного предпочтения, пренебрежение символически объективным компонентом институциональной практики — институциональными порядками, подкрепленными властью, способностью к принуждению. В действительности флуктуации духовно-мотивационной основы институциональной практики так или иначе с помощью различных ресурсов, факторов, логик удерживаются в рамках определенного социального поля, границы которого очерчены институциональным порядком. Иначе общество превращается в фикцию.

Взаимодействие символически субъективных и символически объективных начал социального института, легитимности и социального порядка наполнено драматизмом конфликтов, диссонансов. Легитимность — это внутреннее противоречивое явление, далекое от всеобщего одобрения.

Реализация этого ресурса социальных институтов происходит через массу отклонений, случайностей, попятных движений, относительного неприятия, неполного согласия, наличие своего взгляда и своих представлений, социальных стратегий и т.д. Являясь символически субъективной основой институциональной практики, именно внутренняя неоднородность, противоречивость легитимности как символически субъективного

компонента становится почвой, в которой вызревают новые символические атрибуты и стратегии будущего как триггеры социальных изменений.

Вся эта драма в то же время происходит в рамках определенного поля, границы которого очерчены институциональным порядком.

Рассматривая внутреннюю неоднородность, противоречивость легитимности как символически субъективного начала институциональной практики, мы в рамках научно-теоретического (неминуемо схематического) дискурса выделяем несколько основных форм легитимности.

Легитимность желательного для института поведения может быть абстрактно-необходимой (безусловной), желательной, но допустимо и иное поведение, или может вообще отсутствовать желательный порядок вещей, в том числе запреты определенного поведения, могут не признаваться разумными и необходимыми. Следовательно, можно выделить три уровня обязывающего ресурса добровольного признания необходимого поведения и соответственно три уровня надежности, гарантированности добровольного исполнения актором институциональных норм, правил поведения.

В основе абсолютной (безусловной) легитимности лежит последовательное позитивное морально-ценностное отношение актора к тем порядкам, которые устанавливает институт. Его противоположность — отсутствие легитимности — отказывает предлагаемым правилам игры в оценке их ценными, разумными, необходимыми. Промежуточное состояние легитимности (желательно, но допустимо и иное) фиксирует крайне противоречивое положение с легитимностью того или иного порядка вещей. Она существенно раздвигает рамки социального порядка. Нежелательное (или не совсем желательное) для функционирования института поведение оценивается не только как возможное, но и в определенных ситуациях как «допустимое», не требующее неперемennого порицания, решительного пресечения.

Конечно, любая институциональная система как общественный строй сталкивается с проблемой желательного, должного и сущего на языке морали. Вопрос в том, что считать допустимым, насколько допустимое угрожает институциональному порядку, способно тормозить деятельность социальных институтов. Одно дело взятка — полученная и заранее оговоренная хирургом за операцию сумма, другое дело букет цветов, бутылка виски в знак благодарности и признания. Первое ведет к деформации социального института здравоохранения, второе, отнюдь не обязательное, напрямую такой угрозы не содержит.

Проблема внутренней неоднородности, противоречивости легитимности имеет еще один аспект: одинодушие, массовость признания инсти-

туциональных порядков разумными. Условно можно выделить: а) признание элитами, высокоресурсными группами необходимости соблюдать определенные правила игры, законы, образцы поведения (легитимность-1), б) признание рядовыми членами общества необходимости, разумности предлагаемых институциональных правил (легитимность-2), в) всенародная поддержка предлагаемых институциональных норм (легитимность общенародная), когда правила игры признаются подавляющим большинством населения (легитимность общенародная = легитимность-1 + легитимность-2). Конечно, предлагаемые условия и модели легитимности достаточно условны и неизбежно схематичны. В реальности эти процессы протекают более драматично и неоднозначно. Так, в случае легитимности элит возможны противоречия между различными ее группами, причем достаточно сильные. Не говоря уже о том, что различные группы могут характеризоваться различными уровнями признания разумными одних и тех же правил и норм.

Более того, возможны внутренние противоречия между представителями элит (внутриэлитный конфликт), когда стремление к высшим целям соседствует с признанием допустимости коррупции, злоупотребления властью, а тем более протекционизма, фаворитизма, авторитаризмом.

Не все просто с общенародным признанием (легитимность всенародная). Речь в этом случае идет скорее о тенденции, чем о какой-то абсолютной цифре поддержки.

Проведенный нами анализ взаимодействия символически субъективного и символически объективного в ходе институциональной практики высвечивает еще одну проблему, органически связанную с социальными институтами, — социальную структуру.

В противовес понятийному аппарату структурного функционализма понятие структуры замещается или заполняется, на наш взгляд, понятием поле, которое более емко, преодолевает схематизм, присущий понятию структура, особенно ее экстраполирование в ходе конкретного анализа. Понятие поля не отбрасывает символически объективное, признает в социальной жизни обязывающего начала в виде правил, договоренностей, вместе с ним эти начала реализуются в ходе переплетения смыслов, желаний, готовностей, согласия-несогласия конкретных акторов. Центральной фигурой поля становится не «окаменевшая» структура, а подвижный пульсирующий мир практической деятельности людей, который держится на определенных нормах и принятых правилах и главной формой которой является социальная практика, через которую воплощается «объективно-обязывающая» компонента социальной жизни как типичное, повторяемое, не единожды совершающееся. Но в этом поле встречаются

и интенции, не вполне и не совсем совпадающие с принятой практикой, дающие толчок к изменениям правил, договоренностей, их модернизации.

Таким образом, сложная работа по совершенствованию понятийного аппарата социологической теории в процессе становления новой идентичности потребует серьезного переосмысления ряда ключевых понятий социологии, переосмысления конгруэнтного признания самовозобновляемого устойчивого участия личности, ее интенций, желаний, согласия или несогласия, автономии в социальном мире.

* * *

Очевидно, что кризисное состояние социологической науки обусловлено рядом объективных и субъективных факторов. Как писал Карл Поппер, «история науки, подобно истории всех человеческих идей, есть история безотчетных грез, упрямства и ошибок. Однако наука представляет собой один из немногих видов человеческой деятельности, возможно, единственный, в котором ошибки подвергаются критике и со временем довольно часто исправляются» (Поппер 2004: 362).

Прогресс в современном состоянии социологической теории или, шире, теоретической программы социологии, может быть достигнут за счет принятия тезиса о том, что независимая от личности социальная структура является результатом сложного взаимодействия, в котором утверждают себя власть, порядок, мораль, она диктует этой и другим личностям нормы поведения. При этом личность не слепо принимает эти нормы, а взвешивает, соглашается/не соглашается, вдохновляется или иронизирует, осмысливает новые варианты, пытается их реализовать. Таким образом пульсирует и развивается социум как живая реальность.

Предложенная комплементарная модель преодоления эндогенного кризиса социологии как науки, как призвания и как профессии имеет своей интенцией мысленно охватить (очертить) некие контуры (гибкие, нежесткие) того идейно-теоретического и профессионального пространства, в котором синтезировано понимание общества, его институтов, порядка, морали как символически объективного, существующего до и помимо актуального индивида, и конструктивно-интерпретативная интеллектуальная деятельность личности, реализующей свои интенции, желания, автономию.

В оболочке этого пространства сосуществуют различные интеллектуальные версии, рефлексии в виде идей, доктрин, теорий и учений, постигающих актуальные проблемы современного бытия (такие как «габитус», «капитал», «конструкт», «поле», «правило»). Речь идет об интеллектуальном пространстве, в котором нет места жесткости, без-

альтернативности, научному однообразию. Это пространство разнообразных откликов, рефлексий, в своей совокупности представляющих результаты и процесс модернизации социологической идентичности.

Литература

Александр Дж.Ч. (2004) Общая теория в состоянии постпозитивизма: «эпистемологическая дилемма» и поиск присутствующего разума. Часть I. Перевод И.Ф. Девятко, М.С. Добряковой. *Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология:4М)*, 18: 167–204.

Бергер П., Лукман Т. (1995) *Социальное конструирование реальности*. М.: Медиум.

Бурдые П. (1993) Символическое пространство и символическая власть. *Thesis*, 1(2): 137–150.

Вайзе П. (1993) Homo Economics и Homo Sociologus: монстры социальных наук. *Thesis*, 1(3): 115–130.

Гофман А.Б. (2013) О модах в современной теоретической социологии. *Социологические исследования*, 10: 21–28.

Девятко И.Ф. (1996) *Модели объяснения и логика социологического исследования*. М.: Институт социологии РАН.

Дюркгейм Э. (2021) *Правила социологического метода*. М.: АСТ.

Зарубина Н.Н. (2012) Социально-экономическая проблематика в теориях постмодернистского типа. *Социологические исследования*, 11: 9–19.

Интервью с профессором Томасом Лукманом (2002) *Журнал социологии и социальной антропологии*, 5(4): 5–14.

Кожанов А.А. (2015a) Взаимное превращение обыденного и научного в истории создания новой социологии науки в 1970–1980-х гг.: модель совмещения социального и рационального объяснений. Девятко И.Ф., Абрамов Р.Н., Катерный И.В. (ред.) *Обыденное и научное знание об обществе: взаимовлияния и реконфигурации*. М: Прогресс-Традиция: 310–324.

Кожанов А.А. (2015b) Методология теоретических исследовательских программ: сравнительные преимущества для анализа динамики научного знания. *Социология: методология, методы, математическое моделирование*, 40: 114–140.

Коллинз Р. (1994) Социология: наука или антинаука? *THESIS*, 4: 71–96.

Лакатос И. (1995) *Фальсификация и методология научно-исследовательских программ*. М.: Медиум.

Латур Б. (2014) *Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.

Малинкин А.Н. (2006) Парадигмальный подход в контексте интеллектуальной ситуации в России. *Социологические исследования*, 1: 114–123.

Мертон Р. (2006) *Социальная теория и социальная структура*. М.: АСТ; Хранитель.

Мнацаканян М.О. (2016) Постмодернизм и судьба социологии. *Социологические исследования*, 9: 134–140.

Тощенко Ж.Т. (ред.) (2013) *Новые идеи в социологии: монография*. М.: ЮНИТИ-ДАНА.

Поппер К. (2004) *Предположения и опровержения. Рост научного знания*. М.: АСТ; Ермак.

Радаев В.В. (2013) Российская социология в поисках своей идентичности. *Социологические исследования*, 7: 3–17.

Романовский Н.В. (2016) Дискурс кризиса (в) современной социологии. *Социологические исследования*, 4: 3–12.

Щёлкин А.Г. (2017) Постмодернизм в социологии. О ненавязчивых последствиях одной социологической моды. *Социологические исследования*, 2: 120–130.

Эфендиев А.Г. (2021) Социальное развитие в современную эпоху. Теоретическое исследование новой реальности. *Социологические исследования*, 47(1): 16–27.

Ядов В.А. (2003) Возможность совмещения теоретических подходов. *Социологический журнал*, 3: 5–19.

Alexander J.C. (1982) *Theoretical Logic in Sociology. Vol. I: Positivism, Presuppositions, and Current Controversies*. Berkeley: Univ. of California Press.

Berger J., Zelditch M. (1993) *Theoretical research programs: Studies in the growth of theory*. Stanford University Press.

Bowden B. (2019) Empiricism, epistemology and modern postmodernism: a critique. *Qualitative Research in Organizations and Management: An International Journal*, 14(4): 481–497.

Camic Ch., Gross N. (1998) Contemporary Developments in Sociological Theory: Current Projects and Conditions of Possibility. *Annual Review of Sociology*, 24(1): 453–476.

DiMaggio P. (1998) The New Institutionalisms: Avenues of Collaboration. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, 154(4): 696–705.

House J.S. (2019). The culminating crisis of American sociology and its role in social science and public policy: an autobiographical, multimethod, reflexive perspective. *Annual Review of Sociology*, 45: 1–26.

Ingram P., Clay K. (2000) The choice-within-constraints new institutionalism and implications for sociology. *Annual Review of Sociology*, 26: 525–546.

Levine D. (1986) The Forms and Functions of Social Knowledge. In: Fiske D., Shweder R. (eds.) *Metatheory in Social Science*. Chicago: Univ. Chicago Press: 271–283.

Levine D. (1995) *Visions of the Sociological Tradition*. Chicago: Univ. Chicago Press.

Levine D. (2018) *Dialogical Social Theory*. N.Y.: Routledge.

Matthewman S., Hoey D. (2006) What happened to postmodernism? *Sociology*, 40(3): 529–547.

Nielsen K. (2001) Institutional approaches in the social sciences: typology, dialogue, and future challenges. *Journal of Economic Issues*, 35(2): 505–516.

Pleasant N. (1997) The Post-positivist Dispute in Social Studies of Science and Its Bearing on Social Theory. *Theory, Culture, and Society*, 14: 143–156.

Ritzer G. (1975) Sociology: A Multiple Paradigm Science. *The American Sociologist*, 10(3): 156–167.

Ritzer G. (1991) *Metatheorizing in Sociology*. Lexington, MA: Lexington Books.

Wagner D.G. (1984) *The Growth of Sociological Theories*. Beverly Hills, CA: Sage.

Zammito J. (2004) *Nice Derangement of Epistemes*. Chicago: University of Chicago Press.

MODERNIZING SOCIOLOGICAL IDENTITY: A THEORETICAL EXPLORATION

Azer G. Efendiev¹ (efendiev@hse.ru),

Andrey A. Kozhanov^{1,2}

¹ HSE University, Moscow, Russia

² Institute of Sociology — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Citation: Efendiev A.G., Kozhanov A.A. (2024) Puti modernizatsii sotsiologicheskoy identichnosti: opyt teoreticheskogo poiska [Modernizing sociological identity: a theoretical exploration]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(2): 7–37 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.2.1>. EDN: DPJYDK

Abstract. The crisis, fragmentation and “letdown” of modern Sociology are analyzed with the main goal — to outline a strategy for overcoming the crisis of the internal development of modern Sociology as a Science, as a Profession and as a Vocation. It is very important to establish methodological *monism* to restore the Sociological Identity within the complete system of Sociological Knowledge. The main epistemological tools for creating the unified system of Sociology are based on the assertion of the principle of complementarity, overcoming the fragmentation of scientific isolationism and even mutual hostility of sociological paradigms are considered. Staying on this principle, the new theoretical and empirical wholistic strategies for the basic concepts in Sociology can be formulated: the Social, Social Institutions, Social Structures that maintain harmonious Unity and Interaction in the Social Life, symbolic-objective, structural-functional actor-independent conditions, rules, and symbolic-subjective as manifestation of phenomenological-constructive activity, everyday life experience of Social Actor.

Keywords: crisis in sociology, multi-paradigms in sociology, structural-functional approach, phenomenological approach, postmodernist approach, concept of agency in

sociology, principle of complementarity, system of sociological knowledge, social, symbolic-objective, symbolic-subjective.

References

Alexander J.C. (2004) *Obshchaya teoriya v sostoyanii postpozitivizma: «epistemologicheskaya dilemma» i poisk prisutstvuyushchego razuma* [General Theory in a State of Postpositivism: the “Epistemological Dilemma” and the Search for Present Reason]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoye modelirovaniye* [Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (Sociology: 4M)], 18: 167–204 (in Russian).

Berger P., Luckmann T. (1995) *Sotsial'noye konstruirovaniye real'nosti* [Social Construction of Reality]. Moscow: Medium (in Russian).

Bourdieu P. (1993) *Simvolicheskoye prostranstvo i simvolicheskaya vlast'* [Symbolic Space and Symbolic Power]. *Thesis*, 1(2): 137–150 (in Russian).

Vayze P. (1993) *Homo Economics i Homo Sotsiologicus: monstry sotsial'nykh nauk* [Homo Economics and Homo Sociologicus: Monsters of the Social Sciences]. *Thesis*, 1(3): 115–130 (in Russian).

Gofman A.B. (2013) *O modakh v sovremennoy teoreticheskoy sotsiologii* [About Fashions in Modern Theoretical Sociology]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 10: 21–28 (in Russian).

Devyatko I.F. (1996) *Modeli obyasneniya i logika sotsiologicheskogo issledovaniya* [Models of Explanation and Logic of Sociological Research]. Moscow: Institut sotsiologii RAN (in Russian).

Durkheim E. (2021) *Pravila sotsiologicheskogo metoda* [Rules of Sociological Method]. Moscow: AST (in Russian).

Zarubina N.N. (2012) *Sotsial'no-ekonomicheskaya problematika v teoriyakh postmodernistskogo tipa* [Socio-Economic Issues in Postmodern Theories]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 11: 9–19 (in Russian).

Intervyu s professorom Thomasom Luckmannom [Interview with Professor Thomas Luckmann] (2002) *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 5(4): 5–14 (in Russian).

Kozhanov A.A. (2015a) *Vzaimnoye prevrashcheniye obyden'nogo i nauchnogo v istorii sozdaniya novoy sotsiologii nauki v 1970–1980-kh gg.: model' sovmeshcheniya sotsial'nogo i ratsional'nogo obyasneniy* [Mutual transformation of the Ordinary and the Scientific in the history of the Creation of a New Sociology of Science in the 1970–80s: a Model of Combining Social and Rational Explanations]. Devyatko I.F., Abramov R.N., Katernyy I.V. (eds.) *Obydennoye i nauchnoye znaniye ob obshchestve: vzaimovliyaniya i rekonfiguratsii* [Ordinary and Scientific Knowledge about Society: Mutual Influences and Reconfigurations]. Moscow: Progress-Traditsiya: 310–324 (in Russian).

Kozhanov A.A. (2015b) *Metodologiya teoreticheskikh issledovatel'skikh programm: sravnitel'nyye preimushchestva dlya analiza dinamiki nauchnogo znaniya* [Methodology of Theoretical Research Programs: Comparative Advantages for Analyzing the Dynamics of Scientific Knowledge]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoye modelirovaniye* [Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (Sociology: 4M)], 40: 114–140 (in Russian).

Collins R. (1994) *Sotsiologiya: nauka ili antinauka?* [Sociology: Science or Anti-Science] THESIS, 4: 71–96 (in Russian).

Lakatos I. (1995) *Fal'sifikatsiya i metodologiya nauchno-issledovatel'skikh program* [Falsification and Methodology of Research Programs]. Moscow: Medium (in Russian).

Latour B. (2014) *Peresborka sotsial'nogo. Vvedeniye v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the Social. Introduction to Actor-Network Theory]. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2014 (in Russian).

Malinkin A.N. (2006) Paradigmal'nyy podkhod v kontekste intellektual'noy situatsii v Rossii [A Paradigmatic Approach in the Context of the Intellectual Situation in Russia]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 1: 114–123 (in Russian).

Merton R. (2006) *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow: AST; Khranitel (in Russian).

Mnatsakanyan M.O. (2016) Postmodernizm i sudba sotsiologii [Postmodernism and the Fate of Sociology]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 9: 134–140 (in Russian).

Toshchenko Zh.T. (ed.) (2013) *Novyye idei v sotsiologii: monografiya* [New Ideas in Sociology: Monograph]. Moscow: Yunity-Dana (in Russian).

Popper K. (2004) *Predpolozheniya i oproverzheniya. Rost nauchnogo znaniya* [Conjectures and Refutations. The Growth of Scientific Knowledge]. Moscow: AST; Yermak.

Radayev V.V. (2013) Rossiyskaya sotsiologiya v poiskakh svoey identichnosti [Russian Sociology in Search of its Identity]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 7: 3–17 (in Russian).

Romanovskiy N.V. (2016) Diskurs krizisa (v) sovremennoy sotsiologii [Discourse of Crisis (in/of) Modern sociology]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 4: 3–12 (in Russian).

Shcholkina A.G. (2017) Postmodernizm v sotsiologii. O nenavyazchivyykh posledstviyakh odnoy sotsiologicheskoy mody [Postmodernism in Sociology. On the Unobtrusive Consequences of One Sociological Fashion]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 2: 120–130 (in Russian).

Efendiyev A.G. (2021) Sotsial'noye razvitiye v sovremennuyu epokhu. Teoreticheskoye issledovaniye novoy real'nosti [Social Development in the Modern Era. Theoretical study of the New Reality]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 47(1): 16–27 (in Russian).

Yadov V.A. (2003) Vozmozhnost' sovmeshcheniya teoreticheskikh podkhodov [Possibility of Combining Theoretical Approaches]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 3: 5–19 (in Russian).

Alexander J.C. (1982) *Theoretical Logic in Sociology. Vol. I: Positivism, Presuppositions, and Current Controversies*. Berkeley: Univ. of California Press.

Berger J., Zelditch M. (1993) *Theoretical research programs: Studies in the growth of theory*. Stanford University Press.

Bowden B. (2019) Empiricism, epistemology and modern postmodernism: a critique. *Qualitative Research in Organizations and Management: An International Journal*, 14(4): 481–497.

Camic Ch., Gross N. (1998) Contemporary Developments in Sociological Theory: Current Projects and Conditions of Possibility. *Annual Review of Sociology*, 24(1): 453–476.

DiMaggio P. (1998) The New Institutionalisms: Avenues of Collaboration. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, 154(4): 696–705.

House J.S. (2019) The culminating crisis of American sociology and its role in social science and public policy: an autobiographical, multimethod, reflexive perspective. *Annual Review of Sociology*, 45: 1–26.

Ingram P., Clay K. (2000) The choice-within-constraints new institutionalism and implications for sociology. *Annual Review of Sociology*, 26: 525–546.

Levine D. (1986) The Forms and Functions of Social Knowledge. In: Fiske D., Shweder R. (eds.) *Metatheory in Social Science*. Chicago: Univ. Chicago Press: 271–283.

Levine D. (1995) *Visions of the Sociological Tradition*. Chicago: Univ. Chicago Press.

Levine D. (2018) *Dialogical Social Theory*. New York: Routledge.

Matthewman S., Hoey D. (2006) What happened to postmodernism? *Sociology*, 40(3): 529–547.

Nielsen K. (2001) Institutional approaches in the social sciences: typology, dialogue, and future challenges. *Journal of Economic Issues*, 35(2): 505–516.

Pleasant N. (1997) The Post-positivist Dispute in Social Studies of Science and Its Bearing on Social Theory. *Theory, Culture, and Society*, 14: 143–156.

Ritzer G. (1975) Sociology: A Multiple Paradigm Science. *The American Sociologist*, 10(3): 156–167.

Ritzer G. (1991) *Metatheorizing in Sociology*. Lexington, MA: Lexington Books.

Wagner, D.G. (1984) *The Growth of Sociological Theories*. Beverly Hills, CA: Sage.

Zammito J. (2004) *Nice Derangement of Epistemes*. Chicago: University of Chicago Press.

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

СТРАТЕГИИ ПОДДЕРЖАНИЯ ЗАНЯТОСТИ И ПРОФЕССИОНАЛИЗМА РОССИЙСКИМИ РАБОТНИКАМИ¹

Ирина Леонидовна Сизова (sizovai@mail.ru)

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Сизова И.Л. (2024) Стратегии поддержания занятости и профессионализма российскими работниками. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(2): 38–62. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.2.2>. EDN: EQQYVW

Аннотация. Четвертая промышленная революция и технологическое развитие способствуют сокращению срока службы накопленных работниками ресурсов и стимулирует их к изменению трудового и профессионального поведения. Рассматривается проблема вовлеченности населения в занятость и условия ее поддержания в долгосрочной перспективе. В частности, анализируется оценка работниками текущих требований на рынке труда и в системе занятости, а также действия по улучшению своей профессиональной и трудовой ситуации. В первом разделе рассматривается концепция «нового профессионализма», ориентированная на развитие разнообразных компетенций, которыми должен обладать «современный работник». Во втором разделе приводятся результаты выборочного опроса работающего населения России, которые показали, что в последнее десятилетие занятость в стране связана с высокой степенью мобильности, существенными перерывами в трудовом стаже и частой сменой рабочих мест. Перерывы чаще свойственны людям, начинающим и завершающим трудовую карьеру, и женщинам. Российские мужчины больше склонны менять место работы. Оба действия (перерывы и смена работы) сопрягаются со сменой профессии. Очевидно, что текущая ситуация прямо влияет на профессиональную и трудовую мобильность российских работников. Если люди добровольно отказываются от текущей работы, то, как правило, это связано с неудовлетворенностью ее профессиональными аспектами. В то же время пассивность в профессиональном развитии характерна для трудящихся, не собирающихся менять работу. Результаты исследования свидетельствуют, что действующая система профессионального образования не охватывает всех работников, желающих получить новые знания или умения. Работающие люди предпочитают обучаться самостоятельно, за счет неформального контента. Наиболее востребованными универсальными компетенциями у работников являются умение работать с информацией, стрессоустойчивость

¹ Статья подготовлена при поддержке РНФ, проект № 23-28-00011 «Дефицит компетенций работников на открытых дистанционных рынках труда в условиях социально-экономической неопределенности».

и коммуникабельность. Вместе с тем существует избыток профессиональных и трудовых компетенций, не задействованных в текущей работе. Респонденты уверены, что в настоящее время трансформируется прежде всего содержание их труда, в отличие от прежнего (индустриального) времени, когда значительный вклад в рост производительности труда вносили инновации в организации труда.

Ключевые слова: новый профессионализм, компетенции, рынок труда, занятость населения, самоуправление, карьера, человеческий капитал.

Введение

Современная занятость все чаще характеризуется как неустойчивая, а положение работников — как precarious (Тощенко 2022). К наиболее заметным тенденциям XXI в. относится развитие новых средств, форм и режимов труда и занятости (удаленная работа, гибкий труд, самозанятость и пр.), распространение низкооплачиваемой работы и сокращение социальных гарантий, модификация мотивационной структуры работников.

В текущих условиях из всего комплекса факторов в меньшей степени акцентируется трансформация профессионального и трудового поведения, которое по сравнению с индустриальным временем принимает иной вид. Во-первых, вместо получения однократного профессионального образования на старте трудовой карьеры требуется более комплексная и длительная по времени профессиональная подготовка, связанная с перманентным сохранением и обновлением знаний, умений и навыков, востребованных в трудовой жизни. Во-вторых, профессия становится все более открытой, гибкой, ориентированной на рынок труда и востребованные на предприятиях знания и умения. В современной экономике широкое распространение получил компетентный подход, позволяющий раскладывать «профессию» на ряд трудовых задач, а знания работников — на набор компетенций, позволяющих эти задачи выполнять. Общие значительные потребности экономики в обновлении рабочей силы, внешние шоки (например, политический курс, направленный на структурную перестройку экономики и развитие импортозамещения в условиях санкционного режима) сформировали сразу несколько актуальных направлений в изучении профессионального и трудового поведения работников: какие знания, умения и навыки необходимо получить и какие образовательные практики сформировались для поддержания востребованных компетенций, какое поведение приводит к тому, чтобы обеспечить оптимальный доступ к рабочим местам, удовлетворенность и длительные гарантии занятости в современной экономике. Выявление дефицитов в указанных

вопросах может способствовать разработке целенаправленных государственных программ помощи и кадровых стратегий бизнеса, связанных с вкладом и инвестициями в человеческий капитал.

Основной исследовательский вопрос статьи заключается в выявлении особенностей индивидуального восприятия и управления профессиональной и трудовой ситуацией российскими работниками в новых условиях. В первом разделе формулируется ключевая концептуальная идея о том, что современный работник в условиях неопределенности должен быть перманентно способен выстраивать свою трудовую и профессиональную ситуацию таким образом, чтобы обеспечить удовлетворенность трудом, высокое профессиональное мастерство и долгосрочную занятость, приносящую гарантированные заработки. Такой успешный путь работника зависит от приобретенных знаний, умений и навыков (компетенций) и их поддержания в течение трудовой жизни. Анализу наиболее востребованных в экономике профессиональных и трудовых компетенций в современном научном дискурсе посвящен второй раздел. В третьем и четвертом разделах теоретические идеи сравниваются с текущей реальной ситуацией и трудовыми биографиями российских работников. В третьем разделе приводится методика анкетного опроса работающего населения и характеризуется выборочная совокупность. Четвертый раздел посвящен результатам авторского социологического исследования. В заключении обсуждаются особенности самосознания и самоуправления работниками своей трудовой и профессиональной ситуации и дискутируются дефициты в их трудовом поведении. В приложении приводятся сведения о выборочной совокупности и результаты операционализации компетентности трудящихся.

Трансформация профессиональной занятости в XXI в.

По сравнению с XX в. сильно поменялось нормативное представление о профессиональной занятости работников. В настоящее время едва ли можно утверждать, что выдаваемые в образовательных учреждениях выпускникам дипломы безусловно подтверждают их готовность к трудоустройству и практическому выполнению работы в рамках полученной «профессии»/«специальности». Если раньше закрытые общности профессионалов осуществляли стандартизацию знаний, умений и навыков, получаемых в рамках отдельных профессий, и в экономику выходили «готовые специалисты», то теперь возникло условное «движение», которое можно назвать «рыночным сопротивлением профессии».

Такое «сопротивление» является следствием развития современного капитализма, который ориентирован на короткие жизненные циклы про-

дуктов и возросшие темпы технологических изменений. Фирмам приходится все больше соответствовать запросам клиентов (Yang et al. 2005). Для достижения цели (чтобы оставаться конкурентоспособным) бизнес строго контролирует расходы и заботится о повышении производительности труда. Иными словами, современные работодатели сформировали спрос на подвижные квалификации и интенсивное использование новых технологий (Husain et al. 2010: 430). Для успешного выполнения работы необходимы востребованные знания, умения и навыки работников, которые согласуются с текущими реалиями и не требуют от фирм дополнительных затрат.

Нельзя отрицать, что власти отчасти предпринимают попытки решить проблему несоответствия между требуемыми и приобретенными компетенциями за счет коррекции политических курсов в области образовательной политики. Так, Болонская система подразумевает скорейшую подготовку молодых специалистов к занятости (по крайней мере в системе бакалавриата) (Rosendahl, Wahle 2016). Одновременно повсеместно обновляются учебные программы профессионального образования. При этом они разрастаются за счет включения все большего объема знаний, хотя дисциплины зачастую набираются случайным или произвольным образом. Как следствие общее качество подготовки, знания, личностное развитие выпущенных на рынок труда бакалавров повсеместно вызывают негативные оценки. Таким образом, модернизация системы профессионального образования пока не приводит к желаемому оптимуму. Как показывают исследования, даже в европейских обществах едва ли удается подготовить востребованных, всесторонне развитых, квалифицированных и гибких работников (Azevedo et al. 2012: 19).

Проблема несоответствия знаний и умений (не только дефицита, но и их избытка в определенных случаях¹) (Škrinjarčić 2022: 2), помимо прочего, способствует возникновению феномена так называемого нового профессионализма. В западном менеджменте понятие нового профессионализма рассматривается в контексте внутриорганизационной деятельности (Noordegraaf 2015: 199; Noordegraaf 2020). В нашем исследовании новый профессионализм означает изменение процесса получения и использования знаний (Ziegler, Tenberg 2020: 9). Прежде всего профессио-

¹ Переобучение или принятие на работу лица, имеющего избыточную квалификацию для конкретного рабочего места, приводит к снижению мотивации к труду и деформирует отношения на рынке труда в целом. Например, в Великобритании двое из пяти работников демонстрируют более высокую квалификацию, чем это требуется для выполнения их работы (Felstead et al. 2007: 63).

нализм становится контекстным, т.е. напрямую связан с требованиями со стороны рынка труда (или фирмы), что, в свою очередь, предполагает открытость профессионала и его знаний внешнему миру и рефлексию в отношении перманентного добавления новых знаний (Elsholz, Neu 2019: 2). В конечном итоге забота работников об обретении устойчивой или гарантированной занятости предполагает ориентацию как минимум на три ключевых принципа: поддержание большой открытости в отношении самих знаний и их получении, ориентация в профессиональной подготовке на требования со стороны спроса на труд и демонстрация высокой гибкости в индивидуальном профессиональном и трудовом поведении.

Современная занятость, стимулирующая большую востребованность в развитии многообразных компетенций, приводит к ослаблению традиционного института массовых профессий (водитель, повар, врач, учитель, программист и т.д.). Как указывает, немецкий социолог А. Реквитц, формальные документы (например, права или дипломы) сейчас рассматриваются только как необходимое условие, на основании которого начинается первоначальный отбор работников (Реквитц 2022: 165). Для приема на работу требуется много больше, например социальные или эмоциональные компетенции (стрессоустойчивость, коммуникабельность и пр.). На место монолитных и стандартизированных знаний все чаще приходит их многообразие и разнообразие. Во многих отраслях и сферах трудовой деятельности профессии дробятся (водитель-дальнобойщик, водитель спецавтотранспорта и пр.), закрепляются узконаправленные специализации, складываются смежные деятельности и пр. Если в реальности глубоко индивидуализированные форматы профессионализма используются пока еще только в наиболее инновационных и наукоемких сферах, то в недалеком будущем такое развитие затронет весь рынок труда (Noordgraaf 2020: 206).

Распространение так называемой рыночной профессии (т.е. обретение знаний/умений, прямо ориентированных на предполагаемое/текущее место работы) повсеместно способствует продвижению на государственном уровне программ формирования квалифицированных сил, способных к занятости (employability). В них, помимо быстрой профессиональной подготовки в бакалавриате, закладывается правило, согласно которому работникам предлагается самостоятельно в течение всей трудовой жизни заботиться о своей квалификации и ресурсах (Meyer, Haunschild 2017: 6). Таким образом, ответственность за трудовую и профессиональную карьеру теперь во многом несут сами работники, а рынок и государство формируют для этого новую инфраструктуру, к которой относятся частные образовательные учреждения, система онлайн-образования, институт

профессиональной ориентации и консалтинга, программы дополнительного образования и повышения квалификации, цифровые агрегаты и алгоритмы, «помогающие» работникам и соискателям выбрать нужные знания, курсы и действия. В результате текущую профессиональную занятость можно охарактеризовать как рефлексивную, гибкую в ориентированную на рынок, включающую необходимость перманентного добавления знаний и умений в краткосрочном периоде.

Профессиональная занятость, основанная на компетенциях

В науке отсутствует согласие в том, что считать компетенциями, востребованными на рынке труда и в профессиональной занятости, и как их группировать. В качестве синонимов используются разные понятия, например «знания, умения, навыки», «способности» (Škrinjaric 2022: 4). Для их анализа изучаются как требования работодателей, предъявляемые к работникам при трудоустройстве или в процессе трудовой деятельности, так и накопленные ресурсы и опыт трудящихся. Не менее важными являются субъективные представления о своих возможностях со стороны самих трудящихся.

В научной литературе существуют два заметных подхода к определению компетенций. В первом случае под компетенциями понимается набор желаемых форм профессионального и трудового поведения, позволяющих людям получать и выполнять порученную работу (Škrinjaric 2022: 3). Во втором варианте, компетенции — это скорее приобретенные работником знания, умения и навыки (ЗУНы), проверяемые при трудоустройстве. Сюда же относят трудовой опыт (стаж), который влияет на шансы трудоустройства и на положение трудящегося внутри рабочего контекста (Rieckmann 2012: 131). В отечественных исследованиях указанные подходы скорее суммируются, и определяется «компетентность», предполагающая сочетание у работника знаний, умений и деятельностных установок, используемых в подходящем контексте и позволяющих ему достигать желаемых результатов (Добрякова 2023: 12). Все варианты предполагают, что реализуется модель взаимодействия личности с профессиональным и рабочим контекстом, внутри которой достигается определенная степень производительности труда и мотивации к выполнению работы. Для обеспечения максимальной сопряженности компетенций и результатов труда должны еще учитываться организационный контекст (условия труда, корпоративная культура, структура рабочих мест и пр.) и индивидуальная активность работников, позволяющие им определенным образом включаться и перемещаться в системе занятости, удовлетворительным образом обеспечивая ее на протяжении длительного периода.

Компетенции можно разделить на профессиональные знания, полученные в ходе образования, умения и навыки, обретенные на практике, или опыта работы, к которым, как правило, относят заученные действия, совершаемые без особых когнитивных усилий и рефлексии; способности — врожденные или развитые характеристики, требуемые для эффективного выполнения определенной работы (Škrinjarić 2022: 5). Набор компетенций в определенной области может быть объединен в технические, методологические, социальные, цифровые, личностные и иные модели (Hecklau et al. 2016: 4). В более обобщенном виде индивидуальные компетенции группируются в специальные (для какой-то предметной области) и родовые (универсальные, характерные для работников в целом) (см., например: Добрякова 2023: 8). Если первым обучают в системе профессионального образования, то вторые зачастую образуются в результате трудового опыта, активности, усидчивости и способностей работников (Škrinjarić 2022: 5).

Различные отрасли хозяйства неоднородны в требованиях к профессионализму трудящихся и демонстрируют в этом разную динамику. Некоторые отрасли хозяйства или территории лишь периодически испытывают дефицит в кадрах или отмечают нехватку компетенций (Попов, Соловьева 2023), другие характеризуются наличием циклического дефицита кадров и компетенций персонала, что указывает на востребованность именно определенных знаний на рынке труда. Кроме того, в литературе отмечается высокая роль взаимодополняемости некоторых наборов компетенций (например, значимость профессиональных знаний и цифровой грамотности). В настоящее время скорее речь идет о формировании компетентностных профилей, которые способствуют росту производительности труда и приводят к успеху в работе (Реквиц 2022: 165).

В индивидуальном контексте (для самих работников) забота о профессиональной занятости связывается с карьерным ростом (Fragoulis 2011) и мобильностью трудящихся. Однако также отмечается, что некоторые компетенции, получаемые для осуществления определенной деятельности, до сих пор не признаются и не вознаграждаются, хотя требуются значительные усилия не только в их развитии, но и в адаптации к спросу (например, уход за детьми или помощь на дому). Следующим важным вопросом для трудящихся является рост заработной платы. В предыдущих исследованиях показано, что повышение квалификации работников в России не приводит к росту зарплаты. Однако в более детализированных работах выявляется взаимосвязь между отдельными компетенциями и надбавкой к зарплате. В частности, наличие когнитивных компетенций приводит к повышению вознаграждения работникам (Murnane et al. 2000).

В отдельных случаях языковые компетенции (знание английского языка) влияют на рост оплаты труда сотрудников (Adamchik et al. 2019: 292). Существенно разной может быть ценность отдельных профессиональных компетенций (математических, технических, цифровых и пр.), полученных в образовательных учреждениях ВПО, что сегодня очевидно невооруженным взглядом. Вместе с тем уменьшение отдачи за определенные компетенции происходит по мере продвижения работников вверх по шкале распределения зарплаты (Škrinjaric 2022: 8).

На макроуровне (рынок труда и система занятости в целом) устанавливается, что неправильно сформированные компетенции (например, избыточное образование) способствуют повышению мобильности трудящихся, поскольку они оказываются менее удовлетворены своим рабочим местом (Verhaest et al. 2006).

Принимая во внимание общие для социогуманитарных наук подходы в трактовке компетенций и особенностей их востребованности на современном рынке труда и в занятости, нашу стратегию мы выстраиваем на ранних классических социологических трудах, раскрывающих инструментально-предметный уровень труда (М. Вебер, Н. Луман и др.), и современных представлениях, связанных с включением в трудовую деятельность более широких умений и навыков трудящихся, характеризующих социальный уровень отношений. В социологической теории такой подход характерен для работ Т. Парсонса, впервые указавшего на когнитивные навыки, необходимые для выполнения труда в сложных производственных и экономических взаимосвязях, основанных на знаниях (Parsons, Platt 1975). Значительный вклад в развитие теории трудовых компетенций внесли социологи Ю. Хабермас (коммуникативные умения) (Хабермас 2022), А. Хокшильд (эмоциональный обмен) (Хокшильд 2019), И. Гофман (рабочие взаимодействия, основанные на управлении текущей ситуацией) (Гофман 2009) и М. Кастельс (обхождение с информацией) (Кастельс 2000). В соответствие с указанными подходами и для удобного восприятия их респондентами выделены 11 групп компетенций (см. прил. 3).

Методика социологического исследования и выборочная совокупность

Актуальность изучения современного профессионализма становится понятной, если обратить внимание на реализацию масштабных национальных/международных проектов по изучению грамотности населения¹.

¹ На международном уровне реализованы три исследования грамотности взрослого населения. Два из них считаются завершенными: Adult Literacy and

Недостатком крупных обследований является ориентация только на универсальные (родовые) компетенции трудящихся (или даже полностью взрослого населения). В данных проектах также отсутствует возможность прямо измерить специфические компетенции, которые плохо переносятся из одной деятельности или организации в другую. Вместе с тем исследование общих компетенций очень важно, поскольку знания, умения и навыки людей должны постоянно сравниваться с самыми прогрессивными знаниями, востребованными в современной экономике. Изучение компетенций еще связано с тем, что они отличаются от хорошо алгоритмизируемых рутинных навыков, постепенно исчезающих из оборота человеческого труда (Frey, Osborne 2013). Если обратиться к исследованиям отдельных ученых или коллективов, то они, как правило, либо нацелены на изучение компетенций, сформированных у респондентов в процессе стартового образования, либо ориентированы на отдельные профессиональные группы. Практически нет исследований, посвященных тому, как трудящиеся воспринимают и оценивают свои обретенные знания, умения и навыки и как управляют трудовой ситуацией на основе владения профессиональными и общими компетенциями.

Таким образом, изучение компетентности работающих лиц и ее трансформации в индивидуальном профессиональном и трудовом контексте является важной научно-практической задачей. Основным методом исследования в данной работе выступает анкетирование. Для того

Lifeskills Survey (ALL), International Adult Literacy Survey (IALS). Итоги реализации данных проектов показали, что выявляются проблемы в знаниях и поступках людей, создающие им проблемы с занятостью. В рамках Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) реализуется Programme for the International Assessment of Adult Competencies (PIAAC), особенность которой заключается в том, что тестируются навыки взрослых, необходимые им для жизни в цифровую эпоху. Само понятие «грамотность взрослых» в последнем проекте интерпретируется довольно широко как «способность идентифицировать, понимать, интерпретировать, создавать, общаться и вычислять, используя печатные и письменные материалы, связанные с различными контекстами. Грамотность предполагает непрерывное обучение, позволяющее людям достигать своих целей, развивать свои знания и потенциал и в полной мере участвовать в жизни своего сообщества и общества в целом» (см.: <https://www.oecd.org/education/innovation-education/adultliteracy.htm>). Ситуация в области грамотности среди российских работников, измеренная на основании методики ОЭСР, в 2010-е годы существенно отличалась от положения работников европейских государств. Это касалось как незначительной разницы между уровнем полученных людьми компетенций и их заработной платы, так и малых различий между доходами высококвалифицированных и низкоквалифицированных лиц в России. Подробнее об этом см.: (Кузьмина, Попов 2015; Подольский и др. 2015: 45–55).

чтобы выяснить, как и почему люди при условии равных стартовых возможностей (после получения профессионального образования), в ходе трудовой деятельности формируют разную компетентность, в конструктор вопросов включена типичная модель поведения трудящихся на рынке труда и в системе занятости (трудовой стаж, график труда, смена работы, поиск работы и т.д.). Это необходимо, поскольку компетентность и управление ею не выделяются в отдельные сущности, независимые от текущего трудового контекста и биографии респондентов. Мы предполагаем, что индивидуальная рефлексия работника и его действия обусловлены мотивацией, накопленным трудовым опытом, возможностью применить полученные знания, умения и способности на практике или в определенном трудовом поле и рабочем контексте. В то же время трудовое поведение и его результаты зависят от действия факторов социальной среды (например, сферы деятельности, региона, текущей экономической ситуации, привычек, традиций и пр.) (Škrinjaric 2022: 4). Отметим, что комплексная схема изучения поведения трудящихся привела к повышению сложности исследования: значительному набору вопросов (см. прил. 4), длительному времени прохождения опроса респондентами, повышенному проценту отказов, сложной обработке и анализу данных, а также интерпретации итогов. Так, среднее время заполнения анкеты в онлайн-формате (в приложении) составило 40 минут. Обработка и статистический анализ данных осуществлялся в программном пакете SPSS.

Основная цель анкетного опроса заключалась в выявлении самооценок и действий российских работников по управлению трудовой и профессиональной ситуацией. Полученный срез данных о текущей ситуации был дополнен ретроспективными вопросами (о прошлом). Полученные в данном исследовании взаимосвязи не носят причинно-следственного характера. Для выявления всей глубины и последовательности действий работников необходимы иные методы, например лонгитюдные или качественные исследования.

Анкетный онлайн-опрос российских работников состоялся в июле 2023 г. Полный анкетный лист содержал 82 вопроса по широкому кругу тем, касающихся трудовой жизни россиян. Поскольку исследование носило пилотный характер, респонденты набирались методом «снежного кома». Итоговая совокупность изученных случаев представлена работающими / имеющими трудовой опыт людьми в возрасте 18+ (430 человек). Работающих лиц во время опроса в выборке оказалось 370 человек¹.

¹ Полное описание выборочной совокупности представлено в приложении.

Опрошенная аудитория относительно молодая (преобладающий возраст 24–49 лет). Большинство респондентов имеют высшее образование и почти в равном соотношении проживают в трех федеральных округах европейской части России (Центральный федеральный округ, Северо-Западный федеральный округ, Приволжский федеральный округ). Подавляющие большинство респондентов — жители мегаполисов и крупных региональных городов. В выборке оказались работники почти всех укрупненных сфер деятельности, за исключением туризма. Недостатком является существенный сдвиг в сторону представительства женщин и наемных работников. Зато респонденты были заняты на предприятиях всех типов (крупных, средних и малых) и форм собственности (государственные, частные). Преимущественным режимом труда стал обычный, на своих рабочих местах. Чуть более половины трудящихся имеют среднемесячную заработную плату до 70 тыс. руб.

Особенности самооценки и управления профессиональной и трудовой ситуацией российскими работниками

В анкетном опросе изучалось прежде всего текущее состояние трудовых карьер работников. У респондентов существует довольно значительный трудовой стаж, в среднем около десяти лет. Он больше, чем средний трудовой стаж лиц с высшим образованием (8,7 года), указанный в резюме соискателей на сайте «Работа в России». Вместе с тем большинство опрошенных работников только незначительное время трудятся на текущем рабочем месте.

Половина респондентов имеют перерывы в трудовой жизни, подавляющее большинство из которых (91 %) имеют несколько таких перерывов (в среднем 2–3 раза). Наиболее часто перерывы случались у лиц с небольшим и, наоборот, со значительным общим трудовым стажем. В данной группе респондентов только 21 % указали причиной увольнения беременность и уход за детьми. Многие увольнялись добровольно и без планов перехода на другую работу. Гендерное сравнение показало, что немного чаще так поступают женщины, чем мужчины. Основными причинами добровольного увольнения люди назвали наличие личных или семейных обстоятельств. Иные причины, например закрытие предприятия и увольнение работодателем, встречались очень редко.

Большинство респондентов из тех, кто увольнялся, в совокупности не работали около года, но оказалось много респондентов, не работающих большее количество времени. Поскольку в среднем один перерыв в опросе занимал около полугода, можно предположить, что для поиска работы это слишком долгий срок. Скорее всего, это время затрачивалось на

решение различных проблем, не имеющих отношение к поиску новой работы.

Многие респонденты меняли работу в течение трудовой жизни (78 %). В опросе смена работы оказалась скорее правилом, чем исключением. Смена работы в течение трудовой жизни больше характерна для мужчин, чем для женщин. В целом респонденты за последние десять лет имели довольно высокую степень такой мобильности. Люди не только меняли работу, но и делали это не раз: если большинство меняло работу до трех раз, то 38 % работников (каждый третий) — более трех раз. В среднем по выборке смена работы респондентами происходила примерно один раз в течение 4–5 лет.

Таблица 1

Смена профессии и работы респондентами

		Смена работы, чел. (%)		Всего
		Нет	Да	
Смена профессии, чел. (%)	Нет	64 (40,5)	94 (59,5)	158 (100)
	Да	10 (4,7)	202 (95,3)	212 (100)

Полученные сведения о трудовой биографии респондентов помогают понять, как они связаны с управлением профессиональной ситуацией. Прежде всего 68 % респондентов, сменивших работу, меняли и профессию. Или иначе 95,3 % сменивших профессию, поменяли и работу (табл. 1). Эти два действия коррелируют на довольно значительном уровне (R Пирсона = 0.443 при значимости <0.000).

Среди основных причин, которые приводят людей к поиску новой работы, присутствует неудовлетворенность текущим местом работы. Неудовлетворенность возникает из-за того, что человека не устраивает зарплата, отсутствуют возможности карьерного роста и случается профессиональное выгорание (из предложенных в анкете вариантов). Часто также респонденты указывали отсутствие профессионального развития, неинтересная работа и избыточные требования со стороны работодателя. Данные причины многое объясняют в одновременной смене работы и профессии. Однако возможны и другие объяснения, например часто встречающиеся одновременная смена работы и профессии зависят от низкой плотности рынка труда в стране (когда структура и размещение рабочих мест исключают возможность сменить работу, не меняя при этом профессию).

Если респонденты в текущий момент заняты и не ищут новую работу, они особо не стремятся к получению новых знаний и навыков. Такие желания на статистически значимом уровне выражены только у тех респондентов, которые считают, что они активны в труде и занимаются

планированием карьеры. Если включить в анализ утвердительные мнение респондентов о том, что их труд вызывает позитивную оценку работодателей/заказчиков, то получается следующее «правило»: пока человек трудоустроен, он считает, что всех все устраивает и заботиться о повышении уровня своих профессиональных знаний и умений не следует.

Если рассматривать выборку в целом, то все-таки большая часть респондентов так или иначе заботится о своей профессиональной ситуации (табл. 2.)

Таблица 2

Управление профессиональной ситуацией, %

Общее число лиц, получивших новые знания в течение своей трудовой карьеры	72
Прошедшие повышение квалификации/переобучение на курсах, в системе образования	56
Всего обучений	2–3 раза за карьеру (42), чаще (27)
Интенсивность обучений (средний стаж по выборке/на среднее число обучений)	примерно раз в два года, интенсивность растет
Продолжительность обучения	до трех месяцев (84)
Место обучения	в системе образования (39), на рабочем месте (24), самостоятельно (36)
Финансирование обучения	работодатель (53), самостоятельно (26) , государство (15)

Из ответов также следует, что значительная доля работников (каждый третий) обучается самостоятельно и каждый четвертый платит за себя сам. В целом за одну карьеру обучение происходит примерно 2–3 раза, и, хотя в последние годы (с 2022) интенсивность участия трудящихся в обучении заметно возросла, длительность каждой профессиональной подготовки осталась минимальной (не более трех месяцев, часто только месяц). Указанные усилия работников приводят исключительно к их профессиональному росту. В гораздо меньшей степени они вознаграждаются в смысле повышения заработка или карьерного роста.

Наиболее востребованной компетенцией среди опрошенных работников является обращение с информацией (табл. 3). Профессиональные знания, хоть и с небольшим отрывом, оказались на третьем месте. Несмотря на то что большинство респондентов являлись высококвалифицированными работниками (с высшим образованием), место когнитивных

Таблица 3

**Рейтинг мнений респондентов о наиболее востребованных
сегодня знаниях и навыках, представлены в форме рейтинга
(на основании ответов «очень важны»)**

Место в рейтинге	Название компетенции	Количество респондентов, указавших ответ «очень важны», %
1	Информационные знания и умения	63,7
2	Эмоциональные навыки	60,5
3	Профессиональные знания	59,9
4	Коммуникативные навыки	59,2
5	Культурные умения	56
6	Цифровая грамотность	53,8
7	Адаптивные навыки	50,4
8	Когнитивные способности	48,3
9	Общие представления о мире	47,5
10	Управленческие знания и навыки	36,3
11	Предпринимательские знания	9,3

способностей, позволяющих ориентироваться в ситуации большого объема знаний и их неопределенности, оказалось чрезвычайно низким. В данном случае отсутствуют гендерные различия и существует незначительная разница в ответах в зависимости от возраста работников. Респонденты посчитали совершенно неважными предпринимательские знания и умения. Они относятся к капиталу, которым работники обладают, но который никак не задействован в текущей работе. Такой результат прямо связан с тем, что большинство опрошенных лиц работают по найму. Сами работники считают, что они не используются из-за технической отсталости предприятий, неприятия инноваций в организациях и противодействия со стороны руководителей, собственной неуверенности. В то же время результаты зарубежных исследований свидетельствуют, что развитие таких навыков у населения являются залогом успеха малого и среднего бизнеса. Они ценятся даже выше, чем государственная поддержка или финансирование (Hazlina Ahmad et al. 2010).

В анкету включены отдельные сенситивные вопросы. Так, на вопрос о компетенциях, которых работникам не хватает в текущей трудовой деятельности, получены следующие ответы. Чаще всего респондентам не хватает профессиональных знаний и навыков (в 23 % случаев). На втором месте оказалась нехватка цифровой грамотности (14 %), далее — эмо-

циональные навыки (10 %), управленческие навыки (9 %), когнитивные и коммуникативные навыки (по 8 %). Вместе с тем люди считают, что не все их знания и навыки востребованы в текущей работе (41 %).

Вопросы управления трудовой и профессиональной ситуацией также взаимосвязаны с изменением требований к работникам в современной экономике (табл. 4). Анализ ответов респондентов показал, что мнения разделились. Далеко не все считают, что требования к работникам в России сильно и быстро меняются (33 %). В таблице 4 показано, какие требования, по мнению работников, меняются прежде всего.

Таблица 4

Мнения респондентов об изменении требований к работникам

Виды требований	Количество респондентов, отметивших изменения, %
Профессиональные стандарты	32
Квалификационные требования	24
Цифровизация труда	20
Эмоциональная насыщенность труда	15
Условия труда	6
Формат занятости	2
Трудовые отношения	1

По мнению работников, меняются прежде всего требования, связанные с содержанием труда (профессиональные стандарты, квалификационные требования и цифровизация). Таким образом, пересмотр содержания труда профессионалов выступает основным мотором прогресса. Если в индустриальной экономике, по крайней мере в момент ее становления, главное внимание уделялось аспектам организации труда (условиям, форматам и отношениям), что задавало тон в росте производительности, то сегодня мы видим, что производительность связывается скорее с содержательными аспектами труда.

Наконец, работники отмечали негативное воздействие на свою трудовую и профессиональную ситуацию санкционного режима, СВО и пандемии. В гораздо меньшей степени их жизнь ухудшалось вследствие нововведений в трудовом законодательстве или в связи с реализацией реформ в стране.

Заключение

Анализ группы российских работников показал, что работники способны размышлять, где и когда им следует приумножать свои знания

и навыки. Однако чаще их поведение обусловлено внешними влияниями, среди которых следует выделить решения работодателей (принудительная отправка на курсы повышения квалификации), социальный контекст (политические события в стране), личные и семейные проблемы, экономические процессы (вынужденная смена профессии). Среди эндогенных факторов на принятие решения о необходимости получения новых или обновлении ранее приобретенных знаний чаще влияют, во-первых, оценка востребованных компетенций на рынке труда (или изменение требований к содержанию трудовой деятельности в экономике) и, во-вторых, осознанная потребность в индивидуальном планировании трудовой карьеры. Рост интенсивности самоуправления профессионализмом в последнее время сталкивается с неожиданными эффектами, требующими пристального внимания. Отчасти знания и умения, приобретаемые работниками в процессе трудовой деятельности, не являются кодифицированными. Основными источниками становятся интернет или советы окружения. Кроме того, мотивационная структура трудового и профессионального поведения российских работников вызывает вопросы. Если профессионал пользуется уважением со стороны коллег и руководство удовлетворено его работой, то такое положение, как правило, не приводит к реальным поощрениям (например, повышение в должности, рост зарплаты, поощрение в форме премий и т.д.). В результате невозможно предсказать, насколько «новый профессионализм» работающего населения страны будет действительно содействовать повышению производительности труда и росту национальной экономики. В целом профессиональное поведение современных российских работников (на основании исследованной группы) едва ли можно назвать действительно гибким в том смысле, что оно удовлетворяет потребностям современной экономики и рынка труда в России. Должно ли положение оставаться таким, большой вопрос.

Литература

- Гофман И. (2009) *Ритуал взаимодействия. Очерки поведения лицом к лицу*. Пер. с англ. С.С. Степанова и Л.В. Трубицыной. М.: Смысл.
- Добрякова М. (2023) *Ученик выигрывает: знания, грамотности и компетентности в школе*. М.: ВШЭ.
- Кастельс М. (2000) *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ.
- Кузьмина Ю.В., Попов Д.С. (2015) Функциональная грамотность взрослых и их включенность в общество в России. *Социологические исследования*, 7: 48–57.

Подольский О.А., Попов Д.С., Рылько Е.Д. (2015) Насколько компетентны сегодня взрослые россияне. Результаты Программы международной оценки компетенций взрослых (PIAAC) в Российской Федерации. М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Институт образования [http://piaac.ru/wp-content/uploads/2015/05/Report_PIAAC_RUS.pdf] (дата обращения: 11.11.2023).

Попов А.В., Соловьева Т.С. (2023) Особенности и перспективы развития сферы труда и занятости в Вологодской области. *Социально-трудовые исследования*, 53(4): 41–53. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-53-4-41-53>.

Реквиц А. (2022) Общество сингулярностей. О структурных изменениях эпохи модерна. Пер. с нем. Т.Ю. Адаменко, И.Г. Соколовской. *DirectMESIA*. [https://www.directmedia.ru/book-687570-obschestvo-singulyarnostey-o-strukturnyih-izmeneniyah/] (дата обращения: 15.11.2023).

Тощенко Ж.Т. (2022) Новое социально-экономическое явление: прекариат. *Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Вумте*, 1(1): 146–161. <https://doi.org/10.37930/2782-618X-2022-1-1-146-161>.

Хабермас Ю. (2022) *Теория коммуникативной деятельности*. В 2 т. Пер. с нем. А.К. Судакова. М.: Весь мир.

Хокшильд А (2019) *Управляемое сердце. Коммерциализация эмоций*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.

Adamchik V.A., Hyclak T.J., Sedlak P., Taylor L.W. (2019) Wage returns to English proficiency in Poland. *Journal of Labor Research*, 40: 276–295.

Azevedo A., Apfelthaler G., Hurst D. (2012) Competency development in business graduates: an industry-driven approach for examining the alignment of undergraduate business education with industry requirements. *The International Journal of Management Education*, 10(1): 12–28. <https://doi.org/10.1016/j.ijme.2012.02.002>.

Elsholz U., Neu A. (2019) Akademisierung der Arbeitswelt — Das Ende der Beruflichkeit? *AISStudien*, 12(1): 6–18. <https://doi.org/10.21241/ssoar.64880>.

Felstead A., Gallie D., Green F., Zhou Y. (2007) *Skills at Work in Britain, 1986 to 2006*. ESRC Centre on Skills, Knowledge and Organisational Performance [https://orca.cardiff.ac.uk/id/eprint/68042/1/Skills%20at%20Work,%201986%20to%202006.pdf] (дата обращения: 15.11.2023).

Fragoulis I. (2011) Social Skills for Successful Career Development. *Review of European Studies*, 3(1): 85–93. <https://doi.org/10.5539/res.v3n1p85>.

Frey C.B., Osborne M.A. (2013) The future of employment: How susceptible are jobs to computerisation? *Oxford: Oxford University Martin Programme*. [https://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/downloads/academic/The_Future_of_Employment.pdf] (дата обращения: 10.11.2023).

Yang M.Y., You M., Chen F.C. (2005) Competences and Qualifications for Industrial Design Jobs: Implications for Design Practice, Education and Student Career Guidance. *Design Studies*, 26: 155–189. <http://dx.doi.org/10.1016/j.destud.2004.09.003>.

Hazlina A.N., Ramayah T., Wilson C., Kummerow L. (2010) Is entrepreneurial competency and business success relationship contingent upon business environment? A study of Malaysian SMEs. *International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research*, 16(3): 182–203. <https://doi.org/10.1108/13552551011042780>.

Hecklau F., Galeitzke M., Flachs S., Kohl H. (2016) Holistic approach for human resource management in Industry 4.0. *Procedia CIRP*, 54: 1–6. <https://doi.org/10.1016/j.procir.2016.05.102>.

Husain M.Y., Mokhtar S.B., Ahmad A.A., Mustapha R. (2010) Importance of employability skills from employers' perspective. *Procedia. Social and Behavioral Sciences*, 7(C): 430–438. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2010.10.059>.

Meyer R., Haunschild A. (2017) Individuelle Kompetenzentwicklung und betriebliche Organisationsentwicklung im Kontext moderner Beruflichkeit — berufspädagogische und arbeitswissenschaftliche Befunde und Herausforderungen. *bwp@. Berufs- und Wirtschaftspädagogik — online*, 32: 1–20. [http://www.bwpat.de/ausgabe32/meyer_haunschild_bwpat32.pdf] (дата обращения: 15.11.2023).

Murnane R.J., Willett J.B., Duhaldeborde Y., Tyler J.H. (2000) How important are the cognitive skills of teenagers in predicting subsequent earnings? *Journal of Policy Analytics and Management*, 19(4): 547–568.

Noordegraaf M. (2015) Hybrid Professionalism and Beyond. *Journal of Professions and Organization*, 2(2): 198–206.

Noordegraaf M. (2020) Protective or Connective Professionalism? How Connected Professionals Can (Still) Act as Autonomous and Authoritative Experts. *Journal of Professions and Organization*, 7(2): 205–223.

Parsons T., Platt G. (1975) *The American University*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Rieckmann M. (2012) Future-oriented higher education: Which key competencies should be fostered through university teaching and learning. *Futures*, 44(2), 127–135. <https://doi.org/10.1016/j.futures.2011.09.005>.

Rosendahl A., Wahle M. (2016) Debatten zur Krise von Beruf und Beruflichkeit: A Never Ending Story? *awp@. Berufs- und Wirtschaftspädagogik — online*, 29: 1–23.

Škrinjaric B. (2022) Competence-based approaches in organizational and individual context. *Humanities and Social Sciences Communications*, 9: 1–12. <https://doi.org/10.1057/s41599-022-01047-1>.

Verhaest D., Omey E. (2006) The impact of overeducation and its measurement. *Social Indicators Research*, 77(3): 419–448.

Ziegler B., Tenberg R. (Hrsg.) (2020) *Berufsbildung 4.0. Steht die berufliche Bildung vor einem Umbruch?* Bonn: Bundesinstitut für Berufsbildung.

Приложение

1. Основные характеристики исследуемой группы

Онлайн-анкета	82 вопроса
Количество респондентов	428 (370) наблюдений
Респонденты	работающие/имеющие трудовой опыт россияне 18+
Время проведения	июль 2023 г.
Пол	71 % женщин
Возраст	24–49 лет (70 %)
Образование	высшее образование (84 %)
Место жительства	СЗФО, ЦФО, ПФО (84 %), равномерно
Населенный пункт	мегаполис, крупный город (80 %)
Сфера занятости	16 укрупненных сфер (наука и образование, ИТ, пром. производство)
Форма занятости	наемный труд (74 %)
Размер предприятия	равномерно (малые, средние, крупные)
Форма собственности	государственные (42 %), частные (44 %)
Режим труда	61 % на своих рабочих местах
Трудовые доходы	до 70 тыс. руб. (58 %), средние доходы — 51–70 тыс. руб./мес.

2. Состояние трудовых карьер

Общий трудовой стаж	до 10 лет (56 %)
На текущем месте работы	до 3-х лет (54 %), 4–10 лет (29 %)
Перерывы в трудовой деятельности	в целом (51 %), 2–3 перерыва (91 %)
По беременности и родам	21 %
Увольнения	добровольно без наличия другой работы (60 %)
Время простоя	До 1 года (47 %), 1–3 года (36 %)
Смена работы	78 %, в т.ч. без перерывов
Число переходов на другую работу	до 3-х раз (62 %)

3. Авторская шкала оценки компетенций работников* (оценка по пятибалльной шкале, где 1 — абсолютно не важны, 5 — «очень важны»)

Группы компетенций	Вопрос в анкете
Профессиональные	Профессиональные знания и навыки, связанные с реализацией трудовых задач
Предпринимательские	Предпринимательские умения и навыки (открытие бизнеса, внедрение инноваций и пр.)
Общие представления о мире	Общие знания и умения о мире, полученные в процессе образования (грамотная речь, выступление на публике, презентация результатов труда, обучаемость и пр.)
Коммуникативные	Коммуникативные навыки (работа в команде, ведение переговоров, межличностное общение и пр.)
Эмоциональные	Эмоциональные навыки (стрессоустойчивость, доброжелательность и пр.)
Культурные	Культурные умения и навыки (вежливость, дисциплинированность, ответственность и пр.)
Информационные	Информационные знания и умения (способность получать и обрабатывать информацию)
Цифровая грамотность	Цифровая грамотность (пользование девайсами, знание ПО и пр.)
Когнитивные	Когнитивные умения (способность к решению нестандартных, творческих задач)
Управленческие	Управленческие навыки и умения (лидерские способности, принятие решений, административные обязанности и пр.)
Адаптивные	Адаптивные навыки (лояльность, терпение, приспособление к ситуации, планирование и пр.)

*Вопрос звучал следующим образом: «Насколько важны для выполнения вашей текущей работы следующие знания, умения и навыки?»

4. Структура анкетного листа*

Основные блоки вопросов	Вопросы
1. Вводные вопросы	Наличие работы, основные занятия в текущий момент,
2. Социально-демографический блок	Пол, возраст, образование, регион проживания, размер населенного пункта, семейное положение, наличие несовершеннолетних детей, уровень дохода

3. Вопросы о текущей трудовой деятельности — I (факты)	Сфера/отрасль, форма занятости, размер предприятия, форма собственности, наличие подработок, дополнительной работы, варианты дополнительной занятости
4. Вопросы о текущей занятости — II (факты)	Должность/трудовая роль по основному месту работы, профессиональный статус, длительность занятости на текущей работе, продолжительность рабочего дня и недели, режим труда, размер заработной платы/трудового дохода
5. Трудовая биография (факты)	Трудовой стаж, количество перерывов в трудовой деятельности, причины перерывов в работе, длительность времени без работы, частота смены места работы и профессии, смена места жительства из-за работы
6. Профессиональное развитие (факты)	Участие в повышении квалификации и получении профессионального образования после начала трудовой деятельности, мнения респондентов относительно результатов повышения квалификации или получения образования
7. Соответствие квалификации занимаемому месту работы (самооценки респондентов, факты о текущей работе)	Требования по образованию на занимаемой должности, соответствие образования респондента занимаемой должности, соответствие профессиональной подготовки респондента занимаемой должности, необходимость повышения квалификации/профподготовки на занимаемой должности, прохождение обучения для выполнения трудовых обязанностей, формы обучения, частота, время и сроки обучения/повышения квалификации, кто оплачивал обучение
8. Поиск новой работы (факты, мнения)	Активность в поиске новой работы, длительность поиска работы, направления поиска работы, каналы поиска, область/сфера поиска работы, интенсивность поиска, причины поиска работы, причины неудовлетворенности текущим местом работы, беспокойство потери текущей работы, уверенность в способности найти новую работу, способность найти новую работу не хуже прежней и за определенной период времени
9. Компетентность работников (самооценки)	Важность отдельных групп компетенций для выполнения текущей работы (шкала, прил. 3), обретение компетенций для выполнения текущей работы, достаточность и нехватка определенных компетенций, наличие компетенций, не востребованных в текущей работе, мнения, относительно причин невостребованности компетенций на текущем месте работы, сожаления, относительно незадействованных компетенций, удовлетворенность профессионализмом респондента стороны руководства, коллег, вопрос о том, насколько текущий профессионализм позволяет легко найти работу

	или иметь предложения о работе, вопрос о поощрении работников за компетентность, изменение требований к профессионализму со стороны фирм, заказчиков, общий вопрос о том, какие стороны трудовой деятельности меняются сегодня быстрее всего.
10. Планирование трудовой деятельности (мнения, факты)	Планирование трудовой карьеры, практики планирования и проявления активности в труде, внешние обстоятельства, затрудняющие ведение трудовой жизни и построение планов, помощь окружению в трудовой деятельности

* Анкетный лист перед началом исследования оценивался экспертами факультета социологии СПбГУ и научно-исследовательского комитета «Социология труда» Российского общества социологов (все замечания экспертов учтены).

STRATEGIES FOR MAINTAINING EMPLOYMENT AND PROFESSIONALISM AMONG RUSSIAN WORKERS¹

Irina Sizova (sizovai@mail.ru)

Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Citation: Sizova I. (2024) Strategii podderzhaniya zanyatosti i professionalizma rossiyskimi rabotnikami [Strategies for maintaining employment and professionalism among Russian workers]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(2): 38–62 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.2.2>. EDN: EQQYVV

Abstract. The Fourth Industrial Revolution and technological development contribute to shortening the service life of the competencies accumulated by employees and encourages them to acquire new or improve previously mastered knowledge, skills and abilities. The article deals with the problem of the involvement of the population in employment and its maintenance in the long term. In particular, the perception of modern workers of the current requirements in the labor market and their actions on self-management by professionalism are analyzed. The first part examines the concept of “new professionalism”, which emphasizes the role of workers’ competencies in achieving individual labor results. The second part of the article presents the results of a sociological survey of the working population in Russia. They showed that in the last decade, employment in Russia has been associated with a high degree of worker mobility, including significant breaks in work experience and frequent job changes. Breaks are

¹ The research was supported by RSF (project no 23-28- 00011) “Lack of competence of employees in open remote labor markets in conditions of socio-economic uncertainty”.

more common for people starting and ending their working career. If breaks in work are more typical for women, then a change of place of work is for Russian men. The revealed specifics of employment obviously affect the perception and self-management of professionalism by employees. Both actions (breaks and job changes) are combined with a change of profession. If people voluntarily give up their current job, then, as a rule, the leading reasons are dissatisfaction with its professional aspects. On the contrary, excessive passivity is characteristic of those workers who are not going to change it. The existing system of vocational education in the country does not cover all employees who want to improve their competencies. There remains a significant resource that is covered by informal content. Professionalism in the perception of employees is more related to the need to master such competencies as handling information, stress tolerance, specialized knowledge and sociability. Employees also have an excess of knowledge and skills that are not involved in the current work. In general, employees are confident that the content of labor is currently being transformed in the employment system, unlike, for example, from the previous time, when the organization of labor, which now exists unchanged, was significant for the growth of labor productivity.

Keywords: professionalism, competencies, labor market, employment, self-management, career, human capital.

References

- Adamchik V.A., Hyclak T.J., Sedlak P., Taylor L.W. (2019) Wage returns to English proficiency in Poland. *Journal of Labor Research*, 40: 276–295.
- Azevedo A., Apfelthaler G., Hurst D. (2012) Competency development in business graduates: an industry-driven approach for examining the alignment of undergraduate business education with industry requirements. *The International Journal of Management Education*, 10(1): 12–28. <https://doi.org/10.1016/j.ijme.2012.02.002>.
- Castells M. (2000) *Informacionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: Economy, society and culture]. Moscow: HSE (in Russian).
- Dobryakova M. (2023) *Uchenik vyigryvaet: znaniya, gramotnosti i kompetentnosti v shkole* [The student wins: knowledge, literacy and competence at school]. Moscow: HSE (in Russian).
- Elsholz U., Neu A. (2019) Akademisierung der Arbeitswelt — Das Ende der Beruflichkeit? [Academization of the world of work — The end of the profession?]. *AISStudien*, 12(1): 6–18.
- Felstead A., Gallie D., Green F., Zhou Y. (2007) *Skills at Work in Britain, 1986 to 2006*. ESRC Centre on Skills, Knowledge and Organisational Performance. [<https://orca.cardiff.ac.uk/id/eprint/68042/1/Skills%20at%20Work,%201986%20to%202006.pdf>] (accessed: 15.11.2023).
- Fragoulis I. (2011) Social Skills for Successful Career Development. *Review of European Studies*, 3(1): 85–93. <https://doi.org/10.5539/res.v3n1p85>.
- Frey C.B., Osborne M.A. (2013) The future of employment: How susceptible are jobs to computerisation? *Oxford: Oxford University Martin Programme*. [https://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/downloads/academic/The_Future_of_Employment.pdf] (accessed: 11.11.2023).

Goffman E. (2009) *Ritual vzaimodejstviya. Oчерki povedeniya licom k licu* [The ritual of interaction. Sketches of face-to-face behavior]. Moscow: Smysl (in Russian).

Habermas Y. (2022) *Teoriya kommunikativnoj deyatel'nosti* [Theory of communicative activity]. Moscow: Ves' mir (in Russian).

Hazlina A.N., Ramayah T., Wilson C., Kummerow L. (2010) Is entrepreneurial competency and business success relationship contingent upon business environment? A study of Malaysian SMEs. *International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research*, 16(3): 182–203. <https://doi.org/10.1108/13552551011042780>.

Hecklau F., Galeitzke M., Flachs S., Kohl H. (2016) Holistic approach for human resource management in Industry 4.0. *Procedia CIRP*, 54: 1–6. <https://doi.org/10.1016/j.procir.2016.05.102>.

Hochschild A. (2019). *Upravlyaemoe serdce. Kommerzializatsiya emocij* [A controlled heart. Commercialization of emotions]. Moscow: Delo (in Russian).

Husain M.Y., Mokhtar S.B., Ahmad A.A., Mustapha R. (2010) Importance of employability skills from employers' perspective. *Procedia. Social and Behavioral Sciences*, 7(C): 430–438. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2010.10.059>.

Kuzmina Yu.V., Popov D.S. (2015) Funkcional'naya gramotnost' vzroslyh i ih vkluchennost' v obshchestvo v Rossii [Functional literacy of adults and their inclusion in society in Russia]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 7: 48–57 (in Russian).

Meyer R., Haunschild A. (2017) Individuelle Kompetenzentwicklung und betriebliche Organisationsentwicklung im Kontext moderner Beruflichkeit — berufspädagogische und arbeitswissenschaftliche Befunde und Herausforderungen [Individual competence development and corporate organizational development in the context of modern professionalism — findings and challenges in vocational education and work studies]. *bwp@. Berufs- und Wirtschaftspädagogik — online*, 32: 1–20.

Murnane R.J., Willett J.B., Duhaldeborde Y., Tyler J.H. (2000) How important are the cognitive skills of teenagers in predicting subsequent earnings? *Journal of Policy Analytics and Management*, 19(4): 547–568.

Noordegraaf M. (2015) Hybrid Professionalism and Beyond. *Journal of Professions and Organization*, 2(2): 198–206.

Noordegraaf M. (2020) Protective or Connective Professionalism? How Connected Professionals Can (Still) Act as Autonomous and Authoritative Experts. *Journal of Professions and Organization*, 7(2): 205–223.

Parsons T., Platt G. (1975) *The American University*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Podolskiy O.A., Popov D.S., Rylko E.D. (2015) *Naskol'ko kompetentny segodnya vzroslye rossiyanе. Rezul'taty Programmy mezhdunarodnoj ocenki kompetencij vzroslyh (PIAAC) v Rossijskoj Federacii* [How competent are adult Russians today. Results of the Program of International Assessment of Adult Competencies (PIAAC) in the Russian Federation.]. Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki, Institut obrazovaniya (in Russian).

Popov A.V., Soloveva T.S. (2023) Osobennosti i perspektivy razvitiya sfery truda i zanyatosti v Vologodskoj oblasti [Features and prospects of the labor and employment development in the Vologda region]. *Social'no-trudovye issledovaniya* [Social and labor research], 53(4): 41–53 (in Russian).

Rekvitz A. (2022) *Obshchestvo singulyarnostej. O strukturnyh izmeneniyah epohi moderna* [Society of Singularities. About the structural changes of the modern era]. *DirectMESIA* [<https://www.directmedia.ru/book-687570-obschestvo-singulyarnostey-o-strukturnyh-izmeneniyah/>] (accessed: 10.11.2023) (in Russian).

Rieckmann M. (2012) Future-oriented higher education: Which key competencies should be fostered through university teaching and learning, *Futures*, 44(2): 127–135. <https://doi.org/10.1016/j.futures.2011.09.005>.

Rosendahl A., Wahle M. (2016) Debatten zur Krise von Beruf und Beruflichkeit: A Never Ending Story? *awp@. Berufs- und Wirtschaftspädagogik — online*, 29: 1–23.

Škrinjaric B. (2022) Competence-based approaches in organizational and individual context. *Humanities and Social Sciences Communications*, 9: 1–12. <https://doi.org/10.1057/s41599-022-01047-1>.

Toshchenko Zh.T. (2022) Novoe social'no-ekonomicheskoe yavlenie: prekariat [A new socio-economic phenomenon: the precariat. Economy and society.]. *Noonomika i nooobshchestvo. Al'manah trudov INIR im. S.YU. Vitte* [Noonomics and New-society. Almanac of works of the INIR named after S.Y. Witte], 1(1): 146–161 (in Russian).

Verhaest D., Omey E. (2006) The impact of overeducation and its measurement. *Social Indicators Research*, 77(3): 419–448.

Yang M.Y., You M., Chen F.C. (2005) Competences and Qualifications for Industrial Design Jobs: Implications for Design Practice, Education and Student Career Guidance. *Design Studies*, 26: 155–189. <http://dx.doi.org/10.1016/j.destud.2004.09.003>.

Ziegler B., Tenberg R. (Hrsg.). (2020) *Berufsbildung 4.0. Steht die berufliche Bildung vor einem Umbruch?* Bonn: Bundesinstitut für Berufsbildung.

РАБОЧЕЕ ВРЕМЯ И ТВОРЧЕСТВО: ОПЫТ ПРАКТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Дмитрий Николаевич Лыткин (dimanlit2010@yandex.ru)

Социологический институт РАН — филиал ФНИЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Лыткин Д.Н. (2024) Рабочее время и творчество: опыт практического исследования. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(2): 63–85.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.2.3>. EDN: EYKWHU

Аннотация. История изучения рабочего времени непосредственно связана с развитием рабочих отношений. Строгий индустриальный учет каждой минуты все больше отходит на второй план ввиду развития новых постиндустриальных отношений. Новую экономику называют по-разному, одно из ее названий — «креативная». Оно подчеркивает особый нематериальный вклад человека в развитие экономики. Тот же «человеческий», личностный или антропологический фокус приобретает рассмотрение рабочего времени. Проблемы возникают при анализе государственных организаций, чей режим работы более других подчинен административным, бюрократическим правилам. Рассмотрению таких организаций на примере библиотек, домов культуры и учреждений дополнительного образования посвящена статья. Исследование направлено на изучение работников как носителей интересующего нас творческого начала, а не как сотрудников организаций. В связи с этим в качестве основного метода исследования выбрано интервью. Работа написана на основе восьми интервью, взятых автором в июне 2020 г. в городах Кемерово и Полысаево и 12 интервью 2021 г. в Санкт-Петербурге. В качестве вспомогательных методов использованы проективные методики «Линия жизни» и «Изображение рабочего места». Полученные выводы свидетельствуют о зависимости между количеством творческой работы в организации и количеством свободы, которой обладают ее сотрудники, особой важности самоконтроля среди работников, который трансформируется с учетом специфики творческой работы. Продемонстрирована взаимосвязь социальной жизни города и биоритмов.

Ключевые слова: рабочее время, творчество, креативный труд, биоритмы, социальное время, менеджеральное время, свободное время, контроль.

Введение

Управление временем одна из центральных задач любой организации. Осмысление рабочего времени осложнено двумя противоположными тенденциями в социологии, а именно пониманием времени как организационного ресурса и как некой независимой социальной реальности. Первую трактовку мы будем называть менеджеральной, она берет свои истоки из раннего марксизма с его идеей «абстрактного труда» (К. Маркс,

Ф. Энгельс), впоследствии развиваясь в рамках научной организации труда и заводской социологии (Ф. Тейлор, А. Файоль, А.К. Гастев, П.М. Керженцев, В.Н. Муравьев, Г.А. Пруденский, В.А. Артёмов) и продолжаясь в работах по менеджменту (П. Друкер, С.Т. Паркинсон). Менеджерияльное время — это время управления работником, время, по которому рассчитан каждый процесс по строго выверенным формулам, это время, зафиксированное в инструкциях и трудовом договоре. Противоположность «менеджерияльного времени» — концепция социального времени, развитая в работах Э. Дюркгейма, Ж. Гурвича (Гурвич 1964: 31–57), П. А. Сорокина, С.Г. Струмилина (Струмилин 1982: 178–190), Р.К. Мертон, В.П. Яковлева (Яковлев 1980: 15–31), П. Штомпки, В.Д. Патрушева (Патрушев 2001), Э. Гидденса, Э. Шейна. Социальное время — это время жизнедеятельности человека, его нельзя посчитать количественно, оно течет неравномерно, проявляясь в событиях и явлениях, которые определяют его ритм и темп.

Само по себе подобное деление времени весьма условно, все дело в природе социального времени, которое в своих масштабах превосходит время менеджерияльное¹. Мы обратимся к создателям концепции социального времени Э. Дюркгейму, П.А. Сорокину и Р.К. Мертону, чтобы раскрыть этот тезис. Э. Дюркгейм доказывал общественный характер времени через средства, с помощью которых мы измеряем его, т.е. календаря и часов, целью которых являлось упорядочивание и регулирование социальной жизни общины (Дюркгейм 2018: 65). П.А. Сорокин и Р.К. Мертон исходили из похожих предпосылок, указывая на то, что время без обращения к социальной жизни общества теряет всякий смысл, превращаясь в обезличенное или астрономическое (Сорокин, Мертон: 113–114). Фактически менеджерияльным временем мы называем своеобразную систему координат, которая состоит из упорядоченных организационных референтных точек, устанавливающих сроки в трудовых договорах, приказах, распоряжениях, инструкциях или фиксирующих время выполнения работ в служебных записках, отчетах, справках и т.д. Таким образом, менеджерияльное время не является антиподом или альтернативой социальному времени, оно лишь отдельное подпространство, протекающее и проявляющее себя в организации, а также везде, где человек пытается подчинить себе время.

Если посмотреть на историю развития организаций, мы можем увидеть, что с началом индустриальной эпохи, особенно с появления конвей-

¹ Более подробно наша концепция социального времени представлена в другой статье: (Лыткин 2022: 124–131)

ерной формы организации труда, и до начала XXI в. во временном распределении явно доминировал менеджериальный подход. Чтобы подкрепить данный тезис, вернемся к идее абстрактного труда. Абстрактный труд — это «простое вложение рабочего времени, овеществленное в стоимости» (Берарди 2019: 65). Данная концепция исходит из того, что любую деятельность можно посчитать по минутам и разделить на трудочасы, идеальный тому пример — работа рабочего у станка, чью деятельность в начале XX в. регулировали с помощью хронометров. Менеджериальная организация также способствовала возникновению дисциплины в организациях (Гидденс 2005: 221). Само деление на социальное и менеджериальное время ранее было довольно четким, деятельностью, связанной с творчеством, занимались инженеры, тогда как обычные рабочие просто вкладывали обезличенный труд (Горц 2010: 49). Изменилось все с началом XXI в. и концом индустриальной эпохи, когда человек был освобожден от рутинных процедур, а в работе возросла важность учета и социального компонента. Осложнено данное обстоятельство тем, что социальное время ввиду своей крайней персонифицированности и субъективности принципиально неподотчетно контролю со стороны руководства, его невозможно в точности распланировать, это порождает конфликт со временем менеджериальным. Данный вывод будет раскрыт в эмпирической части статьи при обсуждении роли вдохновения в работе креативных специалистов¹.

Отмеченные перемены в распределении рабочего времени связаны с возросшей важностью профессий, основанных на интеллектуальном труде, и появлением новой IT-отрасли. Ученые называют этот труд то креативным, а его представителей креативным классом (Флорида 2016: 58), то когнитивным, а тех, кто им занимается, — когнитариатом (Берарди 2019: 142). Заявляют также о появлении нового «нематериального капитала», экономики знаний (Горц 2010: 41) и семиокапитализма (Берарди 2019: 15). Анализируют сложившуюся ситуацию с разных сторон, например одни рассматривают, какую роль в данном процессе играет дигитализация и развитие технологий (Вайсман 2019), другие — какие проблемы могут породить данные изменения (Гребер 2020), третьи пытаются объяснить их на языке цифр и экономики (Тросби 2018). Но так или иначе каждый из авторов, рассматривая происходящие организационные трансформации, касается темы времени.

¹ В статье в качестве синонимов используются термины «работник», «сотрудник», «специалист», такое разделение не является принципиальным вопросом в рамках статьи, цель такого дробления — избежание повторов и тавтологии.

Конфликт менеджерияльного и социального времени наиболее четко проявляет себя в организациях, деятельность которых сосредоточена на умственном труде, так называемых креативных организациях. Структура рабочего времени в таких организациях не обладает целостностью и системностью, труд сотрудников происходит не только внутри организации, но и вне ее стен, происходит слияние рабочего и свободного времени человека. Это обусловлено важным компонентом в работе таких сотрудников, как вдохновение, его нельзя учесть в документах и планах. Подобные обстоятельства ставят организацию в зависимость от крайне непредсказуемого личного времени человека с его биоритмами и особым взглядом на рабочий процесс. Конфликт решают по-разному. Этим, в частности, обусловлен всплеск нестандартных форм занятости, таких как фриланс, проблема лишь в том, что не все профессии и сотрудники могут стать фрилансерами. Это крайне затруднительно для работников государственного сектора. Государственные организации обладают четким рабочим графиком. Подкрепляет данную тенденцию также то, что П.Дж. Димаджо и У.В. Пауэлл называют принудительным изоморфизмом¹ (Димаджо, Пауэлл 2010: 40), благодаря которому происходит унификация государственных учреждений. Тем не менее в таких организациях всегда существовало большое количество сотрудников, чья деятельность полностью или частично построена на творчестве, это работники библиотек, домов культуры, домов детского творчества. Собственно, для подобных организаций данная проблема не нова, на их примере можно увидеть, каким образом они решают дилемму распределения социального и менеджерияльного времени. Актуальность исследованию данных профессий придают стремительные перемены, происходящие в российском обществе, которые вызваны федеральными национальными проектами, особенно проектом «Культурная среда», в рамках которого предусматривается модернизация детских школ искусств, переоснащение муниципальных библиотек по модельному стандарту, реконструкция детских театров, реновация учреждений культуры, строительство, реконструкция и капитальный ремонт сельских ДК и др. В этом списке особенно сильно выделяются библиотеки, которые долгое время выполняли сугубо образовательную функцию, тогда как теперь на них перекладывается функция организации досуга населения, из них

¹ Конкретный разбор соотношения типов изоморфизма в подобных организациях не является предметом статьи, тем не менее можно сделать вывод, что подобные организации в большей степени подчиняются принудительному и нормативному изоморфизму и в меньшей степени — подражательному.

пытаются сделать некие центры, цель которых — аккумуляция культурной жизни района.

Важно обратить внимание на изменения рынка труда, связанные с возрастающей важностью умственного или когнитивного компонента в деятельности современных организаций, а также с трудностями, связанными с временным учетом и контролем данного компонента. В статье эта проблема обозначена в виде конфликта в виде конфликта менеджериального и социального времени. Мы предлагаем рассмотреть, каким образом этот конфликт разрешается в государственных организациях, чей профиль работы связан с творческой или креативной деятельностью. Целью работы — анализ особенностей и структуры рабочего времени креативных специалистов и организаций.

Рабочей гипотезой является предположение, что рабочее время в организациях творческой направленности, прописанное в официальных документах и должностных инструкциях, не совпадает с реальным, фактическим протеканием рабочего времени, а иногда противоречит ему.

Для этого предлагается рассмотреть следующие вопросы:

1. Каким образом сочетается формальное (зафиксированное в документах) рабочее время с реальным, насколько они совпадают или противоречат друг другу?
2. Посредством чего осуществляется контроль над креативными специалистами, на чем строится дисциплина в «креативных организациях»?
3. Какое рабочее пространство более приемлемо с точки зрения выполнения работниками поставленных им задач?
4. Оказывают ли влияние личные биологические особенности (биоритмы) работников на качество выполнения ими своей работы и возможно ли учитывать их при планировании?

В ходе работы предлагается ответить также на вопрос, является ли творческая, креативная работа принципиально неподотчетной любому управленческому учету и контролю или же она видоизменяется в зависимости от характера выполняемой работы и целей организации?

Анализ проблемы представим по двум составляющим — теоретической, в которой будут даны определения, использованные в работе, и эмпирической, состоящей из описания проведенных автором исследований.

Теоретическая основа исследования

Теоретическими предпосылками для изучения рабочего времени, его изменения в зависимости от пространства организации и характера труда выступает концепция социального времени, наиболее полно представленная в работе П.А. Сорокина и Р.К. Мертон «Социальное время: опыт

методологического и функционального анализа». В трактовке авторов социальное время — «это время, отражающее изменение движения социальных феноменов в терминах других социальных феноменов, принятых за референтные точки» (Сорокин, Мертон 2004: 114). Основная же идея заключается в том, что время — это социальное явление, но детерминировано жизнью общества, в котором оно протекает, его ритмом жизни, «производственным профилем»¹, культурой. Опора на данный теоретический концепт дает нам ответ на вопрос «Зачем вообще качественно изучать рабочее время различных профессий?» Им становится утверждение, что работа накладывает определенный отпечаток на восприятие времени сотрудниками различных организаций и профессий, рабочее время нельзя свести к строгому, раз и навсегда определенному стандарту, который был бы справедлив для каждой специальности. Примером такого восприятия, например, является полихроническое и монокроническое время (Шейн 2001: 100). Люди с монокроническим взглядом видят время в виде дороги, продвижение по которой невозможно без преодоления предыдущего этапа, полихронизм же измеряется в конкретных действиях, которые могут быть сопряжены между собой. На практике часто происходит сопряжение обоих типов восприятия. Так, люди, занимающиеся творчеством, видят время сезонами, которые включают в себя какое-либо ключевое событие вроде концерта, организации выставки, в этом отношении проявляется их монокронизм, но между сезонами у них происходят репетиции, подготовка к другим мероприятиям, что является чертой полихронического восприятия.

Исследовать рабочее время можно с различных позиций, используя при этом разнотипные социологические методы. Можно «рассмотреть» время при помощи документов, регулирующих трудовые отношения, таких как инструкции, трудовые договоры и т.д. Подобный «юридический» взгляд на природу рабочего времени вполне может подойти под задачи сравнительного исследования, целью которого является рассмотрение различных типов организаций с целью выявления наиболее эффективных из них или рассмотрения их преимуществ и недостатков. Подобный взгляд также полезен в рамках решения прикладной задачи, цель которой — проведение структурных изменений в организации, а также, например, при распределении функционала ее работников. Недостатком подобной так-

¹ Под производственным профилем мы понимаем в широком смысле разницу в восприятии времени, отмеченную авторами, в скотоводческих и аграрных культурах, но также любую разницу в восприятии времени, проистекающую из рабочей деятельности человека.

тики исследования является ее «оторванность от людей», такой метод изучения не отвечает на вопрос, каким образом сами люди видят свою работу, каким образом она влияет на их. Подобного недостатка лишены качественные социологические методы, такие как интервью и наблюдение, которое позволяют увидеть работу глазами самих сотрудников. Наиболее предпочтителен метод интервью ввиду больших трудозатрат и приготовлений, необходимых для наблюдения. В данном отношении примером работы с использованием метода интервью можно считать работу Д. Гребера «Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда». Выводы автора целиком основаны на интервью, он обосновывает данный метод на допущении, что только работник может определить ценность своей работы (Гребер 2020: 43–44). Перенося эту же логику на нашу работу, мы можем отметить, что только работник может правильно оценить течение рабочего времени в своей профессии. Несмотря на этот вывод, стоит сказать, что менеджер, используя метод наблюдения за несколькими работниками, выполняющими одинаковую работу, также может оценить ценность рабочего времени с позиции организации.

В работе также будет затронута тема творческих профессий, и в данном случае мы вслед за Р. Флоридой будем называть их представителей креативным классом. Концепция Р. Флориды строится на выделении суперкреативного ядра и креативных специалистов (Флорида 2016: 371).

Суперкреативное ядро — это представители профессий в области программирования и математики, архитектуры и инженерного дела, естествознания и социологии, образования, профессиональной подготовки и библиотечного дела, искусства, дизайна развлечений, спорта и средств массовой информации. К креативным профессионалам относятся управленческие профессии, профессии в области бизнеса и финансов, права, в здравоохранения (врачи и технические специалисты), а также руководящие профессии в области продаж и управления продажами.

В нашей же работе внимание сосредоточено на специалистах из двух последних групп суперкреативного ядра, а именно на профессиях в области образования, профессиональной подготовки и библиотечного дела, а также на профессиях в области искусства, дизайна, развлечений, спорта и средства массовой информации. Это, в частности, обусловлено некоторым отличием, которое мы вкладываем в понятия креативности и творчества. Определенно каждый творческий процесс креативный, но не каждый креативный процесс творческий. Все потому, что для нашей работы творчество неразрывно связано с понятием искусства. Вообще, ставя во главу работы такую характеристику работников, как творчество, мы должны признать ее крайнюю субъективность. Тут снова можно

обратиться к Р. Флориде. Объясняя природу нового креативного класса, он говорил о том, что его представители не считают себя представителями какого-либо класса (Флорида 2011: 57), что, конечно, не говорит о том, что они к нему не принадлежат. Так, при обсуждении возможности взять интервью у сотрудника детской библиотеки мы столкнулись с отрицанием работником того, что его работа является творческой, но по результатам интервью сразу стало понятно, что это не так, так как сам сотрудник, отвечая на вопрос, мешает ли ему бумажная работа выполнять свои рабочие обязанности, характеризовал свою работу как творческую. Подобное можно объяснить тем, что называют «оговоркой по Фрейду», когда человек бессознательно говорит то, о чем думает.

Подводя итог данному разделу, обратимся еще раз к цели статьи. Статья направлена на рассмотрение того, каким образом происходит функционирование рабочего времени в организациях творческого профиля, какие специфические особенности оно приобретает в них. Помимо обращения к организации, нас интересует, как сами работники — креативные специалисты распоряжаются рабочим временем, как воспринимают и видят его. Через акцент на восприятие рабочего времени сотрудниками мы собираемся проследить, где проходит граница между личным, социальным и рабочим временем креативных специалистов.

Эмпирическая база исследования

Эмпирический основой статьи выступают восемь полуструктурированных интервью, взятых автором в июне 2020 г. в городах Кемерово и Полысаево, и 12 полуструктурированных интервью 2021 г. — в Санкт-Петербурге. Отметим, что сбор данных происходил в период пандемии Covid-19, тем не менее это не оказало особого влияния на ход работы. В исследуемых организациях (библиотеки, дома детского творчества, дома культуры) могли быть отменены мероприятия, занятия с людьми, сокращен рабочий день, тем не менее они продолжали оставаться открытыми, а персонал присутствовал на рабочем месте. Это позволило в частном порядке без официального запроса «напроситься» к респондентам для взятия интервью, на что большинством соглашалось, тем более что работы в этот период у них не было. Особенно актуально это замечание для интервью, взятых в Кемерово и Полысаево, так как в Санкт-Петербурге на момент проведения исследования самые жесткие ограничения были сняты и организации работали в штатном режиме. Тем не менее два респондента из Кемерово были опрошены с применением дистанционных технологий. Половой состав смещен в сторону женщин — 16 против четырех.

Оба исследования были нацелены на рассмотрение и выявление особенностей протекания рабочего времени сотрудников организаций. В рамках первого акцент делался на работников с ненормированным рабочим днем, тогда как во втором это были сотрудники творческого профиля (педагоги дополнительного образования, библиотекари, сотрудники домов культуры). Вопросы касались изучения связи биоритмов с рабочим временем работников, выяснялось значение бумажной работы и то, какую роль в деятельности сотрудников играют переработки и форс-мажорные обстоятельства, а также самоконтроль и тайм-менеджмент, уделялось внимание рассмотрению совпадения реального рабочего графика с тем, который задокументирован. Несмотря на отличия в выборке и опросном листе (интервью были полуформализованные), в целом ряд вопросов повторялся, а респондентов можно отнести к творческому персоналу, или креативному классу. Во втором исследовании использовались также проективные методики: в рамках одной работники должны были нарисовать свое рабочее место, в рамках другой изобразить в качестве линии свой рабочий день (аналог методики «Линия жизни»). Рисунки анализировались с учетом комментариев, озвученных респондентами при изображении рабочего места и при выборе линии.

Переходя к анализу полученных данных, стоит уточнить, что цель анализа — выяснение особенностей и структуры рабочего времени креативных специалистов и организаций с преобладающим числом креативных работников.

Время творческих организаций

Анализ проведенных исследований стоит начать с раскрытия формальной стороны рабочего графика респондентов. Отвечая на вопрос о своем рабочем графике, 13 респондентов ответили, что он является ненормированным, семеро признали его нормированным. Нормированный график работы наблюдался преимущественно у работников библиотек, ненормированный — у сотрудников домов культуры, театров и домов детского творчества. Согласно первому графику, сотрудник должен находиться на рабочем месте в строго определенное время, ненормированный же помимо работы по графику предполагает периодические оплачиваемые переработки, например для работников театров это могут быть репетиции перед важным концертом. С формальной точки зрения сотрудник не должен делать ничего, что не прописано в документах, в реальности же это приводит к такому явлению, как «итальянская забастовка». Попытаемся рассмотреть на эмпирическом материале, каким образом происходит функционирование рабочего времени на практике.

Респонденты, отвечая на вопрос о том, совпадают ли реальные пере-
рывы с теми, что указаны в документах, разделились во мнениях. Причем
это деление особенно явно прослеживается в зависимости от типа учреж-
дения. О совпадении реальных перерывов с документально оформленны-
ми заявляли сотрудники библиотек¹ и учреждений дополнительного
детского образования. Очевидно, что творческая деятельность для первых
является дополнительной, так как само учреждение — это место для чте-
ния и выдачи литературы. Со вторыми учреждениями более сложная
ситуация. Основная аудитория — дети — посещают их во внеучебное
время, а сами учреждения напоминают школы с классами и переменами,
даже сами сотрудники работают там часто не на полную ставку, а совме-
щая с работой в школе. Перерывы такими сотрудниками рассматривают-
ся с точки зрения перемен, тогда как, отвечая, например, об обеденном
перерыве, они отвечают, что он не регулируется и может совмещаться
параллельно с работой.

Приведем несколько примеров, подтверждающих сделанный вывод.

*Да на рабочем месте, вместе с детьми что-нибудь быстро чайку
попили... Ну в документах регулируются, но нам как, иногда, нам не
до чая (сотрудница подростково-молодежного клуба «Параллель»);*

*Вот вы говорите зона обеда, я могу сесть пообедать, ну перекусить
за своим столом рабочим, но на самом деле я могу и здесь сесть пообе-
дать, могу там сесть пообедать, я могу в любом месте делать в прин-
ципе все что угодно... (сотрудница ГБУ «Дом детского творчества
«Левобережный» № 1»)*

Только сотрудники библиотек однозначно заявили о полном совпаде-
нии режимов. Тогда как сотрудники домов культуры однозначно отметили,
что перерывы в документах не совпадают с реальными перерывами. Таким
образом, можно предположить, что чем более учреждение режимное, тем
более подчинены перерывы рабочим графикам и тем более они совпадают.
Развивая данный тезис, отметим, что чем больше в работе учреждения
творческой работы, тем менее документально оформленный график рабо-
ты совпадает с реальным, то же самое касается и переработок.

Обращаясь к теме перерывов, нельзя не отметить, что они являются
частью более общей системы контроля, которую нельзя обойти. Само

¹ Одна из работниц библиотеки после интервью, когда я решил уточнить о до-
кументальной составляющей перерывов, сказала, что перерывы не прописаны
в документах, тем не менее на практике существуют.

возникновение дисциплины обусловлено тягой человека к подчинению времени производственным ритмам, о чем пишет Э. Гидденс, анализируя работы М. Фуко. Но, проследивая эволюцию дисциплины, Гидденс замечает, что первоначальная строгость правил, которые считались необходимыми для наиболее эффективной работы, сменилась большей свободой для работников (особенно творческих профессий), так как сама общая цель работы сближает сотрудников организации и мотивирует их на ее лучшее исполнение (Гидденс 2005: 233–234). Все большую роль в работе творческих сотрудников играет самоконтроль и тайм-менеджмент, чью важность они сами отмечают.

...на самом деле он важен, потому что нам приходится выполнять очень много обязанностей и нужно контролировать время свое, поэтому планирование... тайм-менеджмент называется, да это важно в нашей работе (сотрудница СПб ГБУ «Невская ЦБС. Библиотека № 4»).

До сих пор данное явление остается некоторым негласным требованием и бременем, которое ложится на плечи творческих сотрудников. Например, у педагогов дополнительного образования существует методическая работа, которую большинство из них выполняет в свободное время дома, так как в самой организации заниматься этим невозможно. Подобная работа обязательна с точки зрения их должностной инструкции и является одним из блоков оплачиваемой деятельности, но это не отменяет того факта, что таким образом организация вмешивается в личную жизнь своих сотрудников, «забирая» их свободное время, кроме того, помимо методической работы существуют совещания, посвященные ей, которые и вовсе могут проходить в выходные дни сотрудников и пропускать которые нельзя¹.

...у меня, допустим, суббота вроде бы как официальный выходной, [но] у нас шестидневка, у меня рабочий день и мои выходные выпадают на рабочую неделю и бывает, допустим, какое-то совещание может выпасть на мой выходной день, и я обязана на нем присутствовать, это входит в мои методические часы (сотрудница ГБУ «Дом детского творчества “Левобережный” № 1»).

¹ Похожая система наблюдается и в школах, когда учителям приходится ждать совещаний, даже если на сегодня уроки, которые они должны вести, уже закончились.

В данном ключе стоит обратить внимание на проблему бумажной работы. Судя по результатам интервью, она составляет значительную часть работы творческих сотрудников, в среднем время, затрачиваемое на ее выполнение, составляет 42 %. Такой результат получен в ходе интервью: респондентов просили оценить, какое количество рабочего времени в процентах занимает бумажная работа¹. Это отсылает нас к выводам Джона Кейнса о том, что в XXI в. люди будут работать по 15 часов в неделю². Получается, что время на выполнение непосредственно самой работы у сотрудников сократилось, но при этом ей на смену пришла бумажная работа (к которой можно отнести и совещания) или же не на смену, а на замену, вытеснив производительную работу, на что в основном и жалуются сотрудники. Те же совещания начинают восприниматься ими позитивно только тогда, когда приносят реальную пользу, причем необязательно применительно к работе, это может быть польза с точки зрения укрепления социальных контактов: «Они [совещания] периодические, к счастью, не очень частые, и они довольно хорошо сказываются на взаимоотношениях между коллективом» (сотрудница Рыбацкой библиотеки № 6).

Все это непосредственно влияет и на свободное время сотрудников. Оно вообще является своего рода трагедией творческих сотрудников, которые испытывают его острую нехватку.

Постоянно, постоянно думаешь, как что-нибудь придумать, что-нибудь это самое, дома, интернет или осенило в ванной и высказываешь зарисовываешь [смеется], пока не забыл эскиз (сотрудница под-ростково-молодежного клуба «Параллель»).

Часть опрошенных нами сотрудников решала эту дилемму таким образом, что на время выходных старалась полностью ограничить себя от любых контактов с работой, например не отвечая на телефонные звонки, но, как отмечали сами респонденты, практикующие подобное, не каждый работник способен на это.

Тут зависит от человека, я четко разграничиваю, то есть если мне бывает по работе звонят в мой выходной, я себе позволяю не взять

¹ В данном случае берутся только данные, полученные при интервью в Санкт-Петербурге.

² Интересную интерпретацию подобных явлений можно прочесть в книге Д. Гребера «Бредовая работа», посвященной распространению бессмысленного труда (Гребер 2020).

трубку, ну тут как бы индивидуально (сотрудница Рыбацкого Дома культуры № 2).

Но даже такие действия не способствуют исчезновению чувства нехватки свободного времени. Подобная сложность в разграничении работниками свободного и рабочего времени может быть обусловлена и тем, что творческие работники более остальных связаны со своей организацией, так как их деятельность не только служит способом заработать деньги, но и помогает им самовыражаться.

Несмотря на критическое рассмотрение контроля в творческой работе, стоит отметить, что контроль, осуществляемый руководством творческих организаций, зачастую не мешает работникам, а даже помогает им. Это обусловлено тем, что руководство в таких организациях часто избирается из самой творческой среды. Таким образом, получается, что руководство, знакомое с профилем работы своих сотрудников, осуществляет его более компетентно. Наблюдается та же тенденция, что ранее отмечена в вопросе с перерывами — чем больше в работе учреждения творческой работы, тем сильнее контроль мешает производству творческого контента. Например, работнику может прийти вдохновение, и он задумает произвести какой-то интересный флешмоб, а на него нужно заполнять бумаги, документы, все нужно оформить, и как бы начальство ни старалось облегчить положение таких работников, все равно они испытывают дискомфорт.

...мы готовим мероприятия, у нас их очень много, в месяц 40 мероприятий, в день 1–2 мероприятия, и вот мы приходим и его готовим, то есть с... координируем все службы вместе, распределяем задачи, техотдел, хозяйственный отдел, то есть мы все эти бумаги должны подготовить (сотрудница Культурного центра «Троицкий»).

Сделаем небольшое отступление про вдохновение. Оно является ключевым мотивирующим элементом в работе творческих специалистов, но, несмотря на это, оно же становится и главной антиорганизационной чертой организаций, построенных на производстве творческого продукта. Это обусловлено неподконтрольностью и неподотчетностью вдохновения рабочим графикам организации. Попытка «подчинить» вдохновение, монополизировать и уложить его в строгие рамки менеджеральных норм и правил чревата интерролевым конфликтом: сотрудник в погоне за дедлайнами будет жертвовать качеством работы, что негативно скажется на имидже организации.

Мы приходим к парадоксальному выводу: в организации с более подчиненным режимом работы сотрудники, несмотря на более сильный контроль, обладают определенными преимуществами. Таких сотрудников устраивает контроль начальства, перерывы в их деятельности более всего соответствуют документам, они больше остальных сотрудников, характеризуя свой режим работы, употребляют позитивные слова, например «удобный»: «Режим работы... Ну, наверное, я бы назвала удобный» (сотрудница ГБУ «Дом детского творчества “Левобережный” № 1»).

У таких сотрудников лучше выражены представления об идеальном рабочем месте. В рамках нашего исследования мы просили нарисовать сотрудников их рабочее место или изобразить рабочее место таким, каким бы они хотели его видеть. Собрано 12 рисунков в Санкт-Петербурге. Сотрудники в более режимных организациях рисовали свой кабинет или рабочий стол, тогда как сотрудники второго типа старались изобразить рабочее место, таким, каким бы они его хотели видеть (рис. 1), при этом в объяснении они жаловались на отсутствие личного пространства. В целом более довольны своим рабочим местом были сотрудники, работающие с людьми, — педагоги дополнительного образования, руководители клубных объединений, так как их работа позволяла им иметь собственное помещение, в котором они чувствовали себя главными.

...мне очень комфортно работать, потому что у меня очень комфортное рабочее место, именно, вот для работы я могу, например, сидеть целый день вообще просто вот так за компьютером, просто не вставать, только по каким-то вынужденным мерам, покушать там, и я не устану там находиться, у меня очень комфортное рабочее место я, в то же время оно у меня солнечное, светлое... там есть какие то мелочи приятные мне, на моем рабочем столе, например, когда вот так раз взглянешь и что-нибудь вспомнил (сотрудница Рыбацкой библиотеки № 6).

Использование методики «Линия жизни»¹ (рис. 2) не позволяет сделать однозначных выводов, но большинство респондентов руководствовались представлением о сравнении своей работы с проектной формой занятости. То есть они видели свою работу как преодоление какого-либо рубежа, коим мог выступать концерт или иное мероприятие.

¹ Методика позаимствована из книги «Как собрать данные в полевом качественном исследовании» (Ваньке, Полухина, Стрельникова 2020: 158), с той лишь разницей, что респондентов просили указать, как они видят свою работу.

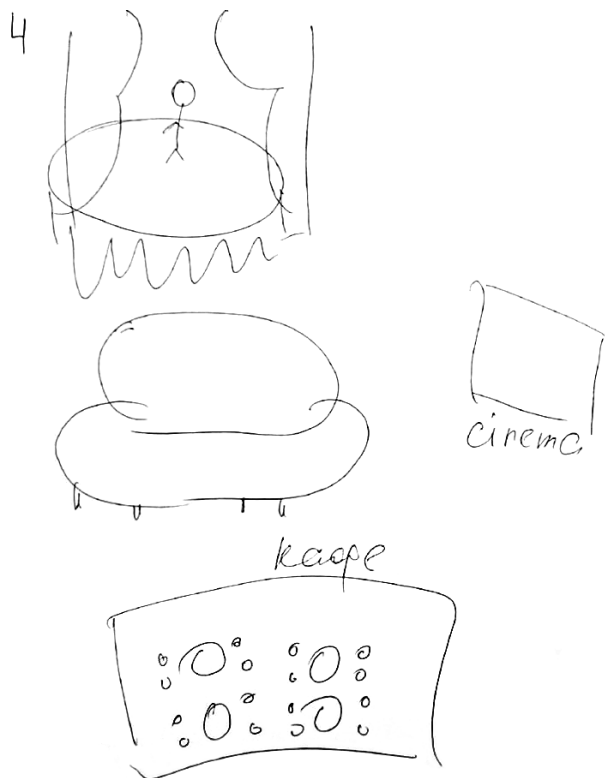

Рис. 1. Пример идеального рабочего места сотрудницы Рыбацкого Дома культуры № 1

...как-то медленно поднимаешься к чему-то, потом пик деятельности потом ты это сделал и выдохнул (сотрудница Рыбацкого Дома культуры № 2);

...всегда на неделе есть какой-то ряд небольших целей, обычно к концу недели мы их завершаем, и у нас в субботу обычно мероприятия какие-нибудь, мы их проводим, завершаем, и на этом пике все заканчивается, и уже в воскресенье у меня выходной, и потом уже начинается следующая неделя (сотрудник Рыбацкой библиотеки № 6).

Именно поэтому никто не выбрал 1, 2 и 7 рисунок, а наиболее популярными были 5 и 6.

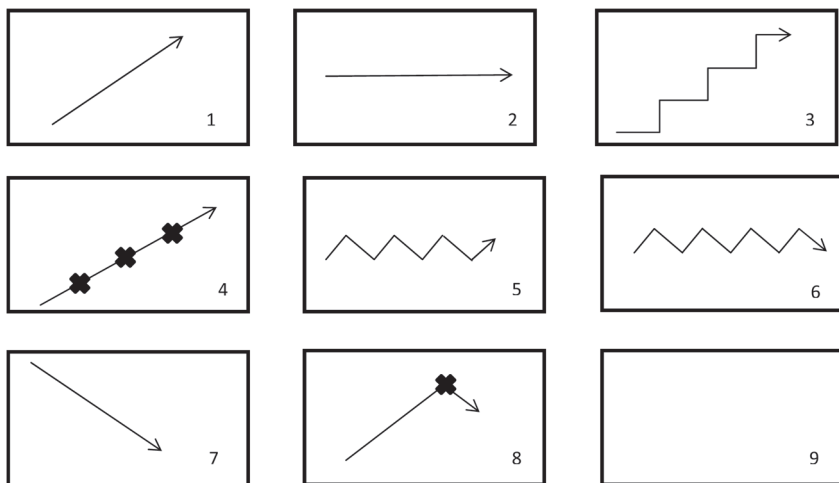

Рис. 2. Методика «Линия рабочего времени»¹

Интересным моментом исследования является рассмотрение роли биоритмов в творческих организациях. Большинство респондентов заявили, что работать им легче вечером, а также что организации даже могут предоставлять возможности выполнять свои трудовые обязанности в удобное для них время.

...иногда мне хочется что-то сделать вне рабочего времени, то есть после 6 вечера условно, я могу остаться и специально это подделать, потому что я понимаю, что сейчас пик моей продуктивности (сотрудница Рыбацкого Дома культуры № 2).

Однако подобная ситуация не является абсолютной по отношению ко всем сотрудникам творческого профиля работы. Различия сильнее всего можно увидеть при сравнении крупных и небольших городов. Так, для организации интервью в небольшом городе Полысаево необходимо было прийти в культурное учреждение ранним утром, чтобы застать респондентов на их рабочем месте. Подобная тактика была применена в Санкт-Петербурге, но выяснилось, что местные культурные учреждения работают в вечернее время и застать работников не получилось. Именно

¹ В последнем рисунке респондентам предлагалось нарисовать собственную линию, если они не находили подходящей в предложенном списке.

поэтому показательным выглядит соотношение «сов» и «жаворонков»¹ среди педагогов дополнительного образования, у которых были взяты интервью в Санкт-Петербурге и Полысаево. В первом все они совы, тогда как во втором — жаворонки. Можно предположить, что в небольших городах общественная жизнь более размеренная и основная активность происходит в первой половине дня, тогда как в крупных городах она активнее, что позволяет учреждениям культуры работать по вечерам, подстраиваясь под потребности местных жителей. На практике это может выражаться, например, в большем количестве проводимых мероприятий в культурном учреждении. Кроме того, на подобное распределение может влиять состав населения. Подобную ситуацию можно объяснить с помощью концепции объективной и субъективной установки А.К. Гастева (1972: 67–68). Суть объективной временной установки в том, что она зависит от промышленности, которая диктует общественную жизнь, субъективная же установка свойственна городам, в которых преобладает сфера услуг², где нет единого градообразующего предприятия. Так, в небольшом городе, в котором были взяты интервью, основной работодатель — это угольный разрез. Работа на угольном разрезе — это работа сменами по 12 часов, из-за чего вечернее время является менее перспективным с точки зрения проведения различных репетиций, так как свободные вечера люди стараются проводить с семьей. Кроме того, в крупных городах типа Санкт-Петербурга сама инфраструктура города позволяет вести вечернюю жизнь. Это выражается, например, в уровне освещенности. В небольших городах свет можно увидеть только на центральных улицах, поэтому после наступления заката людям менее комфортно возвращаться домой. Все это наталкивает на вывод, что общественная жизнь диктует биологической природе человека правила, по которым ему приходится жить. Так, часть сотрудников из небольшого города отмечали,

¹ «Совы», «жаворонки» и «голуби» — название трех хронотипов, т.е. индивидуально присущих каждому человеку часов активности. Жаворонки» рано просыпаются и рано ложатся спать, а их физическая активность приходится на 9–10 часов утра и 16–17 часов вечера. «Совы» поздно отходят ко сну и поздно просыпаются, их пик работоспособности приходится на 11–12 часов утра и 18–20 часов вечера. «Голуби» — это гибридный тип, они любят подольше поспать, но это не мешает им рано отходить ко сну, они более энергичны днем и вечером, а пик их активности приходится на 10–12 часов утра и 15–18 часов вечера (Григорьева 2019).

² Подобные различия также можно именовать хронотопом. Хронотоп имеет множество определений (Мастеров, Некроенко 2014), в данном случае это некая форма надындивидуальных временных установок.

что они совы по своей природе, но им пришлось приспособиться и стать жаворонком: «Я уже привыкла к рабочему времени, хотя лучше чувствую себя утром» (сотрудница ДПО «Дом детского творчества г. Полысаево № 2»).

Заключение

В начале работы мы заявили целью рассмотреть особенности функционирования рабочего времени творческих организаций и креативных работников. Для этого мы поставили ряд вопросов. Так, первый был в рассмотрении сочетания формального и реального рабочего графика специалистов. Ответ на данный вопрос — чем больше в работе учреждения творческой работы, тем менее документально оформленный график работы совпадает с реальным. Ключевой фактор заключается в том, насколько более режимной является та или иная организация, насколько большую роль в ее функционировании играет «свободный полет» творческого сотрудника.

Второй вопрос касался контроля в организациях творческого профиля работы. Наш вывод носит двойной характер. Во-первых, чем больше в учреждении чисто творческой работы, тем сильнее контроль мешает производству творческого контента, во-вторых, осуществление контроля перекладывается на плечи самих работников, это обусловлено пониманием руководства того факта, что творческую работу сложно контролировать в административном порядке, более того, строгий менеджерский контроль может сыграть во вред. Анализ интервью респондентов свидетельствует, что без самоконтроля заниматься творчеством и иметь свободное время невозможно. Этот факт поднимает важность методик, с помощью которых его можно осуществлять, таких как тайм-менеджмент.

Ответом на третий вопрос стал анализ проективной методики «Изображения идеального рабочего места». Анализ полученных результатов позволяет сделать вывод, что повысить качество выполняемой работы, а скорее удовлетворенность специалистов своей работой, может наличие у них собственного рабочего места, в идеальном варианте отдельного кабинета. Это исходит из характера деятельности, предполагающей работу с собственным «внутренним миром», и фактора вдохновения.

Влияние биологического фактора в работе креативных специалистов раскрыто в конце эмпирической части работы. Полученная информация позволяет заключить, что учет биоритмов может положительно сказаться на качестве выполненной специалистами работы. Но в полной мере следование биоритмам невозможно, так как организация не существует

«в вакууме», не служит только интересам самих сотрудников. Это особенно актуально для творческих организаций, предоставляющих свои услуги населению. Организация прислушивается к запросам общества, чем и обусловлено различие в режимах работы в небольших и крупных городах. Это важная особенность социального времени, о которой писали П.А. Сорокин и Р.К. Мертон, отмечая, что время воспринимается по-разному в земледельческих и скотоводческих обществах (Сорокин, Мертон 2006: 115).

Полученные ответы позволяют нам оценить правильность нашей гипотезы. Предположение о том, что творчество является неподконтрольным и антиорганизационным элементом, не выдерживает никакой критики. Административный контроль в креативных организациях сменяется самоконтролем сотрудника. Цель руководства состоит в обеспечении оптимальных условий для работы творческих специалистов. Управление заключается не в надзоре, но в правильной постановке рабочей задачи (дедлайн) и периодической ревизии промежуточных результатов работы. Но предположение о том, что реальное время не совпадает с фактическим, подтвердилось. Действительно, зачастую работа сотрудника происходит во вне рабочее время.

Помимо эмпирического анализа, мы пытались обратить внимание на качественную сторону изучения рабочего времени, обращенную к людям, работающим в тех или иных организациях. Нам видится важным подобная исследовательская оптика ввиду все большего отхода от чисто механического индустриального труда к более творческому и креативному. Исследования, проведенные с использованием концепции социального времени, могут не только повысить производительность организации, но и улучшить качество жизни самих работников, что особенно важно в современном мире с его социальными потрясениями, оказывающими негативное воздействие на психику человека.

Литература

- Берарди Ф. (2019) *Душа за работой: от отчуждения к автономии*. М.: Грюндриссе.
- Вайсман Д. (2019) *Времени в обрез: ускорение жизни при цифровом капитализме*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Ваньке А.В., Полухина Е.В., Стрельникова А.В. (2020) *Как собрать данные в полевом качественном исследовании*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Гастев А.К. (1972) *Как надо работать. Практическое введение в науку организации труда*. М.: Экономика.

- Гидденс Э. (2005) *Устроение общества. Очерк о теории структуризации*. М.: Академический Проект.
- Горц А. (2010) *Нематериальное. Знание, стоимость и капитал*. М.: Издательский дом Государственного университета — Высшей школы экономики.
- Гребер Д. (2020) *Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда*. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Григорьева К.М. (2019) Генетические основы хромотипа человека. *Forcipe*, 2: 242.
- Димаджо П.Дж., Пауэлл У.В. (2010) Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях. *Экономическая социология*, 1: 34–56.
- Друкер П. (2004) *Энциклопедия менеджмента*. М.: Вильямс.
- Дюркгейм Э. (2018) *Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии*. М.: Элементарные формы.
- Лыткин Д.Н. (2022) Структура времени в организации. *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*, 2: 124–131.
- Маркс К., Ф. Энгельс (1959) *Сочинения*. 2-е изд. Т. 13. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.
- Мастеров Б.М., Некроенко Л.М. (2014) Time mentality management: парадигма «Управление хронотопом». *Организационная психология*, 3: 54–68.
- Паркинсон С.Н. (2007) *Законы Паркинсона*. М.: АСТ.
- Патрушев В.Д. (2001) *Жизнь горожанина (1965–1998)*. М.: Academia.
- Пруденский Г.А. (1972) *Проблемы рабочего и вне рабочего времени*. М.: Наука.
- Сорокин П.А., Мертон Р.К. (2004) Социальное время: опыт методологического и функционального анализа. *Социологические исследования*, 6: 112–119.
- Струмилин С.Г. (1982) *Проблемы экономики труда*. М.: Наука.
- Тросби Д. (2018) *Экономика и культура*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Флорида Р. (2016) *Креативный класс. Люди, которые создают будущее*. М.: Манн, Иванов и Фербер.
- Фуко М. (2018) *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М.: Ад Маргинем.
- Шейн Э. (2002) *Организационная культура и лидерство*. СПб.: Питер.
- Штомпка П. (2005) *Социология. Анализ современного общества*. М.: Логос.
- Яковлев В.П. (1980) *Социальное время*. Ростов: Изд-во Ростовского университета.
- Edwards P.N. (2002) Infrastructure and Modernity: Force, Time, and Social Organization in the History of Sociotechnical Systems. In: *Modernity and technology*. Cambridge: MIT Press: 185–226.
- Gurvitch G. (1964) *The Spectrum of Social Time*. Dordrecht: D. Reidel publishing company.

Hartmut R. (2013) *Social Acceleration: A New Theory of Modernity*. N.Y.: Columbia University Press.

Hassard J. (1990) *The Sociology of Time*. N.Y.: St. Martin's Press.

WORKING HOURS AND CREATIVITY: PRACTICAL RESEARCH EXPERIENCE

Dmitriy Lytkin (dimanlit2010@yandex.ru)

Sociological Institute of FCTAS RAS, Saint Petersburg, Russia

Citation: Lytkin D. (2024) Rabocheye vremya i tvorchestvo: opyt prakticheskogo issledovaniya [Working hours and creativity: practical research experience]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(2): 63–85 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.2.3>. EDN: EYKWHU

Abstract. The history of studying working time is directly related to the development of working relationships. Strict industrial accounting of every minute is increasingly receding into the background, due to the development of new post-industrial relations. The new economy is called in different ways, one of its names is “creative”. The name emphasizes the special non-material contribution of a person to the development of the economy. The same “human”, personal or anthropological focus, acquires consideration of working time. Problems arise when considering government organizations whose working hours are more subject to administrative and bureaucratic rules than others. This article is devoted to the consideration of such organizations, using the example of libraries, cultural centers, and institutions of additional education. The research is aimed at studying employees as carriers of the creative principle we are interested in, rather than organizations. In this regard, an interview was chosen as the main research method. The work is based on two 8 interviews conducted by the author in June 2020 in the cities of Kemerovo and Polysaev and 12 interviews in 2021 in St. Petersburg. The projective techniques “Lifeline” and “Workplace image” were used as auxiliary methods. The findings indicate the relationship between the amount of creative work in an organization and the amount of freedom that its employees have, the special importance of self-control among employees, which is transformed taking into account the specifics of creative work. The interrelation of the social life of the city and biorhythms is demonstrated.

Keywords: working time, creativity, creative work, biorhythms, social time, managerial time, free time, control.

References

Berardi F. (2019) *Dusha za rabotoj: Ot otchuzhdeniya k avtonomii* [The Soul at Work: From Alienation to Autonomy]. Moscow: Gryundrisse (in Russian).

DiMaggio P.J., Powell W.W. (2010) Novyj vzglyad na «zheleznuyu kletku»: institucional'nyj izomorfizm i kollektivnaya racional'nost' v organizatsionnykh polyakh [The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields]. *Ekonomicheskaya sociologiya*, 1: 34–56 (in Russian).

Drucker P. (2004) *Enciklopediya menedzhmenta*. [Encyclopedia of Management]. Moscow: Vil'yams (in Russian).

Durkheim E. (2018) *Elementarnye formy religioznoy zhizni: totemicheskaya sistema v Avstralii* [Elementary Forms of Religious Life: the Totemic System in Australia]. Moscow: Elementarnye formy (in Russian).

Edwards P.N. (2002) Infrastructure and Modernity: Force, Time, and Social Organization in the History of Sociotechnical Systems. In: *Modernity and technology*. Cambridge: MIT Press: 185–226.

Florida R. (2016) *Kreativnyy klass. Lyudi, kotorye sozdayut budushchee* [Creative class. People who create the future]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber (in Russian).

Foucault M. (2018) *Nadzirat' i nakazyvat'*. *Rozhdenie tyur'my* [Discipline and punish. The birth of the prison]. Moscow: Ad Marginem (in Russian).

Gastev A.K. (1972) *Kak nado rabotat'*. *Prakticheskoe vvedenie v nauku organizatsii truda* [How to work. A practical introduction to the science of labor organization]. Moscow: Ekonomika (in Russian).

Giddens E. (2005) *Ustroenie obshchestva. Ocherk o teorii strukturatsii* [The organization of society. An essay on the theory of structuration]. Moscow: Akademicheskij Proekt (in Russian).

Gorz A. (2010) *Nematerial'noe. Znanie, stoimost' i kapital* [Immaterial. Knowledge, value and capital]. Moscow: Izdatel'skij dom Gosudarstvennogo universiteta — Vysshej shkoly ekonomiki (in Russian).

Graeber D. (2020) *Bredovaya rabota. Traktat o rasprostranenii bessmyslennogo truda* [Delusional work. A treatise on the spread of meaningless labor]. Moscow: Ad Marginem Press (in Russian).

Grigoryeva K.M. (2019) *Geneticheskie osnovy hronotipa cheloveka* [The genetic basis of the human chronotype]. *Forcipe*, 2: 242 (in Russian).

Gurvitch G. (1964) *The Spectrum of Social Time*. Dordrecht: D. Reidel publishing company.

Hartmut R. (2013) *Social Acceleration: A New Theory of Modernity*. New York: Columbia University Press.

Hassard J. (1990) *The Sociology of Time*. New York: St. Martin's Press.

Lytkin D.N. (2022) *Struktura vremeni v organizatsii* [The structure of time in the organization]. *Teleskop: zhurnal sociologicheskix i marketingovy'x issledovanij*, 2: 124–131 (in Russian).

Marx K., Engels F. (1959) *Sochineniya*. 2nd ed. Vol. 13 [Works]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury (in Russian).

Masterov B.M., Nekroenko L.M. (2014) Time mentality management: paradigma «Upravlenie hronotopom» [Time mentality management: the paradigm of “Chronotope management”]. *Organizatsionnaya psikhologiya*, 3: 54–68 (in Russian).

Parkinson S.N. (2007) *Zakony Parkinsona* [The laws of Parkinson]. Moscow: AST (in Russian).

- Patrushev V.D. (2001) *Zhizn' gorozhanina (1965–1998)* [The life of a citizen (1965–1998)]. Moscow: Academia.
- Postone M. (1993) *Time, Labor, and Social Domination: A Reinterpretation of Marx's Critical Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Prudenskiy G.A. (1972) *Problemy rabochego i vnerabochego vremeni* [Problems of working and non-working time]. Moscow: Nauka.
- Shein E. (2002) *Organizacionnaya kul'tura i liderstvo* [Organizational culture and leadership]. St. Petersburg: Piter (in Russian).
- Sztompka P. (2005) *Sociologiya. Analiz sovremennogo obshchestva* [Sociology. Analysis of modern society]. Moscow: Logos (in Russian).
- Sorokin P., Merton R. (2004) Social'noe vremya: opyt metodologicheskogo i funktsional'nogo analiza [Social time: the experience of methodological and functional analysis]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 6: 112–119 (in Russian).
- Strumilin S.G. (1982) *Problemy ekonomiki truda* [Problems of labor economics]. Moscow: Nauka (in Russian).
- Throsby D. (2018) *Ekonomika i kul'tura* [Economics and Culture]. Moscow: Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki (in Russian).
- Wajcman J. (2019) *Vremeni v obrez: uskorenie zhizni pri cifrovom kapitalizme* [Pressed for Time: The Acceleration of Life in Digital Capitalism]. Moscow: Izdatel'skij dom «Delo» (in Russian).
- Vanke A.V., Polukhina E.V., Strelnikova A.V. (2020) *Kak sobrat' dannye v polevom kachestvennom issledovanii* [How to collect data in a qualitative field study]. Moscow: Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki (in Russian).
- Yakovlev V.P. (1980) *Social'noe vremya* [Social time]. Rostov: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta (in Russian).

ГОРОДСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ПРИВЯЗАННОСТЬ К МЕСТУ В КОНТЕКСТЕ УБЫВАЮЩЕГО ГОРОДА: АНАЛИЗ ДИСКУРСА ЖИТЕЛЕЙ В ГОРОДСКОМ ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВЕ

Елена Владимировна Недосека¹ (nedelena@socinst.ru),
Александра Евгеньевна Ненько² (al.nenko@gmail.com),
Светлана Евгеньевна Порошина³ (seporoshina@gmail.com)

¹ Социологический институт ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

² независимый исследователь, Турку, Финляндия

³ независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Недосека Е.В., Ненько А.Е., Порошина С.Е. (2024) Привязанность к месту в контексте убывающего города: анализ дискурса жителей в городском онлайн-сообществе. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(2): 86–115. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.2.4>. EDN: FA0HRO

Аннотация. Несмотря на существующий научный задел исследований в области привязанности к месту, эта тема во многом остается не до конца изученной и интересной в контексте применения понятия к различного типа территориям. Фокусом внимания авторов является понятие «привязанность к месту» в контексте убывающего города. В теоретической рамке исследования мы связываем два концепта: убывающий город (*shrinking city*) и привязанность к месту (*place attachment*). Оба понятия широко используются в научной литературе, но остаются при этом неоднозначными и редко используются вместе. Мы предлагаем авторскую операционализацию понятия привязанности к месту, где обосновываем четыре его компонента: положительная эмоциональная связь людей с местом, значимость места для людей в конкретных жизненных обстоятельствах, зависимость людей от места и идентичность места (*place identity*). Научная новизна исследования заключается в применении методологического подходе. Анализируется привязанность к месту через общественный дискурс, который конструируют жители убывающего города в онлайн-сообществе социальной сети. Обсуждения жителей представляют богатый эмпирический материал, позволяющий выявить основные компоненты привязанности к месту и проинтерпретировать их в контексте особой среды. Обоснованная теория в качестве подхода, основанного на детальном кодировании дискурсивных данных и формировании объясняющих интерпретаций этого кодирования, позволяет выявить аспекты привязанности к месту в убывающем городе, недостаточно изученные в литературе и обусловленные особым контекстом, в котором развиваются отношения между жителями и местами.

Ключевые слова: место, привязанность к месту, чувство места, идентичность места, убывающий город, городские онлайн-сообщества, качественный анализ текста.

Введение

Концепция привязанности к месту (place attachment) активно развивается в рамках социально-конструктивистской теории и позволяет анализировать субъективное восприятие людьми окружающего пространства, предоставляя ценную информацию для изучения различными дисциплинами, таких как география, социология, психология, экология, государственное управление, пространственное планирование и пр.

Одной из основных исследовательских трудностей при изучении привязанности к месту является разнообразие подходов как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне. Например, активно обсуждается нечеткая связь между привязанностью к месту и другими концепциями, такими как идентичность места, чувство места, укорененность, зависимость от места и удовлетворенность местом (Paasi 2003; Lewicka 2011; Xu et al. 2015). Различия между этими понятиями так и не были единодушно согласованы учеными и продолжают обсуждаться сегодня. Можно констатировать и отсутствие единого методологического подхода в исследованиях привязанности к месту (Lewicka 2011).

В самом общем плане привязанность к месту предполагает устойчивые позитивные эмоциональные связи между людьми и значимыми социально-физическими условиями проживания (Tuan 1977; Altman, Low 1992). Эти связи отражают и помогают развивать групповую и индивидуальную идентичность. В этой связи важно обратить внимание на два аспекта, в том числе составляющих проблему настоящего исследования. Первый — теоретический, при схожести концептов привязанности к месту, идентичности места и чувства места мы аналитически разводим эти понятия.

При всем многообразии научной литературы по теории идентичности места (Tuan 1977; Peterson 1988; Saleh 1998; Twigger-Ross et al. 2003; Carrus et al. 2005; Hauge 2007; White et al. 2008) лишь немногие исследования показали, что идентификация людей с местом может отражаться в идентичности, которую они приписывают этому месту, и впоследствии включается в их собственную идентичность (Rijnks, Strijker 2013). Другими словами, люди могут не идентифицировать себя с местом (городом, регионом), т.е. непосредственно там не проживать, но все же могут чувствовать определенную привязанность к нему через семью, друзей, воспоминания, развлечения, опыт посещения и пр. Концепция чувства места осмысливается нами как то, что может возникать от эпизодического взаимодействия с местом и быть не связанным с самой физической средой, а содержаться в человеческой интерпретации среды (Stokols,

Shumaker 1981). Обозначенное понимание, с нашей точки зрения, отражает не центральную роль различных, вплоть до воображаемых отношений с местом, которые могут выстраиваться не в процессе непосредственного контакта с физической средой проживания, а взаимодействия с отдельными компонентами или измерениями места. Например, участвуя в этнокультурных фестивалях, читая книги и просматривая фильмы, получая информацию о местных новостях, люди могут испытывать привязанность к месту и составлять его образ (чувство места). Скорее всего, такое эпизодическое взаимодействие не будет укладываться в их личную «идентичность места» (или принадлежность к месту), однако может отражать идентичность самого места в глазах воспринимающих его людей.

Второй аспект проблемы — эмпирический, т.е. осмысление того, как выстраивается и дискурсивно выражается значимое отношение и связь с территорией. Мы сосредоточиваем внимание на эмпирическом исследовании привязанности к месту и чувства места в отношении среды, которая по объективным причинам теряет свои физические и иные характеристики — убывающий город. Убывание городов является значимым процессом, характерным для деиндустриализации и переориентирования экономики с плановой на рыночную. В ходе этих процессов уже выстроенная идентичность города утрачивается в силу уходящего в прошлое стиля жизни, способов экономического и социального взаимодействия. Многие люди, покидая город и переезжая в другое место жительства, выстраивают иные территориальные идентичности, однако привязанность к покинутому городу может сохраняться, переопределяться через его более устойчивые черты, чем экономика и социальное устройство. Люди, которые продолжают в нем жить, также должны заново выстраивать свое чувство места и определять привязанность к месту, чтобы сконструировать лично воспринимаемую идентичность города.

Мы фокусируемся на определении дискурсивного конструирования привязанности к месту в городе Мурманске, который является убывающим северным городом, некогда индустриальным и жизненным фронтиром. В качестве данных о дискурсе привязанности к месту жителей Мурманска мы опираемся на цифровой след его жителей, т.е. на высказывания о городе, которые создаются горожанами как пользователями социальных сетей (Palmer 2004; Schirpke et al. 2013). Мы исследуем нарратив, который создают жители посредством текстовых сообщений, описывая свое отношение к городу, и выявляем в нем те концепты, которые содержательно отражают привязанность к месту.

Обзор литературы

Термин «убывающий город» может использоваться для осмысления совершенно разных объектов и проблем: от ухудшения экономической конкурентоспособности города в глобальном масштабе до тревожных социальных проблем, таких как маргинализация социальных групп, сегрегация, преступность и бедность (Wu et al. 2022: 392). Наиболее распространённым определением убывающего города остается его понимание как муниципальной единицы с численностью населения не менее 10 000 жителей, испытывающей убыль населения более двух лет и переживающей экономическую трансформацию с симптомами структурного кризиса (Pallagst et al. 2009). В рамках данного подхода характерной чертой убывающих городов считается устойчивая потеря населения, при этом чаще всего в исследовательский фокус попадают демографические проблемы и социально-экономический кризис, с которыми сталкиваются убывающие города.

Вместе с тем убывание включает в себя не только интенсивное сокращение численности населения, но и многочисленные последствия, которые проявляются в пустующем жилье, недостаточном использовании имеющейся инфраструктуры и экономическом неблагополучии, а также в увеличении дисбаланса между спросом и предложением в экономической, политической и культурной сферах (Olsen 2013). Убывание городов имеет последствия практически для всех сфер городской жизни — от муниципальных бюджетов, землепользования и градостроительства, коммунальной и социальной инфраструктуры, рынка жилья и жилищной мобильности, рынка труда и занятости до изменения характера городских сообществ — уменьшения социальной сплоченности, утраты соседских контактов в (Антонов и др. 2014). В связи с чем возникает вопрос, трансформируется ли чувство места и привязанность к месту в объективно неблагоприятных условиях?

Американский философ Э. Кейси отмечает, что разрушительные явления этого столетия приводят к возрождению чувствительности к месту (Casey 1997: xiii). Похожее понимание мы встречаем в работах феноменологов, в которых чувство места интерпретируется как естественное условие человеческого существования в меняющемся мире (Хайдеггер 1962; Norberg-Schultz 1979). Важно заметить, что до недавнего времени в научной литературе преобладало представление о взаимосвязи процесса урбанизации и утраты чувства места, когда отсутствие эмоциональной связи с окружающим городским ландшафтом достигает кульминации в ощущении «безместности» (Gustafson 2006; Ujang, Zakariya 2015). Отношения «человек — место» сложны, контекстуальны и зависят от множества со-

циально-психологических факторов (van Riper et al. 2019; Rollero, De Piccoli 2010). Привязанность к месту все чаще признается в качестве руководящего принципа городской жизни, процесса городского проектирования (Chiesura 2004), элемента современного урбанизма и индикатора удовлетворенности жизнью в городской среде (Insch, Florek 2008).

Для того чтобы исследовать отношения между людьми и местом, антропологи, географы и психологи окружающей среды разработали множество аналитических моделей, основанных на когнитивной и аффективной связи с местом (например, «чувство места», «идентичность места», «укорененность места», «внутренность места» и т.д.) (Kyle et al. 2004; Rollero, De Piccoli 2010). Среди них понятие привязанность к месту остается наиболее известной концепцией для измерения положительной эмоциональной связи с местом (Raymond et al. 2010; Rollero, De Piccoli 2010; Ramkissoon et al. 2015).

В научном понимании место — это пространство, наделенное смыслом (Low, Altman 1992; Tuan 1977). Формирование места — это социальный процесс, производный от социального взаимодействия и деятельности внутри него (Stedman 2003, 2002). Чувство места (sense of place) — это амбивалентное понятие, так как, с одной стороны, индивидуальные и коллективные ценности влияют на чувство места, а с другой — чувство места влияет на поведение и социальные ценности и установки людей. При этом важно отметить, что чувство места коренится как в субъективном опыте людей (воспоминаниях, традициях, истории, культуре и группах), так и подвержено объективным внешним воздействиям среды (ландшафт, запахи, звуки), которые формируют различные ассоциации с местом. Таким образом, чувство места — это субъективное восприятие и отношение людей к присвоенной или не присвоенной окружающей среде, возникающие в результате взаимодействия с ней. Оно выражается в описательных и эмоциональных репрезентациях опыта этого взаимодействия. При этом сама среда представляет собой комбинацию физических и социальных параметров, подверженных влиянию факторов: исторических (продолжительность существования самого места, исторические вехи развития места) (Devine-Wright, Lyons 1997; Hay 1998; Low 1992); демографических (возрастные группы, мобильность, интенсивность миграции населения в данном месте); социальных (качество социального капитала людей, система ценностей, социальные связи людей, живущих в данном месте); физических (тип, размер, масштаб, компоненты, климатические особенности места) (Steele 1981); символических значений, связанных с местом (Stedman 2003, 2002).

Удовлетворенность людей местом жительства, идентификация и привязанность к местным сообществам вызывают разные виды чувства места,

которые различаются у разных людей: укорененность, отчуждение, отнесенность и отсутствие места (Hummon 1992). Согласно концепции чувства места С. Шамаи, следует различать три феномена: принадлежность к месту, привязанность к месту и готовность взаимодействовать с местом. Впоследствии С. Шамаи операционализировал понятие чувство места и выделил в нем семь уровней (Shamai 1991):

1. Отсутствие чувства места. Исследователь указывает, что это явление часто игнорируется в литературе: чувство места — это не должное и не аксиома, не каждый человек обязательно имеет это чувство.
2. Знание о месте: данный уровень означает осведомленность людей о месте; люди знают и считывают характерные черты места, но не имеют особой эмоциональной связи с местом или его символами.
3. Принадлежность к месту: данный уровень означает наличие не только знания о месте, но и эмоциональной связи с ним. Люди различают и уважают символы места, идентифицируют себя с местом.
4. Привязанность к месту: люди имеют сильную эмоциональную связь с местом, место становится значимым для их собственной идентичности. В глазах жителей и пользователей место приобретает особый уникальный характер, в нем выделяются любимые черты и символические компоненты.
5. Отождествление с целями места: данный уровень означает отождествление людей с местом, его состоянием, развитием и судьбой. Наполнение, идея места, его характерные особенности и черты идентифицируются людьми, оправдываются и разделяются ими. Люди имеют глубокую привязанность к местам.
6. Участие в месте: данный уровень описывает поведение людей в месте, направляемое их привязанностью к месту. Люди играют активную роль в жизни места, они инвестируют свои ресурсы, например, деньги, время или талант в развитие места. В отличие от предыдущих уровней, которые описывают отношение к месту, этот уровень характеризует проактивное поведение людей в месте.
7. Жертва за место: этот наивысший уровень вовлеченности людей в судьбу места является и наивысшей «отметкой» чувства места. Люди настолько отождествляют себя и свою жизнь с местом, что готовы идти на личные жертвы ради него.

Таким образом, С. Шамаи определяет привязанность к месту (place attachment) как один из уровней чувства места.

Большинство исследователей согласны с тем, что привязанность к месту является широкой и многомерной конструкцией, хотя точное количество измерений оспаривается в зависимости от теоретической рамки

исследований (Lewicka 2011; Kyle 2004; Cheung et al. 2018; Ramkissoon et al. 2015). Более ранние исследования мест опираются на двумерную модель привязанности к месту, состоящую из зависимости от места (описывает функциональную, прагматическую связь с местом) и идентичности места (описывает эмоциональную, символическую связь с местом) (Budruk et al. 2009; Kyle 2004; Raymond et al. 2010).

Мы аргументируем точку зрения, согласно которой привязанность к месту — это эмоциональные и символические отношения людей с присвоенным и освоенным местом, которые формируются посредством:

- 1) положительной эмоциональной связи людей с местом (Altman, Low 1992; Williams, Stewart 1998)¹;
- 2) значимости, которую человек приписывает конкретному месту (Евсеев 2014; Kaltenborn 1998; Stedman 2003);
- 3) зависимости людей от места, которая порождается в результате взаимодействия с ним, когда место обеспечивает условия жизни или удовлетворения потребностей людей²;
- 4) идентичности места (place identity)³.

Диапазон «мест» может быть разным: конкретные объекты на территории проживания (например, дом, школа, культурный центр); локации различного уровня (например, улица, район, город, регион, страна); места,

¹ Отметим, что в контексте убывающего города положительные эмоциональные связи с местом зачастую прослеживаются через чувства тоски, утраты и тревоги. В научной литературе данный феномен отражен в понятии «география призрачного» (Корандей 2023; Upton 1997; Hill 2013), которая включает в себя «невидимое» или «отсутствующее» в повседневном ландшафте. Важным аспектом для настоящего исследования является отражение географии призрачного в повседневных нарративах жителей (Holloway, Kneale 2008).

² Это функциональная связь с местом, где человек получает существенные физические и/или эмоциональные преимущества, которые могут быть недоступны где-либо еще (Budruk et al. 2009; Raymond et al. 2010).

³ В научной литературе идентичность места интерпретируется в двух аспектах: как идентичность по отношению к месту (identity to place) и идентичность места (place identity). Идентичность по отношению к месту означает совокупность признаков места, которые гарантируют его самобытность и уникальность, неосязаемую и общепризнанную (Nonberg-Schultz 1980; Stedman 2003). Идентичность места — это скорее свойство человека, а не места, это самоопределение человека с точки зрения места, т.е. измерения личной идентичности человека, которые формируются в связи с его физическим окружением (Proshansky, Fabian, Kaminoff 1983; Giuliani, Feldman 1993). Согласно К. Твиггер-Росс и Д. Узеллу, место — это средство выделения себя среди других, сохранения чувства преемственности, выстраивания положительной самооценки и создания чувства собственной уникальности (Twigger-Ross, Uzzell 1996).

не связанные с проживанием (например, места отдыха). Немаловажным аспектом в методологии измерения привязанности к месту является выделение компонентов: когнитивный, поведенческий и аффективный. Чаще всего в исследованиях представлено изучение аффективного или эмоционального компонента, например, через шкалы привязанности (Bonaiuto et al. 2003; Stedman 2002). При этом когнитивный аспект понимается как пространственное восприятие места, формируемое в результате проживания и использования, когда люди узнают окружающую среду и ее элементы. Поведенческий аспект взаимодействия человека с местом заключается в деятельности по отношению к месту или обусловленной его функциональными и иными особенностями.

Кейс Мурманска: исследование принадлежности месту в убывающем городе

В настоящем исследовании мы обратимся к анализу репрезентации привязанности к месту убывающего города Мурманска. Важный прикладным аспектом исследования является понимание механизмов формирования положительной связи с городом, которые могли бы использоваться в контексте политики удержания населения и ре-брендинге города.

Город Мурманск основан в 1916 г. на берегу Баренцева моря и является молодым российским городом. Его географическое расположение как административного центра, приграничного со странами Северной Европы, и наличие выхода к Северному Ледовитому океану всегда играло важную роль в определении его судьбы как города стратегического значения. Несмотря на уже более чем 100-летнюю историю, Мурманск — типичный индустриальный город, продукт советской градостроительной эпохи второй половины XX в. Это город серийной жилой и индустриальной застройки с минимальным архитектурным разнообразием. Отличительными особенностями города является его расположение за Полярным кругом и соответствующие этому природно-климатические условия.

Мурманск активно заселялся и застраивался с 1960-х годов. Вплоть до 1990-х годов на Север приезжали преимущественно молодые люди, планировавшие освоить новые профессии, связанные с морским делом, заработать повышенную северную пенсию и уехать из города в более комфортные климатические регионы. Укорененность никогда не была чертой жителей Крайнего Севера, которых исследователи называли «временщиками» за счет подобных жизненных траекторий. В результате реструктуризации экономики в 1990-х годах когда-то привлекательный и приятный для переселения (прежде всего за счет полярных надбавок) город постепенно утратил свой экономический потенциал (Разумова 2008,

2009; Бурцева и др. 2020; Недосека, Шарова 2020). Последствием этого процесса стала интенсивная миграция и депопуляция населения. Статистические показатели описывают интенсивную и продолжающуюся вплоть до сегодняшнего дня депопуляцию Мурманска (табл. 1).

Таблица 1

**Численность постоянного городского населения в Мурманской области
(чел., в среднем за год)**

	1990	2000	2010	2020	2022
Мурманская область	1 088 977	859 691	739 411	679 298	616 034

За 30 лет потери численности населения Мурманской области составили 43,4 %, коэффициент естественного прироста неуклонно снижался и достиг в 2020 г. отрицательного значения (табл. 2).

Таблица 2

**Коэффициент естественного прироста населения в Мурманской области
(на 1000 чел.)**

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
<i>Арктическая зона Российской Федерации</i>	3,9	3,1	2,2	1,5	0,7	-1,0	-3,6
Мурманская область	0,3	-0,3	-0,8	-1,5	-2,4	-4,7	-7,6

Естественная убыль в Мурманской области составляет -7,6 промилле, что превышает значение этого коэффициента в Арктической зоне (-3,6) и общероссийский уровень (-7,1). Относительно коэффициента миграционного прироста необходимо отметить снижение миграционной убыли от -5,7 в 2015 г. до -3,9 в 2021 г. Для сравнения, общероссийский коэффициент миграционного прироста имеет положительное значение и составляет 2,9 промилле.

Таблица 3

**Коэффициент миграционного прироста населения в АЗРФ
и Мурманской области
(на 1000 человек среднегодового населения)**

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Арктическая зона Российской Федерации	-9,6	-5,9	-6,0	-5,1	-3,8	-3,0	-1,0
Мурманская область	-5,7	-5,7	-4,6	-5,9	-6,5	-6,0	-3,9

Несмотря на интенсивную убыль, исследовательским вопросом остается, как в условиях слабой укорененности и неблагоприятных социально-

экономических условий сохраняются связи, которые лежат в основе привязанности к городу; какими положительными значениями горожане наделяют город как место проживания; какие категории самоописания используют для репрезентации своей уникальности и отличительности от жителей других городов.

Методология исследования

Настоящее исследование опирается на положения социального конструктивизма, согласно которому можно описывать «привязанность к месту» как социально-культурный конструкт, артикулируемый в языке и «создаваемый» в ходе взаимодействия людей (Бергер, Лукман 1995).

В качестве методологической основы в исследовании применен подход анализа качественных данных, предполагающий процесс сбора, структурирования и интерпретации качественных данных. Основным методом анализа качественных данных был выбран анализ нарратива. Нарративный анализ фокусируется на сообщениях, которые оставляют люди (в нашем случае в социальных сетях), и на языке, который они используют, чтобы осмыслить их. Это важно для глубокого понимания субъективного восприятия людей по конкретному вопросу. Созданный информантом нарратив в виде текста требует от исследователя применения инструментальных средств для выявления смысловых коннотаций. А. Льюинс и К. Силвер в числе таких средств называют поиск (content searching), ассоциирование (linking), кодирование (coding), аннотирование (annotating), запросы (querying), картирование или сетевые структуры (mapping or networking) (Lewins, Silver 2007). Применение исследователем этих аналитических ресурсов позволяет наряду с текстовым изложением нарратива конструировать его более сложную структуру (Каныгин 2022). В работе мы опираемся на автоматизированный поиск и кодирование, которые процедурно будут описаны ниже.

Объектом эмпирического исследования является городское онлайн-сообщество «Мурманск», функционирующее на базе социальной сети «ВКонтакте». Выбор эмпирического объекта обоснован теоретической рамкой исследования принадлежности к месту. На основании собственных предыдущих исследований и исследований иных ученых мы полагаем, что онлайн-сообщество, посвященное городу, в процессе регулярных и интенсивных коммуникаций формирует репрезентации символической и эмоциональной связи членов сообщества с городом (Ненько, Недосека 2022; Недосека, Ненько 2022). Эти репрезентации в формате вербализованных высказываний пользователей о городе, а также в визуальном формате пользовательских фотографий к комментариям и постам формируют

богатый эмпирический материал. Нарративный анализ позволяет проанализировать эти дискурсивные разнообразные данные без заранее заготовленных категорий анализа, за счет близкого прочтения и кодирования.

Онлайн-сообщество «Мурманск» образовано в 2008 г., активно действует на момент написания статьи и насчитывает 384,2 тыс. подписчиков, что делает его самым популярным среди других онлайн-сообществ данной социальной сети. В сообществе обсуждаются повседневные вопросы, предлагаемые как админом группы, так и участниками по согласованию с админом. Паблик структурирован, есть рубрика чаты, состоящая из двух тем («Мурманск говорит» и «Мурманск: дадим отпор перерасчетом за отопление»); статьи («Лучшие заведения Мурманска», «Куда сходить в Мурманске»; «С подлянкой по жизни»); обсуждения («Утеряно/Найдено»; «Ищем свидетелей ДТП и скрывшихся участников ДТП»; «Ищу работу/вакансии/услуги»); а также рубрики «Мероприятия» и «Репортаж».

Эмпирическая база исследования составлена на основании текстовых сообщений, постов и комментариев к ним за 2021 г. Общее количество постов — 130, количество комментариев — 529 307. Далее была применена автоматизированная процедура процессинга для очищения текстового корпуса с помощью библиотеки языка программирования Python nltk, которая предназначена для обработки текстовых данных. Отобранные слова полной формы (без сокращений) проиндексированы в соответствии с комментариями участников публика. С помощью функции *bigrams*, которая принимает на вход список слов, были получены пары из слов, стоящих рядом в комментарии. При формировании биграмм исследователи могут назначать те имена речи, которые будут фигурировать в итоговой выборке. При анализе биграмм оставлены глаголы, содержательные наречия, имена существительные и прилагательные.

В результате нами получены наиболее встречаемые в текстовом корпусе биграммы. Из 1000 наиболее встречаемых мы отобрали те, которые относятся к характеристикам места. Далее нами был составлен массив данных, состоящий из комментариев, которые в результате кодирования (смыслового и коннотативного) позволил выявить основные характеристики привязанности к месту, обсуждаемые в сообществе.

Результаты анализа биграмм дал нам возможность сделать вывод о доминирующем в субъективном восприятии жителей концепте в отношении привязанности к месту — «север». Данный концепт, характеризующий «место» жительства, выходит за административные границы города, локальность осмысливается жителями в более широких региональных рамках. Содержательно «север» представляется в комментариях в трех основных аспектах: природно-климатическом, социально-экономическом и полити-

ческом, которые измеряются как личностными, так и социальными параметрами. Личностное измерение — это уровень восприятия, опосредованный ценностями и воспоминаниями о месте (Cameron et al. 2020). Социальное измерение восприятия обусловлено сложившейся структурой общества и социальных взаимодействий в контексте места жительства (Raymond et al. 2010).

Природно-климатический аспект концепта «север» проявляется через такие доминирующие характеристики места, как «северное (полярное) сияние» (частотность упоминаний в течение года — 174), «полярный день» (частотность упоминаний в течение года — 59) и «полярная ночь» (частотность упоминаний в течение года — 63). Данные характеристики в комментариях носят амбивалентную природу, но однозначно свидетельствуют об их признании как черт уникальности места жительства. С одной стороны, «северное сияние» и «полярный день» и в постах, и в комментариях фигурируют как притягательные явления, то, ради чего стоит приезжать в Мурманск. Например, в посте «Зачем ехать в Мурманск: ТОП 12 причин!» (https://vk.com/wall-5608669_7886499) на первом месте по упоминаемости фигурирует концепт «белая и полярная ночь», «северное сияние» — на втором. Горожане охотно делятся личными фотографиями этих природных явлений и рассуждают об их роли в своей жизни и приписывают им черты уникальности, которые обосновывают туристический интерес. За анализируемый период (2021 г.) написано 3890 комментариев, в которых фигурирует концепт «северное сияние», 1779 — «полярная ночь» и 1872 — «полярный день». Для жителей региона, как правило, эти явления фоновые, само собой разумеющиеся, часть повседневной жизни. Тем не менее северное сияние и полярный день являются частью идентичности места и характерными составляющими значимости Мурманска и Мурманской области, конструируемой пользователями.

Очень большой плюс Мурманска — это северная природа. Это что-то особенное: северное сияние, горы, морошка и вот это вот всё... (380 лайков).

А еще, Мурманск — это Северное сияние... (67 лайков).

Приколюха для туристов, местным в 90 % случаев плевать на него (прим. на северное сияние) (24 лайка).

Грустно, но стоит признать, что Мурманск, да, самый большой город за Полярным кругом, но интересен он может быть только поляр-

ной ночью и северным сиянием, полярным днем, сопками, тундрой, оленями, потрясающими озерами и реками, рыбалкой, тихой охотой, горами (горнолыжникам привет))), ну и кухней — крабы, гребешки, ежи, дикорастущие — но не аутентично это все... (12 лайков).

Помимо признания и обсуждения красоты северного сияния и полярного дня, популярность имеют сообщения, в которых северное сияние выступает ориентиром погодных условий и самочувствия жителей, в чем проявляется такая составляющая привязанности к месту, как зависимость от места:

Утро, ты идешь на кухню, чтобы выпить цитрамон или парацетамол — и не выглядывая на улицу ты знаешь — сегодня красивое северное сияние, а значит магнитные бури...и мороз усилился. Ты ходишь — темно и холодно, стоишь на остановке пританцовывая, со стороны кажется, что ты веселый человек и у тебя не болит голова. В троллейбусе, как и в автобусе ты мечтаешь скорее приехать, выйти и хоть немного согреть ходьбой ноги, которые замерзли в транспорте. Чем дальше от центра, тем темнее и менее освещены улицы. И так полгода (41 лайк).

Зависимость от места в северном городе проявляется и в практиках повседневности горожан, которые особо ценят короткий летний период с его длинными световыми днями, подходящими для сбора грибов и ягод. Зависимость от места как такого, которое позволяет жителям собирать уникальные природные плоды, подтверждается также обилием фотографий пользователей, изображающих успешные результаты грибной охоты. Многие жители стараются планировать отпуск так, чтобы застать часть августа или начало сентября для сбора дикоросов. Природа вдохновляет своими естественными богатствами на определенные действия в среде, использование ее благ является составляющей чувства благополучия жителей, что отражается в вербализируемой привязанности к месту.

Северное сияние, которое особенно часто появляется и хорошо заметно в полярную ночь, в последние годы также стало объектом «охоты». За северным сиянием в город и область приезжают иностранные туристы (преимущественно из Китая) и внутренние туристы в ходе организованных туров. Местные жители, выступая повседневными «экспертами» в северном сиянии, с легкой долей иронии относятся к данной практике, признавая за ней маркетинговую заинтересованность самих организаторов.

*...Гости нашего города, северное сияние можно и так увидеть, а не переться в эту, ***** мира, чтоб поесть шашлыков (22 лайка).*

Обращает на себя внимание беспокойство жителей по поводу современных тенденций развития территорий Мурманской области, а также ревностное отношение к утрате локальности и осуждение вытеснения практик местных жителей и местного образа жизни в ходе популяризации туристических дестинаций. Подобные высказывания можно интерпретировать как доказательство чувства значимости места, воспринимаемого через его символические черты, находящиеся под угрозой, а также наличия привычной идентичности места, которая нарушается.

Было бы еще оправданным, если бы деньги туристов шли на развитие поселка. Чтобы жители получали достойную зарплату и имели рабочие места. А так москвичи все купили — денежка плывет в столицу, как и везде, впрочем. От туристов только горы мусора остаются. Как и на Рыбачьем все засрало. Нет уже той Териберки самобытной, первозданной какой я ее помню до начала всей этой эпопеи с Северным туризмом после Левиафана, с китайцами, северным сиянием и иже с ним. Когда приезжали туда, было чисто, ни души, какое-то единение с природой. Только ты и море... а сейчас даже не хочется ехать туда, потому как не хочу разочаровываться, увидеть эту толпу, затоптанность, загаженность такого красивого места (157 лайков).

Комментарии, содержащие описание природно-климатического аспекта концепта «север», имеют преимущественно положительный или нейтральный характер. Данный факт показывает наличие положительной эмоциональной связи людей с местом, что является составляющей привязанности к месту.

Второй аспект в анализируемом концепте — социально-экономический, который связан с особенностями жизни на Севере. Именно в этом аспекте проявляется амбивалентность самого концепта «север». В комментариях, касающихся причин оттока населения, климат (в частности, полярная ночь, полярный день, низкие температуры) в совокупности с непростыми экономическими условиями жизни в регионе осмысляются как сопутствующие факторы отъезда. Жизнь в суровых климатических условиях, по мнению участников сообщества, должна поощряться и поддерживаться со стороны государства. Значительную поддержку имеют комментарии, отсылающие к советскому периоду существования города,

когда полярные надбавки стимулировали переезд на север или удерживали население в северных городах. Социально-экономический аспект концепта «север» преимущественно носит отрицательную эмоциональную тональность, однако именно через нее проявляется та значимость места, которую разделяют участники паблика. Значимость места выражается через сожаление и боль утраты былого значения города и области. На фоне современного убывания города, прошлый образ места как перспективного, привлекательного для специалистов, места с инфраструктурой становится частью исторической памяти места (Корандей 2023; Holloway, Kneale 2008).

Если при Союзе сюда ехали за полярками, то какой смысл сейчас тут гнить!? З/н как в средней полосе, все цены и ЖКХ в 2 раза выше, плюс 9 месяцев зимы и практически полное отсутствие лета! Чего ради это всё терпеть!? (434 лайка).

Да он [город] умер, когда все флоты разворовали, когда развалили производства и оставили без работы тысячи человек. Когда полярки превратились в одно название (297 лайков).

...климат, инфраструктура, отсутствие новостроев, заработная плата (не в счет гос, военные и бизнес), отсутствие перспектив карьерного роста, если ты ничейный, отсутствие зон отдыха, прогулок (273 лайка).

Социально-экономические особенности места, которые осмысляются как сложные, в оценках современной судьбы города приобретают характер символических черт былого места. В комментариях присутствуют личные биографические истории горожан о собственном образовательном и профессиональном пути или успешных жизненных траекториях их родственников, которые были возможны только в Мурманске с его рыбной промышленностью и портовой инфраструктурой.

Я уже старик, а мой Батя всю жизнь проработал в СМУ 5 и Мурманск граждан проект. Сколько всего выстроено, сколько сил и нервов! Постоянные планерки, суета, нервотрепки, сдачи объектов и план, план, план! Сроки сдачи! В разговорах в праздники за столом только и разговоров какой нам город достанется в будущем! Все здоровье всех строителей ушло на построение города нашего. А сейчас город стареет и ветшает, молодые разъезжаются (17 лайков).

...работать в порт пришла в 1983 года и ушла на пенсию. Проработала в железнодорожном хозяйстве рыбного порта. Наши вагоны подавались на причал для разгрузки рыбы. Я уже писала об этом. все причалы были заняты судами. Начиная с южных причалов все занято было, очередь ждали по несколько дней, чтоб разгрузить рыбу. А сейчас весь залив пустой так что нечем хвастаться (5 лайков).

Прожил и проработал с 1989 г почти 25 лет, люблю этот город, он самый любимый и родной. Стал другим совсем с годами, это да, а я его помню, каким увидел в 1988 г. с советских времен (3 лайка).

К социально-экономическому аспекту концепта «север» можно отнести и осмысление значимости места и зависимости от места через признание особого качества людей и человеческих отношений в городе (Raymond et al. 2010; Ramkissoon et. al. 2015).

Это самый лучший город на земле, все есть в Мурманске, главное — люди замечательные, добрые, порядочные, не пожалеете (44 лайка).

При СССР люди действительно стремились на север, а сейчас он брошен и не перспективен, но люди на севере добрые в душе (38 лайков).

Люди Севера — они особенные! Живя в суровом климате, они особенно ценят жизнь и никогда не пройдут мимо чужой беды маленькой или большой. Они такие во всем! Горжусь вами, земляки! (15 лайков).

Когда жил в Мурманске, если кто-то уезжал, то было ощущение, что человек уехал из страны под названием «Кольский полуостров» и я его больше никогда не увижу. Сейчас обратное ощущение. Главное богатство — это люди Севера (22 лайка).

В структуре сообщений про людей Севера наибольшую часть занимают комментарии уже уехавших жителей Мурманска, что подтверждает тезис об актуализации социальной идентичности при столкновении Я и Другого (Tajfel, Turner 1985).

34 года прожил в Мурике а теперь 3 года в Краснодаре, небо и земля, только приезжие с Сибири и Дальнего Востока помягче, а местные просто жесть! (6 лайков).

севере гнить», которые явным образом иронизируют над словосочетанием «на севере жить». Ироническое обыгрывание декларируемого лозунга и программы «места» сталкивается с реальной идентичностью места, которое сформировано в представлении пользователей сообщества. Социальный уровень восприятия места жителями, вербализуемый через концепт «север», отражает негативный и сложный опыт «выживания», а также критику в адрес политического популизма.

Дискуссия

Привязанность к месту формируется в результате процесса взаимодействия с территорией и развивается в разной степени по отношению к местам с разными пространственными диапазонами. В этой работе посредством анализа данных цифрового следа нам удалось выявить, что заранее заданный нами диапазон пространства в границах города не устойчив в восприятии жителей. Север — это вернакулярный район, в котором преобладают два измерения: физическое (природно-климатические аспекты) и социальное (социально-экономические и политические аспекты). На сегодняшний день в научной литературе имеется большое количество исследований, подчеркивающих важность социального измерения в развитии привязанности, где привязанность к месту стала отождествляться с привязанностью к людям, которые живут в этом месте (Stedman 2003). Наше исследование подтверждает важность социального измерения. Однако мы заметили, что помимо социальной привязанности люди чувствуют привязанность к физическому измерению мест (Tuan 1977; Altman, Low 1992; Brown 2005; Williams, Patterson 1996). Без сомнения, эти два компонента привязанности к месту обычно объединяются и образуют общее аффективное чувство по отношению к месту жительства, как в его физическом, так и в социальном измерении.

Предложенная операционализация понятия привязанности к месту в контексте убывающего города оказалась эффективным инструментом, позволившим нам выявить ряд аналитических находок, например, что положительная эмоциональная связь (Shamai 1991) не всегда связана с чувством восторга и гордости за территорию. Диапазон чувств в контексте убывающего города может быть шире и связан с чувствами утраты, тревоги и горестного переживания, что не делает привязанность более слабой. Важным выводом анализа нарративов стала выявленная темпоральность, зафиксировавшая устойчивый образ славного прошлого и перспективного настоящего и будущего.

В рамках дискуссии мы обращаем внимание на перспективность исследования данных цифрового следа, так как добровольно сообщаемые

в онлайн-пространстве комментарии соответствуют принципам смыслового конструирования нарратива: 1) универсальность, нарратив всегда строится посредством естественного языка или речи; 2) выраженность смысла, нарратив — это рассказ, который создается автором для целевой аудитории, с использованием высказываний, которые общепонятны; 3) контекстная обусловленность, любое утверждение в составе нарратива обретает смысл только в определенных условиях — социальных, методологических, бытовых и бесконечно многих других (Каныгин 2022). В случае анализа нарративов, используемых в настоящем исследовании, контекст задан тематически: речь идет о конкретных обсуждениях проблем города и региона, в рамках которых выявлялись аспекты привязанности к месту. Информанты не связаны заранее заданным сюжетом исследования, который мог бы вынудить их конструировать заведомо положительные ответы на вопросы о сенситивной тематике. Контекст убывания осмысливается жителями психологически остро. В комментариях к постам, в которых приводится статистика естественных и миграционных потерь, участники сообщества склонны проявлять нарочитый патриотизм по отношению к месту или агрессию в сторону тех, кто пишет о проблемах. Прямые вопросы в этом случае могут провоцировать нарочитость положительных ответов, что является ограничением опросных методов. Безусловно ограничения есть и при использовании цифрового следа, например невозможность соблюсти репрезентативность.

Дальнейшие исследования с использованием различных выборок и других городов (регионов) Севера помогут проверить согласованность этих результатов. Обнаружение наиболее значимых компонентов и пространственных диапазонов привязанности к месту может способствовать более глубокому пониманию данного феномена.

Заключение

Общественные обсуждения жителей, которые в современном информационном поле происходят все чаще в онлайн-сообществах, по поводу мест жительства представляют богатый эмпирический материал для анализа таких сложных и многомерных феноменов, как привязанность к месту. Проведенный анализ нарративов, в рамках которого было произведено детальное кодирование данных и конструирование объясняющих интерпретаций сложных феноменов на их основе, позволяет выявить аспекты привязанности к месту, отсутствующие или недостаточно изученные в литературе, обусловленные контекстом существования мест.

Центральным концептом привязанности к месту, выделенным эмпирически в ходе статистического контент-анализа и качественного нарративного

тивного анализа, является «север». Рассмотрение концепта и связанных с ним слов демонстрирует, что жители Мурманска и Мурманской области описывают свое место жительства шире административных границ города, как северный регион со свойственными ему природно-климатическими, социально-экономическими и политическими характеристиками. Данные характеристики проанализированы нами как аспекты привязанности к месту в контексте убывающего города, в котором региональная идентичность становится значимее и проявленнее в дискурсе жителей, чем городская. Природно-климатический аспект связан с описанием взаимодействия жителей с природным богатством окружающей среды, в том числе в контексте практик собирательства, эстетического созерцания природы, а также в контексте влияния природных явлений на самочувствие человека. Социально-экономический аспект связан с осмыслением советского прошлого города как интенсивно развивающегося города-порта международного значения и текущего состояния города как убывающего и потерявшего свою экономическую и инфраструктурную роль. Кроме того, социально-экономический аспект описывает существовавший ранее «общественный договор», регулировавший место проживания — получение северных пенсий и полярных надбавок за переезд или работу в сложных климатических условиях. Такой договор осмысливается как исключительная символическая характеристика значимости места, которая была утрачена, вследствие чего идентичность места была нарушена. Единственным противовесом этого нарушения является символическая черта, которая признается как константа значимости места и которая может позволить сохранить положительную идентичность Мурманска и Севера — высокое качество человеческого капитала. В комментариях проживающие в городе и уехавшие из него члены онлайн-сообщества подчеркивают доброту, терпимость, отзывчивость, силу и закаленность северян. Политический аспект концепта «север» выстраивается вокруг иронического и критического словесного обыгрывания пользователями лозунга «На Севере жить!», декларируемого сегодня администрацией города в программе городского развития. Пользователи критикуют популистское приписывание месту проживания неких «идеальных» черт, которого у него нет или которых недостаточно с точки зрения жителей, и игнорирование нарушенного общественного договора «тяжелые условия — большие зарплаты». Важно отметить, что прагматические аспекты привязанности к месту в разных поколениях по-разному конвертируются в положительные связи с местом. В старших возрастных группах, имевших опыт трудовой деятельности на предприятиях советского Мурманска, принадлежность к общему делу и социально-профессиональная солидарность

выступают тем капиталом, который без проблем конвертируется в положительную привязанность к месту. В этом смысле город — это место памяти о лучших годах прожитой жизни. Для молодежи город — это место уникальной природно-климатической зоны, для которой характерны свои плюсы в виде тех досуговых практик, которые возможны именно в этом климате, и это выступает символическим капиталом, который конвертируется в положительную привязанность к месту.

Понятие «привязанность к месту» операционализировано в статье через четыре составляющие — эмоциональная связь с местом, значимость места, зависимость от места и идентичность места. Анализируя аспекты привязанности к месту, вербализируемые членами онлайн-сообщества, мы опираемся на данные составляющие. Эмоциональная связь с местом, проявляемая в дискурсе о Севере, имеет как положительную и нейтральную, так и негативную тональность. Положительная и нейтральная тональность проявляются в осмыслении значимости места, зависимости от места и идентичности места в контексте его природного богатства (грибы, ягоды, рыба) и уникальных природных явлений, таких как северное сияние и полярный день (природный аспект концепта «север»). Также положительная тональность проявляется в осмыслении человеческого капитала Севера (и Мурманска), описании северян как главной символической черты значимости места и ядра идентичности места (социально-экономический аспект концепта «север»). Негативная тональность проявляется в осмыслении нарушаемой идентичности места и символических черт, составляющих значимость места и находящихся под угрозой, связанной с неконтролируемым развитием природного северного туризма (природный аспект концепта «север»). Также негативная эмоциональная тональность проявляется в иронической критике декларируемой политики развития территориального бренда Мурманска и Севера в сопоставлении с реалиями непростой жизни убывающего города (политический аспект концепта «север»). Негативная тональность сообщений во многом сопряжена с чувствами утраты былого прошлого, связанного с советским периодом жизни города, на который по мнению жителей приходился его расцвет. Данное положение приводит в действие механизмы романтизации прошлого, а критическое восприятие настоящего определяет вектор отношения к бесперспективному будущему не только для себя, но и для своих детей, что имеет отражение в беспокойстве горожан за судьбы будущих поколений в «месте без перспектив», что нарушает связь с зависимостью от места. Таким образом, эмоциональная связь с местом является вспомогательной составляющей для описания значимости места, зависимости от места и идентичности места. Кроме того, стоит отметить тонкую

грань между понятиями «значимость места» и «идентичность места» в контексте рассматриваемых эмпирических данных общественных обсуждений Мурманска. Тем не менее выделение данных, составляющих понятие «привязанность к месту», можно использовать для разграничения представлений об общем фоновом образе места (идентичность места как социальный стереотип) и о символических чертах, которые делают место значимым для конкретных людей в конкретных жизненных ситуациях.

Литература

Антонов Е.В., Денисов Е.А., Ефремова В.А., Фаддеев А.М. (2014) Современные проблемы развития убывающих городов на северо-востоке Республики Коми. *Вестник Московского университета. Серия 5. География*, 2: 55–61.

Бергер П., Лукман Т. (1995) Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум.

Бурцева А.В., Шарова Е.Н., Оман С. (2020) Жизнестойкость городов Кольского севера в пространственном, временном и антропологическом измерениях. *Вестник археологии, антропологии и этнографии*, 3(50):191–200. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-50-3-17>.

Евсеев Е.О. (2014) Модальность городской идентичности. *Вестник Пермского федерального исследовательского центра*, 5 [<https://journal.perm-sc.ru/index.php/pscj/article/view/PSCJ2014n5p11>] (дата обращения: 11.04.2024).

Каныгин Г.В. (2022) Проблемы смысловой реконструкции социологического нарратива. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*, 15(3): 224–237. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2022.303>.

Корандей Ф.С. (2023) Деревенские пустыри: места сопричастности и картография «призраков» ландшафта сельской депопуляции. *Крестьяноведение*, 8(1): 23–44.

Недосека Е.В., Ненько А.Е., Лисенков О.Н. (2022) Репрезентация воспринимаемой безопасности городской среды в соседских онлайн-сообществах Санкт-Петербурга. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 5: 133–152. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2228>.

Недосека Е.В., Шарова Е.Н. (2020) Особенности жизненных стратегий молодежи в условиях Арктики. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3: 305–325. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1611>.

Ненько А.Е., Недосека Е.В. (2022) Ценности городской среды в дискурсе соседских онлайн-сообществ. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 25(1): 217–251. <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.1.8>.

Разумова И.А. (2008) «Свобода» как один из ключевых определителей Севера. *Живущие на Севере: опыт и прогнозы*: сб. ст. Мурманск: Мурманский гос. пед. ун-т.

Разумова И.А. (2009) *Культурные ландшафты Кольского Севера: города у «Большой воды» и Хибин. Социально-антропологические очерки.* СПб.: ГАМАС.

Хайдеггер М. (2003) *Бытие и время.* Пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков: Фолио.

Altman I., Low S.M. (eds.) (1992) *Place attachment.* N.Y.: Plenum.

Bonaiuto M., Fornara F., Bonnes M. (2003) Indexes of perceived residential environment quality and neighborhood attachment in urban environments: a confirmation study on the city of Rome. *Landscape and Urban Planning*, 65 (1–2): 41–52. [https://doi.org/10.1016/S0169-2046\(02\)00236-0](https://doi.org/10.1016/S0169-2046(02)00236-0).

Brown G. (2005) Mapping spatial attributes in survey research for natural resource management: Methods and applications. *Society and Natural Resources*, 18(1): 17–39. <https://doi.org/10.1080/08941920590881853>.

Budruk M., Thomas H., Tyrrell T. (2009) Urban green spaces: A study of place attachment and environmental attitudes in India. *Society and Natural Resources*, 22(9): 824–839. <https://doi.org/10.1080/08941920802628515>.

Casey E.S. (1997) *The fate of place. A philosophical history.* Berkeley: University of California Press.

Cheung L.T., Hui D.L. (2018) Influence of residents' place attachment on heritage forest conservation awareness in a peri-urban area of Guangzhou, China. *Urban forestry & urban greening*, 33: 37–45. <https://doi.org/10.1016/j.ufug.2018.05.004>.

Chiesura A. (2004) The role of urban parks for the sustainable city. *Landscape and urban planning*, 68(1): 129–138. <https://doi.org/10.1080/08941920590881853>.

Devine-Wright P., Lyons E. (1997) Remembering pasts and representing places: The construction of national identities in Ireland. *Journal of Environmental Psychology*, 17: 33–45. <https://doi.org/10.1006/jevp.1996.0037>.

Giuliani M.V., Feldman R. (1993) Place attachment in a developmental and cultural context. *Journal of Environmental Psychology*, 13(3): 267–274.

Gustafson P. (2006) *Place attachment and mobility.* In: McIntyre N., McHugh K.E. (eds.) *Multiple dwelling and tourism: Negotiating place, home and identity.* CAB International: 17e31.

Hay R. (1998) Sense of place in developmental context. *Journal of Environmental Psychology*, 18: 5–29. <https://doi.org/10.1006/jevp.1997.0060>.

Hill L. (2013) Archaeologies and geographies of the post-industrial past: Landscape, memory and the spectral. *Cultural Geographies*, 20(3): 379–396. <https://doi.org/10.1177/1474474013480121>.

Holloway J., Kneale J. (2008) Locating haunting: A ghost-hunter's guide. *Cultural Geographies*, 15(3): 297–312. <https://doi.org/10.1177/1474474008091329>.

Hummon D.M. (1992) Community attachment: Local sentiment and sense of place. In: Altman I., Low S.M. (eds.) *Place attachment.* N.Y.; L.: Plenum Press: 253–278.

Insch A., Florek M. (2008) A great place to live, work and play: Conceptualising place satisfaction in the case of a city's residents. *Journal of place management and development*, 1(2): 138–149.

Kaltenborn B.P. (1998) Effects of sense of place on responses to environmental impacts: A study among residents in Svalbard in the Norwegian high Arctic. *Applied Geography*, 18(2): 169–189. [https://doi.org/10.1016/S0143-6228\(98\)00002-2](https://doi.org/10.1016/S0143-6228(98)00002-2).

Kyle G.T., Mowen A.J., Tarrant M. (2004) Linking place preferences with place meaning: An examination of the relationship between place motivation and place attachment. *Journal of environmental psychology*, 24(4): 439–454. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2004.11.001>.

Lewicka M. (2011) Place attachment: How far have we come in the last 40 years? *Journal of environmental psychology*, 31(3): 207–230. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2010.10.001>.

Lewins A., Silver C. (2007) *Using Qualitative Software: A Step-by-Step Guide*. L.: Sage, 2007.

Low S.M. (1992) Symbolic ties that bind. Place attachment in the plaza. In: Altman I., Low S.M. (eds.) *Place attachment*. N.Y.; L.: Plenum Press: 165–185.

Norberg-Schultz C. (1979) *Genius loci. Towards a phenomenology of architecture*. N.Y.: Rizzoli.

Olsen A. (2013) Shrinking Cities: Fuzzy Concept or Useful Framework. *Berkeley Planning Journal*, 26(1): 107–132. <https://doi.org/10.5070/BP326115821>.

Pallagst K., Wiechmann T., Martinez-Fernandez C. (eds.) (2013) *Shrinking cities: International perspectives and policy implications*. L.; N.Y.: Routledge.

Proshansky H.H., Fabian A.K., Kaminoff R. (2014) Place-identity: Physical world socialization of the self. In: *The people, place, and space reader*. L.; N.Y.: Routledge: 111–115.

Ramkissoon H., Mavondo F.T. (2015) The satisfaction–place attachment relationship: Potential mediators and moderators. *Journal of Business Research*, 68(12): 2593–2602. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2015.05.002>.

Raymond C.M., Brown G., Weber D. (2010) The measurement of place attachment: Personal, community, and environmental connections. *Journal of environmental psychology*, 30(4): 422–434. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2010.08.002>.

Rollero C., De Piccoli N. (2010) Does place attachment affect social well-being? *European Review of Applied Psychology*, 60(4): 233–238. <https://doi.org/10.1016/j.erap.2010.05.001>.

Shamai S. (1991) Sense of Place: An Empirical Measurement. *Geoforum*, 22: 347–358. [https://doi.org/10.1016/0016-7185\(91\)90017-K](https://doi.org/10.1016/0016-7185(91)90017-K)

Stedman R.C. (2002) Toward social psychology of place. Predicting behavior from place-based cognitions, attitude, and identity. *Environment and Behavior*, 34: 561–581. <https://doi.org/10.1177/001391650203400500>.

Stedman R.C. (2003) Is it really just a social construction? The contribution of the physical environment to sense of place. *Society & Natural Resources*, 16(8): 671–685. <https://doi.org/10.1080/08941920309189>.

Steele F. (1981) *The sense of place* Boston: CBI Publishing Company, Inc.

Tajfel H., Turner J.C. (1985) The social identity theory of intergroup behavior. In: Worchel S., Austin W.G. (eds.) *Psychology of intergroup relations*. 2nd ed. Chicago: Nelson-Hall: 7–24.

Tuan Y.-F. (1977) *Space and place: The perspective of experience*. Minnesota: The University of Minnesota Press.

Twigger-Ross C.L., Uzzell D. (1996) Place and identity processes. *Journal of Environmental Psychology*, 16: 205–220. <https://doi.org/10.1006/jev.1996.0017>.

Ujang N., Zakariya K. (2015) The notion of place, place meaning and identity in urban regeneration. *Procedia-social and behavioral sciences*, 170: 709–717. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.01.073>.

Upton D. (1997) *Seen, unseen, and scene*. In: Growth P., Bressi T.W. (eds.) *Understanding Ordinary Landscapes*. New Haven; L.: Yale University Press.

van Riper C., Winkler-Schor S., Foelske L., Keller R., Braitto M., Raymond C., ... & Johnson D. (2019) Integrating multi-level values and pro-environmental behavior in a US protected area. *Sustainability Science*, 14: 395–1408.

Williams D.R., Patterson M.E. (1996) Environment meaning and ecosystem management: Perspectives from environmental psychology and human geography. *Society and Natural Resources*, 9(5): 507–521. <https://doi.org/10.1080/08941929609380990>.

Williams D.R., Stewart S.I. (1998) Sense of place: An elusive concept that is finding a home in ecosystem management. *Journal of forestry*, 96(5):18–23. <https://doi.org/10.1093/jof/96.5.18>.

Wu C.T., Gunko M., Strykiewicz T., Zhou K. (2022) *Postsocialist Shrinking Cities*. L.: Taylor & Francis. <https://doi.org/10.4324/9780367815011>. <https://doi.org/10.4324/9780367815011>.

PLACE ATTACHMENT IN THE CONTEXT OF A SHRINKING CITY: ANALYSIS OF THE DISCOURSE OF RESIDENTS IN AN URBAN ONLINE GROUP

*Elena Nedoseka*¹ (nedelena@socinst.ru),
*Alexandra Nenko*² (al.nenko@gmail.com),
*Svetlana Poroshina*³ (seporoshina@gmail.com)

¹ Sociological Institute of FCTAS RAS, Saint Petersburg, Russia

² independent research, Saint Petersburg, Russia

³ independent research, Saint Petersburg, Russia

Citation: Nedoseka E., Nenko A., Poroshina S. (2024) Privyazannost k mestu v kontekste ubyvayushchego goroda: analiz diskursa zhitel'ev v gorodskom onlayn-soobshchestve [Place attachment in the context of a shrinking city: analysis of the discourse of residents in an urban online group]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(2): 86–115 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.2.4>. EDN: FAOHR0

Abstract. Despite the already existing scholarship on place attachment, this topic remains in many ways not fully studied in relation to the application of the concept to various types of territories. The focus of this paper is the concept of “place attachment” in the context of a shrinking city. Based on this, in the theoretical framework we use two concepts: shrinking city and place attachment. Both concepts are widely used in the scientific literature, but remain ambiguous and are rarely used together in research. In this study, we propose an operationalization of the concept of place attachment, in which we substantiate its 4 main components: positive emotional connection of people with a place, significance of the place for people in particular life circumstances, dependence on place, and place identity. The scientific novelty of the study also lies in its methodological approach. We analyze place attachment through as verbalized in the public discourse, constructed by the residents of a shrinking city in an online community operating in social media. Data from residents' discussions provide rich empirical material that allows one to identify components of place attachment and interpret them in relation to the specific environmental context. Grounded theory as an approach based on detailed coding of discursive data and constructed explanatory interpretations of this coding, allows to identify aspects of place attachment in shrinking cities, understudied in literature and conditioned by the particular context in which relationships between the residents and places evolve.

Keywords: place, place attachment, sense place, place identity, shrinking city, urban online groups, qualitative text analysis.

References

- Altman I., Low S.M. (eds.) (1992) *Place attachment*. New York: Plenum.
Antonov E.V., Denisov E.A., Efremova V.A., Faddeev A.M. (2014) *Sovremennye problemy razvitiya ubyvayushhix gorodov na severo-vostoke Respubliki Komi* (Actual

Problems of Urban Shrinkage Development in The North-West of The Komi Republic). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya* (Bulletin of Moscow University. Series 5, Geography), 2: 55–61 (in Russian).

Berger P., Luckmann T. (1995) *Social'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sociologii znaniya* (The social construction of reality. A treatise in the sociology of knowledge). Moscow: Medium (in Russian).

Bonaiuto M., Fornara F., Bonnes M. (2003) Indexes of perceived residential environment quality and neighborhood attachment in urban environments: a confirmation study on the city of Rome. *Landscape and Urban Planning*, 65 (1–2): 41–52. [https://doi.org/10.1016/S0169-2046\(02\)00236-0](https://doi.org/10.1016/S0169-2046(02)00236-0).

Brown G. (2005) Mapping spatial attributes in survey research for natural resource management: Methods and applications. *Society and Natural Resources*, 18(1): 17–39. <https://doi.org/10.1080/08941920590881853>.

Budruk M., Thomas H., Tyrrell T. (2009) Urban green spaces: A study of place attachment and environmental attitudes in India. *Society and Natural Resources*, 22(9): 824–839. <https://doi.org/10.1080/08941920802628515>.

Burtseva A.V., Sharova E.N., Oman S. (2020) Zhiznestojkost' gorodov Kol'skogo severa v prostranstvennom, vremennom i antropologicheskom izmereniyakh (Resilience of the Kola North Cities in Spatial, Temporal and Anthropological Dimensions). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* (Bulletin of archeology, anthropology and ethnography), 3(50):191–200. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-50-3-17> (in Russian).

Casey E.S. (1997) *The fate of place. A philosophical history*. Berkeley: University of California Press.

Cheung L.T., Hui D.L. (2018) Influence of residents' place attachment on heritage forest conservation awareness in a peri-urban area of Guangzhou, China. *Urban forestry & urban greening*, 33: 37–45. <https://doi.org/10.1016/j.ufug.2018.05.004>.

Chiesura A. (2004) The role of urban parks for the sustainable city. *Landscape and urban planning*, 68(1): 129–138. <https://doi.org/10.1080/08941920590881853>.

Devine-Wright P., Lyons E. (1997) Remembering pasts and representing places: The construction of national identities in Ireland. *Journal of Environmental Psychology*, 17: 33–45. <https://doi.org/10.1006/jevp.1996.0037>.

Evseenkova E.O. (2014) Modalnost gorodskoy identichnosti (The Modality of Urban Identity). *Vestnik Permskogo federal'nogo issledovatel'skogo centra* (Perm Federal Research Centre Journal), 5 [<https://journal.permsc.ru/index.php/pscj/article/view/PSCJ2014n5p11>] (accessed: 11.04.2024) (in Russian).

Giuliani M.V., Feldman R. (1993) Place attachment in a developmental and cultural context. *Journal of Environmental Psychology*, 13(3): 267–274.

Gustafson P. (2006) *Place attachment and mobility*. In: McIntyre N., McHugh K.E. (eds.) Multiple dwelling and tourism: Negotiating place, home and identity. CAB International: 17e31.

Hay R. (1998) Sense of place in developmental context. *Journal of Environmental Psychology*, 18: 5–29. <https://doi.org/10.1006/jevp.1997.0060>.

Heidegger M. (2003) *Bytie i vremya* (Being and Time). Transl. V.V. Bibikhina. Kharkov: Folio (in Russian).

Hill L. (2013) Archaeologies and geographies of the post-industrial past: Landscape, memory and the spectral. *Cultural Geographies*, 20(3): 379–396. <https://doi.org/10.1177/1474474013480121>.

Holloway J., Kneale J. (2008) Locating haunting: A ghost-hunter's guide. *Cultural Geographies*, 15(3): 297–312. <https://doi.org/10.1177/1474474008091329>.

Hummon D.M. (1992) Community attachment: Local sentiment and sense of place. In: Altman I., Low S.M. (eds.) *Place attachment*. New York; London: Plenum Press: 253–278.

Insch A., Florek M. (2008) A great place to live, work and play: Conceptualising place satisfaction in the case of a city's residents. *Journal of place management and development*, 1(2): 138–149.

Kaltenborn B.P. (1998) Effects of sense of place on responses to environmental impacts: A study among residents in Svalbard in the Norwegian high Arctic. *Applied Geography*, 18(2): 169–189. [https://doi.org/10.1016/S0143-6228\(98\)00002-2](https://doi.org/10.1016/S0143-6228(98)00002-2).

Kanygin G.V. (2022) Problemy` smy` slovoj rekonstrukcii sociologicheskogo narrativa (Problems of semantic reconstruction of the sociological narrative). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya* (Bulletin of Saint Petersburg University. Sociology), 15(3): 224–237. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2022.303> (in Russian).

Korandey F.S. (2023) Derevenskie pustyrri: mesta soprichastnosti i kartografiya «prizrakov» landshafta selskoj depopulyacii (Rural wastelands: Places of belonging and “ghosts” cartography of the rural depopulation landscape). *Krestyanovedenie* (Peasant Studies), 8(1): 23–44. <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2023-8-1-23-44> (in Russian).

Kyle G.T., Mowen A.J., Tarrant M. (2004) Linking place preferences with place meaning: An examination of the relationship between place motivation and place attachment. *Journal of environmental psychology*, 24(4): 439–454. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2004.11.001>.

Lewicka M. (2011) Place attachment: How far have we come in the last 40 years? *Journal of environmental psychology*, 31(3): 207–230. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2010.10.001>.

Lewins A., Silver C. (2007) *Using Qualitative Software: A Step-by-Step Guide*. London: Sage, 2007.

Low S.M. (1992) Symbolic ties that bind. Place attachment in the plaza. In: Altman I., Low S.M. (eds.) *Place attachment*. New York; London: Plenum Press: 165–185.

Nedoseka E.V., Nenko A.E., Lisenkov O.O. (2022) Reprezentaciya vosprinimaemoj bezopasnosti gorodskoj sredy v sosedskix onlajn-soobshhestvax Sankt-Peterburga (Representation of Perceived Safety of the Urban Environment in the Neighborhood Online Communities of Saint Petersburg). *Monitoring obshhestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny* (Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes), 5: 133–152. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2228> (in Russian).

Nedoseka E.V., Sharova E.N. (2020) Osobennosti zhiznenny`x strategij molodezhi v usloviyax Arktiki (Features of Youth's Life Strategies in the Arctic). *Monitoring obshhestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny* (Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes), 3: 355–375. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1611> (in Russian).

Nenko A., Nedoseka E. (2022) Tsennosti gorodskoy sredy v diskurse sosedskikh onlayn-soobshchestv (Urban environment values in discourse of online neighbouring communities). *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* (The Journal of Sociology and Social Anthropology), 25(1): 217–251. <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.1.8> (in Russian).

Norberg-Schultz C. (1979) *Genius loci. Towards a phenomenology of architecture*. New York: Rizzoli.

Olsen A. (2013) Shrinking Cities: Fuzzy Concept or Useful Framework. *Berkeley Planning Journal*, 26(1): 107–132. <https://doi.org/10.5070/BP326115821>.

Pallagst K., Wiechmann T., Martinez-Fernandez C. (eds.) (2013) *Shrinking cities: International perspectives and policy implications*. London; New York: Routledge.

Proshansky H.H., Fabian A.K., Kaminoff R. (2014) Place-identity: Physical world socialization of the self. In: *The people, place, and space reader*. London; New York: Routledge: 111–115.

Ramkissoon H., Mavondo F.T. (2015) The satisfaction–place attachment relationship: Potential mediators and moderators. *Journal of Business Research*, 68(12): 2593–2602. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2015.05.002>.

Raymond C.M., Brown G., Weber D. (2010) The measurement of place attachment: Personal, community, and environmental connections. *Journal of environmental psychology*, 30(4): 422–434. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2010.08.002>.

Razumova I.A. (2008) «Svoboda» kak odin iz klyuchevyx opredelitelej Severa. Zhivushhie na Severe: opyt i prognozy (“Freedom” as One of the Key Determinants of the North). In: *Zhivushchie na Severe: opyt i prognozy: sbornik statey* (Living in the North: Experience and Forecasts: Collection of Articles). Murmansk: Murmansk State Pedagogical University, 5–12 (in Russian).

Razumova I.A. (2009) *Kul’turnyye landshafty Kol’skogo Severa: goroda u «Bol’shoy vody» i Khibin. Sotsial’no-antropologicheskiye ocherki*. (Cultural landscapes of the Kola North: cities near the “Big Water” and Khibiny. Socio-anthropological essays). St. Petersburg: GAMAS (in Russian).

Rollero C., De Piccoli N. (2010) Does place attachment affect social well-being? *European Review of Applied Psychology*, 60(4): 233–238. <https://doi.org/10.1016/j.erap.2010.05.001>.

Shamai S. (1991) Sense of Place: An Empirical Measurement. *Geoforum*, 22: 347–358. [https://doi.org/10.1016/0016-7185\(91\)90017-K](https://doi.org/10.1016/0016-7185(91)90017-K).

Stedman R.C. (2002) Toward social psychology of place. Predicting behavior from place-based cognitions, attitude, and identity. *Environment and Behavior*, 34: 561–581. <https://doi.org/10.1177/001391650203400500>.

Stedman R.C. (2003) Is it really just a social construction? The contribution of the physical environment to sense of place. *Society and Natural Resources*, 16: 671–685. <https://doi.org/10.1080/08941920309189>.

Steele F. (1981) *The sense of place*. Boston: CBI Publishing Company, Inc.

Tajfel H., Turner J.C. (1985) The social identity theory of intergroup behavior. In: Worchel S., Austin W.G. (eds.) *Psychology of intergroup relations*. 2nd ed. Chicago: Nelson-Hall: 7–24.

Tuan Y.-F. (1977) *Space and place: The perspective of experience*. Minnesota: The University of Minnesota Press.

Twigger-Ross C.L., Uzzell D. (1996) Place and identity processes. *Journal of Environmental Psychology*, 16: 205–220. <https://doi.org/10.1006/jevp.1996.0017>.

Ujang N., Zakariya K. (2015) The notion of place, place meaning and identity in urban regeneration. *Procedia-social and behavioral sciences*, 170: 709–717. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.01.073>.

Upton D. (1997) *Seen, unseen, and scene*. In: Growth P., Bressi T.W. (eds.) *Understanding Ordinary Landscapes*. New Haven; London: Yale University Press.

van Riper C., Winkler-Schor S., Foelske L., Keller R., Braitto M., Raymond C., ... & Johnson D. (2019) Integrating multi-level values and pro-environmental behavior in a US protected area. *Sustainability Science*, 14: 395–1408.

Williams D.R., Patterson M.E. (1996) Environment meaning and ecosystem management: Perspectives from environmental psychology and human geography. *Society and Natural Resources*, 9(5): 507–521. <https://doi.org/10.1080/08941929609380990>.

Williams D.R., Stewart S.I. (1998) Sense of place: An elusive concept that is finding a home in ecosystem management. *Journal of forestry*, 96(5):18–23. <https://doi.org/10.1093/jof/96.5.18>.

Wu C.T., Gunko M., Strykiewicz T., Zhou K. (2022) *Postsocialist Shrinking Cities*. London: Taylor & Francis. <https://doi.org/10.4324/9780367815011>. 1

АНТРОПОЛОГИЯ ИНФРАСТРУКТУРЫ

«ПАТТЕРН УДАЛЕННОСТИ» И ЖИЗНЬ НА РУИНАХ: ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И ТУРИЗМ В ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Лидия Яковлевна Рахманова (lrakhmanova@hse.ru)

НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Рахманова Л.Я. (2024) «Паттерн удаленности» и жизнь на руинах: повседневность и туризм в Томской области. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(2): 116–151. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.2.5>. EDN: FFEMVD

Аннотация. Рассматривая неочевидные мозаичные переплетения повседневной жизни местных жителей и практик туризма в отдаленных районах Томской области, автор подвергает ревизии понятие «паттерн удаленности» в интерпретации Кэролин Хамфри (2015), который формируется именно в «провинциальном» постсоциалистическом контексте в оппозиции к пространственным формам, диктуемым метрополией. Серия парадоксов окружает специфическую индустрию туризма в Томской области: отрицая связность, простоту доступа к территории и прозрачность, местные жители и предприниматели создают сложноорганизованную сеть, в которой особой привлекательностью обладают руины и меморизация исторической травмы, а ключевой опыт, который предлагаемый путешественнику, — опыт собственной аутентичности через испытание. Другой парадокс заключается в том, что чем больше происходит разрушение инфраструктурных элементов, тем ярче проявляется потенциал туризма в регионе. Это наблюдение требует пересмотра этнографических исследований туристических практик за пределами концепции консервации, сохранения наследия и устойчивого развития сообществ. На основе серии кейсов предлагается альтернативный взгляд на понятие «ресурс» в контексте туризма: о чем говорит тот факт, что дикость ландшафта, руинирование следов антропогенных элементов выходят на первый план и оказываются достопримечательностью? Как может руинизация и возрождение дикости ландшафта поставить под вопрос взгляд на удаленность как *неравенство* и, более того, инфраструктурное *насилие*? Шаг, предлагаемый автором статьи, позволяет увидеть ресурсность состояния «нехватки», которое может быть основой инфраструктурной автономии. Рассматриваются также отношения удаленности со временем и темпоральностями, с одной стороны, через связь туризма и местных форм жизни с трагической историей ссылки и спецпереселенцев, с другой стороны, через оспаривание

¹ Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 20-59-76003 ЭРА_т «Пре-вращение природы в окружающую среду на туристических фронтах: сообщества, сохранение и устойчивое развитие в отдаленных районах».

взгляда, согласно которому удаленность означает маргинализацию через исключенность из процессов модерности.

Ключевые слова: антропология инфраструктур, удаленность, туризм, руины, дикость, Томская область, ландшафт, мемориализация.

Введение

Утверждение Джеймса Скотта (2009) о том, что, осознанно выбирая удаленное положение в пространстве, группа или сообщество таким образом сохраняет свою автономию, предстает перед нами в совершенно иных красках, когда речь идет о регионе Приобья со сложной и противоречивой историей освоения. Прежде чем говорить о пространстве, ландшафте и разнообразных мирах, в которые попадает турист и путешественник в этом регионе, необходимо обрисовать ситуацию, в которой оказались различные поколения местных жителей — «сибиряков вольных и невольных»¹. Кто и зачем стремится сохранять свою автономию, кто же, напротив, измучен условиями изоляции и удаленности и не видит ее ресурсную сторону? На берегах среднего течения Оби мы имеем дело с крепкими деревенскими хозяйствами рыбаков и охотников, семьями потомков спецпереселенцев, общинами старообрядцев-бегунов, инженерной интеллигенцией, переехавшей сюда в 1950-е годы для работы на исследовательских и технических должностях. История каждого переселения, каждой волны миграции на данную территорию имеет свой уникальный контекст. В случае моего исследования, связанного с путешествиями и туризмом, важно отметить то, что для тех людей, которые укоренились здесь в разные эпохи и составляли и составляют принимающее сообщество, это переселение не всегда было добровольным.

Обозначенные выше контексты отсылают сразу к нескольким направлениям: фокус на *руинах* советских поселков и предприятий — к постсоциалистическим исследованиям, специфически дополненным сибирским контекстом; фокус на удаленности (и том факте, что именно в сельском окружении руины работают иначе, чем в городских кварталах) — к *антропологии инфраструктур* (Appel et al. 2018; Harvey, Кнох 2015). Наконец, рассуждение о роли инфраструктур — их наличия, отсутствия, разрывах, сочетается с неотъемлемым контекстом поселков, возникших благодаря труду и выживанию спецпереселенцев, а не благодаря добровольной миграции. Это поле выглядит довольно пестро и лоскутно: в чем же суть моей интервенции и какой пробел или разрыв она перекрывает?

¹ <https://tomskmuseum.ru/projects/sibiryaki-volnye-i-nevolnye/>.

Руина: «мягкая» или «жесткая» инфраструктура?

Специфика моего взгляда, безусловно, заключается не только и не столько в изучении западносибирской региональной инфраструктуры в постсоциалистическом контексте: зарубежные и российские исследователи как раз работали в этом поле и весьма плодотворно, глядя на то, как трансформируется пространство Восточной Сибири, поселков на БАМе, городов Монголии, и Забайкалья, различных уголков Румынии (не только в постсоциалистическом, но и постлагерном измерении)¹. Все эти исследования этнографически работают с «пространством» по-разному: оно может быть предметом диалога с региональными властями, опорой для формирования солидарности в местном сообществе, «землей», которая является предметом раздела, способом спрятать какие-либо процессы и явления у граждан страны прямо «под носом». При этом я хочу подчеркнуть тот факт, что антропология инфраструктур как сфера исследований создает иллюзию очевидности и ясности того, что именно происходит между людьми и инфраструктурами: «Люди работают над вещами, чтобы работать друг над (с) другом, в то время как эти вещи работают над ними»² (Simone 2012). Подобная оптика наделяет агентностью каждый элемент инфраструктуры (железная дорога, река, кладбище) просто потому, что эти феномены («жесткие» инфраструктуры / *hard infrastructures*) являются «классическими антропологическими субъектами» (Appel, Anand, Gupta 2018: 4). Стоит сделать шаг в сторону, чтобы спросить, что такое в этом контексте руина здания или моста? Как изменяется агентность хорошо скроенного, работающего элемента, когда он начинает разрушаться? Сохраняет ли истлевающий, рассыпающийся на опилки объект статус «жесткой» инфраструктуры или он становится уже элементом «мягкой» инфраструктуры (*soft infrastructure*)?

Казалось бы, мультимедийная этнография снимает эту неясность между мягкими и жесткими инфраструктурами и человеком и выводит человеческих и нечеловеческих субъектов на одну единую платформу взаимодействия. Однако если мы можем изучать «инфраструктуру как этнографически легко схватываемое проявление / манифестацию»³ (Rodgers, O'Neill, 2012: 401), то можем ли мы сказать то же самое об удален-

¹ См., например: (Humphrey 2002; 2015; Kuklina, Holland 2018; Ssorin-Chaikov 2016; O'Neill 2012; Schweitzer, Povoroznyuk 2019).

² People work on things to work on each other, as these things work on them.

³ Infrastructure as an ethnographically graspable manifestation.

ности? Является ли удаленность тем феноменом, который легко схватывается этнографически?

Стоит признать, что, нащупывая линию аргументации для данного текста, я столкнулась с тем, что как таковая «удаленность» в сибирском контексте постоянно «прячется» за такими понятиями, как «неразвитость» / «отсталость» (и в темпоральном, и в экономическом измерении) (Ferguson 1994, 2012; Schweitzer, Povoroznyuk 2019), забвение / умолчание (Шенле 2018; Grundy-Warr, Sidaway 2006), «дикость» (Sæþórsdóttir et al. 2011; Marris 2013; Schweitzer, Povoroznyuk, 2017) / «природная чистота» (Tin, Summerson 2016). В своем исследовании я ставлю вопрос о том, каким образом игра с оттенками этих значений, их собирание в сложных сочетаниях или высвечивание основной линии, точки различения, «пересобирает» (Латур 2014) ландшафт: для повседневной жизни местных сообществ и (совсем иначе) для туристического взгляда. Являются ли кейсы, которые я опишу ниже, порождением этой игры интонаций и полутонов? Я предлагаю подход, который позволяет «выровнять» иерархизированное пространство, заданное определенной теоретической рамкой, в которой удаленность предстает в качестве синонима расстояния и социальной дистанции, показав, что *геометрическая метафора*, опирающаяся на евклидово пространство, не проясняет, а лишь затемняет антропологическую концептуализацию удаленности.

Анализируя различные подходы к удаленности как проклятию, праву и ресурсу, можно подметить, что исследования удаленности, как информационной, так и пространственной, инфраструктурной, уже несколько десятилетий вращаются вокруг оппозиций «возможность — западня», «ресурс — истощенность/нехватка». Эти интерпретации оказываются доминирующими, если мы принимаем во внимание исключительно точки зрения местных жителей, контролирующих органов, администраций разного уровня и министерств. Перед нами сложное физическое и социальное пространство, в котором гнездятся различные суверенности (Humphrey 2004), каждая из которых по-своему заинтересована в удаленности или пытается от нее избавиться, ее преодолеть.

Инфраструктурное насилие в сельской постсоветской Сибири

Тема отношений различных суверенностей прекрасно разработана в контексте концепции инфраструктурного насилия, но совершенно иначе осмысливается в исследованиях удаленности. И здесь моя задача — предложить ход, соединяющий насилие как воспроизводящую себя маргинализацию и форму насилия, связанную с состоянием исключения (Agamben 1998). Великолепная подборка статей под редакцией Д. Роджерса и Б. О'Нила

(Rogers, O'Neill 2012) имеет дело с урбанистической перспективой. Однако инфраструктурное насилие в городах и сельской местности существенно отличается. В данном случае прилагательное «городской» в сфере urban ethnographies отражает интенсивность связей и перенасыщенность социально-политического пространства (см.: Mbembe 2004; Smith 1996), которое подвергается анализу. В случае с сельскими инфраструктурами мы имеем дело не с перенасыщенностью, а с разрывами.

Поскольку инфраструктурное насилие является одним из путей концептуализации структурного насилия, здесь необходимо провести еще одно различие между городскими и сельскими исследованиями: структурное насилие, увязываемое в исследованиях урбанистов, социальных географов, антропологов с барьерами, неравенством доступа, структурированием пространств, сегрегацией кварталов, которые почти «врастают» в принципы городской архитектуры (Smith 1996; Castells 1979; Harvey 1985), находит совершенно иное воплощение в сельской местности, где социальное исключение создает не упорядоченность и разграничение, но хаотичность, непредсказуемость и разного рода пространственные слияния и смешения.

Это замечание отсылает нас к концепту неразличимости у Дж. Агамбена (1998), которое возникает в состоянии исключения. Чтобы понять, как неразличение работает в качестве *пассивного* инфраструктурного насилия¹, в отличие от насилия, проявленного в пространственной сегрегации городов в ходе реформ и планирования, необходимо обратиться к истории отдаленных западносибирских таежных и болотных ландшафтов, которые функционировали долгое время как место политической ссылки до революции и как зоны расселения спецпереселенцев в 1930–1940-е годы.

Рассматривая трагедию Колпашевского Яра, я предлагаю пересмотреть то различие между классическим гулаговским лагерем у Агамбена и сетью мест удержания и заключения, ризоматическим феноменом, который торжествует уже за счет страданий, наносимых человеку самой инфраструктурой перемещений и непрерывного состояния транзита (O'Neill 2012). Интрига и одновременно проблема моей этнографии заключается в том, что она сфокусирована на следах, развалинах, отметинах тех пространств исключения, которые сейчас являются пространствами жизни, памяти, образования, производства. Захоронения 1940-х годов — это, с одной стороны, «скрытое», утаиваемое государством: манифестация

¹ The socially harmful effects derive from infrastructure's limitations and omissions rather than its direct consequences (Rodgers, O'Neill 2012: 407)

«менее публичного способа политики, связанной с инфраструктурой, которая становится понятной только на фоне материальной истории борьбы» (Schnitzler 2012: 147). А. Шнитлер говорит о «борьбе с апартеидом», тогда как в моем случае это борьба не с репрессиями, но с забвением репрессий (см. также: Grundy-Warr, Sidaway, 2006). Продолжая эту логику, следует добавить, что захоронения (сохранившиеся и исчезнувшие из ландшафта) — это также «не-место», не только потому что оно ранее было зоной неразличения, лиминальным пространством (Agamben 1998: 174), но и потому, что в темпоральном срезе оно отсутствует в современности и появляется только как форма сопротивления забвению. Следуя этому аргументу, я также показываю важность обсуждения того, как *воображаются* руины и удаленность, в которую они помещены, учитывая не только вышеописанные теоретические традиции, но и проблему взгляда туриста (Urry 2002).

Воображая удаленность

Удаленность сезонно-изолированных поселков Парабельского, Александровского, Кargasокского, Кривошеинского районов — это феномен, проявивший себя особенно ярко после 1995 г., когда ключевые лесозаготовительные предприятия и рыбзаводы были разорены, приватизированы или закрыты и начался распад и дезинтеграция транспортных инфраструктур правобережья Оби. В период экономического расцвета 1950–1990-х годов прибрежные населенные пункты были связаны с региональным центром авиасообщением и через систему пассажирского и грузового речного флота. Потому привычное конструирование оторванности и удаленности как следствия экономической «недоразвитости» микрорегиона в данном случае не работает как интерпретация. Развитое и процветающее ранее, но затем разрушенное и руинизированное находит в удаленности новое измерение.

Для потерявших работу на предприятиях и в рыболовецких бригадах мужчин труднодоступность населенных пунктов не только для снабжения, но и с точки зрения инспекторских проверок (плохие дороги, редкое паромное сообщение и полная изоляция в период половодья) — это случай «права на удаленность» / right to remoteness (Schweitzer, Povoroznyuk 2019: 249) и возможность ускользнуть от пристального внимания государства — inattention from the state administration (Humphrey 2015: 2), нежели ограничения для сбыта пойманной рыбы.

Сибирские леса, подобно лесам Орегона, где разворачивается сбор грибов мацутаке, существуют в сети отсутствий и невидимостей, о которых пишет Анна Цзин: «Некоторые виды власти здесь есть, но их как бы

и нет; такая призрачность и есть начальная точка понимания этого воплощения свободы, состоящего из множеств культурных слоев» (Цзин 2017: 103). Для жизни старообрядцев-беспоповцев, создавших общину в тайге недалеко от советского лесозаготовительного поселка, удаленность как неотъемлемая часть жизненного мира в XXI в. в связи со старением населения общины (живущей в обете безбрачия и целомудрия) теперь является некоторым ограничением. Однако обеспечение верующих газовыми баллонами, свечами, продуктами питания, бензином осуществляется через связь с теми предпринимателями и рыбаками, которые нашли опору в своей автономии снабжения и способны, опираясь на ресурс удаленности, поддерживать другие жизненные стратегии.

Для жен рыбаков, работающих в школах, музеях, администрациях, изоляция, оторванность от дорог, быстрого интернета, культурных и образовательных учреждений столицы региона предстает также в двояком смысле. С одной стороны, это препятствие для детского образования, с другой стороны — удаленные поселки, малые города и села именно благодаря своей нехватке ресурсов и государственного финансирования на данный момент являются целевой аудиторией для программ поддержки — культурных индустрий, образовательных проектов, субсидирования, грантов. В этом смысле удаленность, соединенная с патерналистскими ожиданиями, ресурсна, но в ином смысле, нежели неподконтрольность и скрытость от внимания проверяющих рыбного промысла.

Пытаясь рассказать и визуализировать историю создания и разрушения инфраструктур в регионе, я показываю ее в форме спирали, восходящей от более ранних свидетельств о случайных экспедициях, постепенном картографировании местности, развитии торговли через периоды упадка к систематически поддерживающим развитие региона государственным программам. Скрытая ирония заключается в том, что локальные инициативы, использующие окружающий ландшафт, историю, сами транспортные разрывы как источник заработка, действуют по сценарию, совершенно противоположному государственному регулированию экономической ситуации в регионе. Именно периоды разрушения и упадка вдохновляют изобретательные умы на дополнительные заработки, открытие своего дела или повышение стоимости уже имеющихся услуг. Многолетние наблюдения за данным регионом позволяют мне предложить серию примеров, показывающих, каким образом руины, труднодоступность и заброшенность становятся *товаром* и в некоторых случаях даже *валютой* и *языком*, с помощью которого можно и объясняться с чиновничеством, и ускользать от его взгляда. Однако все эти дипломатии и переговоры вокруг удаленности не дают нам возможности ухватить то,

как продается удаленность приезжему (Ripra 2019), и то, насколько она может быть соблазнительна для кого-то.

Центральный аргумент, без которого невозможна постановка исследовательского вопроса, заключается в том, что между пространственной (физической¹) изоляцией и удаленностью и способами воображать удаленность и связность региона (Ardener 2007) и сообщества ярко проступает смысловой зазор. При различных попытках ресурсифицировать удаленность или, напротив, представить ее в качестве *отсутствия* ключевых ресурсов, этнографически очень четко проявляется эта противоречивая природа повседневности местных жителей и их ожиданий от туризма. Исходя из полевых наблюдений, я покажу, как понятие «туризм» постоянно переосмысливается, высмеивается, используется в саркастическом ключе. Чем является туризм на практике и почему он не очень-то торопится приживаться на Томской земле?

Фигура туриста, путешественника, его взгляд, создает дополнительное напряжение в этой ситуации, указывая на небинарность системы отношений с удаленностью. Моя интервенция нацелена как раз на этот момент, когда удаленность вместе с «дикой природой» тайги (см.: Bolotova 2014) и руинами советских производств начинают продавать, отложив переговоры о праве на удаленность и требованиями эту удаленность заменить на «связность». Продавать удаленность местным жителям и государственным учреждениям (отделы по туризму при администрации, краеведческие музеи) удастся очень по-разному (см. пример этнографии Лаоса в: Ripra 2019). Внезапно история места, которая поощряется к изучению краеведами и сохранению в залах музея, становится неудобной, а руины поселковых зданий дополняются картиной разоренных рекой захоронений.

Эти неудобные руины, появившиеся здесь именно потому, что удаленность была отличным ресурсом для политической ссылки, оказываются платлем голого короля. Все стремятся доказать, что король облачен в достойную одежду, а захоронения находятся глубоко под землей и давно смыты рекой, как и памятники в память о пострадавших. Здесь я делаю второй шаг и показываю, что концепция руинной порнографии (Lyons, 2018) недостаточно полно описывает взаимосвязь удаленности, руин на территориях, связанных с памятью о репрессиях. Обнаженность исторической правды — это не всегда эротизированное поле травмаскейпов

¹ Здесь хотелось бы обозначить удаленность не термином «физический», но термином «реальный», однако воздержусь, поскольку мой ход предполагает оспаривание буквальной оппозиции реального и воображаемого.

(traumascapes) или ландшафтов катастроф, отмеченных ранее пережитым страданием, которое делает руины желанными и соблазнительными. Критика руинной порнографии как интерпретации современных тенденций в искусстве, фотофиксации, туризме фокусируется на том, что происходит с дистанцией между наблюдателем и руиной: удерживается ли объект на дистанции (что ведет к ностальгической фетишизации руины) или же, максимально приближаясь к руине, изучая ее, взгляд становится порнографичным? (Pohl 2022). Именно этот важный поворот к дистанции позволяет мне соединить, таким образом, руинное порно с исследованиями удаленности (в которых дистанция имеет множество различных значений). На примере моей этнографии я показываю, что ресурсификация руин и удаленности происходит в местном контексте через игнорирование сложных сюжетов: мемориальный туризм перерастает в экологический.

Полевое исследование

Чтобы написать историю разрушения, нужно проследить за осколками многих сказов и двигаться между многими выделами

(Цзин 2017: 278).

Прежде чем представить кейсы характеризующие различные способы производства, восприятия, использования удаленности, борьбы с ней и ее возвращения, мне необходимо описать специфику этнографического исследования, проводившегося в прибрежных районах Оби в Томской области в 2017–2022 гг. Изучение транспортных и социальных инфраструктур в пределах и за пределами сельских населенных пунктов требовало полевой работы во все сезоны года. Летние сезоны 2017, 2018, 2019, 2022 гг. в Александровском, Парабельском, Каргасокском, Кривошеинском районах Томской области позволили наблюдать за работой паромных переправ, рейсами КС, «Зари», маршрутных такси и частного автотранспорта, тогда как в зимний период (поле 2018, 2020 гг.) связь между теми же населенными пунктами лево- и правобережья Оби осуществлялась с помощью иных перевозчиков, транспортных средств и совершенно в другом ритме. Особое значение имеет исследование, проводившееся в период половодья (май 2018 г.), когда разлив местных рек не только создавал разрывы между берегами Оби, но и разделял сами деревни изнутри на две половины, требовал изготовления специальных самодельных транс-

портных средств для перевозки частного автотранспорта, а также способствовал дополнительному заработку владельцев лодок.

Включенное наблюдение предполагало постоянную смену ролей — помощь в парковке автомобилей на переполненные паромы в миллиметре от соседней машины, установка автомобиля на платформу за трактором для эвакуации над разлившейся по дороге рекой, работа в качестве водителя в периоды охоты на боровую птицу, участие в перевозке знакомых в райцентр в случае укуса клеща, выезды на ночной самоловный лов рыбы вместе с рыбаками, работа на рейде с рыбинспектором, выезды на лодке в райцентр для оформления документов и экспертных заключений после инспекторской проверки. Особенности функционирования сферы обеспечения транспортного движения, работы различных служб и министерств не только наблюдалась, но и обсуждалась с информантами, проводниками, знакомыми в постоянных неформальных беседах и интервью, многие из которых в контексте темы туризма и инфраструктур можно назвать «экспертными». Это интервью с капитанами паромов, мотористами-рулевыми, кассирами, водителями маршруток, капитанами и пассажирами «Зари» и костромичей, охотниками, рыбаками, фермерами, сотрудниками МВД и рыбинспекции.

Неизменно центральным лейтмотивом в разговорах, коротких перебранках, шутках была тема поломок и неопределенности. Внимание к таким моментам, речевым и бессловесным, составляет важную часть включенного наблюдения в моем случае. Через трудности, зачастую выразимыми только через мат и эмоциональные вздохи, можно увидеть зоны, «где масштабируемость бессильна и где возникают не поддающиеся масштабированию экологические и экономические отношения» (Цзин 2017: 64). Таким образом, для исследования практик туризма и нарративов, существующих вокруг него, мне пришлось настроить исследовательскую оптику таким образом, чтобы научиться «видеть» связь удаленности, испытаний и немасштабируемости (ландшафтов, продуктов и товаров, опыта, ностальгии, исторических сюжетов), в которой, возможно, и заключен секрет этой уникальной жизни на руинах советского.

Другой фокус исследования предполагал посещение музеев — краеведческих, школьных, при организациях, участие в экскурсиях, интервью с экскурсоводами и научными сотрудниками, просмотр музейных фотоархивов, изучение экспозиции. Особый интерес представляет также посещение прибрежных баз, созданных для отдыха на природе, рыбалки, экотуризма, лечебниц, расположенных на целебном источнике, а также этноцентров. С хозяевами баз и гостевых домов, лидерами этнических сообществ и ассоциаций, организаторами туров, занимавшимися приемом

не только российских, но и массовых иностранных групп были также проведены интервью.

Различные формы участия в жизни местных сообществ, и в качестве неумелого гостя в деревенском доме, и в качестве клиента отеля или пассажира парома, и в качестве водителя, сортировщицы рыбы на стреловом заводе и даже больного, испытывающего на себе деревенские рецепты лечения согласно совету информантов, позволили не только через интерпретации, полученные в ходе бесед, но и через личный, во многом телесный опыт лишений, испытаний, проверок составить достаточно объемную картину, объединяющую различные способы обращения и работы с реальной и воображаемой удаленностью и нехваткой ресурсов в контексте повседневной жизни и туризма.

Было бы искусственным аналитически выделять тот или иной разговор, практику, ситуацию как наиболее говорящую, наполненную инсайтами о том, как проявляется удаленность и жизнь людей в данном контексте. Вышеописанные «роли» не были задуманы заранее, и их сила в полевом исследовании заключалась именно в спонтанности. Моя ли это была «исследовательская» спонтанность и импровизации? Или же навыки бриколажа (Леви-Стросс 1999) — это то, чему неизбежно обучаешься у местных жителей, исследуя жизнь на постсоветских руинах в условиях удаленности? Остается открытым вопрос, является ли «бриколерство», подпитываемое нехваткой ресурсов и изобретательностью местных жителей, феноменом, который на языке акторно-сетевой теории может быть включен в понятие «пересборка социального» (Латур 2014).

Ниже я покажу, каким образом «паттерн удаленности»¹ проявляется на пересечении различных полюсов, ресурсификации распада и руинирования, использования не столько памяти, сколько «способов забывать» для привлечения внимания, а также игрой между понятием дикости (см. подробнее о консервации и возрождении «дикости» / *rewilding*: Lorimer 2015; Schweitzer, Povoroznyuk 2017) и экологической чистоты «природы». Согласно аргументации К. Хамфри, «универсальный “пространственный порядок” (*spatial pattern*) концентрирует все линии власти, инфраструктуры и связи в направлении метрополии, что породило специфический “паттерн удаленности” в провинциальных регионах» (Humphrey 2015: 2). Тем не менее Хамфри предлагает отказаться от леви-строссовской структурной оппозиции между локальным порядком и иерархическим государственным порядком, и предлагает другой способ описания бурятского кейса в своем исследовании: это результат этнически специфического

¹ Pattern of remoteness.

способа обитания (inhabiting) и ориентации на внешние (external) пространства во вновь изолированных землях (Humphrey 2015: 2).

Эти «вновь изолированные земли» (Humphrey 2015: 2) и есть результат спиралевидного движения от освоенности к деградации, снова — к расцвету и связности, и вновь — к изоляции, забвению и руинированию на протяжении XIX–XXI вв. Здесь важно сделать акцент на слове «вновь»: в темпоральном срезе (Ssorin-Chaikov 2016) удаленность больше связана с руинизацией, нежели с состоянием неразвитости (underdeveloped condition), которое нужно преодолевать через освоение земель, «завоевание» природы (Bolotova 2014) и просвещение сообществ (подробнее о взгляде на «отсталость» в развитии коренных народов см.: Schweitzer, Povoroznyuk 2019: 239–240). Однако в моем случае специфический способ бытия (обитания / dwelling) (Ingold 2013) в подобных пространствах не ориентируется на внешние пространства и именно тем самым подтверждает идею о том, что иерархичность центрo-периферийных отношений здесь не работает.

Подобный способ жизни ориентирован на повышение ценности места для приезжих: ставка сделана на «соблазнение удаленностью» (remoteness lure). И здесь я использую именно понятие lure, имеющее также значение охотничьей приманки, заманивания зверя в лесной чаще. Это позволяет семантически увязать экологический туризм с его стремлением к нетронутой, дикой природе с теми формами сосуществования человеческих и нечеловеческих субъектов, которые лежат в основе экономической автономности «вновь изолированных земель» (Humphrey 2015: 2).

Производство удаленности и ее соблазн

Открытый билет — меша-
нина подобных побегов из
города

(Цзин 2017: 103).

Посещение удаленных территорий — удовольствие, к которому существует безусловный, но «штучный» интерес. Несмотря на риски срывов сроков частных туров из-за размытых дорог, автомобильных поломок, непогоды, резких перепадов температуры и множества других причин, вплоть до запоя команды судна, местные поселки, к которым проложены асфальтированные дороги, построены мосты с круглогодичным сообщением через Обь, потеряли бы большую часть своей привлекательности для посетителей. Противоречие, которые, говоря о перспективах заработка на туризме, непременно отмечали мои собеседники, заключается в том,

что «продавая ***ня, надо помнить, что тебе еще и жить в них!» Это означает не только невероятно трудное снабжение, продукты на вес золота и отсутствие лекарств — большая часть населенных пунктов правобережья Оби снабжается от дизельных электростанций и частных дизельных электрогенераторов, поскольку централизованная ветка электропередач не прокинута на этих территориях.

Говоря об отношении к туризму местных жителей, я не могу не отметить, что в этом вопросе местные сообщества проявляют разобщенность, корнящуюся в разных замыслах и ожиданиях от возможности получить хоть какую-то прибыль. Одни предприниматели концентрируются на том, чтобы организовать логистику перевозок туристов и путешественников на комфортабельных автобусах и микроавтобусах из региональных центров — Томска, Новосибирска, Ханты-Мансийска, Сургута, Омска, Кемерово. Не всегда эксплуатационные условия и дороги микрорегиона позволяют начать и завершить поездку на одном и том же транспорте: поломки ходовой части неизбежны. В альянсе с другими предпринимателями они поддерживают систему СТО и придорожных автосервисов, заключают договоры о питании и размещении в трактирах вдоль маршрута следования и тем самым поддерживают малый бизнес на территориях, которые являются транзитными и целевыми для посещения.

Более замысловатая работа осуществляется теми партнерами и предпринимателями, которые имеют доступ к региональному и муниципальному ресурсу. Для ремонта дорожного полотна или моста на федеральной или региональной трассе нужно пройти множество инстанций и согласований. Преимущество же трасс местного значения и грунтовых дорог в том, что, несмотря на нехватку финансирования, бюрократических препятствий для их улучшения заметно меньше.

Все вышеперечисленные обстоятельства создают курьезные ситуации и неожиданные контрасты: при наличии грунтового покрытия участков на трассе Парабель — Каргасок асфальтированная дорога, ровная как стекло, была положена на отрезке дороги от Малого Нестерова до этнопарка «Чумэл чвэч» — реконструкции селькупского поселения на берегу Оськина озера¹. Почти ежегодно на Оськинском озере проходит этнофестиваль, на который съезжаются множество индивидуальных туристов, семей с детьми, экскурсионных групп, групп школьников и студентов. Музей под открытым небом наводняют ансамбли и представители общин и ассоциаций представителей коренного населения Сибири — селькупы,

¹ URL: https://vk.com/video-191682668_456239444 (дата обращения: 24.01.2024).

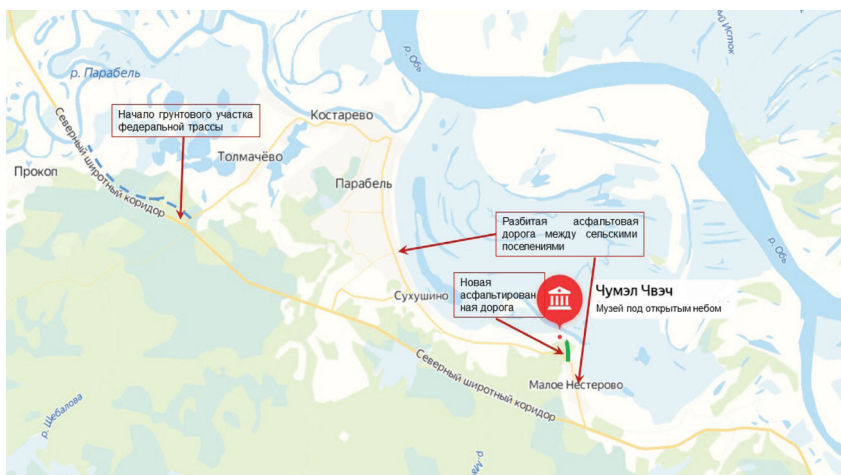

Рис. 1. Схема расположения и типа покрытия дорог и трасс федерального и местного значения с указанием асфальтированной дороги в «Музей под открытым небом Чумэл чвэч»

таежные ханты, ненцы, манси. Основные лейтмотивы как фестивалей, так и проекта создания музея под открытым небом — тесная связь между природой, локальной экосистемой и промыслами, укорененными в культуре селкупов — рыбная ловля, сбор дикоросов, охота.

Данный «узел» значений дает лишь один из примеров того, как различные виды и цели туризма смешиваются, а объект посещения оказывается ориентирован на совершенно разные аудитории: экотуризм и природный туризм здесь сочетаются с событийным и, в более узком смысле, гастрономическим, а центральная тема этнографического наследия связана с природным и историческим, фольклорным и искусствоведческими компонентами. Учитывая акцент на аутентичности жилых и хозяйственных построек, чрезвычайно любопытным и выбивающимся из концепции представляется асфальтированная дорога, подходящая близко к селкупским постройкам.

Однако в то время, как на одном участке трассы асфальт укладывают посреди бездорожья, на грунтовом участке федеральной трассы в весенний период один из местных жителей решил подзаработать на бездорожье. Согласно свидетельствам информантов из с. Парабель и с. Каргасок — предпринимателям, эколога, специалистам по паромным и автоперевозкам, в очередную весну грунтовая трасса была на удивление хорошо проходима и не слишком сильно размыта. В предыдущие годы из-за

Рис. 2. Асфальтовая дорога к этноцентру. Кадр из фильма 2022 г. «Музей под открытым небом Чумэл чвэч глазами бабы Яги». Баба Яга на самокате едет ко входу в музей по идеально ровному асфальтовому покрытию

проходящих под трассой ручьев, а также на участках, окруженных болотинами, на дороге образовывались непроезжие участки, на которых колеи разъездили в несколько сот метров или километр, легковые машины и даже полноприводные джипы увязали в смеси глины и намокшего песка. На этом участке работал тракторист, за плату вызволявший автомобили из грязевого плена. Весна, прошедшая почти без дождей, сохранила дорогу в более сносном состоянии, и большинству машин не требовался этот «сервис». Тогда тракторист пригнал бочку с водой на прицепе и начал поливать водой особенно рискованные участки, чтобы его услуги вновь стали нужны как местным жителям, так и туристам, командировочным. Затея была пресечена на корню менее чем через час: новость разнеслась по округе, и местные мужчины из обоих населенных пунктов приехали, чтобы остановить разрушение и без того худого дорожного полотна.

Менее резонансные и заметные попытки использовать поломки инфраструктуры и эффекты удаленности в своих целях отмечали охотники, добирающиеся до заимок и охотничьих угодий по лесным таежным дорогам в Тегульдетском и Белоярском районах Томской области. Так, на одном участке грунтовой дороги, проходящей по небольшой насыпной дамбе, проехать вброд болотистый ручей не представляется возможным.

Деревянный мост на этом пути чрезвычайно узкий. Местные мальчишки придумали вынимать 2–3 доски по центру моста, без которых автомобиль легко рискует провалиться под настил. Когда джипы охотников в недоумении останавливались перед мостом, мальчишки выбегали из засады с досками и молотком, предлагая за небольшую плату устранить преграду на пути за пять минут.

Таким образом, становится очевидным различие между «прибыльной поломкой» транспортной инфраструктуры, на которой можно заработать случайные легкие деньги, и бренда «затерянной в таежных лесах деревни» с историческим прошлым и интересной этнической компонентой. Однако можем ли мы сказать, что легкость «воспроизводства» удаленности (Krsteva et al. 2022)¹, ее постоянное присутствие, создает не только ограничения для «сотрудничества и взаимосвязи, но и открывает пространства для творчества локализованных групп населения, зависящих от географии» (Kuklina, Holland 2018: 38; см. также: Ardener 2007: 527). Является ли идея с размытием дороги и изъятыми досками своеобразным творчеством местного населения?

В первом случае удаленность принимает облик труднодоступности. Преодолевая ее тактически, можно получить плату за работу; преодолевая стратегически — привлечь внимание региональных и местных властей к проблеме для получения финансирования, субсидий или грантовой поддержки. Однако эта стратегия всегда должна оставаться лишь потенциальной возможностью: устранив удаленность и починив дорогу, теряешь аргумент, к которому можно прибегать в разных случаях, ожидая государственной поддержки на основе совокупности патерналистских ожиданий (см. о значимости дороги как инфраструктурного и социального феномена в: Harvey, Knox 2015).

Во втором случае труднодоступность и удаленность являются важным элементом испытания путешественника, который стремится достигнуть определенной территории. Испытание разворачивается в большей степени в пути, чем на месте. Испытание самой дорогой и поломками, трудностями на этом пути рассмотрено Сергеем Моховым (2017: 206) в контексте вызовов, которые встают перед родственниками умершего. Он также рассматривает и рефлексию исследователя о происходящем в «поле»,

¹ По мнению А. Кузнецова, подвергающего ревизии латурианский подход к пространству и инфраструктурам, «удаленные места и сущности не могут быть мобилизованы в той же самой форме, в которой застал их путешествующий агонист, а должны быть трансформированы. Невозможно привезти с собой горы, но их можно картографировать» (Кузнецов 2016: 44).

указывая на то, что «процесс борьбы с материальной средой настолько тотален, что он буквально становится онтологией» (Мохов 2017: 190). В моем же исследовании дорога оказывается не вопросом грамотной логистики, но своеобразной частью индустрии впечатлений в рамках индивидуального туризма. Логическая связка, поддерживающая восприятие удаленности как желанного и глубокого опыта для приезжих, подводит нас к образу руины, полуразрушенности — архитектурных строений, узкоколеек, сети портов и аэропортов и других знаков распада. В следующем разделе я задаю вопрос о том, как связаны удаленность и руины и почему то, что конструируется как «удаленное», ассоциируется с руинами. Задача — найти точки интервенции в эту дискуссии, которая за последние десятилетия сделала связь удаленности и руинизации банальной и очевидной. Делая акцент на сельской местности в Сибири, я также интересуюсь специфическим режимом, в котором «работают» сельские руины по сравнению с руинами городскими.

Руины как ресурс

Ландшафты ныне усеяны подобными развалинами по всему свету. А такие места тем не менее могут быть живы, невзирая на их объявленную смерть: заброшенные источники ресурсов иногда порождают новую многовидовую и многокультурную жизнь. Во всепланетарном состоянии неустойчивости у нас нет другого выбора — нам необходимо высматривать жизнь на руинах

(Цзин 2017: 21).

Руины как объект осмотра, которые могут привлечь заезжего туриста, сбивают с толку. Не руины, но руинизация, в которой в равной степени участвуют люди, размывающие дорогу, подростки, выламывающие доски на мосту, тайга, захватывающая остовы зданий в заброшенных поселках — наоборот в свою нишу природной «дикости», туристические операторы, использующие эстетику руин для оформления своих буклетов и сайтов — все эти живые непрекращающиеся процессы интересуют меня в данном исследовании. Иными словами, я предлагаю сделать акцент на процессуальном характере руинизации (см.: Stoler 2013), а не на материальности руин и их политическом и символическом значении, особенно в контексте изучения удаленности.

Перед нами лесозаготовительные поселки времен распада СССР. После 1995 г. даже самые стойкие ранее приватизированные предприятия были разорены: узкоколейки, соединявшие сеть складов, баз, поселков, общей численностью населения в период расцвета около 23 000 человек (ПМА 2017), были разобраны и сданы как чермет. Топонимика сохранила следы жизни, бурлившей здесь, в тайге, в домах культуры, школах, клубах: «25 километр», «Новый склад»... Кладбища оказались самыми устойчивыми к зарастанию: за некоторыми могилами по-прежнему ухаживают, тогда как дома практически не видны из подо мха, кустарников и выюна, опутавшего ветхие стены.

Природа «потребляет» и «востребует» здания бывших леспромхозов, аэропортов, причалов, точнее, их руины или то, что станет руинами в процессе действия природных сил. Это происходит подобно тому, как описывают Модлин и Веллинга потребление пространства и «созданной» (built) среды человеком в контексте потребления архитектуры (Maudlin, Vellinga 2014). Они отмечают, что присвоение (appropriation) можно определить как серию актов сопротивления тому порядку, который репрезентирован созданной вокруг нас архитектурной средой. Авторы подчеркивают, что в политическом измерении «присвоение» и «потребление» архитектуры и зданий, пространства в целом — это способ сделать свои голоса услышанными. Развивая эту линию далее, учитывая сельский постсоветский контекст моего исследования, удаленность, руинированность былой жизни, я предлагаю посмотреть на возможность нечеловеческих субъектов проявить свой голос.

Дезинтеграция рукотворного — это лишь частный случай, действия, усиления, проявления «голоса» природных акторов. В этом разделе я хочу рассмотреть две истории, в которых главные действующие лица — нечеловеческие сущности — река, берег и почва под руинами колхозов на правом берегу Оби. В лесах Орегона главными действующими лицами являются деревья и грибы, о которых Анна Цзин пишет, что, «колонизируя возмущенные ландшафты, мацутаке и сосны вместе творят историю и показывают нам, как творение истории происходит за пределами того, что делают люди» (Цзин 2017: 221). В моем случае река и почва раскрывают для людей неочевидные источники прибыли, которые возможны только благодаря процессам распада и руинирования прошлого в одном случае и делают видимыми скрытые слои в истории страны — в другом.

Выше я обращалась к таким понятиям, как «населять», «обитать», «быть», «находиться», «потреблять пространство». Безусловно, оппозиция природного и «построенного» (built) может быть преодолена благодаря перспективе обитания (dwelling perspective) Тима Ингольда (Ingold 2000;

2013), но, как правило, эта оптика используется для тех кейсов и этнографических/исторических примеров, в которых речь идет о становлении антропогенной среды (built environment) и ее диалоге с ландшафтом и природной средой. Я же предлагаю в своей статье посмотреть на то, как в процессе руинирования (а не строительства и развития) эта оппозиция преодолевается не аналитически, а через реальные формы жизни человеческих и нечеловеческих субъектов. В контексте этнографии практик туризма невозможно не обратить внимание на постоянное различие, которое приходится делать для описания способов обитания (dwelling) и погружения в среду, с одной стороны, для местных жителей и, с другой стороны, приезжих, которые пользуются теми же дорогами, причалами, ночуют в избушках и гостиницах, используют водопровод и электричество от дизельных генераторов. Фактически то, к чему стремится турист, соблазненный образом удаленных, труднодоступных руин, расположенных в богатой, экологически чистой тайге, весь опыт и нахождения на месте — это не совсем опыт «обитания» (вселения) / dwelling, поскольку оно длится недостаточно долго, чтобы приезжий мог совершить какую-то значимую интервенцию, произвести изменение в окружающей его среде и ландшафте и в самом себе.

Более того, мне импонирует критическое отношение к понятию инфраструктура и осторожность его употребления в статье (Schweitzer, Povoroznyuk, Schiesser 2017), в которой авторы цитируют пассаж Карс об опасности «отрицать корень “инфра” в понятии “инфраструктура”» (Carse 2017: 35). Для нашего анализа это очень важное замечание. Если «инфра» в термине инфраструктура означает «подлежащее» или фундирующую совокупность феноменов и структур, которые определяют существование системы, то мы также можем присмотреться и увидеть оттенок «невидимости» или «скрытости» в данном понятии (подобно инфразвуку и инфракрасному излучению, которые излучаются на частотах, недоступных человеческому уху или глазу, — неслышимые и невидимые).

Может показаться странным утверждать, что инфраструктуры сами по себе невидимы, но можно предложить аргумент, что их социальные и другие эффекты не видны или недостаточно проявлены. Они скрыты. Но что есть руинирование как не процесс обнажения скрытого и раскрытия невидимого? В некотором смысле получается, что руинированные инфраструктуры оказываются более ясными и прозрачными для понимания и сосуществования, даже партнерства. Более того, это может быть использовано не только социальными исследователями, но и членами местных сообществ, которые эту обнаженность воспринимают как источник вдохновения, для того чтобы изобретать новые и новые способы

использования для жизни и выживания элементов разрушающихся инфраструктур. Возможно, это именно тот творческий импульс, о котором писали Вера Куклин и Эдуард Холланд (2018), говоря о том, как удаленность порождает не только изоляцию, но и творчество, в том числе опирающееся на смекалку, присущую состоянию нехватки.

Распад и руины: «навоз на миллион»

Компостирование предлагает этику возвращения или, по крайней мере, регулярного обращения назад. Прошлое обращается внутрь и под землю, чтобы культивировать среду, насыщенную материей и обладающую потенциалом для трансформационных отношений

(Langwick 2018: 432).

На пути федеральной трассы, проходящей по левому берегу Оби, путь автомобилистам преграждала небольшая река шириной 150–200 м. Без парома на севера не попасть. До конца 1990-х годов несколько паромов переправляли грузы, людей и транспорт с одного берега на другой. Один из предпринимателей, владевший паромом, сообразил, что расход топлива буде снижен, если пустить паром на тросе, поскольку река узкая. Расходы на солярку сократились, и ему уже не нужно было ожидать полной загрузки, чтобы осуществить рейс. Работавший по требованию паром стал быстро популярен среди командированных и местных жителей. Когда же на пароме установили холодильник с мороженым и пивом, отбоя от желающих не было: даже местные жители приходили на переправу, чтобы узнать последние новости и пообщаться. Другие перевозчики были практически забыты, их суда стояли на приколе. Триумф легендарного парома длился не долго. В 1997 г. было решено строить мост через реку. Подрядчики не могли обойтись без помощи перевозчика для транспортировки техники и материалов между берегами, и потому обратились к владельцу парома. «Я решил, что раз все равно все это закроется скоро, выжму последнее с них!» — вспоминает предприниматель (ПМА 2019). Его паром начал курсировать усиленно, перевозя, помимо пассажиров, грузы для строительства моста. Фактически паром работал в течение трех лет над своим уничтожением: когда мост был триумфально открыт в 2000 г., время парома безвозвратно ушло¹.

¹ Подробнее об истории «смерти» парома и убийственной силе нового моста см.: (Рахманова 2023: 200–208).

Клуб вокруг продажи пива и мороженого, вечерние посиделки у причала, многие социальные явления, а не только прибыль предпринимателя исчезли, растворились тогда, когда федеральная трасса преодолела изоляцию и продемонстрировала связанность берегов. Удаленность была забыта, но вместе с ней ушло много практик, которые составляли огромную ценность не только для местных жителей, но и для туристов: ожидание парома, созерцание реки, общение с местными жителями, передышка на пути по трассе, наслаждение прохладными напитками в тени навеса.

Владелец парома не стал унывать. Если ландшафт, который кормил, изменился, стоит поискать другие ресурсы ландшафта или же другой ландшафт. Выбрав судно с большой погрузочной платформой, он обследовал почвы и территории заброшенных поселений и колхозов на правом берегу Оби. Там давно уже никто не жил, остовы зданий обозначали места ферм, загонов, коровников. Единственное, что не являлось руинами в прямом значении этого слова, — почвы¹, богатые перегноем и унавоженные поколениями крупного рогатого скота. Эта земля оказалась невероятно востребованным товаром на другом берегу: перегной раскупали, заказывали КАМАЗами для удобрения скудных почв, не восстановившихся от антропогенной и аграрной нагрузки. Собеседник показал мне журнал записи, который в июле был заполнен на поставки перегноя вплоть до конца сентября (ПМА 2019). «Золотой навоз» — это не просто метафора того, каким образом руины и следы прошлой жизни обретают особую ценность.

Стейси Лэнгвик (2018) отмечает, что растения, взращиваемые на удобренной почве или компосте, «не являются (или не только) антитоварами (см.: Scott 2009), даже если они сопротивляются формам политики, возможным благодаря стабильным траекториям товаризации (commodification)» (Langwick 2018: 434). Обращение к перегною как к ресурсу, который, чем больше проходит времени и чем дальше дома и сараи превращаются в пыль, становится все более «выдержанным» и качественным, является скрытой практикой сопротивления, которая в том числе реагирует на исчезновение удаленности там, где она играла существенную роль. Это также означает ставку в области бизнеса перевозчика не на туризм и поток приезжих, а на укрепление независимого от крупных сетевиков снабжения с помощью речного транспорта именно местного сообщества.

В этой истории о «золотом навозе», в самом интервью про историю двух паромов, на одном из которых люди пили пиво, а на другом пере-

¹ Видится актуальным применение к данному кейсу термина «рекрементальные» практики работы с «отходами», разработанного Т. Щепанской (2017).

возили перегной, очень много юмора и сарказма, и это не случайно. Токсичная, скрытая под землей природа навоза, который полезен и является грязным/нечистым, вызывает смех, равно как и самоиронию бизнесмена по поводу его успеха. Когда в полевом исследовании появляются важные нечеловеческие акторы, стратегия этнографа становится максимально мозаичной и обращает внимание на то, что, казалось, не может быть «полевым материалом»: «Чтобы рассказывать истории ландшафта, необходимо разобраться в его обитателях — и не только человеческих. Это непросто и потому полезно, как мне кажется, применять все методы изучения, какие только приходят в голову, в том числе объединенные подходы созерцания, мифы и байки, способы выживания, архивы, научные статьи и эксперименты» (Цзин 2017: 205). Неслучайно байка про навоз выросла в целое интервью, а история паромы 20-летней давности была преподнесена в жанре легенды. Усмешка и переформатирование историй успеха в бизнесе, пожалуй, связаны с попыткой преодолеть стигматизацию при работе с удаленностью и руинами, поскольку «токсичность социальная (как в случае со стигмой) и энвайроментальна (как в случае с химическими удобрениями)» (Langwick 2018: 434).

Если выше я делала акцент на пространственном измерении удаленности, изоляции и попытки сохранить автономию в селе, куда поставлялся перегной, то пришло время обратить внимание на темпоральное измерение процессов распада, гниения, руинирования и в целом свойств и природы компоста. Обращение к руинам и перегною возвращает к истории сообществ, много раз переселенных, переживших укрупнения поселений. Оно преодолевает разрывы между исчезнувшим или скрытым под землей и продолжающим жить: «Компост — это то, что способствует процессу проживания (living-through). Он обращает наше внимание на способность оставленных частей прошлого, остатков и отбросов трансформироваться через определенные переплетения в нечто иное, чем они сами и, если за ними тщательно ухаживать, превращаться в компоненты богатой здоровой почвы, переплетения, которые служат основой для роста и другой жизни. Компост “вспоминает” (re-members) и тем самым “децентрализует” работу кризиса и его форм забывания» (Langwick 2018: 431).

Этот логический ход ведет нас от руин и пространственной изоляции к буквальным эффектам перегноя, которые имеют социальное измерение и измерение экологическое, укорененное в материальности почв, грязи, гниения и самой жизни. Это распад, который становится отправной точкой возрождения: «В современном мире мы умеем препятствовать возрождению. Однако это вряд ли убедительная причина не замечать его

возможностей» (Цзин 2017: 231). И все же этой «правдой перегноя», обнажая и выкапывая его слоями из земли, не привлечь туриста: едва ли он сможет распознать «историю» края в этом неординарном способе обращаться к памяти через распад. Однако обосновать мой аргумент позволит второй пример, где почва берега, его внутренняя скрытая структура, а также река играют роль в создании пространства воспоминания, которое сегодня мемориализовано в память о произошедшей трагедии.

Колпашевский яр — между распадом и забвением

Возмущение открывает пространство преобразующих соприкосновений, дает возможность возникнуть новым ландшафтным ассамблеям

(Цзин 2017: 207).

Колпашевский яр — крутой берег, находящийся в месте, где река Обь делает крутой поворот. Стрежь сильным потоком «бьет» в берег под углом день за днем. Каждый год происходят обрушения берега, иногда настолько масштабные, что под воду уходит целая улица и дома сползают в реку. 30 апреля 1979 г. часть линии берега обрушилась, обнажив многочисленное захоронение людей, расстрелянных в 1937 г. и позднее. Благодаря независимым издательствам и радио об этом событии стало известно в тот же день. Между тем местные жители несколько дней наблюдали за происходящим, пока местная администрация по указанию сверху не попыталось «устранить следы», сделать насильственную смерть невидимой, предать забвению. То, что находилось настолько глубоко под землей, что могло бы хотя бы исходя из «геологической» оптики государства считаться неживым (Povinelli 2016), вдруг оказалось «живым» в контексте политик памяти. Яр — своего рода «вертикальная территория» (Мамонтова 2021), дающая опору критике исследованию социального ландшафта как ландшафта поверхности / surface.

Масштабы захоронения были так велики, что произвести захоронение всех останков рядом с Колпашево было невозможно в короткие сроки, в то время как скандал назревал в стране и за ее пределами. Два буксиродвухтысячника¹ подогнали к месту обвала кормой и включили винты на полную мощность (ПМА 2019). Струи воды вымывали трупы и останки из берега и уносили по реке, часть из них попадала под винты, часть двигалась вниз по течению.

¹ Буксир ОТ-2010.

Рис. 3. Виталий Бримерберг возле импровизированного памятника жертвам колпашевской трагедии. Фото 1996 г.

Источник: Мартиролог — Бримерберг Петр Христофорович — Мемориальный Музей (<https://nkvd.tomsk.ru/researches/passional/brimerberg--petr--hristoforovich/>)

Река, обнажившая историческую правду мощью водных потоков, стала также инструментом государства для разрушения следов и свидетельств преступлений. Благодаря экспедиции общества «Мемориал», собравшей устные свидетельства о колпашевской трагедии¹, удалось сохранить частицы обнаженной истории, тогда как ландшафт уже не хранил никаких свидетельств (см. также открытое письмо /Фаст 1990/ и монографию В. Запечкого /1990/). В 1990-е годы существовал уникальный памятник колпашевской трагедии — сын Петра Бримерберга Виталий приколотил к стволу дерева на берегу скелет из жести (рис. 3). Через несколько лет берег вновь осыпался, и река унесла течением и ствол дерева, и памятник.

¹ URL: https://nkvd.tomsk.ru/researches/history_investigation/kolpashevskiyar/ (дата обращения: 24.01.2024).

Во всех трех сюжетах — обнажение скрытого захоронения, использование реки как инструмента для уничтожения следов истории, влияние речного течения на уничтожение памятника, поставленного сыном погибшего, — река не просто агентна, но создает новое пространство репрезентации (Lefebvre 1991). Эти формы ландшафта, промоина клином в линии берега не просто создают время и место, чтобы помнить, но помещают людей в ситуацию необходимости помнить о событии определенным образом. В данном случае мы видим страшный перевертыш похоронной традиции: не «похороны без покойника» (Соколова 2011), но покойник без похорон.

Разрушение берега — это и руинирование, и одновременно обнажение исторических событий, то, что Анна Цзин называет «зачином истории», который рождается из возмущения среды: «Возмущения следуют одно за другим. Поэтому любой ландшафт — возмущенный, а возмущение — обыденно» (Цзин 2017: 207–208). В данной логике роль нечеловеческих акторов в процессе активизации историчности как модальности жизни дополняет идею Стэша о том, как через ландшафт местные жители помещают себя в историю: «Их действия в истории укоренены в таких пространствах, как “лес” и “деревня”, и именно через такие пространства они проживают свое состояние пребывания в исторической ситуации» (Stasch 2013: 567).

Чтобы этнографически подступиться к обсуждению сюжета Колпашевского яра в районном центре Колпашево, где мне для наблюдения доступны только современные практики повседневной жизни, логистики паромных перевозок, воспоминаний старожилов и подготовленных заранее рассказов музейных экскурсоводов, нужно соотнести этот пласт реальности с исследованиями биополитических режимов, насилия, «голой жизни» (bare life) в различного типа внеюрисдикционных (extra-juridical) пространствах: лагерях, территориях спецкомендатур, лагерях беженцев, мест специального заключения. Колпашево и другие зоны расселения на правом берегу Оби (Назино, Нарым и многие другие) были не просто местом заключения и способом удержания людей на ограниченной территории в тяжелейших природно-климатических условиях. Сотни смертей происходили в дороге до места ссылки / спецкомендатуры. Сам транзит был уже убийственен для многих.

И в этом смысле концепция спецпереселенческих зон похожа на сеть «невидимых» мест румынских лагерей, о котором пишет О’Нилл (2012), развивая и комментируя концепт лагеря у Агамбена (1998). Однако в случае Западной Сибири эти поселения не были совершенно скрытой сетью: рядом находились местные юрты, избышки, деревни селькупов, хантов —

пространство было не интенсивно, но все же освоено. Таким образом, спецкомендатуры нельзя назвать «не-местом» / non-place (Augé 2009) в период развития этих поселений, как и не являлись ими захоронения и братские могилы возле здания НКВД. Однако можно утверждать, что именно в момент, когда захоронения, останки, тела были обнажены течением реки из-под скрывающих их почв, попытка «смыть» следы трагедии той же самой водой, которая вызвала из забвения на поверхность историческую правду — само захоронение, а также весь ландшафт поселения в период, когда оно функционировала именно как спецкомендатура, оказались не-местами из-за исторической, временной дистанции.

Колпашево и поселки вокруг него можно и сегодня считать сезонно-изолированными и удаленными. Удаленность есть сейчас, ее ощущают местные жители, неизбежно сталкиваясь с проблемой транспортной доступности (ПМА 2018, 2019). Удаленность была и 1930–1940е годы. Она не обсуждалась с точки зрения «воображения», а изначально была фактором выбора мест поселений. Две удаленности накладываются здесь друг на друга. Захоронение становится не-местом не потому, что является идеальной воображаемой remote area (Ardener 2007), а потому, что современные формы жизни, разворачивающиеся в той же точки географического пространства, опираются на другие источники и артикуляции этой удаленности. От местных жителей, специалистов-исследователей, краеведов память о трагедии, насильственных смертях также «удалена» не только темпорально и географически, но и в том смысле, о котором пишет Ханна Арендт, говоря, что банальность зла оказывается «не подпадающей слову и мысли» / «сопротивляющейся слову и мысли» (Arendt 1992: 252). Именно в данном случае единственный, кто может «говорить» / высказываться, не подбирая слова, — это река. И она обнажает захоронения, она говорит, действуя.

Когда пространство проявляет себя через значимые разрывы (определяющие удаленность и ее преодолевающие) и ландшафты обретают голос (как, например, в случае агентности реки или богатых почв), вопрос о времени оказывается неразрывно связан с идентичностью местных жителей через малые и большие исторические события, через память и то, как память и забвение могут провоцировать или истощать интерес туристов. Пространственно-временной характер руинизации и удаленности подводит меня неизбежно к понятию гетеротопии Мишеля Фуко. С точки зрения темпорального аргумента «гетеротопии чаще всего связаны с раскромом времени...; гетеротопия начинает функционировать, когда люди оказываются в своего рода полном разрыве с их традиционным временем» (Фуко 2006: 200).

Главная ценность этого понятия для моего исследования жизни и туризма в контексте удаленности и руин заключается в том, что гетеротопии здесь удвоены и вложены друг в друга. Во введении я говорила о важности способов воображать удаленность, в отличие от практик ее проживания. Для приезжих и тех, кто не планирует посещать удаленные уголки сибирской тайги (а также для тех, кто организовывал перемещение спецпереселенцев, выбирая прибрежные районы Оби), это то «нигде», куда стоит отправиться, чтобы пережить испытание, либо отправить в это «нигде», в пространство исключения, других людей. Однако «изнутри» пространства, определяемого извне как желанная или ужасающая гетеротопия, становится видна многозначность использования и сотрудничества с изоляцией, удаленностью, руинами и продуктами распада через избрательные практики, поддерживаемые смекалкой местных жителей. На реке, возле обрыва с захоронениями, на развалинах фермы или пароме с мороженым гетеротопии проявляют себя совершенно неожиданным образом на стыке видимого и невидимого.

Массовое захоронение расстрелянных людей на Колпашевском яре — это уже не кладбище Фуко, которое связано с городом и его иерархиями. Это оборотная сторона гетеротопии, которая, будучи скрыта, была лишена социального измерения. Однако, когда оно было раскрыто, она оказалась контрпространством даже по отношению к традиционному кладбищу, нарушая его законы идентификации и индивидуализации. Интересно, что Колпашевский краеведческий музей не поднимает тему трагедии на яру, однако в его постоянной экспозиции присутствует раздел «Работа реки», где запечатлен яр еще до обрушения. Исключая одни события, уделяя внимание другим, «музеи и библиотеки являются гетеротопиями, преследующими идею образовать место всех времен, которое само бы находилось вне времени и было бы неуязвимо для его укулов» (Фуко 2006: 201).

Заключение

Рассмотрев три совершенно различных истории, я предлагаю посмотреть, как они помогают нам понять уникальный способ, которым связываются феномены удаленности, руинизации, дистанцирования и забвения, а также влечения и дистанции по отношению к травмирующему и страшному прошлому. Важно добавить, что все эти процессы подчеркивают агентность различных элементов инфраструктуры, которые действуют и высказываются (проявляют свой голос) совершенно по-разному. Мост является посланником государства, призванным завершить эру удаленности и объявить торжество связности и развития для местных сообществ.

ществ¹. Перегной делал и делает свою молчаливую, незаметную для «поверхностных» исследований (surface ethnography) работу. Его способ производить жизнь из распада и руинизации противопоставлен контр-примеру работы почв на другом участке Приобья, где замедления процессов распада и русловые процессы позволили сохранить хоть отчасти материальные свидетельства исторической правды.

Складывается ли в переплетении этих трагических и ироничных историй единый «паттерн удаленности», характерный для местных сообществ, с представителями которых я имела счастье беседовать, путешествовать и трудиться вместе? Едва ли. Утраченная из-за моста удаленность, на смену которой пришла связанность и принесла в село запах асфальта, лишая место аутентичности, отличается от той пространственной изоляции и удаленности, которую не искали (как приключение или испытание), но которой страшились переселенные на берега Оби в 1941–1942 гг. люди. При этом есть и другой пример, когда удаленность «вновь изолированных» (Humphrey 2015: 2) неперспективных деревень и колхозов правобережья, в полном забвении разрушающихся строений, оказалась, напротив, источником жизни, плодородия и созревания почв, которые могли сформироваться только вне человеческого присутствия. Все эти размышления дополняются идеей об удаленности не в пространстве, но во времени, которую питает политика памяти определенного толка и которая приводит общество к забвению событий, вычеркнутых из истории сообщества.

Если перейти к тому, что притягивает посетителей и создает этот вышеупомянутый соблазн удаленности (the lure of remoteness), то в регионе память о трагедии переплетена с опытом испытания во время путешествия — опытом преодоления водной преграды. Потому история с паромом, бывшим точкой притяжения и туристов, и местных жителей, как классическая гетеротопия судна является «хранилищем воображения»: «В цивилизациях без кораблей иссякают грезы, шпионаж заменяет приключения, а полиция — корсаров» (Фуко 2006: 204).

Ландшафт и способы проживать (living-through) совместно с ландшафтом в этом регионе Томской области между лево- и правобережьем Оби обнажают двойственность роли удаленности и руин для посетителей и жителей региона. В центре находится осмысление трагедии спецпереселенцев и места ссылки, которое до сих пор дает о себе знать, проявляясь в серии взаимовложенных гетеротопий — максимально приземленных,

¹ См. об адаптации к подобным условиям в сельской местности: (Гончаров 2022).

почвенных, телесных, и близких к мечте, соблазну, иллюзорным пространствам. Особый трагический контекст, который невозможно вычеркнуть из истории места, не позволяет мне предложить здесь одномерную интерпретацию, объясняющую притягательность руин, постсоветских разрушений, изоляции и ландшафтах смерти через концепцию *guin porn* (см.: Lyons 2018). Уникальность наблюдаемой ситуации заключается в том, что перед нами скорее сложная игра между различными «паттернами удаленности», которые отражают друг друга, ставя под сомнение даже то, что является гетеротопией (контрпространством или пространством «нигде»), а что местом разворачивающихся событий и точкой, «откуда» воображают.

Литература

Гончаров Н.С. (2022) Связность компонентов окружающего пространства жителей села Русское Устье как адаптивный ресурс. *Сибирские исторические исследования*, 4: 221–249.

Запечский В. (1992) *Колташевский Яр*. Новосибирск: Сибирская книга.

Кузнецов А.Г. (2016) Транспортные медиации: формы машинного и материалы человеческого. *Этнографическое обозрение*, 5: 40–52.

Латур Б. (2014) *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Мохов С.В. (2017) Пространство и дисфункциональность инфраструктуры в контексте похоронного ритуала. *Антропологический форум*, 35: 189–212.

Мамонтова Н.А. (2021) Геовласть, экстрактивизм и вертикальные территории: эссе о «геологическом повороте» в социальной антропологии (на примере работ Э. Повинелли и К. Юсофф). *Сибирские исторические исследования*, 4: 249–260.

Рахманова Л.Я. (2023) Переправа / Глоссарий инфраструктур. *Неприкосновенный запас*, 1: 200–208.

Соколова А. (2011) Похороны без покойника: трансформации традиционного похоронного обряда. *Антропологический форум*, 15: 187–202.

Фаст В.Г. (1990) Нарымские «дезертиры» и дезертиры. Открытое письмо организаторам уничтожения могил массового террора в г. Колпашево. *Летопись террора. Рукописный журнал исторической секции Томского историко-просветительского общества «Мемориал»*. 2: 20–65.

Фуко М. (2006) *Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью*. Ч. 3. М.: Праксис.

Цзин А. (2017) *Гриб на краю света. О возможности жизни на руинах капитализма*. М.: Ад Маргинем Пресс.

Шенле А. (2018) *Архитектура забвения: руины и историческое сознание в России Нового времени*. М.: НЛО.

- Щепанская Т.Б. (2017) Институционализация рекрементальных практик. *Этнографическое обозрение*, 1: 135–140.
- Agamben G. (1998) *Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Appel H., Anand N., Gupta A. (2018) Introduction: Temporality, Politics, and the Promise of Infrastructure. In: *The promise of infrastructure*. Durham: Duke University Press.
- Ardener E. (2007) Remote areas. Some theoretical considerations. *HAU: Journal of Ethnographic Theory*, 2(1): 519–533.
- Arendt H. (1992). *Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil*. N.Y.: Penguin Books.
- Auge M. (2009) *Non-Places: An Introduction to Supermodernity*. L.: Verso.
- Bolotova A. (2014) *Conquering Nature and Engaging with the Environment in the Russian Industrialised North*. Helsinki: Academic Dissertation.
- Carse A. (2017) Keyword: Infrastructure — How a Humble French Engineering Term Shaped the Modern World. In: Harvey P., Jensen C.B., Morita A. (eds.) *Infrastructures and Social Complexity: A Companion*. L.: Routledge: 27–39.
- Fergusson J. (2012) Structures of responsibility. *Ethnography*, 13(4): 558–562.
- Fergusson J. (1994) *The anti-politics machine: development, depoliticization and bureaucratic power in Lesotho*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.
- Grundy-Warr C., Sidaway J.D. (2006) Political geographies of silence and erasure. *Political Geography*, 25: 479–481.
- Harvey P., Knox H. (2015) *Roads: An Anthropology of Infrastructure and Expertise*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Humphrey C. (2002) *The unmaking of Soviet life: everyday economies after socialism*. Ithaca; L.: Cornell University Press.
- Humphrey C. (2004) Sovereignty. In: Nugent D., Vincent J. (eds.) *A Companion to the Anthropology of Politics*. Oxford: Blackwell: 418–436.
- Humphrey C. (2015) ‘Remote’ areas and minoritized spatial orders at the Russia — Mongolia border. *Études bouriates, suivi de Tibetica miscellanea*, 46: 1–19.
- Ingold T. (2000) *The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill*. L.: Routledge.
- Ingold T. (2013) *Making: Anthropology, Archaeology, Art and Architecture*. L.: Routledge.
- Krasteva A., Membretti A., Dax Th. (2022) Reconstruction of remoteness as a new centrality and dialogical cocreation of living together. In: Membretti A., Dax T., Krasteva A. (eds.) *The Renaissance of Remote Places: MATILDE Manifesto*. L.: Routledge.
- Kuklina V., Holland E. (2018) The roads of the Sayan Mountains: Theorizing remoteness in eastern Siberia. *Geoforum*, 88: 36–44.
- Langwick S. A. (2018) A Politics of Habitability: Plants, Healing, and Sovereignty in a Toxic World. *Cultural Anthropology*, 33(3): 415–443.

- Lefebvre H. (1991) *The Production of Space*. Oxford: Blackwell.
- Lorimer J. (2015) *Wildlife in the Anthropocene: conservation after nature*. Minneapolis: L.: University of Minnesota Press.
- Lyons S. (ed.) (2018) *Ruin Porn and the Obsession with Decay*. Palgrave Macmillan.
- Marris E. (2013) *The Rambunctious Garden: Saving Nature in a Post-Wild World*. Bloomsbury.
- Maudlin D., Vellinga M. (eds.) (2014) *Consuming Architecture: On the Occupation, Appropriation and Interpretation of Buildings*. N.Y.: Routledge.
- Mbembe A. (2004) Aesthetics of superfluity. *Public Culture*, 16(3): 373–405.
- O'Neill B. (2012) Of camps, gulags and extraordinary renditions: Infrastructural violence in Romania. *Ethnography*, 13(4), 466–486.
- Pohl L. (2022) Aura of decay: Fetishising ruins with Benjamin and Lacan. *Transactions of the Institute of British Geographers*, 47 (1): 153–166.
- Povinelli E. (2016) *Geontologies: A Requiem to Late Liberalism*. Durham: Duke University Press.
- Rippa A. (2019) Zomia 2.0: branding remoteness and neoliberal connectivity in the Golden Triangle Special Economic Zone, Laos. *Social Anthropology*, 27(2): 253–269.
- Rodgers D., O'Neill B. (2012) Introduction: Infrastructural violence: Introduction to the special issue. *Ethnography*, 13(4): 401–412.
- Sæþórsdóttir A.D., Hall C.M., Saarinen J. (2011) Making wilderness: tourism and the history of the wilderness idea in Iceland. *Polar Geography*, 34(4): 249–273.
- Schnitzler von A. (2018) Infrastructure, Apartheid Technopolitics, and Temporalities of “Transition”. In: Appel H., Anand N., Gupta A. (eds.) *The promise of infrastructure*. Durham: Duke University Press.
- Schweitzer P. Povoroznyuk O., Schiesser S. (2017) Beyond wilderness: towards an anthropology of infrastructure and the built environment in the Russian North. *The Polar Journal*, 7(1): 58–85.
- Schweitzer P., Povoroznyuk O. (2019) A right to remoteness? A missing bridge and articulations of indigeneity along an East Siberian railroad. *Social Anthropology*, 27(2): 236–252.
- Scott J. (2009) *The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia*. Yale University Press.
- Simome F. (2012) Infrastructure: Introductory commentary. *Curated collections, Cultural Anthropology website*, November 26.
- Smith N. (1996) *The New Urban Frontier: Gentrification and the Revanchist City*. N.Y.: Routledge
- Ssorin-Chaikov N. (2016) Soviet Debris: Failure and the Poetics of Unfinished Construction in Northern Siberia. *Social Research*, 83(3): 689–721.
- Stasch R. (2013) The poetics of village space when villages are new: settlement form as history making in Papua, Indonesia. *American Ethnologist*, 40(3): 555–570.
- Stoler A.L. (2013) *Imperial debris: On ruins and ruination*. Durham: Duke University Press.

Tin T., Summerson R., Yang H.R. (2016) Wilderness or pure land: tourists' perceptions of Antarctica. *The Polar Journal*, 6(2): 307–327.

Urry J. (2002) *The Tourist Gaze*. 2nd ed. L.: Sage.

Источники

ПМА 2017, ПМА 2019 — Полевые материалы автора, июль-август 2017 и 2019 г., Томская область.

THE “PATTERN OF REMOTENESS” AND LIFE ON THE RUINS: EVERYDAY LIFE AND TOURISM IN TOMSK OBLAST

Lydia Rakhmanova (lrakhmanova@hse.ru)

HSE University, St. Petersburg, Russia

Citation: Rakhmanova L. (2024) «Pattern udalennosti» i zhizn' na ruinakh: povsednevnost' i turizm v Tomskoy oblasti [The “pattern of remoteness” and life on the ruins: everyday life and tourism in Tomsk Oblast]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(2): 116–151 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.2.5>. EDN: FFEMVD

Abstract. In examining non-obvious mosaic of everyday life and tourism practices in remote areas of Tomsk region, I propose a revision of “pattern of remoteness” notion as interpreted by Caroline Humphrey (2015), which is formed precisely in the “provincial” postsocialist context in opposition to spatial forms dictated by the metropolis. A series of paradoxes surrounds the specific tourism industry: denying connectivity, easy access to territory and transparency, locals and entrepreneurs create a complex network in which ruins and memorialization of historical trauma are particularly attractive, and key experience offered to the traveler is one's own authenticity through trial. Another paradox is that the more destruction of infrastructural elements occurs, the brighter the potential of nature tourism in the region. This observation calls for a reconsideration of ethnographic studies of tourism practices beyond the concept of heritage conservation and sustainability of communities. In my article, based on a series of case studies, I offer an alternative perspective on the concept of ‘resource’ in the context of tourism and ask: What does the fact that the wildness of landscape and ruins come to the fore and turn out to be an attraction tell us? How can the ruinization and landscape wilderness' revitalization call into question the view of remoteness as inequality and infrastructural violence? This critical step offers a different way of looking at ruptures and inequalities of socio-political space, showing how autonomy is gained through what is usually considered as ‘scarcity’. I also examine the relationship of remoteness to time and temporalities — firstly, by linking tourism and local forms of life to the tragic history of

exile and resettlement, secondly, by challenging the view that remoteness means marginalization through exclusion from processes of modernity.

Keywords: anthropology of infrastructure; remoteness; tourism; ruins; wilderness; Tomsk region; landscape; memorialization.

Acknowledgements

This article was written with support from RFBR grant no. 20-59-76003 ERA_t “Turning Nature into Environment on Tourist Frontiers: Communities, Conservation and Sustainable Development in Remote Areas”.

References

- Agamben G. (1998) *Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Appel H., Anand N., Gupta A. (2018) Introduction: Temporality, Politics, and the Promise of Infrastructure. In: *The promise of infrastructure*. Durham: Duke University Press.
- Ardener E. (2007) Remote areas. Some theoretical considerations. *HAU: Journal of Ethnographic Theory*, 2(1): 519–533.
- Arendt H. (1992). *Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil*. New York: Penguin Books.
- Auge M. (2009) *Non-Places: An Introduction to Supermodernity*. London: Verso.
- Bolotova A. (2014) *Conquering Nature and Engaging with the Environment in the Russian Industrialised North*. Academic Dissertation. Helsinki.
- Carse A. (2017) Keyword: Infrastructure — How a Humble French Engineering Term Shaped the Modern World. In: Harvey P., Jensen C.B., Morita A. (eds.) *Infrastructures and Social Complexity: A Companion*. London: Routledge: 27–39.
- Fast V.G. (1990) Narymskie «dezertiry» i dezertiry. Otkrytoe pis'mo organizatoram unichtozheniya mogil massovogo terrora v g. Kolpashevo. [Narym “deserters” and deserters. An open letter to the organizers of the destruction of mass terror graves in Kolpashevo. Chronicle of Terror.] *Letopis' terrora. Rukopisnyi zhurnal istoricheskoi sekti Tomskogo istoriko-prosvetitel'skogo obshchestva «Memorial»* [Manuscript journal of the historical section of the Tomsk Historical and Educational Society “Memorial”], 2: 20–65 (in Russian).
- Fergusson J. (1994) *The anti-politics machine: development, depoliticization and bureaucratic power in Lesotho*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.
- Fergusson J. (2012) Structures of responsibility. *Ethnography*, 13(4): 558–562.
- Foucault M. (2006) Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i intervyyu [Intellectuals and power: selected political articles, speeches and interviews]. Per. s fr. B.M. Skuratova pod obshchej redakciej V.P. Bol'shakova. Moscow: Praksis. Part 3 (in Russian).
- Goncharov N.S. (2022) Svyaznost' komponentov okruzhayushchego prostranstva zhitelei sela Russkoe Ust'e kak adaptivnyi resurs [Connectivity of the components of the surrounding environment space of Russkoe Ustye villagers as an adaptive resource]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Research], 4: 221–249 (in Russian).

Grundy-Warr C., Sidaway J.D. (2006) Political geographies of silence and erasure. *Political Geography*, 25: 479–481.

Harvey P., Knox H. (2015) *Roads: An Anthropology of Infrastructure and Expertise*. Ithaca, NY: Cornell University Press.

Humphrey C. (2002) *The unmaking of Soviet life: everyday economies after socialism*. Ithaca; London: Cornell University Press.

Humphrey C. (2004) Sovereignty. In: Nugent D., Vincent J. (eds.) *A Companion to the Anthropology of Politics*. Oxford: Blackwell: 418–436.

Humphrey C. (2015) 'Remote' areas and minoritized spatial orders at the Russia — Mongolia border. *Études bouriatiées, suivi de Tibetica miscellanea*, 46: 1–19.

Ingold T. (2000) *The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill*. London: Routledge.

Ingold T. (2013) *Making: Anthropology, Archaeology, Art and Architecture*. London: Routledge.

Krasteva A., Membretti A., Dax T. (2022) Reconstruction of remoteness as a new centrality and dialogical cocreation of living together. In: Membretti A., Dax T., Krasteva A. (eds.) *The Renaissance of Remote Places: MATILDE Manifesto*. London: Routledge.

Kuklina V., Holland E. (2018) The roads of the Sayan Mountains: Theorizing remoteness in eastern Siberia. *Geoforum*, 88: 36–44.

Kuznetsov A.G. (2016) Transportnye mediatsii: formy mashinnogo i materialy chelovecheskogo [Transport mediations: forms of machine and materials of the human.]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 5: 40–52 (in Russian).

Langwick S. A. (2018) A Politics of Habitability: Plants, Healing, and Sovereignty in a Toxic World. *Cultural Anthropology*, 33(3): 415–443.

Latour B. (2014) *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the social: an introduction to actor-network theory]. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki (in Russian).

Lefebvre H. (1991) *The Production of Space*. Oxford: Blackwell.

Lorimer J. (2015) *Wildlife in the Anthropocene: conservation after nature*. Minneapolis; London: University of Minnesota Press.

Lyons S. (ed.) (2018) *Ruin Porn and the Obsession with Decay*. Palgrave Macmillan.

Mamontova N.A. (2021) Geovlast', ekstraktivizm i vertikal'nye territorii: esse o «geologicheskoy povorote» v sotsial'noi antropologii (na primere rabot E.H. Povinelli i K. Yusoff) [Geopower, extractivism and vertical territories: an essay on the “geological turn” in social anthropology (on the example of the works of E. Povinelli and K. Yusoff)]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Research], 4: 249–260 (in Russian).

Marris E. (2013) *The Rambunctious Garden: Saving Nature in a Post-Wild World*. Bloomsbury.

Maudlin D., Vellinga M. (eds.) (2014) *Consuming Architecture: On the Occupation, Appropriation and Interpretation of Buildings*. New York, NY: Routledge.

Mbembe A. (2004) Aesthetics of superfluity. *Public Culture*, 16(3): 373–405.

Mokhov S.V. (2017) Prostranstvo i disfunktsional'nost infrastruktury v kontekste pokhoronogo rituala [Space and infrastructure dysfunctionality in the context of funeral ritual.]. *Antropologicheskii forum* [Anthropological Forum], 35: 189–212 (in Russian).

O'Neill B. (2012) Of camps, gulags and extraordinary renditions: Infrastructural violence in Romania. *Ethnography*, 13(4): 466–486.

Pohl L. (2022) Aura of decay: Fetishising ruins with Benjamin and Lacan. *Transactions of the Institute of British Geographers*, 47(1): 153–166.

Povinelli E. (2016) *Geontologies: a Requiem to Late Liberalism*. Durham: Duke University Press.

Rakhmanova L.Y. (2023). Pereprava / Glossarii infrastruktur [River crossing / A glossary of infrastructures]. *Neprikosnovennyi zapas* [Untouchable reserve], 1: 200–208 (in Russian).

Rippa A. (2019) Zomia 2.0: branding remoteness and neoliberal connectivity in the Golden Triangle Special Economic Zone, Laos. *Social Anthropology*, 27(2): 253–269.

Rodgers D., O'Neill B. (2012) Introduction: Infrastructural violence: Introduction to the special issue. *Ethnography*, 13(4): 401–412.

Sæþórsdóttir A.D., Hall C.M., Saarinen J. (2011) Making wilderness: tourism and the history of the wilderness idea in Iceland. *Polar Geography*, 34(4): 249–273.

Schenle A. (2018) *Arhitektura zabveniya: ruiny i istoricheskoe soznanie v Rossii Novogo vremeni* [The architecture of oblivion: ruins and historical consciousness in Russia of the New Time]. Moscow: NLO.

Schepanskaya T.B. (2017). Institucionalizaciya rekrementalnykh praktik. [Institutionalization of recreational practices]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review], 1: 135–140.

Schnitzler von A. (2018) Infrastructure, Apartheid Technopolitics, and Temporalities of “Transition”. In: Appel H., Anand N., Gupta A. (eds.) *The promise of infrastructure*. Durham: Duke University Press.

Schweitzer P. Povoroznyuk O., Schiesser S. (2017) Beyond wilderness: towards an anthropology of infrastructure and the built environment in the Russian North. *The Polar Journal*, 7(1): 58–85.

Schweitzer P., Povoroznyuk O. (2019) A right to remoteness? A missing bridge and articulations of indigeneity along an East Siberian railroad. *Social Anthropology*, 27(2): 236–252.

Scott J. (2009) *The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia*. Yale University Press.

Simome F. (2012) Infrastructure: Introductory commentary. *Curated collections, Cultural Anthropology website*, November 26.

Smith N. (1996) *The New Urban Frontier: Gentrification and the Revanchist City*. New York: Routledge

Sokolova A. (2011) Pokhorony bez pokoinika: transformatsii traditsionnogo pokhoronnogo obryada [Funerals without the deceased: transformations of traditional funeral rites]. *Antropologicheskii forum* [Anthropological Forum], 15: 187–202 (in Russian).

Ssorin-Chaikov N. (2016) Soviet Debris: Failure and the Poetics of Unfinished Construction in Northern Siberia. *Social Research*, 83(3): 689–721.

Stasch R. (2013) The poetics of village space when villages are new: settlement form as history making in Papua, Indonesia. *American Ethnologist*, 40(3): 555–570.

Stoler A.L. (2013) *Imperial debris: On ruins and ruination*. Durham: Duke University Press.

Tin T., Summerson R., Yang H.R. (2016) Wilderness or pure land: tourists' perceptions of Antarctica. *The Polar Journal*, 6(2): 307–327.

Tsing A. (2017) Grib na krayu sveta. O vozmozhnosti zhizni na ruinah kapitalizm [Mushroom at the edge of the world. On the possibility of life on the ruins of capitalism]. Moscow: Ad Marginem Press (in Russian).

Urry J. (2002) *The Tourist Gaze*. 2nd ed. London: Sage.

Zapetskii V. (1992) *Kolpashevskii Yar* [Kolpashevo Cliffs]. Novosibirsk: Sibirskaya kniga (in Russian).

СОЦИОЛОГИЯ ТЕЛЕСНОСТИ

ФОРМЫ ТЕЛЕСНОГО КАПИТАЛА: АНАЛИЗ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ¹

Александр Михайлович Пивоваров (a-pivovarov@mail.ru)

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия;
Социологический институт ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Пивоваров А.М. (2024) Формы телесного капитала: анализ социологических концептов. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(2): 152–178. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.2.6>. EDN: FKCZRP

Аннотация. Обзорная статья посвящена анализу положения телесности в концепциях, интерпретирующих и развивающих классификацию форм капитала П. Бурдьё, который рассматривал телесный капитал только лишь как разновидность культурного капитала. Анализируются работы исследователей (К. Хаким, Д. Хатсон), которые предлагают рассматривать телесность (в ее разных проявлениях) в качестве четвертой формы капитала наряду с тремя уже устоявшимися формами. Рассматриваются новые концепты, связанные с телесностью, созданные в русле бурдьезианской теории капитала и призванные дать описание дополнительным основаниям для возникновения иерархий в современных обществах. Автор солидаризируется с теми исследователями, кто считает, что сегодня телесность является самостоятельной формой капитала, поскольку ее свойства сами по себе влияют на положение индивида внутри различных социальных полей. По мнению автора, место четырех форм самого телесного капитала могут занять такие концепты, как физический, сексуальный/эротический, гендерный и эстетический капитал. Два важнейших аспекта функционирования телесного капитала — его аккумуляция и конвертация. Последняя осуществляется на двух уровнях: во-первых, врожденные и приобретенные свойства тела трансформируются в иные формы капитала — экономическую, культурную, социальную; во-вторых, процессы конвертации происходят между формами самого телесного капитала. Телесный капитал, как и любая форма капитала, не может быть полностью лишен потенциала отчуждения, однако внимание к различным аспектам телесности, даже с точки зрения их капитализации, становится в эпоху цифровизации формой стихийного сопротивления диктату алгоритмической рациональности.

Ключевые слова: капитал, телесность, телесный капитал, физический капитал, сексуальный/эротический капитал, гендерный капитал, эстетический капитал, Бурдьё, цифровизация.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31138.

Введение

В современных обществах новоевропейской культуры, возникшей в эпоху Возрождения и раннего Нового времени (Гайденко 2000: 6) и окончательно завоевавшей сегодня весь мир, «экономические факторы господствуют в общественном сознании» (Веселов 2011: 6). Экономика не только давно получила полную автономию от других сфер общественной жизни, но и сама определяет практически все социальные отношения (а не наоборот, как было в предыдущие эпохи). Само название современной стадии всеобщей истории — капитализм — имеет отчетливо экономическую коннотацию.

Ключевое открытие К. Маркса, которое он, возможно, не до конца сам осознавал, заключалось в понимании важнейшей особенности капитализма, а именно перманентного превращения в капитал, т.е. капитализации, всего чего угодно, «когда все новые и все более неожиданные ресурсы и отношения вовлекаются в создание стоимости» (Иванов 2014: 128).

В современных социальных науках понятие капитала «отрывается от стоимостной основы в ее непосредственном экономическом смысле»¹ (Радаев 2002: 22) и определяется как ограниченный, накапливаемый и конвертируемый ресурс, который способен приносить прибыль или выгоду².

Человеческое тело большую часть истории человечества непременно участвовало в создании стоимости, поскольку с его помощью осуществлялась и продолжает осуществляться значительная часть трудовой деятельности. Однако сегодня «живой труд» перестал быть просто одним из факторов производства товаров. Во многом благодаря развитию цифровой медиасреды и визуальных коммуникаций тело человека стало приносить материальные и символические прибыли само по себе. Обладание определенными телесными свойствами независимо от других ресурсов способно влиять на движение человека в социальном пространстве, его жизненные шансы и возможности приобретения социально значимых благ (см., например: Andreoni, Petrie 2008; Anderson et al. 2010; Hakim 2011; Hutson 2012; Hallo, Kuipers 2016). Идея телесного («физического») капитала, предложенная П. Бурдьё в конце 1970-х годов., оказалась широко востребованной исследователями и создала основу для большого массива теоретических работ (Wacquant 1995; Mears, Finlay 2005; Martin, George

¹ В классической трудовой теории стоимости последняя связывалась с затратами труда на производство товара.

² Однако и в этом понимании капитал сохраняет свою меновую стоимость, т.е. «количественно определенную способность к обмену на другие ресурсы» (Радаев 2002: 22). Тем самым обеспечивается конечная ликвидность любого капитала.

2006; Green 2008; Bridges 2009; Anderson 2010; Mears 2015). Однако большинство из них не выходит за рамки бурдьезианского понимания телесного капитала как элемента культурного капитала (его инкорпорированной формы).

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы на основе систематизации разрозненных идей социальных исследователей о способах капитализации тела показать обоснованность и значимость понимания телесности как самостоятельной формы капитала в условиях дигитализации общества, а также предложить свой вариант видения структуры телесного капитала.

Для этого в первой части статьи мы рассмотрим то понимание телесности, которого придерживался П. Бурдьё, а именно как «инкорпорированного культурного капитала». Во второй части проанализируем и сравним два варианта развития теории П. Бурдьё, в которых в качестве его «четвертой» формы предлагается рассматривать «эротический капитал» (К. Хаким) и «телесный капитал» (Д. Хатсон). Третья часть содержит аналитический обзор концептов, обозначающих различные формы телесного капитала, среди которых наибольшей значимостью, на наш взгляд, обладают физический, эротический, гендерный и эстетический капитал. В заключительной части показано значение телесного капитала в контексте «продвинутого постиндустриального капитализма» (Иванов, Асочаков 2023: 4).

Телесный капитал в исследованиях П. Бурдьё

Одной из наиболее признанных в социальных науках концепций капитала считается теория П. Бурдьё. Исследователи единодушны во мнении, что значительное влияние на научные и политические взгляды П. Бурдьё оказал К. Маркс (Beasley-Murray 2000; Desan 2013). «Оба они отвергают иллюзорные мысли интеллектуалов и поворачиваются к логике практики — труд у Маркса, телесные практики у Бурдьё» (Буравой 2018: 58).

П. Бурдьё определял капитал как «власть над продуктом, в котором аккумулирован прошлый труд <...>, а заодно над механизмами, стремящимися утвердить производство определенной категории благ и через это — власть над доходами и прибылью» (Бурдьё 2005: 15). В зависимости от того, в рамках какого поля действует индивид, для него наибольшим значением может обладать либо экономический, либо культурный, либо социальный капитал, либо определенное сочетание всех типов капиталов.

Культурный капитал, в отличие от других форм, по П. Бурдьё, функционирует в трех состояниях — объективированном (например, в произведениях искусства), институционализированном (например, в дипломах об образовании) и инкорпорированном (*embodied*), которое и интересу-

ет нас в рамках статьи. Инкорпорированный культурный капитал существует «в форме длительных диспозиций ума и тела» (Bourdieu 1986: 243). Иными словами, помимо культурного багажа личности, этических представлений, эстетического вкуса и прочего, инкорпорированная форма культурного капитала аккумулируется в том, что в своих англоязычных публикациях П. Бурдьё называет либо *physical capital* (Bourdieu 1978: 830), либо *body capital* (Bourdieu 1984 [1979]: 206), который выражается в качествах внешности, здоровья и телесной активности индивида — размерах и формах его тела, походке, осанке, манере держаться, двигаться, говорить, физических умениях и навыках, способах потребления пищи, предпочитаемых видах спорта.

Телесный капитал, в концепции П. Бурдьё, формируется во взаимоотношениях трех переменных: социальной локации, габитуса и вкуса. В зависимости от «правил игры», которые действуют в том или ином социальном подпространстве, разные телесные формы и качества приобретают разную ценность (физическая форма ценится в поле спорта, но гораздо менее значима в поле науки). Кроме того, в зависимости от своего социального положения индивиды имеют неравные возможности как в приобретении (аккумуляции) того телесного капитала, который ценится в разных социальных полях, так и в его конвертации в силу существования разнообразных социальных барьеров вроде эффекта «стеклянного потолка» и т.п. (Shilling 2004: 477). Габитус обладает значением «инкорпорированных предрасположенностей или, можно сказать, телесной схемы, этого командного принципа, способного направлять практики одновременно неосознанным и упорядоченным образом» (цит. по: Шматко 2020: 21–22) и играет роль посредника между существующими социальными полями (с их институтами) и произвольной активностью индивида. «Бессознательность» габитуса определяется его телесной укорененностью в манерах, походке, стиле жестикуляции и мимических движений, привычках и предпочтениях в питании, гигиене, ношении одежды и пр. В свою очередь, вкус, согласно П. Бурдьё, является телесно укорененной способностью человека, представляющей собою «инкорпорированный принцип классификации, который управляет всеми формами инкорпорации, выбором и модификацией всего, что тело глотает, переваривает и ассимилирует, физиологически и психологически» (Bourdieu 1984: 190).

Как часть инкорпорированного культурного капитала телесный капитал обладает несколькими отличительными свойствами. Во-первых, он отличается тем, что не может быть передан напрямую от субъекта к субъекту. Во-вторых, он аккумулируется в сочетании генетических, психологических и социокультурных факторов: его природная основа наследуется,

его существование ограничено естественными законами старения и умирания, однако его формирование и поддержание требует подчас немалых волевых усилий (Bourdieu 1986: 245). При этом как приобретенные, так и унаследованные индивидом телесные формы и навыки могут потерять в своей капитализации, если перестанут цениться и потеряют возможность конвертации. Так, популярность того или иного вида спорта может меняться в зависимости от зарплат профессиональных спортсменов, объемов теле- и интернет-трансляций соревнований. Изменения в поле моды, волны популярности киногероев, звезд шоу-бизнеса и прочих медиаперсон, могут влиять на символическую ценность полноты или худобы, походки, длины и цвета волос, манеры одеваться (Bourdieu 1984 [1979]).

Телесный капитал содержит символическую составляющую в обоих вариантах, в которых понимает ее П. Бурдьё. Так, победители и победительницы соревнований, всевозможных конкурсов красоты обладают «объективированным» символическим капиталом, т.е. официально закрепленным в виде титула. «Диффузным» символическим капиталом, т.е. «основанным на одном только коллективном признании» (Бурдьё 2005: 239), обладают, например, те, чья привлекательность основана на различии в их телесном облике и поведении символов определенного стиля, напоминающего об их принадлежности к престижной или авторитетной социальной группе. «Неузнанно-признанная»¹ (Бурдьё 2001: 239) символическая природа телесного капитала, по-видимому, проявляется в том, что возникновение доверия к его обладателю зависит от того, в какой мере возникает, в терминах И. Гоффмана, вера в «искренность постановки», т.е. отсутствие ощущения, что невербальные элементы, формирующие внешность и поведение, используются с «тайным» умыслом получить выгоду.

Как отмечено выше, исследователи, занятые изучением телесности, демонстрируют сегодня бурный интерес к идее телесного капитала П. Бурдьё. Обилие новых концептов, развивающих его модель, говорит, с одной стороны, о прозорливости знаменитого француза, а с другой — о неудовлетворенности его теорией с точки зрения ее объяснительных возможностей в отношении телесности современного человека. Точкой преткновения служит положение о том, что тело тесным образом связано с репрезентацией классового положения своего обладателя (Bourdieu 1978; 1984). П. Бурдьё в целом исходил из того, что принадлежность к тому или

¹ Символическим капиталом, согласно одной из интерпретаций П. Бурдьё, является любая форма капитала, который «добивается своего признания ценой преобразования, которое делает неузнаваемым настоящий принцип его функционирования» (Бурдьё 2002: 230, 248).

иному социальному классу оказывает глубокое воздействие на способы, которыми люди развивают свое тело, на символическое значение, которое связывается с отдельным физическим свойством тела, а также на возможности конвертации в другие виды капиталов (Bourdieu 1978; 1984). В этой модели тело является сугубо подчиненным образованием, выполняя функцию классового «дисплея».

Несмотря на то что этот тезис имеет своих сторонников и находит подтверждения в эмпирических исследованиях (см., например: Ваньке 2012), все большую популярность сегодня обретает позиция, согласно которой бурдьезианский концепт инкорпорированного культурного капитала в современных реалиях в полной мере «не может объяснить весь спектр ценностей, приписываемых телу» (Hutson 2012: 33).

Дискуссия о «четвертой» форме капитала

По вопросу о том, достаточно ли понимать телесный капитал в том смысле, который вкладывал в него П. Бурдьё, или нет, среди исследователей развернулась заочная дискуссия. Одни из них (см., например: Wacquant 1995; Mears 2015), полностью разделяют идею подчиненности телесного капитала культурному. В работах других авторов, например К. Шиллинга, утверждается, что «физический капитал слишком важен, чтобы рассматриваться как просто компонент культурного капитала» (Shilling 1991: 654), и что «развитие и управление телом является само по себе центральным для деятельности человека в целом и для создания экономического капитала, и достижения и поддержания статуса» (Shilling 1992: 3).

Сам П. Бурдьё не стремился обсуждать телесность помимо ее способности выражать культуру класса, к которому принадлежит ее обладатель. Его интересовало то, как с помощью тела сознательно и бессознательно проявляются классовые различия (Bourdieu 1984 [1979]). Однако за те примерно полвека с тех пор как П. Бурдьё проводил свои исследования на материале французского общества, во многих странах мира социальное положение перестало быть главенствующей детерминантой внешности, манер поведения, практик заботы о теле и пр. (Hutson 2012). Телесный облик и телесные способности стали гораздо более свободно достигаемыми аспектами идентичности, в том числе благодаря развитию биомедицинских технологий и пластической хирургии, а также цифровизации знаний о поддержании физического здоровья и пр.

Американский исследователь Д. Хатсон теоретически и эмпирически обосновывает тезис о том, что сегодня «телесность не есть простое выражение культуры класса» (Hutson 2012: 50) и утверждает, что существует несколько причин, по которым концепт «телесно воплощенного культур-

ного капитала» сильно ограничен в объяснении того, как функционирует телесность в современных обществах. Одна из них состоит в том, что подход П. Бурдьё слабо объясняет существование «кросс-классовых» вкусов, поскольку если предположить, что телесность является лишь результатом классовой позиции, то индивиды не должны следовать тем телесным стандартам и идеалам, которые приняты в других классах, что на самом деле происходит, например, в рамках процессов опережающей социализации, проанализированных Р. Мертоном.

Кроме того, поскольку П. Бурдьё понимал телесность как форму культурного капитала, «но почти не исследовал ее потенциал в трансформации экономической, социальной и культурной ситуации индивидов» (Hutson 2012: 45), то его подход только частично позволяет концептуализировать конвертацию телесного капитала в иные ресурсы. Между тем сегодня это типичным образом происходит в случае, например, спортсменов, персональных фитнес-тренеров или моделей, капитализирующих свое тело в качестве источника привлекательных образов как в реальном, так и в виртуальном пространстве взаимодействия. Для них тело с его сформированными свойствами является и способом заработка, и способом приобретения социальных связей и дипломов, завоевания титулов и званий, и признаком принадлежности к престижной социальной общности и пр.

Согласно Д. Хатсону, телесность в современном ее понимании должна рассматриваться как самостоятельная форма капитала наряду с тремя остальными именно потому, что она сама по себе обладает «трансформирующей силой» (Hutson 2012: 50), позволяющей создавать, поддерживать или преодолевать отношения неравенства. Стремясь дополнить классификацию П. Бурдьё, Д. Хатсона делает вывод, что телесный капитал¹ может претендовать на место четвертой формы капитала, и определяет его как «ценность, приписываемая конкретным способам телесного воплощения, использования тела, интерпретаций тела, которые могут быть присвоены, обменены или реинвестированы для получения дополнительной прибыли или статуса» (Hutson 2012: 50).

Своеобразной альтернативой этой идее является концепция К. Хаким, состоящая в том, чтобы рассматривать «эротический капитал как четвер-

¹ Д. Хатсон, как и П. Бурдьё, использует в данном контексте словосочетание *physical capital*. Мы не стремимся следовать за ними, поскольку этот термин давно занят экономической наукой для обозначения капитала, «воплощенного в орудиях, машинах и другом производственном оборудовании» (см., например: Coleman 1988: 100).

тый персональный актив, важное дополнение к экономическому, культурному и социальному капиталу» (Наким 2010: 499). Эротический капитал, согласно К. Хаким, есть «многосоставная комбинация физической и социальной привлекательности» (Наким 2012: 28), содержащая шесть весьма разноплановых компонентов, среди которых красота, эротическая привлекательность, энергичность, навыки социального взаимодействия, социальная презентация (стиль одежды, макияж, украшения, парфюм и пр.), и сексуальность как таковая (качества хорошего любовника) (Наким 2010). В своей книге К. Хаким формулирует «новый манифест для женщин» (Наким 2011: 200), в котором эротический капитал позиционируется как женская «козырная карта», т.е. ресурс, с помощью которого женщины могут и даже обязаны компенсировать ситуацию глубокого неравенства, в которой они, по мнению автора, продолжают находиться. Эта возможность открывается по той причине, что в целом мужчины (в отличие от женщин) начиная с достижения возраста половой зрелости и до преклонных лет являются, по мнению К. Хаким, существами, испытывающими дефицит в реализации сексуальной потребности.

Концепция К. Хаким, несмотря на известность, имеет значительные изъяны (Green 2013). Первая проблема заключается в том, что, стремясь усовершенствовать предложенный ранее (Martin, George 2006; Green 2008) концепт эротического капитала, К. Хаким предлагает трактовать его в расширительном ключе, включив в него элементы, связанные с сексуальностью достаточно отдаленно, такие как личностные черты или навыки коммуникации. Однако, заявив это, на деле К. Хаким определенно редуцирует эротический капитал в основном к двум из шести его заявленных элементов — телесной красоте и сексуальной привлекательности. Ярким примером этому служит обсуждение способов аккумуляции эротического капитала, среди которых К. Хаким не упоминает что-либо связанное с улучшением личностных или коммуникативных качеств, а акцентирует внимание на «бодимодификациях и практиках [создания] красоты» (Наким 2011: 28).

Вторая проблема заключается в том, что концепция К. Хаким базируется на достаточно произвольно отобранных посылах, близких к обманчиво очевидным суждениям на уровне здравого смысла. Не обращая странным образом внимания на разнообразие сексуальных и ценностных ориентаций современных женщин и мужчин, К. Хаким представляет модель, которая, как пишет А. Грин, является «не многим более чем компиляцией исследований и анекдотических виньеток о том, как гетеросексуальная мужская безответная похоть... может быть использована сексуальными женщинами для своей выгоды» (Green 2013: 147).

Третьим, быть может наиболее важным, недостатком является то, что, хотя внешне К. Хаким выражает стремление дополнить бурдьезианскую теорию капитала, на самом деле она работает в рамках парадигмы человеческого капитала, имеющей не социологические, а экономические корни (Becker 1994). Подход, развиваемый К. Хаким, по сути асоциологичен, поскольку ничего не дает социологии для понимания властных отношений и структуры общества (Green 2013). Игнорируется то обстоятельство, что социальные поля, в которых индивиды оказываются в поисках материальных или символических выгод, чаще всего являются заранее иерархически структурированными, что нередко предопределяет ситуацию, в которой непосредственный обладатель эротического (или, шире, телесного) капитала, не является его истинным владельцем или конечным бенефициаром прибылей, которые он порождает.

Эта тема весьма красноречиво раскрыта в исследовании А. Мирс, объектом которого стали «женщины с высоко ценимым телесным капиталом — girls, обслуживающие новую мировую элиту на международных VIP-вечеринках» (Mears 2015: 22). В то время как состоятельные мужчины в сопровождении girls значительно снижают «риск потерять лицо в гетеронормативных условиях ведения бизнеса» (Mears 2015: 30), приобретая дополнительные преимущества для установления эксклюзивных бизнес-знакомств, сами девушки не способны капитализировать (кроме как чисто экономическим образом) свой girl capital с помощью сопровождения VIP-персон «именно потому, что использование своего телесного капитала снабжает их обесцененной социальной идентичностью» (Mears 2015: 23). Находясь в поле VIP-вечеринок мужчины ценят в присутствующих там девушках исключительно свойства их тела и за редкими исключениями не стремятся устанавливать с ними романтические отношения в силу их «подозрительной» репутации.

В этом плане идея Д. Хатсона выглядит гораздо менее уязвимой, во-первых, потому что он не претендует на значительное переопределение терминов, введенных до него. Во-вторых, он не стремится под телесностью объединить человеческие свойства, напрямую не связанные с ней, как это делает К. Хаким с эротичностью. В-третьих, Д. Хатсон, по сути, не отворачивается от социологической теории капитала П. Бурдьё, а лишь указывает на ее недостаточность с точки зрения понимания значения телесности для функционирования систем неравенства в современных обществах.

Однако мы полагаем, что модель Д. Хатсона нуждается в корректировке. Во-первых, на фоне бурной теоретизации в области выявления различных форм неэкономических капиталов (Вартанова, Гладкова 2020), сложно говорить о том, каким по счету является телесный капитал после

классической триады, обозначенной П. Бурдьё. Достаточно указать на то, что эта форма в современных обществах становится самостоятельной.

Во-вторых, нам представляется недостаточным способ, которым Д. Хатсон видит решение проблемы множественности концептов, обозначающих различные формы капитализации телесности (в том числе такие экзотичные варианты, как *girl capital* /Mears 2015/ или *pugilistic capital* /Wacquant 1995/), некоторые из которых (такие как «эротический капитал» /Hakim 2010/) претендуют на лидирующую роль в ущерб остальным. Согласно его идее, телесный капитал как понятие призвано стать «зонтичным» термином (Hutson 2012: 50), охватывающим разнообразные формы капиталов, связанных с телесностью. По мнению Д. Хатсона, такой подход позволяет рассматривать известные телесно-связанные формы капиталов в качестве «равноправных» и «в то же время сохраняет открытость новым типам телесного капитала, которые появятся в будущем» (Hutson 2012: 51).

Идея, которой мы предлагаем скорректировать модель Д. Хатсона, заключается в том, чтобы не просто объединить под рубрикой «телесный капитал» все известные и будущие виды капиталов, связанные с телом, поставив их в равное положение. Некоторые из них, как, например, «боксерский капитал» Л. Вакана, весьма специфичны. Вместо этого мы считаем, что необходимо определить набор компонентов телесного капитала, которые могут быть релевантными совершенно разным областям телесных практик и в то же время до конца несводимыми друг к другу. В этом качестве, на наш взгляд, выступают физический, сексуальный/эротический, гендерный и эстетический капитал, описание которых мы проведем в следующем параграфе.

Формы телесного капитала

Физический капитал связывается «с состоянием здоровья, уровнем работоспособности хозяйственных агентов, а также их внешними физическими данными, которые могут использоваться для мобилизации других видов ресурсов» (Радаев 2002: 24). Иными словами, физический капитал — это совокупность объективно наблюдаемых физических свойств организма, позволяющих получать те и ли иные выгоды, чаще всего в своем прямом применении, реже с помощью своего символического значения.

Яркие примеры функционирования физического капитала можно встретить в особых профессиональных областях, таких как спорт или индустрия моды. Так, Л. Вакан рассматривает боксеров «как обладателей и даже антрепренеров физического капитала определенного рода» (Wacquant 1995: 66). Фактически то, чем боксеры занимаются на тренировках, можно считать деятельностью, с помощью которой спортсмены

производят из своего тела специализированный «боксерский капитал», который после успешных выступлений на ринге способен конвертироваться в признание, титулы и соответствующие гонорары. Л. Вакан справедливо указывает на то, что «телесный капитал» (*bodily capital*) тесно связан с «телесной работой»¹ (*body work*), которая «состоит в высоко интенсивной и точно регулируемой манипуляции организмом, цель которой состоит в том, чтобы закрепить в телесной схеме... позы, паттерны движений и субъективные эмоционально-когнитивные состояния» (Wacquant 1995: 73). По наблюдениям других исследователей, необходимость тщательно следить за собственным весом и пропорциями, состоянием здоровья, физическим тонусом характерна не только для профессиональных бойцов, но и для профессиональных моделей (Mears, Finlay 2005). Достаточно хотя бы немного отклониться от границ принятого в модном бизнесе диапазона веса, пропорций тела и возраста, как модель резко теряет шансы на продолжение карьеры. Управление телесным капиталом моделей включает поддержание привлекательного внешнего вида и телесных кондиций на фоне процессов взросления и набора веса.

Исследователи фиксируют высокую значимость работы над собственным телом не только в профессиональной, но и в повседневной жизни современного человека. Особенное значение это имеет для женщин, которые, посещая салоны красоты, занимаясь аэробикой, прибегая к услугам косметических хирургов, на самом деле работают не столько над собственным телом, сколько над восприятием самих себя, стремясь снизить «давление мифа о красоте» (Gimlin 2002: 47).

Символическое значение физических данных отчетливо проявляется в массовой визуальной культуре. Так, выявлены значимые отличия телесной конституции у персонажей музыкальных клипов, которых по внешним маркерам можно отнести к разным слоям российского и британского общества (Pivovarov, Tkachuk 2021), что также косвенно подтверждает идею П. Бурдьё о «классовой» природе телесного капитала.

*Сексуальный/эротический капитал*² приверженцами бурдьезианской традиции (Martin, George 2006; Green 2008; Illouz 2012)³ понимается как

¹ Л. Вакан не скрывает родство этого термина с понятием «эмоциональной работы» А. Хохшильд (2019 [1985]).

² Дж. Мартин и М. Джордж (2006) используют термин «сексуальный капитал», А. Грин (2008) — «эротический капитал», однако разница между ними достаточно условна, что позволили Е. Иллюз (2012) писать эти понятия через косую черту.

³ Иное понимание сексуального капитала первоначально сформулировано в рамках теории человеческого капитала (Michael 2004).

основной актив в поле сексуальности, определяемый как относительно замкнутая и автономная подсистема социальных отношений, «в которых сексуальное желание становится автономизированным, сексуальная конкуренция — обобщенной, а сексуальная привлекательность превращается в самостоятельный критерий выбора партнеров и выстраивания их иерархий» (Illouz 2012: 54). Поле сексуальности распадается на субполя, в каждом из которых действует своя «валюта эротического капитала» (Green 2008: 25). Существование этих «валют» подчеркивает вариативность и историчность предпочтений, формирующих отличия «специализированных эротических миров, которые обслуживают множество желаний, практик и тел» (Green 2008: 25). Современная «автономизация сексуального желания создает “социальное пространство”..., предназначенное для организации романтических/сексуальных встреч и стратифицированное в соответствии с логикой потребительских вкусов и ниш» (Illouz 2012: 55). В рамках этого подхода сексуальный/эротический капитал определяется как «качество и количество свойств индивида, присущих одной личности, которые вызывают эротический отклик у другой» (Green 2008: 29).

Согласно Е. Иллуз, сексуальный/эротический капитал функционирует в двух идеальных разновидностях, коррелирующих с разными гендерными стратегиями. В своей самой простой форме его накопление проявляется в количестве и разнообразии сексуальных партнеров. Этот опыт самоценен для его носителя, будучи связанным с его самооценкой, чувством гордости и даже самореализацией, но также может быть конвертирован в признание, вроде получения неформального статуса «Дон Жуана» и т.п. «Эта серийная сексуальная стратегия была принята и женщинами, но культурно и исторически как имитация поведения мужчин» (Illouz 2012: 57). Вторая форма эротического капитала в большей степени отражает «женскую» стратегию поведения в поле сексуальности. Е. Иллуз называет ее «исключающей», указывая на то, что способом накопления эротического капитала в данном случае служит не количественный перебор партнеров, а качественный подбор себе пары. В этой области, подчеркивает исследовательница, особенно для женщин эротический капитал имеет наиболее ощутимые результаты и выгоды, поскольку брачный рынок во все времена предоставлял им возможности получить социальный статус и богатство в не меньшей степени, чем рынок труда. Отличие в этом плане современных обществ от обществ прошлого состоит в том, что «сегодняшняя социальная структура и медиакультура облегчают преобразование эротического капитала в социальный капитал» (Illouz 2012: 57).

Понятие *гендерного капитала* призвано показать влияние социального контекста на относительную ценность гендерных самопрезентаций (Bridges 2009). Выше мы могли убедиться, что гендерная идентификация прямо или косвенно влияет на стратегии накопления и конвертации и других форм телесного капитала. Однако Т. Бриджес предлагает понимать гендерный капитал как отдельную категорию, которая «относится к доступным в данном контексте знаниям, ресурсам и аспектам личности, которые обеспечивают доступ к гендерным идентичностям, специфичным для [гендерного] режима» (Bridges 2009: 92). Тело, не являясь единственной составляющей гендерного капитала, рассматривается автором как «интегральная часть социального конструирования гендера» (Bridges 2009: 92). Гендерный капитал индивида тем выше, чем больше его наружность, манера поведения, формы активности, имеющиеся ресурсы и прочие атрибуты ассоциируются с доминирующими в рамках определенного социокультурного поля типом мужского, женского и иных разновидностей гендера.

Некоторые виды гендерного капитала сохраняют свою ценность на самых разных сценах социальной жизни. Однако существует немало случаев, когда гендерный капитал значительно варьируется в зависимости от специфичного «гендерного режима», т.е. локального набора договоренностей взаимодействия и предпочтений, касающихся гендера. Если провести сравнение бодибилдеров и бизнесменов международного уровня, то первые, находясь в фитнес-зале, ощущают высокий уровень своей маскулинности и соответственно гендерной капитализации, тогда как за пределами этого зала они далеко не всегда чувствуют себя столь же уверенно. Напротив, вторые обладают высоким уровнем маскулинности в большинстве социальных контекстов. «Но все же важно признать, что в тренажерном зале для бодибилдинга многие транснациональные бизнесмены могут ощущать себя недостаточно мужественными» (Bridges 2009: 91).

Особенности внешности и поведения, являющиеся компонентами гендерного капитала, сильно меняют свое значение на протяжении истории и в зависимости от социокультурного поля. «Длинные волосы были признаком благородства среди мужчин, когда их носил Бенджамин Франклин, и, хотя современные рок-музыканты, возможно, сохранили способность использовать длинные волосы в качестве «мужского» гендерного капитала, немногие современные политики способны делать то же самое» (Bridges 2009: 93).

Понятие *эстетического капитала* было предложено группой американских исследователей (Anderson et al. 2010), обосновывающих идею

о том, что эстетические аспекты телесности¹ недостаточно точно идентифицируются в исследованиях культурного капитала, который, по их мнению, превратился в довольно аморфный термин (Anderson et al. 2010: 568). Основой послужил анализ двух сотен статей в научных рецензируемых журналах первого десятилетия XXI в., авторы которых в том или ином виде задавались вопросом о том, как эстетические свойства телесности индивидов связаны с каким-либо положительными или отрицательными последствиями для них. Эстетический капитал понимается как совокупность черт внешности, которые внутри какого-либо социального поля считаются красивыми и воспринимаются как активы, способные приносить прибыли. Эти активы включают особенности лица, волос, телосложения, одежды, макияжа, татуировок и аксессуаров и, как показывает проведенный анализ публикаций, являются маркерами социальных отличий и вносят свой вклад в приобретение привилегий и богатства (Anderson et al. 2010: 566, 572). Безусловно, стандарты красоты и привлекательности не обладают универсальностью, а, напротив, вариативны и культурно относительно. Существуют значимые отличия в представлениях людей о красоте, а вытекающие из них эстетические нормы формируются властными отношениями внутри того или иного поля (Holla, Kuipers 2016).

Помимо социально сконструированных стандартов красоты, значение эстетического капитала формируется в зависимости от степени важности, которая придается красоте и внешнему виду в данном обществе. Усиление процессов индивидуализации в условиях «поздней модерности» (Э. Гидденс, У. Бек) повышает ценность внешнего облика людей с точки зрения как самоидентификации, так и профессионального успеха в самых разных областях. «В постиндустриальных экономиках эстетический капитал — это не только личное достояние, но и профессиональная квалификация: важнейшая компетенция, необходимая для функционирования на рынке труда» (Halla, Kuipers 2016: 11).

Красота, или эстетический капитал, аккумулируется комбинацией унаследованных свойств, уходом за внешностью и ее «моделированием» (например, в салонах красоты, СПА-центрах или с помощью косметической хирургии), производящимися, с одной стороны, в соответствии с доступными средствами, а с другой — в соответствии со вкусовыми предпочтениями, специфичными для той группы, с которой себя иденти-

¹ Под эстетикой телесности в данном случае понимаются те ее характеристики, которые определяются оппозицией «прекрасное — безобразное» и воспринимаются преимущественно зрительно.

фицирует индивид. При этом моделирование внешности используется и как маркер социального положения, и как способ бросить вызов сложившимся иерархиям (Hallo, Kuipers 2016: 10).

Концепция эстетического капитала, например, актуальна для понимания особенностей работы сотрудников, занятых в таких «интерактивных» областях, как ритейл и гостиничный бизнес, в которых эстетическая составляющая имеет важное значения с точки зрения конкурентоспособности предприятий, предоставляющих типовые товары и услуги. Эстетическое оформление компетенций (достигаемое путем «эстетического труда») сотрудников нацелено на то, чтобы с помощью приятной, гендерно дифференцированной внешности, поведения, голоса и речи повлиять на поведение покупателей и клиентов (Warhurst et al. 2000; Warhurst, Nickson 2007).

Согласно П. Бурдье, конститутивными свойствами любого капитала является кумулятивность и конвертируемость (Ignatow, Robinson 2017: 952). *Аккумуляция* телесного капитала осуществляется с помощью различных форм «телесной работы», «эстетического труда», бодимодификаций, «покупки красоты» (Anderson et al. 2010: 565) и прочих «нарциссических вложений» (Бодрийяр 2006: 127) разнообразных ресурсов в свойства внешности и здоровья. Проанализированные четыре формы телесного капитала — физическая, эротическая, гендерная и эстетическая — при наличии существенных «областей пересечения» между ними можно рассматривать как самостоятельные вектора его аккумуляции.

Конвертация телесного капитала осуществляется на двух уровнях. Во-первых, это конвертация врожденных и приобретенных свойств тела в иные формы капитала: экономического, культурного, социального. Во-вторых, процессы конвертации происходят между формами самого телесного капитала. Так, физический капитал как те или иные объективные свойства тела может приобретать форму эротического, гендерного или эстетического капитала в зависимости от социального поля (субполя), где разворачивается борьба за доминирование и в котором те или иные характеристики тела приобретают дополнительные символические значения. Например, конвертация физического капитала в эротический происходит тогда, когда работа над телом и подчеркивание физических особенностей «вызывает эротический отклик» и способствует успешному поиску потенциальных сексуальных партнеров.

Диалектика капитализации телесности

Вспомним еще одно определение, ставшее «на долгие годы марксистским фетишем: капитал — негуманное социальное отношение («эксплуа-

тация труда»)» (Иванов 2014: 128). Любой капитал связан с отчуждением качеств и атрибутов человека, в той или иной степени превращая его из субъекта в объект своего воздействия и интереса.

Герои публикаций, которых мы анализировали в статье, — модели, спортсмены, сотрудники, занятые в области гостиничного бизнеса и розничной торговли, занимаясь своей профессиональной деятельностью, осуществляют «телесный труд» (в том числе физический и эстетический). При этом, несмотря на очевидные выгоды, которое приносят индивиду свойства его тела в различных социальных полях, на самом деле реальные возможности конвертации телесного капитала для самих его носителей значительно ограничены, в то время как истинными владельцами и бенефициарами привлекательных, здоровых и умелых тел нередко оказываются представители групп, стоящих на более высоких ступенях социальной иерархии. «Телесность наемного работника присваивается, преобразуется и затем управляется работодателями в коммерческих целях (или по крайней мере работодатели пытаются это делать)» (Warhurst, Nickson 2007: 107).

В некоторых благоприятных случаях обладатель телесного капитала может из класса наемных работников стать участником условно того класса, который в политической экономии назывался «мелкой буржуазией». Его представители соединяют обладание средствами производства с необходимостью работать с их помощью. Подобное социальное положение занимают, например, фитнес-тренеры (Hutson 2012; 2016), предлагающие услуги персональных тренировок и консультаций по поддержанию физического здоровья. Сегодня к ним присоединилась многочисленная армия «зож-блогеров», наводнившая видео-хостинги бесчисленным множеством роликов, в которых разными способами демонстрируются ухоженные, молодые, здоровые и спортивные тела. Их рельефная мускулатура, грациозная походка и пластика, элегантная внешность, физические возможности, физиологические показатели и т.д. играют демонстрационную роль, передавая своим аудиториям сообщения, которые кратко можно свести к фразе «делай как я, и будешь похож на меня».

Практики телесной капитализации в современном гибридном «киберфизическом» обществе, какой бы уровень экономической (не)зависимости они бы ни обеспечивали, на наш взгляд, можно рассматривать в качестве способа противостояния процессам цифровизации, которая сегодня вплотную приблизилась к телу каждого человека, а в отдельных случаях проникла и внутрь него. Например, технологии «бодинета» предполагают возможность вживления во внутренние органы электронных

устройств, передающих данные в Сеть. На это способны современные кардиостимуляторы или микродатчики, фиксирующие изменения уровня сахара в крови и иные показатели (Деревянченко, Калинин 2019). Электронные браслеты, выполняющие функции нательных соединенных со смартфонами датчиков физиологической активности, стали привычным элементом повседневных практик селф-трекинга (Богомяткова и др.; Давыдова и др.). Подобные тенденции киборгизации тела выводят на передний план проблемы персональной идентичности, новой уязвимости («инвалидизации») и аутентичности совершаемых действий (Емелин 2017: 37).

Между тем тело всегда являлось, по мнению психологов и философов феноменологическо-экзистенциалистского направления (К. Роджерс; М. Мерло-Понти, Г. Марсель), интегративным центром персональной определенности, «якорем, закрепляющим нас в мире, и одновременно способом нашего обладания миром» (Вдовина 1997: 62). Непосредственный организмический опыт проживания событий, ситуаций и поступков является основой поддержания чувства самости и агентности в мире. Цифровизация способна нарушить эти механизмы, обладая потенциалом отчуждения индивида и превращения его в «отчужденного субъекта компьютерного капитализма» (Иванов 2020: 7). Размывая границу между реальным и воображаемым, возможным и невозможным, ценностным и суррогатным, «киберпространство создает особое, внетелесное, виртуальное “Я”», обладающее для его создателя, возможно, большей привлекательностью, чем его «реальное, экзистирующее, персональное “Я”» (Тягунов и др. 2012: 22), которое по своей сути неотделимо от телесного бытия (Кузнецов 1970: 238).

Исследователи фиксируют возникновение новых форм отчуждения под давлением процессов алгоритмизации. Вопреки распространенному технократическому энтузиазму, искусственный интеллект сегодняшнего уровня развития оценивается как «отчужденное бытие заурядного разума» (Иванов, Асочаков 2023: 10). В Сети идет ежесекундная борьба за удержание внимания пользователей и отчуждения его в виде коммуникативного продукта — данных о пользовательской активности, аффинитивности, о потребительских предпочтениях (Декалов 2017: 400–401). Технологии селф-трекинга вызывают у пользователей противоречивые чувства, связанные с очевидностью усиления надзирающего контроля над проявлениями жизни их организма (Давыдова 2021; Богомяткова, Дупак 2021).

Внимание к телесности, даже в редуцированной форме накопления и конвертации телесного капитала, не позволяет индивидам полностью

уходить в мир виртуальности, оставляя «открытым» канал связи индивида с миром действительности. Физическое, гендерное, эротическое и эстетическое измерение телесной капитализации задают направления поиска «точек доступа к реальности». В их качестве, например, могут выступать публичные креативные пространства, где люди, пресыщенные цифровыми образами и опосредованными коммуникациями, «находят возможность подвижного досуга, живого общения, получения знания “из первых рук” от популярных лекторов и на мастер-классах по изготовлению вещей своими руками, а также гастрономического опыта на грани экзотической кухни и стрит-фуда» (Иванов 2020: 51). Популярность коворкингов, интерактивных выставок, танцевальных студий, веревочных парков, игровых пространств и прочего объясняется тем, что в эпоху поствиртуализации «ценностью становится физическое соприсутствие, тактильность, “аналоговый” опыт в противовес “цифровой” трансформации, аутентичность насыщенной жизни в противовес виртуальности имиджей и медийных репрезентаций» (Иванов, Асочаков 2023: 10–11).

Представленная в статье теория телесного капитала является концептуальным противовесом теории цифрового капитала (Ragnedda, Ruiu 2020; Вартанова 2021), стремление к накоплению которого вовлекает индивидов в заманчивую гонку вооруженности навыками и умениями использования инструментов виртуальной реальности. Людям цифровой эпохи не стоит забывать, что новомодная борьба за преодоление цифрового разрыва и цифрового неравенства (Добринская, Мартыненко 2020) не отменяет существовавшее всю историю человечества неравенство телесное. Сегодня оно становится гораздо более проявленным благодаря цифровым медиа и гораздо сильнее влияющим на то, что Макс Вебер называл индивидуальными жизненными шансами, благодаря социокультурным трансформациям, кардинально изменившим отношение человека к собственному телу (Тернер 1994).

Поворот к телесности не способен отменить виртуальность, а должен лишь уравновесить и гармонизировать взаимовлияние цифровой и физической сфер гибридной реальности продвинутого постиндустриального общества.

Мы уже отмечали, что телесный капитал, как и любая форма капитала, не может быть полностью лишен потенциала отчуждения, однако внимание к физическим и эстетическим качествам тела, а также корпоральным маркерам гендерной и сексуальной идентичности, даже с точки зрения их капитализации, становится в эпоху поствиртуализации формой стихийного сопротивления диктату алгоритмической рациональности (Иванов, Асочаков 2023: 10).

Представители критической теории учат нас, что «диалектика — это опережающее движение за пределы обыденной реальности, а не просто фиксация “амбивалентности”, противоречивости реальности» (Иванов, Асочаков 2023: 13). Тело человека всегда было, есть и будет источником креативности (Йоас 2005) и непредсказуемости (Мид 2009: 166–167) как для самого действующего субъекта, так и для внешнего наблюдателя. В этом смысле логика «физического интеллекта» (Дейл, Пейтон 2020) всегда будет противостоять логике искусственного интеллекта, потому что его активность компьютерная программа просчитать до конца не способна. Творческая энергия, коренящаяся в наполненных жизнью телах, противостоит обыденности цифровых алгоритмов. Тело и капитал объединены общим свойством: мы никогда не знаем, какими возможностями они воспользуются, чтобы утвердить, продлить и распространить собственное существование.

Литература

- Ваньке А. (2012) Телесный капитал мужчин рабочих профессий и офисных служащих. Ясин Е.Г. (ред.). *XIII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн.* М.: Изд. дом Высшей школы экономики. Т. 3: 113–122.
- Вартанова Е.Л., Гладкова А.А. (2020) Цифровой капитал в контексте концепции нематериальных капиталов. *Медиаскоп*. Вып. 1 [<http://www.mediascope.ru/2614>] (дата обращения: 31.01.2024).
- Веселов Ю.В. (2011) *Доверие и справедливость*. М.: Аспект-Пресс.
- Богомяткова Е.С., Дупак А.А. (2021) Цифровой селф-трекинг здоровья в дискурсе социальных наук. *Социология науки и технологий*, 12(2): 155–174.
- Буравой М. (2018) Нищета философии. Маркс встречается с Бурдые. *Социологические исследования*, 5: 56–73.
- Бурдые П. (2001) *Практический смысл*. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя.
- Бурдые П. (2005) *Социология социального пространства*. СПб.: Алетейя.
- Вартанова Е. (2021) Цифровой капитал как гибридный капитал: к вопросу о новых концепциях медиаисследований. *Медиаальманах*, 4: 8–19.
- Вдовина И.С. (1997) Морис Мерло-Понти: интересубъективность и понятие феномена. *История философии*, 1: 59–70.
- Гайденко П. (2000) *История новейшей европейской философии в ее связи с наукой*. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга.
- Давыдова А.М., Солянова М.А., Соренсен К. (2021) Дисциплинарные практики цифрового селф-трекинга: между эмансипацией и контролем. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 1: 217–240.

Дейл К., Пейтон П. (2020) Физический интеллект. Как слышать свое тело и управлять своими эмоциями. М.: Альпина Паблишер.

Декалов В.В. (2017) Коммуникативный капитал: концептуализация понятия. *Вестник СПбГУ. Социология*, 10(4): 397–409.

Деревянченко А. А., Калинин Д. В. (2019) Цифровое общество: новые возможности и старые угрозы. *Научные труды Московского гуманитарного университета*, 6 [<http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/1093>] (дата обращения: 31.01.2024).

Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. (2020) Возможно ли цифровое равенство? (о книге Я. ван Дейка «Цифровой разрыв»). *Социологические исследования*, 10: 158–164.

Емелин В.А. (2017) Философско-методологический анализ трансформации идентичности человека в условиях развития технологий информационного общества. Автореф. дис. ... д-ра филос. н.

Иванов Д.В. (2014) Концепции капитала от Карла Маркса до Марка Цукерберга. *Вестник Санкт-Петербургского университета*, 12(1):126–134.

Иванов Д.В. (2020) Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации. *Социологические исследования*, 5: 44–55.

Иванов Д.В., Асочаков Ю.В. (2023) Цифровизация и критическая теория общества. *Социологические исследования*, 6: 3–15.

Йоас Х. (2005) Креативность действия: пер. с нем. СПб.: Алетейя.

Кузнецов В.Н. (1970) Христианский экзистенциализм Г. Марселя. *Французская буржуазная философия XX века*. М.: Мысль: 232–245.

Мид Дж. (2009) Избранное. Сб. переводов. М.: РАН ИНИОН.

Радаев В.В. (2002) Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация. *Экономическая социология*, 3(4): 20–32.

Тернер Б. (1994 [1991]) Современные направления развития теории тела. Пер. с англ. О. Оберемко. *THESIS*, 6: 137–167.

Тягунов А.А., Евстифеева Е.А., Макаров А.В. (2012) Трансформация телесного в технологиях принуждения. *Вестник ТвГУ. Серия «Философия»*, 3: 17–26.

Шматко Н.А. (2003) Анализ культурного производства Пьера Бурдьё. *Социологические исследования*, 8: 113–120.

Шматко Н.А. (2020) Горизонты соционализа. Шматко Н.А. (ред.) *Соционализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН*. СПб.: Алетейя: 13–46.

Anderson T. L., Grunert C., Katz A., Lovascio S. (2010) Aesthetic Capital: A Research Review on Beauty Perks and Penalties. *Sociology Compass*, 4(8): 564–575.

Andreoni J., Petrie R. (2008) Beauty, gender and stereotypes: Evidence from laboratory experiments. *Journal of Economic Psychology*, 29(1): 73–93.

Beasley-Murray J. (2000) Value and Capital in Bourdieu and Marx. In: Brown N., Szeman I. (eds.) *Pierre Bourdieu. Fieldwork in Culture*. Oxford: Roman & Littlefield Publishers: 100–119.

- Becker G. (1993 [1964]) *Human capital: A theoretical and empirical analysis with special reference to education*. Third edition. Chicago: The University of Chicago Press.
- Bourdieu P. (1986) The Forms of Capital. In: Richardson J.G. (ed.) *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. N.Y.: Greenwood Press: 241–258.
- Bourdieu P. (1978) Sport and social class. *Social Science Information*, 17: 819–40.
- Bourdieu P. (1984 [1979]) *Distinction. A social Critique of the Judgement of Taste*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Bridges T.S. (2009) Gender Capital and Male Bodybuilders. *Body & Society*, 15(1): 83–107.
- Coleman J.S. (1988) Social capital in the creation of human capital. *American journal of sociology*, 94: 95–120.
- Desan M.H. (2013) Bourdieu, Marx, and Capital: A Critique of the Extension Model. *Sociological Theory*, 31(4): 318–342.
- Gimlin D.L. (2002) *Body work: beauty and self-image in American culture*. Berkeley; Los Angeles, California: University of California Press.
- Green A. (2008) The Social Organization of Desire: The Sexual Fields Approach. *Sociological Theory*, 26(1): 25–50.
- Green A. (2013) 'Erotic capital' and the power of desirability: Why 'honey money' is a bad collective strategy for remedying gender inequality. *Sexualities*, 16: 137–158.
- Hakim C. (2010) Erotic capital. *European Sociological Review*, 26(5): 499–518.
- Hakim C. (2012) Erotic capital, sexual pleasure and sexual markets. In: *Pleasure and Health by education, counselling and treatment*. Proceedings of NACS 2012 conference in Helsinki. Ed. by Osmo Kontulapp. The Finnish Association for Sexology: 27–44.
- Holla S., Kuipers G. (2016) Aesthetic capital. In: Hanquinet L., Savage M. (eds.) *Routledge International Handbook for the Sociology of Art and Culture*. London: Routledge: 290–304.
- Hutson D. (2012) *Training bodies, building status: Health, physical capital, and the negotiation of difference in the U.S. Fitness Industry*. Unpublished Ph.D. Dissertation. University of Michigan.
- Hutson D. (2013) Your body is your business card: Bodily capital and health authority in the fitness industry. *Social Science & Medicine*, 90: 63–71.
- Hutson D. (2016) Training Bodies, Building Status: Negotiating Gender and Age Differences in the U.S. Fitness Industry. *Qual. Sociol.*, 39: 49–70.
- Ignatow G., Robinson L. (2017) Pierre Bourdieu: Theorizing the digital. *Information, Communication & Society*, 20(7): 950–966.
- Illouz E. (2012) *Why Love Hurts: A Sociological Explanation*. Cambridge: Polity Press.

Martin J., George M. (2006) Theories of Sexual Stratification: Toward an Analytics of the Sexual Field and a Theory of Sexual Capital. *Sociological Theory*, 24(2): 107–32.

Mears A., Finlay W. (2005) Not Just a Paper Doll: How Models Manage Bodily Capital and Why They Perform Emotional Labor. *Journal of Contemporary Ethnography*, 34(3): 317–343.

Mears A. (2015) Girls as elite distinction: The appropriation of bodily capital. *Poetics*, 53: 22–37.

Michael R. T. (2004) Sexual Capital: An Extension of Grossman's Concept of Health Capital. *Journal of Health Economics*, 23(4): 643–652.

Pivovarov A.M., Tkachuk D.V. (2021) Bodies' voices: bodily capitalization in Russian and British music video. *Russian Journal of Communication*, 13(3): 267–288. <https://doi.org/10.1080/19409419.2021.1951112>.

Ragnedda M., Ruiu M-L. (2020) *Digital Capital: A Bourdieusian Perspective on the Digital Divide*. Bingley, Emerald.

Shilling C. (1991) Educating the body: Physical capital and the production of social inequalities. *Sociology*, 25(4): 653–667.

Shilling C. (1992) Schooling and the production of physical capital. *Discourse: Studies in the Cultural Politics of Education*, 13(1): 1–19.

Shilling C. (2004) Physical capital and situated action: a new direction for corporeal sociology. *British Journal of Sociology of Education*, 25(4): 473–487.

Wacquant L. (1995) Pugs at Work: Bodily Capital and Bodily Labour among Professional Boxers. *Body & Society*, 1(1): 65–93.

Warhurst C., Nickson D. (2007) Employee experience of aesthetic labour in retail and hospitality. *Work, Employment and Society*, 21(1): 103–120.

Warhurst C., Nickson D., Witz A. (2000) Aesthetic labour in interactive service work: Some case study evidence from the 'new' Glasgow. *The Service Industries Journal*, 20(3): 1–18.

FORMS OF BODILY CAPITAL: ANALYSIS OF SOCIOLOGICAL CONCEPTS¹

Alexander Pivovarov (a-pivovarov@mail.ru)

St. Petersburg Polytechnic University of Peter the Great, St. Petersburg, Russia
Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — branch of the Federal
Research Center of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Citation: Pivovarov A. (2024) Formy telesnogo kapitala: analiz sotsiologicheskikh kontseptov [Forms of bodily capital: analysis of sociological concepts]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(2): 152–178 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.2.6>. EDN: FKCRP

Abstract. The review article is devoted to the analysis of the position of corporeality in the concepts interpreting and developing the classification of forms of capital by P. Bourdieu, who considered corporeal capital only as a kind of cultural capital. The work of researchers is analyzed (K. Hakim, D. Hutson), who propose to consider corporeality (in its various manifestations) as the fourth form of capital along with the three already established forms. New concepts related to corporeality, created in line with the Bourdieusian theory of capital, and designed to describe additional grounds for the emergence of hierarchies in modern societies, are considered. The author associates himself with those researchers who believe that today physicality can be considered as an independent form of capital, since it itself affects the position of an individual within various social fields. According to the author, such concepts as physical, sexual/erotic capital, gender and aesthetic capital can take the place of independent forms of bodily capital. The two most important aspects of the functioning of bodily capital are its accumulation and conversion. The latter is carried out on two levels, firstly, the innate and acquired properties of the body are transformed into other forms of capital — economic, cultural, social. Secondly, the conversion processes take place between the forms of the bodily capital itself. Bodily capital, like any form of capital, cannot be completely devoid of the potential for alienation, however, attention to various aspects of corporeality, even from the point of view of their capitalization, becomes in the era of digitalization a form of spontaneous resistance to the dictates of algorithmic rationality.

Keywords: capital, corporeality, bodily capital, physical capital, sexual/erotic capital, gender capital, aesthetic capital, Bourdieu, digitalization.

References

- Anderson T.L., Grunert C., Katz A., Lovascio S. (2010) Aesthetic Capital: A Research Review on Beauty Perks and Penalties. *Sociology Compass*, 4(8): 564–575.
Andreoni J., Petrie R. (2008) Beauty, gender and stereotypes: Evidence from laboratory experiments. *Journal of Economic Psychology*, 29(1): 73–93.

¹ The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project no. 20-011-31138.

Beasley-Murray J. (2000) Value and Capital in Bourdieu and Marx. In: Brown N., Szeman I. (eds.) *Pierre Bourdieu. Fieldwork in Culture*. Oxford: Roman & Littlefield Publishers: 100–119.

Becker G. (1993 [1964]) *Human capital: A theoretical and empirical analysis with special reference to education*. Third edition. Chicago: The University of Chicago Press.

Bogomyagkova E.S., Dupak A.A. (2021) Tsifrovoy self-treking zdorov'ya v diskurse sotsial'nykh nauk [Digital self-tracking of health in social science discourse]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii* [Sociology of Science and Technology], 12(2): 155–174 (in Russian).

Bourdieu P. (1978) Sport and social class. *Social Science Information*, 17: 819–40.

Bourdieu P. (1984 [1979]) *Distinction. A social Critique of the Judgement of Taste*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.

Bourdieu P. (1986) The Forms of Capital. In: Richardson J.G. (ed.) *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York: Greenwood Press: 241–258.

Bourdieu P. (2001) *Prakticheskij smysl* [Logic of practice]. Moscow: Institut eksperimental'noj sociologii; St. Petersburg: Aleteya (in Russian).

Bourdieu P. (2005) *Sociologiya social'nogo prostranstva* [Sociology of social space]. Moscow: Institut eksperimental'noj sociologii; St. Petersburg: Aleteya (in Russian).

Bridges T.S. (2009) Gender Capital and Male Bodybuilders. *Body & Society*, 15(1): 83–107.

Burawoy M. (2018) Nishcheta filosofii. Marks vstrechaetsya s Bourdieu [The poverty of philosophy. Marx meets Bourdieu]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 5: 56–73 (in Russian).

Coleman J.S. (1988) Social capital in the creation of human capital. *American journal of sociology*, 94: 95–120.

Dale K., Peyton P. (2020) *Fizicheskij intellekt. Kak slyshat' svoje telo i upravlyat' svoimi emotsiyami* [Physical intelligence. How to hear your body and manage your emotions]. Moscow: Alpina Publisher (in Russian).

Davydova A.M., Solyanova M.A., Sorensen K. (2021) Distiplinarnyye praktiki tsifrovogo self-trekinga: mezhdru emansipatsiyey i kontrolem [Disciplinary practices of digital self-tracking: between emancipation and control]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Public Opinion Monitoring: Economic and Social Change], 1: 217–240 (in Russian).

Dekalov V.V. (2017) Kommunikativnyy kapital: kontseptualizatsiya ponyatiya [Communication capital: conceptualization of the concept]. *Vestnik SPbGU. Sotsiologiya* [Bulletin of St. Petersburg State University. Sociology], 10(4): 397–409 (in Russian).

Derevyanchenko A.A., Kalinin D.V. (2019) Tsifrovoye obshchestvo: novyye vozmozhnosti i staryye ugrozy [Digital society: new opportunities and old threats] [Electronic resource]. *Nauchnyye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta* [Scientific works of Moscow University for the Humanities], 6 [http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/1093] (accessed: 31.01.2024) (in Russian).

Desan M.H. (2013) Bourdieu, Marx, and Capital: A Critique of the Extension Model. *Sociological Theory*, 31(4): 318–342.

Dobrinskaya D.E., Martynenko T.S. (2020) Vozmozhno li tsifrovoye ravenstvo? (o knige YA. van Deyka «Tsifrovoy razryv») [Is digital equality possible? (about the book

by J. van Dijk “The Digital Divide”]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 10: 158–164. (in Russian).

Gaydenko P. (2000) *Istoriya novoevropejskoj filosofii v ee svyazi s naukoj* [The History of New European Philosophy in its connection with science]. Moscow: PER SE; St. Petersburg: Universitetskaya kniga (in Russian).

Gimlin D.L. (2002) *Body work: beauty and self-image in American culture*. University of Berkeley; Los Angeles, California: California Press.

Green A. (2008) The Social Organization of Desire: The Sexual Fields Approach. *Sociological Theory*, 26(1): 25–50.

Green A. (2013) ‘Erotic capital’ and the power of desirability: Why ‘honey money’ is a bad collective strategy for remedying gender inequality. *Sexualities*, 16: 137–158.

Hakim C. (2010) Erotic capital. *European Sociological Review*, 26(5): 499–518.

Hakim C. (2012) Erotic capital, sexual pleasure and sexual markets. In: *Pleasure and Health by education, counselling and treatment*. Proceedings of NACS 2012 conference in Helsinki. Ed. by Osmo Kontulapp. The Finnish Association for Sexology: 27–44.

Holla S., Kuipers G. (2016) Aesthetic capital. In: Hanquinet L., Savage M. (eds.) *Routledge International Handbook for the Sociology of Art and Culture*. London: Routledge: 290–304.

Hutson D. (2012) *Training bodies, building status: Health, physical capital, and the negotiation of difference in the U.S. Fitness Industry*. Unpublished Ph.D. Dissertation. University of Michigan.

Hutson D. (2013) Your body is your business card: Bodily capital and health authority in the fitness industry. *Social Science & Medicine*, 90: 63–71.

Hutson D. (2016) Training Bodies, Building Status: Negotiating Gender and Age Differences in the U.S. Fitness Industry. *Qual. Sociol.*, 39: 49–70.

Ignatow G., Robinson L. (2017) Pierre Bourdieu: Theorizing the digital. *Information, Communication & Society*, 20(7): 950–966.

Illouz E. (2012) *Why Love Hurts: A Sociological Explanation*. Cambridge: Polity Press.

Ivanov D.V. (2014) Konceptii kapitala ot Karla Marksa do Marka Zukerberga [Concepts of capital from Karl Marx to Mark Zuckerberg]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Vestnik of Saint Petersburg University], 12(1): 126–134 (in Russian).

Ivanov D.V. (2020) Dopolnennaya sovremennost': efekty postglobalizatsii i post-virtualizatsii [Augmented modernity: the effects of post-globalization and post-virtualization]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 5: 44–55 (in Russian).

Ivanov D.V., Asochakov Yu.V. (2023) Tsifrovizatsiya i kriticheskaya teoriya obshchestva [Digitalization and critical theory of society]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 6: 3–15 (in Russian).

Joas H. (2005) Kreativnost' deystviya [Creativity of action]. St. Petersburg: Aletheia (in Russian).

Kuznetsov V.N. (1970) Khristianskiy ekzistentsializm G. Marcel [Christian existentialism of G. Marcel]. In: *Frantsuzskaya burzhuanaya filosofiya XX veka* [French bourgeois philosophy of the 20th century]. Moscow: Mysl': 232–245 (in Russian).

Martin J., George M. (2006) Theories of Sexual Stratification: Toward an Analytics of the Sexual Field and a Theory of Sexual Capital. *Sociological Theory*, 24(2): 107–32.

- Mead G. (2009) *Izbrannoye* [Selected Works]. Moscow: RAS INION (in Russian).
- Mears A. (2015) Girls as elite distinction: The appropriation of bodily capital. *Poetics*, 53: 22–37.
- Mears A., Finlay W. (2005) Not Just a Paper Doll: How Models Manage Bodily Capital and Why They Perform Emotional Labor. *Journal of Contemporary Ethnography*, 34(3): 317–343.
- Michael R. T. (2004) Sexual Capital: An Extension of Grossman's Concept of Health Capital. *Journal of Health Economics*, 23(4): 643–652.
- Pivovarov A.M., Tkachuk D.V. (2021) Bodies' voices: bodily capitalization in Russian and British music video. *Russian Journal of Communication*, 13(3): 267–288. <https://doi.org/10.1080/19409419.2021.1951112>.
- Radaev V.V. (2002) Ponyatie kapitala, formy kapitalov i ih konvertatsiya [The concept of capital, forms of capital and their conversion]. *Ekonomicheskaya sociologiya*. [Journal of Economic Sociology], 3(4): 20–32 (in Russian).
- Ragnedda M., Ruiu M.-L. (2020) *Digital Capital: A Bourdieusian Perspective on the Digital Divide*. Bingley, Emerald.
- Shilling C. (1991) Educating the body: Physical capital and the production of social inequalities. *Sociology*, 25(4): 653–667.
- Shilling C. (1992) Schooling and the production of physical capital. *Discourse: Studies in the Cultural Politics of Education*, 13(1): 1–19.
- Shilling C. (2004) Physical capital and situated action: a new direction for corporeal sociology. *British Journal of Sociology of Education*, 25(4): 473–487.
- Shmatko N.A. (2003) Analiz kul'turnogo proizvodstva Pierra Bourdieu [Analysis of Pierre Bourdieu's cultural production]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 8: 113–120 (in Russian).
- Shmatko N.A. (2020) Gorizonty sotsionaliza. Socionanaliz Pierra Bourdieu [Horizons of socioanalysis. Socioanalysis of Pierre Bourdieu]. In: Shmatko N.A. (ed.) *Al'manah Rossijsko-francuzskogo centra sociologii i filosofii Instituta sociologii RAN* [Almanac of the Russian-French Center for Sociology and Philosophy of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences]. St. Petersburg: Aletejya: 13–46 (in Russian).
- Turner B. (1994 [1991]) Sovremennyye napravleniya razvitiya teorii tela [Modern directions in the development of body theory]. *THESIS*, 6: 137–167 (in Russian).
- Tyagunov A.A., Evstifeeva E.A., Makarov A.V. (2012) Transformatsiya telesnogo v tekhnologiyakh prinuzhdeniya [Transformation of the corporeal in technologies of coercion]. *Vestnik TvGU. Seriya «Filosofiya»* [Bulletin of TvGU. Philosophy Series], 3: 17–26 (in Russian).
- Vanke A. (2012) Telesnyj kapital muzhchin rabochih professij i ofisnyh sluzhashchih [The body capital of men of working professions and office workers]. In: Yasin E.G. (ed.) *XIII Aprel'skaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva: v 4 kn* [XIII April International Scientific Conference on Problems of Economic and Social Development: in 4 books]. Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki. Vol. 3: 113–122 (in Russian).
- Vartanova E. (2021) Tsifrovoy kapital kak gibridnyj kapital: k voprosu o novykh kontseptsyakh mediaissledovaniy Digital capital as hybrid capital: on the issue of new concepts in media research. *Medialmanach*, 4: 8–19 (in Russian).

Vartanova E.L., Gladkova A.A. (2020) Tsifrovoy kapital v kontekste kontseptsii nematerial'nykh kapitalov [Elektronnyy resurs] [Digital capital in the context of the concept of intangible capital] [Electronic resource]. *Mediascope*, 1 [<http://www.mediascope.ru/2614>] (accessed: 31.01.2024) (in Russian).

Vdovina I.S. (1997) Maurice Merleau-Ponty: intersubektivnost' i ponyatiye fenomena [Maurice Merleau-Ponty: intersubjectivity and the concept of phenomenon]. *Istoriya filosofii* [History of Philosophy], 1: 59–70 (in Russian).

Veselov Y.V. (2011) *Doverie i spravedlivost'* [Trust and justice]. Moscow: Aspekt-Press (in Russian).

Wacquant L. (1995) Pugs at Work: Bodily Capital and Bodily Labour among Professional Boxers. *Body & Society*, 1(1): 65–93.

Warhurst C., Nickson D. (2007) Employee experience of aesthetic labour in retail and hospitality. *Work, Employment and Society*, 21(1): 103–120.

Warhurst C., Nickson D., Witz A. (2000) Aesthetic labour in interactive service work: Some case study evidence from the 'new' Glasgow. *The Service Industries Journal*, 20(3): 1–18.

Yemelin V.A. (2017) *Filosofsko-metodologicheskiy analiz transformatsii identichnosti cheloveka v usloviyakh razvitiya tekhnologiy informatsionnogo obshchestva* [Philosophical and methodological analysis of the transformation of human identity in the context of the development of information society technologies]. Abstract of the dissertation for the scientific degree of Doctor of Philology (in Russian).

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

ФАКТОРЫ ДОВЕРИЯ ЦИФРОВЫМ ПЛАТФОРМАМ ОКАЗАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ: ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ¹

Оксана Рудольфовна Михайлова (oxanamikhailova@gmail.com),
Елизавета Владимировна Фомичева (lisssa16fl@gmail.com),
Жасмин Жыргалбек кызы (zhzhhyrgalbekkyzy@edu.hse.ru)

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

Цитирование: Михайлова О.Р., Фомичева Е.В., Жыргалбек кызы Ж. Факторы доверия цифровым платформам оказания психологической помощи: обзор литературы. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(2): 179–210.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.2.7>. EDN: FXKXAYW

Аннотация. В последние десятилетия наблюдается устойчивый рост интереса к услугам и продуктам, направленным на оказание психологической помощи, в том числе посредством цифровых сервисов и устройств. Как следствие возникает необходимость социологического анализа эффектов, оказываемых на динамику общественной жизни столь стремительным увеличением популярности цифровизированных услуг психологической помощи среди населения. На данный момент в англоязычной и русскоязычной научной литературе существуют обзоры, посвященные изучению потребительского опыта в использовании цифровых приложений по оказанию психологической помощи и программ социального воздействия с цифровыми элементами. Однако практически нет обзорных работ, раскрывающих подобный опыт в связи с использованием цифровых платформ предоставления психологической помощи (ЦППП) подобных «Ясно», Zigmund. Online. В данном обзоре речь идет о факторах, определяющих доверие этим платформам. По итогам анализа 60 наиболее свежих и цитируемых научных публикаций по теме клиентского опыта использования ЦППП за 2020–2023 гг. выяснено, что на уровень доверия (т.е. наличие опыта использования, текущее использование или готовность воспользоваться при необходимости) воздействуют со стороны клиента: 1) личностные черты; 2) возраст; 3) экономический статус; 4) отношение к оказанию профессиональной психологической помощи, в том числе через технические средства; 5) цифровая грамотность со стороны платформы; 6) качество программного обеспечения, клиентского сервиса и алгоритмов подбора

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

специалистов. Влияние остальных факторов имеет смешанный, не до конца проясненный характер. В силу того что практически отсутствуют комплексные многофакторные исследования с модерацией и медиацией, сложно предполагать, как факторы доверия соотносятся друг с другом. Несмотря на обширную репрезентацию в научных публикациях исследований, касающихся доверия ЦППП пользователей из уязвимых групп населения, все же не все группы оказались охвачены исследованиями. Будущие исследования ЦППП возможно будут ориентированы на построение многофакторных моделей, объясняющих доверие клиентов к ЦППП, а также охватывать больше пользователей из уязвимых социальных групп.

Ключевые слова: цифровые сервисы предоставления психологической помощи, онлайн-терапия, онлайн-психотерапия, телетерапия, доверие.

В настоящее время наблюдается повышенный интерес к оказанию помощи по вопросам психологического здоровья (психологической помощи)¹ с использованием цифровых устройств и сервисов, спрос и предложение соответствующих услуг растут (Акулов 2022; Bennion, Hardy, Moore, Millings 2017). В процессе цифровизации практики оказания психологической помощи меняются, поскольку между клиентом и специалистом по психологическому здоровью оказывается цифровой посредник (Nuttman-Shwartz, Shaul 2021). На данный момент в англоязычной и русскоязычной научной литературе существуют обзоры, посвященные анализу потребительского опыта использования приложений по оказанию психологической помощи *digital mental health apps* и программ социального воздействия с цифровыми элементами *digital mental health interventions*, однако практически нет обзорных работ, затрагивающих подобный опыт в связи с использованием цифровых платформ предоставления психологической помощи *digital mental health platforms* (ЦППП) типа «Ясно», Zigmund.Online (Bell et al. 2022).

Цифровые платформы психологической помощи (ЦППП) — это интернет-ресурс, где клиент может подобрать согласно своему запросу, допустим «трудности в отношениях», «проблемы со сном», «прокрастинация

¹ Под оказанием психологической помощи в статье понимается серия коммуникаций между профессионально подготовленным специалистом в области психического здоровья и человеком, ищущим помощь в решении проблем, которые мешают его или ее психологическому здоровью (Binik et al. 1997). В статье мы не разграничиваем психологов, психотерапевтов и психиатров, хотя важно понимать, что эти лица обладают разными компетенциями в плане возможности оказания медикаментозной поддержки, а также требованиями законодательства к соответствующим специалистам, форматам оказания услуг и др.

и выгорание», специалиста по психологическому здоровью (далее — специалист) из числа зарегистрированных на данном ресурсе, договориться с ним о времени консультации и пройти ее. Иногда ЦППП обладают, помимо основного интернет-ресурса, дополнениями в виде мобильных приложений. Специалисты, работающие на ЦППП, не оказывают медицинских услуг, не имеют права выписывать лекарственные препараты, но способны порекомендовать обратиться к медикаментозной терапии и предоставить контакты лиц, компетентных в ее проведении. Встречи специалистов и клиентов проводятся онлайн на хостинге ЦППП и могут носить единоразовый, неповторный характер или быть повторными и регулярными, если на это будут согласны клиент и специалист. Как правило, клиентам разрешается менять специалистов без объяснения причин, та же возможность есть и у специалистов. Оплата услуг специалиста производится там же, на ЦППП. На некоторых ЦППП клиент может оплатить только отдельный сеанс, на других же приобрести тариф, позволяющий по льготной цене в течение месяца, полугода, года и более посещать специалистов, практикующих на ЦППП. Также иногда на ЦППП действуют скидки для клиентов, основанные, например, на том, что клиент решил воспользоваться ЦППП по рекомендации селебрити или в связи с получением партнерской услуги, например покупок в дружественном ЦППП магазине. Цена на сеанс с отдельным специалистом на ЦППП не всегда универсальна: некоторые ЦППП устанавливают единые цены, другие же варьируют их в зависимости от квалификации специалиста и прочих параметров клиента и специалиста. Длительность одной сессии обычно составляет 40–50 минут.

В связи с тем что использование ЦППП со временем приобретает все большую популярность, необходимо изучение доверия между клиентом и сервисом (Акулов 2022; Bennion et al. 2017). Для концептуализации понятия доверия в статье применяется концепция доверия, изложенная в научных исследованиях П. Штомпки (Фреик 2006), который наиболее подробно и детально описал классификацию доверия. Таким образом, доверие ЦППП рассматривается с опорой на классификации доверия Штомпки как коммерческое или же технологическое (Быкова 2021). Такой выбор теоретического подхода для концептуализации доверия связан с тем, что ЦППП, во-первых, предоставляет услуги, во-вторых, является новой технологией и воспринимается людьми как таковая (Штомпка 2012).

Подготовленный нами обзор литературы направлен на то, чтобы выявить факторы, которые определяют доверие клиентов к оказанию психологической помощи через ЦППП. Следует обратить внимание, что

доверие ЦППП не является до конца четко и однозначно определенным в современной научной литературе термином, поскольку существует множество его дефиниций (Brown et al. 2009). В статье под доверием ЦППП мы понимаем готовность клиента при необходимости воспользоваться ЦППП для решения своих психологических проблем в силу веры в благополучный для себя результат оказания услуги психологической помощи посредством ЦППП (Gaebel et al. 2014). Предполагается, что те, кто уже пользуются ЦППП, доверяют им, а те, кто имели опыт пользования в прошлом, доверяли в прошлом. Вера в благополучный для себя исход включает в себя несколько аспектов: потенциальный пользователь ЦППП верит, что 1) платформа заботится о его интересах и содействует предоставлению качественных услуг по оказанию психологической помощи; 2) отвечает за защиту персональных данных клиента.

Таким образом, цель обзора состоит в анализе факторов, влияющих на доверие к цифровым платформам психологической помощи, и выявлении их взаимосвязей. Мы стремимся выяснить, как личностные характеристики клиентов, их демографический профиль, качество и функционал ЦППП детерминируют наблюдаемый уровень доверия клиента к ЦППП. Результаты направлены на создание многофакторных теоретических моделей доверия к ЦППП, чтобы на практике улучшить предложение услуг и расширить их доступность.

Обзор литературы осуществлен в логике картирования *mapping review* и не является систематическим (Grant, Booth 2009). Литература для него подбиралась в три итерации при помощи базы Google Scholar. Сначала источники для обзора были собраны двумя авторами статьи, было отреферировано 70 наиболее цитируемых источников на русском и английском языках. Затем третий автор расширил подборку публикаций еще 70 работами по теме, которые были опубликованы за последние три года (2020–2023), без учета их цитируемости. Этот же автор сопоставил подборки публикаций между собой, исключив дубликаты, и распределил при помощи тематического анализа литературу по двум категориям в зависимости от их связи с факторами доверия: 1) персональные, т.е. связанные с характеристиками клиента платформы (социально-демографические, наличие опыта получения услуг по работе с психологическим здоровьем, отношение к помощи по вопросам психологического здоровья, различным терапевтическим подходам, специалистам по психологическому здоровью, которые работают на ЦППП, и цифровая грамотность); 2) внешние факторы, т.е. жизненные условия, которые повлияли на выбор (предложение на рынке, государственная поддержка — льготирование услуг по оказанию психологической помощи населению, инфраструктура платформы, со-

циальное окружение). В результате в обзор вошла наиболее свежая и цитируемая литература по теме (60 источников).

Далее мы подробнее опишем воздействие каждого из упомянутых факторов на доверие клиента. В заключение будут обозначены факторы, которым пока не было уделено значительного внимания в имеющихся исследованиях доверия ЦППП, и указано, что может быть детальнее рассмотрено в будущем.

Персональные факторы доверия ЦППП

Под персональными факторами подразумеваются характеристики потенциального клиента, которые в той или иной мере влияют на доверие ЦППП. Среди них мы выделяем социально-демографические характеристики, опыт использования офлайн-услуг предоставления психологической помощи (говоря более простым языком, связанные с тем, что люди не могут выйти «из зоны комфорта» и им привычнее не переходить на онлайн-платформу), отдельно рассматриваем черты личности и наличие ментальных расстройств, отношение потребителя к разным аспектам психотерапии (доверие к специалисту, психологической помощи в целом и к отдельным подходам в психологии) и цифровую грамотность.

Социально-демографические характеристики

Опираясь на предыдущие исследования, можно заключить, что воздействовать на формирование доверия ЦППП могут такие характеристики клиента, как гендер, возраст, этническая или расовая принадлежность, мигрантский статус, сексуальная идентичность, социально-экономический статус, доход, занятость, уровень образования, состояние в зарегистрированном браке, религиозность, место проживания и наличие диагностированных ментальных расстройств.

Гендерная самоидентификация неоднозначно сказывается на доверии ЦППП. С одной стороны, самоидентификация себя как женщины может быть связана с более высоким доверием ЦППП по сравнению с мужчинами, поскольку женщины чаще обращаются за психологической помощью (Агарков, Бронфман 2013; Aguirre Velasco et al. 2020; Kiely, Brady, Byles 2019). Также женщинам более свойственно использование ЦППП, чем мужчинам (Borghouts et al. 2021). Более редкое обращение мужчин за психологической помощью может наблюдаться в обществе в связи с гендерными установками и ожиданиями по отношению к мужскому проявлению эмоций и заботы о своем здоровье (Sagar-Ouriaighli et al. 2019). В некоторых культурных средах все еще не поощряется публичная демон-

страция эмоций мужчинами, т.е. над теми мужчинами, кто ищет помощи, подшучивают, не одобряют их лечение. Также у мужчин, имеющих сложности с психологическим здоровьем, нередко развивается самостигматизация (Gough, Novikova 2020). При этом контроль над женской эмоциональностью поощряется, и забота о собственном здоровье считается более нормальной, чем для мужчин. Женщины одновременно демонстрируют большую удовлетворенность онлайн-терапией в связи с возможностью анонимности сеансов, нежели чем мужчины (Nuttman-Shwartz, Shaul 2021). Данный факт может объясняться беспокойством о возможной стигматизации, неодобрения терапии со стороны близких, которую испытывают женщины. Между тем мужчины, которые все же обращаются за психологической помощью, остаются в терапии дольше женщин (Агарков, Бронфман 2013). Их более длительное пребывание в терапии способно укреплять веру в результативность терапевтического воздействия и как следствие доверие ЦППП.

Возраст нелинейно связан с доверием ЦППП. Молодежь и люди среднего возраста больше доверяют ЦППП, тогда как несовершеннолетние и пожилые склонны меньше полагаться на ЦППП в силу различного рода ограничений, связанных с внедрением этих сервисов в свою жизнь (Borghouts et al. 2021).

Люди старших возрастов могут испытывать меньшее доверие к ЦППП, поскольку с опасением относятся к технологиям, задействованным в ходе оказания помощи онлайн. Молодые люди более адаптированы по сравнению с возрастными клиентами к онлайн-коммуникации и чаще выступают клиентами онлайн-психотерапии, а потому их доверие ЦППП, как правило, выше (Иванов, Лазарева 2019; Rasche et al. 2018; Seifert, Reinwand, Schlomann 2019).

Вовлеченность в использование ЦППП несовершеннолетних является дискутируемой темой не только среди социальных исследователей, но и с юридической стороны. С одной стороны, ЦППП — удобный вариант психологической помощи для лиц младше 18 лет, если у несовершеннолетних присутствует желание скрыть от близкого окружения наличие жизненных трудностей. С другой стороны, юные клиенты, которым не ограничен вход на ЦППП, рискуют столкнуться с недостаточно квалифицированными специалистами, не обладающими необходимыми специализированными под возрастными особенностями несовершеннолетних навыками, также несовершеннолетние могут не обладать навыками выбора специалиста и не могут в полной мере отвечать за свои поступки. Все перечисленное в лучшем случае делает сеансы неэффективными, а в худшем — может навредить несовершеннолетним (Lustgarten et al.

2020). К тому же в случае нарушения прав подросткам может быть затруднительно защитить их, например потребовать компенсацию, заявить о неквалифицированности, пожаловаться на отсутствие конфиденциальности, некорректную защиту персональных данных, особенно если терапия проводилась втайне от старших, что во многом обусловлено неполной дееспособностью (Sussman, DeJong 2018).

Этничность и расовая принадлежность могут обуславливать доверие ЦППП в силу культурных представлений о психотерапии и межэтнических и межрасовых отношений в обществе. В частности, результаты множественных исследований барьеров обращения за психологической помощью среди этнических меньшинств в США демонстрируют, что одной из доминирующих причин необращения людей, принадлежащих к данным меньшинствам, за психологической помощью выступает невысокая психологическая грамотность. Также на принятие решения об отказе за обращением к психологической помощи может повлиять низкий экономический статус, цифровая грамотность и стигматизирующие установки касательно ментальных расстройств среди представителей этнической группы клиента (Kim, Lee 2022). В некотором смысле ЦППП способны увеличивать доверие лиц, принадлежащих к неоднозначной этнической или расовой группе, поскольку делают терапию дешевле и оставляют, предположительно, меньше следов. Однако недостаточная грамотность и обеспеченность цифровыми устройствами будут нивелировать возможность включения представителей этнических и расовых меньшинств в оказание психологической помощи посредством ЦППП.

Мигрантский статус в силу совокупности причин (недостаточно хорошее владение языком страны, конвенциональные культурные практики решения психологических проблем, не подразумевающие обращение к специалистам по психологическому здоровью) был обусловлен, согласно проведенным ранее исследованиям, незначительностью использования ЦППП (Derr 2016; Salam, Odenigbo, Newbold, Wahoush, Schwartz 2022). Еще слабая востребованность ЦППП обнаруживается среди беженцев, поскольку те также могут испытывать серьезное недоверие к медицинской системе государства, а также сталкиваться с большими трудностями в получении услуг ЦППП в силу материальных обстоятельств и специфического правового статуса в государстве (Derr 2016; Salam et al. 2022).

Сексуальная идентичность, связанная с принадлежностью к ЛГБТК-сообществу¹, как правило, делает использование ЦППП предпочтительным, представители данного сообщества расположены к использованию

¹ Организация ЛГБТ признана экстремистской на территории РФ.

ЦППП (Bowman, Nic Giolla Easpaig, Fox 2020; Byrton et al. 2017). Однако в силу социальной незащищенности указанной группы и ее неоднозначного социального и правового статуса в разных странах некоторые ЛГБТК-люди предпочитают использованию ЦППП специалистов, рекомендованных знакомыми (Bowman, Nic Giolla Easpaig, Fox 2020; Byrton et al. 2017). К тому же, согласно процитированным исследованиям, на платформах бывает затруднительно найти профессионалов, имеющих опыт работы с ЛГБТК-людьми.

Средний и высокий экономический статус ассоциированы в литературе с более частым обращением за психологической помощью (Borghouts et al. 2021). Это может объясняться более глубоким уровнем рефлексии индивидов со средним и высоким экономическим статусом, психологической просвещенностью, а также распространенностью опыта прохождения психотерапии среди их окружения. Также высокий социально-экономический статус положительно коррелирует с продолжительностью нахождения в терапии (Weber, Solomon, Bachrach 1985). Основными потребителями психотерапевтических услуг являются представители среднего класса и интеллигенции, реже — рабочие (Агарков и др. 2014).

Говоря о *доходе* индивида, нужно отметить, что сам по себе, без привязке к классу доход как индивида, так и домохозяйства не связан с большим интересом к использованию ЦППП и доверием к ним (Roberts et al. 2018). В дополнение можно отметить, что обнаруживается связь между занятостью и использованием ЦППП. Она вызвана отсутствием цифровых навыков, характерным для безработных, и низкой материальной обеспеченностью (Kaihlana et al. 2022).

Наличие высшего образования связано с более частым посещением специалистов по психологическому здоровью в нескольких исследованиях, однако результаты по данному вопросу не гомогенны, и потому нельзя с полной уверенностью утверждать, что уровень образования будет детерминировать использование, а тем более доверие ЦППП (Roberts et al. 2018).

Состояние в зарегистрированном браке ассоциировано в литературе с меньшим использованием ЦППП (Roberts et al. 2018). При этом обращение к ЦППП имеет более длительный характер среди тех, кто находится в браке, по сравнению с теми, кто не состоит в подобных отношениях (Lippke et al. 2021). Также можно упомянуть наличие специфических наблюдений касательно простоты перехода в онлайн-формат парной терапии среди специалистов. Они отмечали, что эта терапия сложнее индивидуальной переходила в онлайн-формат (Morgan et al. 2021).

Степень религиозности индивида может оказывать как положительное, так и негативное влияние на доверие к ЦППП. Духовные поиски

ведут человека и к церкви, и к специалистам. Религия и психотерапия как инструменты психологической помощи способны как действовать комплексно, так и выступать субститутами (Thomas et al. 2022). Глубоко убежденные верующие могут негативно относиться к «светской» психотерапии и предпочитать обращаться к духовным наставникам в силу опасения, что психотерапевт может не разделять их религиозные представления, обесценивать священные догмы, использовать методы, которые не одобряются церковью (Легостаева 2011). Вместе с тем на данный момент существуют практики психологического консультирования, проводимые исключительно для приверженцев определенной религии с целью учета религиозных убеждения клиента (Yamada et al. 2020). Например, в некоторых православных храмах можно пройти сессию с православным специалистом (Брагина 2021). Вместе с тем существующие ЦППП в России и за рубежом обычно не акцентируют религиозные установки специалистов, поэтому те клиенты, для которых важна религиозность специалиста, могут не обращаться к использованию ЦППП из-за того, что не обнаруживают на них при подборе специалиста тех, кто близок им по духовным установкам.

Среди одного из преимуществ онлайн-формата психотерапии отмечают возможность дистанционного оказания услуг психологической помощи. Последние могут предоставляться людям в географически удаленных районах, а также при наличии трудностей в передвижении. Более того, расширяется выбор специалистов, поскольку специалиста можно подобрать из другого города или страны (Bian, Miller 2020; Rodgers, Tudor, Sutherland 2022). К тому же если человек уже длительное время обращается к одному специалисту, то в случае переезда он не теряет контакт и продолжает свое взаимодействие с человеком, который ему привычен и к которому уже сформировалось доверие.

Онлайн-терапия также позволяет экономить время, ведь не нужно тратить его на дорогу, а также можно подстроиться под гибкий график и разницу во времени (Bian, Miller 2020). Гибкие возможности для договоренностей в плане времени — главное преимущество для тех, кто много работает или учится, а также для групповых или семейных сессий, когда подстроиться под график друг друга сложно. Вместе с тем в удаленных населенных пунктах пользователи могут редко обращаться к использованию ЦППП в силу отсутствия технологических возможностей, недоверия, и требуются дополнительные усилия со стороны местных врачей общего профиля или других заинтересованных лиц, чтобы обеспечить включенность клиента в терапию на ЦППП (Classen et al. 2021).

Черты личности и наличие ментальных расстройств

Доверие ЦППП может определяться и *чертами личности*. Так, невротизм, доброжелательность и открытость опыту оказались позитивно связаны со степенью вовлеченности в использование ЦППП, а экстраверсия и внешний локус контроля — негативно (Borghouts et al. 2021). Вместе с тем кластерный анализ с целью получения архетипов пользователей мобильных приложений для регуляции психологического состояния, в число которых входят и ЦППП, продемонстрировал, что можно выделить несколько подтипов лиц, использующих такие приложения, в зависимости от характеристик их психологического состояния (Aziz et al. 2022). Те, кто нуждаются в помощи, пользуются приложениями ежедневно, недовольны своей жизнью и средне экстрове́ртированы, обладают высоким невротизмом. В отличие от них, использующие приложения для поддержания своего психологического состояния заходят в приложения нерегулярно, имеют высокий уровень экстраверсии и эмоциональной стабильности.

Наличие ментальных расстройств тоже связано с более частым обращением к ЦППП (Borghouts et al. 2021). Однако вовлеченность среди тех, у кого обнаруживаются депрессия, расстройства настроения, усталость, ниже, чем у тех, у кого всего этого не наблюдается. Часто это объясняется тем, что данной группе людей сложно самостоятельно, без поддержки со стороны оставаться в терапии, поскольку в некоторых случаях бесед бывает недостаточно и необходима офлайн-медикаментозная и прочая поддержка. Соответственно большее доверие ЦППП чаще всего наблюдается среди людей с некоторыми типами диагностированных форм ментального неблагополучия в зависимости от их опыта нахождения в онлайн-/офлайн-терапии и отношения к терапии в целом.

Опыт пользования офлайн-услугами по решению вопросов психологического здоровья

В отношении онлайн-терапии выявлено, что клиенты, которые имели положительный опыт офлайн-консультирования, чаще давали согласие на работу в онлайн-формате (Dunn, Wilson 2021; Fletcher-Tomenius, Vossler 2009; Harrison, Wright 2020). Однако они и чаще отмечали недостатки онлайн-коммуникации по сравнению с теми, кто пришел в терапию впервые. Это может быть связано с тем, что клиент, установивший доверие к своему психотерапевту в физической реальности, при переходе в онлайн сохранит ее. Однако человеку будет недовольно ощущение присутствия специалиста. Более того, обладающие опытом прохождения психотерапии имеют о ней более полное представление. Вероятно, поэтому они более склонны доверять общению со специалистом в Сети.

Во время пандемии Ковид-19 множеству психотерапевтов пришлось перевести свою работу в онлайн-формат, и они нередко были не удовлетворены результатом. Онлайн-работа была непривычна и требовала больше, чем прежде, усилий по поддержанию коммуникации с клиентом (Rodgers, Tudor, Sutherland 2022), было ощущение обезличенности и изолированности (Young 2022). Исследователи пишут, что в связи с переходом в онлайн специалистам надо внимательнее относиться к объему повседневного экранного времени, а также к эмоциональному выгоранию, которое может наступать после интенсивных онлайн-сессий с клиентами (Rodgers, Tudor, Sutherland 2022). Как следствие после пандемии стали всерьез задумываться об интеграции учебных модулей по работе онлайн для психотерапевтов (Rodgers, Tudor, Sutherland 2022). В то же время клиенты сообщают о позитивном опыте и совсем несущественных отличиях от офлайн-формата, который был у них с терапевтом прежде (Rodgers, Tudor, Sutherland 2022).

Отношение к психотерапии в целом

Важной характеристикой для определения степени доверия клиента является его желание получить психологическую помощь и положительное отношение к психологической помощи в целом (Borghouts et al. 2021). Так, некоторые прибегают к психологической помощи по своему желанию, они самостоятельно подходят к определению своего запроса, поиску приемлемого подхода в психотерапии и подбору специалиста. Другие же начинают посещать сессии с специалистом по направлению врача или просьбе родных и близких (Cook et al. 2019). У последних выражено меньшее доверие к психологической помощи, так как они могут не ощущать потребности в ее прохождении и не верить в ее успех. Клиенты способны иметь реалистические, оптимистические, пессимистические или амбивалентные установки в начале терапии (Агарков, Бронфман 2013). Как правило, терапия начинается с оптимистичных ожиданий клиента, связанных с надеждой на разрешение возникших проблем. Но по мере прохождения консультаций клиент может сталкиваться с сопротивлением, не видеть прогресс, ожидать быстрого результата, что ведет к снижению уровня доверия к психотерапии. Прогрессу в терапии способствует положительная оценка клиентом личности, компетентности, «силы» своего специалиста, а также человеческая симпатия, которую вызывает этот специалист у клиента (Агарков, Бронфман 2013).

Фактор положительных ожиданий от психологической помощи клиента положительно коррелирует с успешностью ее получения (Lembert 1992). Доверие к терапии влияет на ее продолжительность, преодоление личных сопротивлений и оценку затрат. Однако психотерапия не дает

гарантий быстрых радикальных перемен, это трудоемкий процесс, который требует вовлеченности клиента и его веры в применяемые методы терапии. Исследование, основанное на модели обесценивания отсроченной выгоды, показало, что первые несколько сессий наиболее результативны, при продолжении терапии ее эффективность растет не столь быстрыми темпами (Swift, Callahan 2010). Отсюда возникает угроза снижения уровня доверия к психотерапии, и в некоторый момент клиент может досрочно прекратить терапию. Но эффект от терапии является накопительным, поэтому доверие клиента к психологической помощи в целом позволяет преодолеть сомнения в ее неэффективности. Важным, но менее часто изучаемым фактором доверия является вера в то, что цифровизированное оказание психологической помощи эффективно. Например, некоторые потенциальные клиенты ЦППП отказывались поначалу от их использования, поскольку считали технологическое сопровождение нарушающим ход психологического консультирования (Borghouts et al. 2021).

Существует большое разнообразие психотерапевтических подходов. В исследовании доверия к подходам психотерапии выявлено, что большинство клиентов не придают значения выбору определенного подхода среди способов психологической помощи. У широкой аудитории наиболее распространенным оказывается когнитивно-поведенческая психотерапия (Frövenholt et al. 2007). Вместе с тем на предпочтения и как следствие доверие определенному подходу в психотерапии могут влиять социально-демографические характеристики клиента. Так, пожилые люди более склонны к обращению к семейному доктору при эмоциональных проблемах и стрессе, чем к специалисту (Sandell et al. 2011). Женщины в большей степени стремятся выбирать психодинамическую психотерапию, чем мужчины. Мужчины выбирали когнитивную психотерапию почти в два раза чаще, чем женщины.

Не все терапевтические подходы широко распространены в онлайн-среде. Наиболее представлены когнитивно-поведенческая терапия (КПТ), терапия принятия и ответственности (ТПО) и психодинамическая психотерапия (ПП), реже встречается позитивная психология (Lattie, Stiles-Shields, Graham 2022). Пока данных об эффективности и доверии реализациям данных типов терапий на ЦППП не очень много, тем более в разрезе локальных рынков психотерапии, вместе с тем можно предположить, что если в офлайн-форматах клиенты больше предпочитали одни подходы другим, такая же ситуация может сохраниться и в онлайн-среде (Lattie, Stiles-Shields, Graham 2022).

Обоюдное доверие — условие создания комфортной терапевтической обстановки, входит в зону ответственности специалиста и обусловлено

его личностными качествами. Среди них первостепенны эмпатия и безусловное уважение (Кочюнас 2010; Rodgers, Tudor, Ashcroft 2021). Специалисты, которые кажутся заслуживающими доверия, обычно успешны в терапии (Коттлер 2002). Специалист по психологическому здоровью, который вызывает доверие, находится в гармонии с собой, уверен в себе, умеет признавать свои ошибки, выполняет договоренности, приятен и искренен в общении (Коттлер 2002). На доверие влияют установки клиента об образе специалиста: его внешности, поведении, чертах личности, способах проведения сеанса, терапевтическом подходе (Borghouts et al. 2021). Во время сеанса на установление доверительных отношений воздействуют жесты, позы, тембр голоса и манера речи клиента и специалиста по психологическому здоровью (Kallergis 2019). Более того, важна осведомленность о профессиональной компетентности специалиста и соответствие ролевых ожиданий. Затянувшиеся проблемы с психологическим здоровьем могут создать впечатление профессиональной некомпетентности специалиста по психологическому здоровью, что снизит доверие к нему (Kallergis 2019).

Цифровая грамотность в вопросах здоровья

Понимается как способность находить и использовать цифровые технологии для работы с личным здоровьем (Hodges, Calvo 2023). Цифровая грамотность становится особенным барьером для людей из «хрупких» социальных групп: детей, мигрантов, пожилых (Hodges, Calvo, 2023), им требуются помощники, чтобы разобраться с возможностями ЦППП (Harerimana, Forchuk, O'Regan 2019). Как правило, чем выше цифровая грамотность, тем больше вовлеченность в ЦППП (Borghouts et al. 2021). Кроме того, те, кого обучили взаимодействию с ЦППП, обладают большей готовностью ими пользоваться (Borghouts et al. 2021).

Внешние факторы

Со стороны контекста на доверие ЦППП может воздействовать функционирование предложения на рынке психологических услуг и ЦППП в конкретной стране, устройство государственной медицинской системы и инфраструктура платформы. Поскольку все эти аспекты контекста достаточно трудно описать подробно в рамках одной статьи, мы упомянем их в краткой форме с акцентом на положение дел в России.

Предложение на рынке

Рынок ЦППП молодой, но стремительно растущий (Forbes.ru 2020; Ogon 2022; Salamanca-Sanabria et al. 2022). На нем много недавно сложив-

шихся компаний, которые еще не вполне сформировали навыки работы с потребителем (Balcombe, Leo 2021). То есть модели поведения, например реклама, организация служб поддержки потребителей, находятся в процессе становления. Это способно приводить к тому, что, во-первых, потенциальные потребители могут не получать информацию о доступных услугах и потому испытывать к ним низкое доверие. Во-вторых, не налаженная коммуникация может быть причиной того, что клиенты будут отдавать предпочтение доступной альтернативе в виде традиционной офлайн-психологической помощи.

Важно также позиционирование платформы как места для определенных потребителей и в результате степень ощущения клиентом себя ассоциированным с платформой (Borghouts et al. 2021). Чем сильнее человек ощущает себя типичным клиентом ЦППП, тем больше доверяет им. Имеет значение и возможность формирования социальных связей через платформу *networking*, допустим ее социальные сети, которые помогают обрести единомышленников — других людей, которые сталкиваются со сходными проблемами в психологической и других сферах жизни (Borghouts et al. 2021).

Также одним из важных решающих аспектов выбора между видами психологической помощи является цена услуги. За логикой цен стоит создание социальных значений и ожиданий. Цена выступает отражением социального консенсуса по поводу содержания экономического обмена. Среди пользователей психологических сервисов распространено восприятие высокой цены за оказание услуг как показателя высокого качества. То есть низкая цена связана с меньшими ожиданиями и доверием к квалификации специалиста (Dever Fitzgerald et al. 2010; Zeithaml 1988). Онлайн психологическая помощь более доступна в ценовом отношении по сравнению с очной, поскольку считается, что специалисты не включают в цену затраты на аренду офиса и транспорт, дополнительное время в пути, если не работают из специальной студии. Это повышает доступность психологической помощи для населения. Однако для закупки технического оборудования клиенту и специалисту нередко приходится вложить крупные суммы, столкнуться с необходимостью траты времени на налаживание работы, поэтому экономичность ЦППП для клиента и специалиста не всегда очевидна (Classen et al. 2021).

Государственные и некоммерческие возможности получения бесплатной психологической помощи

Анализируя российскую практику, необходимо учесть наличие психологической помощи в рамках программы обязательного медицинского

страхования (ОМС), однако количество сеансов и способы психологической поддержки ограничены (MOS.ru 2023). Также у несовершеннолетних есть право бесплатно обратиться к психологу в учебных заведениях (Антонова, Ерицян, Цветкова 2021; Антонова и др. 2022). Помимо этого, существуют некоммерческие организации, горячие линии, предоставляющие бесплатную психологическую помощь гражданам РФ (Тинькофф Журнал 2022). Однако не все нуждающиеся в психологической помощи разных возрастов готовы пользоваться возможностями, предоставляемыми государством и его институтами в рамках государственной программы и частными некоммерческими фондами. Считается, что самыми частыми причинами отказа от перечисленных способов получения психологической помощи являются опасения утечки данных, использования информации о визите против клиентов и нехватка времени на ожидание в очереди. Поэтому те, кому позволяет финансовое положение и необходима быстрая консультация, скорее обратятся к частному психологу (в том числе онлайн), поскольку эти агенты предоставления психологической помощи выглядят более надежно, чем, допустим, психологическая система поддержки в вузе (Антонова, Ерицян, Цветкова 2021; Антонова и др. 2022).

Инфраструктура платформы

Изначально платформы не были разработаны как пространства для онлайн-терапии, платформенный формат оказания услуг распространился на эту сферу, став результатом «уберизации» психологической помощи (Rodgers, Tudor, Sutherland 2022; Susman 2021). Платформы в отношениях клиента и специалиста выступают в качестве посредников и выполняют функции пространства для встречи клиента и специалиста и способствуют подбору специалиста и графика консультаций.

Выступая пространством для встречи специалиста и клиента, платформы могут влиять на степень доверия пользователей в силу качества программного обеспечения и способности гарантировать конфиденциальность и безопасность сеансов для клиентов. Как правило, улучшение дизайна повышает привлекательность ЦППП для клиентов и специалистов (Воробьева, Скипор 2021). Наличие паролей, дополнительных способов защиты персональных данных также повышает доверие ЦППП у клиента (Borghouts et al. 2021). Вместе с тем исследователи отмечают, что у специалистов и клиентов все равно сохраняются опасения внешнего вмешательства в их встречи, остаются опасения, что их записывают или посторонние (например, соседи по квартире или онлайн-хулиганы) нарушат ход сеанса своим вмешательством (Susman 2021).

Центральным элементом ЦППП как места для оказания психологической помощи является онлайн-консультация. На базе ЦППП могут возникнуть сложности в установлении близких отношений в связи с отсутствием полноценной невербальной коммуникации клиента и специалиста по психологическому здоровью (Borghouts et al. 2021; Heath, Luff 1992; Susman 2021). В онлайн-среде связь между специалистом и клиентом может нарушаться, потому что специалист не до конца способен наблюдать язык тела человека, с которым ведет беседу, а клиент, в свою очередь, тоже затруднен в обзоре реакций специалиста (Rodgers, Tudor, Ashcroft 2021). Вместе с тем последний метаанализ, сравнивающий качество терапевтического альянса онлайн и офлайн, показал, что различия в качестве отношений между клиентом и специалистом онлайн и офлайн не существенны (Norwood et al. 2018).

Также проведение встреч на платформе создает ситуацию, когда специалист и клиент видят свои отражения в камере, и это может приводить к усиленным попыткам контроля своего визуального образа. А если камера не включена, то может возникать отстранение, дистанцирование от своей проблемы или роли терапевта, что иногда мешает принятию ответственности (Susman 2021). Кроме того, и для специалиста по психологическому здоровью, и для клиента стираются физические границы между сеансом, местом работы, отдыха. Для их восстановления специалистам рекомендуется проводить дебрифинг сессии (Susman 2021). Можно упомянуть также, что на онлайн-сеансе клиент может находиться у себя дома, на работе, в естественной для себя среде. С одной стороны, исследователи связывают такую ситуацию с большей открытостью и доверительностью коммуникации, и специалист может наблюдать взаимодействие человека с его средой обитания. С другой стороны, такая ситуация может нарушать приватность (Classen et al. 2021).

В то же время онлайн-коммуникация через ЦППП может и повышать ощущение интимности и безопасности клиента, некоторые из них чувствуют себя более свободными в выражении себя по сравнению с физической реальностью (Bargh, McKenna, Fitzsimons 2002). Например, в онлайн-коммуникации со специалистом клиент считает себя в праве отключиться при дискомфорте и таким образом оказывается, что в онлайн-формате отношения между терапевтом и клиентом становятся менее асимметричными и более подконтрольными клиенту (Fletcher-Tomenius, Vossler 2009; Susman 2021). В дополнение необходимо принимать во внимание, что для некоторых клиентов важно, что в онлайн-терапии клиент при желании может попросить специалиста записать сеанс, общаться по переписке и сохранять свои письма и ответы специалиста. Таким образом,

в онлайн-формате восстановить содержание коммуникации проще, чем в офлайн-терапии (Fletcher-Tomenius, Vossler 2009). В некоторых исследованиях было отмечено, что специалисты, проводя онлайн-сессию, чувствуют себя более компетентными из-за наличия «буферной среды» в виде экрана (Nuttman-Shwartz, Shaul 2021). Кроме того, становятся важными интерактивные элементы, они позволяют концентрировать внимание клиента на специалисте по психологическому здоровью дольше, нежели в их отсутствии (Воробьева, Скипор 2021).

Дополнительно часть клиентов указывает на потребность в улучшении алгоритмов по подбору психотерапевта на платформах (Воробьева, Скипор 2021). От администраторов ЦППП ожидается, что те станут посредниками между клиентом и психотерапевтом, подобно менеджерам или секретарям. Тем самым будет повышено доверие к онлайн-терапии, поскольку платформа будет брать на себя обязательства по подтверждению квалификации специалиста и его соответствии запросу клиента. Пользователи хотели бы также иметь доступ к отзывам других клиентов и рейтингам специалистов на платформе (Воробьева, Скипор 2021). Таким образом, с одной стороны, клиенты хотят самостоятельно проверить информацию о специалисте, с другой — переложить ответственность за подбор специалиста на ЦППП. Также необходимо учитывать, что некоторые клиенты прекращали использование ЦППП, поскольку им не хватало времени в течение дня, чтобы включить консультации в свой график. Неполадки с графиком объяснялись клиентами высокой длительностью типовых консультаций на ЦППП, а также некомпетентностью в составлении индивидуальных расписаний менеджеров ЦППП (Borghouts et al. 2021).

Социальное окружение

Социальное окружение клиента способно воздействовать на доверие ЦППП через несколько механизмов (Green, Pescosolido 2023).

Во-первых, чувство одиночества, отсутствие поддержки может сподвигнуть к обращению за психологической помощью (Wyngaerden et al. 2020).

Во-вторых, малое количество социальных контактов, фрагментированность социальных связей (большое количество незнакомых между собой людей в социальной сети), редкость коммуникаций с другими людьми могут стать индикатором сильной отстраненности от общества и нежелания прибегать к любой внешней помощи, тем более психологической (Wyngaerden et al. 2020).

В-третьих, социальные связи могут воздействовать через установки по отношению к ЦППП и комплексу связанных явлений (психотерапии,

психотерапевтам, подходам). Так, если в социальной группе, к которой принадлежит клиент, существуют негативные установки в отношении психологической помощи, то он с меньшей вероятностью будет доверять последней (Bian, Miller 2020). Также, если в окружении клиента пользуются ЦППП, это тоже будет повышать его доверие платформе (Borghouts et al. 2021). Если ЦППП являются частью офлайн-терапевтической программы и рекомендованы офлайн-терапевтом, это также повышается доверие ЦППП (Borghouts et al. 2021). Вдобавок с развитием технологий массовой коммуникации влияние на мнение клиентов оказывают медиаперсоны, с которыми индивид устанавливает парасоциальные связи (Bian, Miller 2020). Медиаперсоны становятся инфлюенсерами, продвигая свое мнение в массы. Индивид находится в позиции наблюдателя и ощущает свою близость к медиаперсоне. Она может стать для него авторитетом, объектом для подражания. Индивид воспринимает рекомендации медиаперсоны как личные советы. Поэтому если медиаперсона пропагандирует важность психологической помощи, транслирует на своем личном опыте ее полезность, то индивид будет обладать большим доверием к психологической помощи.

Заключение

В обзоре рассмотрены персональные и внешние детерминанты доверия ЦППП. Выяснено, что повышенное доверие ЦППП свойственно клиентам 1) с более высокими уровнями невротизма, доброжелательности и открытости опыту; 2) со средним и высоким экономическим статусом; 3) с более позитивным отношением к специализированной психологической помощи, в том числе оказываемой при помощи технологических средств, 4) высокой цифровой грамотностью и 5) молодежи и людям среднего возраста. Кроме того, доверие выше, если ЦППП имеет 6) высокое качество программного обеспечения, обеспечивающего связь на сеансе; 7) хороший клиентский сервис и алгоритмы подбора специалистов.

Воздействие остальных факторов менее основательно рассмотрено и разъяснено в литературе. Практически не представлено комплексных многофакторных исследований с модерацией и медиацией, поэтому сложно предполагать, как эти факторы соотносятся между собой. Кроме того, существует небольшое количество экспериментальных исследований, которые более отчетливо описывают наличие причинно-следственных связей и позволяют отделить эффекты отдельных факторов. Например, не совсем ясно, как соотносятся между собой личностные характеристики клиента и параметры инфраструктуры платформы. Кроме того, не-

смотря на обширную представленность в научных публикациях исследований, касающихся доверия ЦППП среди пользователей из уязвимых групп населения, не все группы оказались охвачены исследованиями. В частности, практически не найти информации про использование ЦППП людьми с маленькими детьми, беременными (Davis et al. 2022), а также с родственниками на иждивении, хотя для них ЦППП могли бы быть способом получения психологической поддержки удаленно, не затрудняя их повседневность, и доступными по цене.

Таким образом, будущие исследования ЦППП, вероятно, должны быть ориентированы на построение многофакторных моделей, объясняющих доверие клиентов к ЦППП, а также затрагивать больше пользователей из уязвимых социальных групп. Стоит также принять во внимание, что рынок цифровых сервисов по вопросам психологического здоровья активно развивается и в будущем возможно появление большего количества форм предоставления психологической помощи с использованием технологических средств, что повлечет все новые вопросы о доверии новоизобретенным и традиционным формам онлайн-консультирования. Предположительно, они будут касаться проверки квалификации специалистов, правового регулирования, а также привлекать внимание к цифровому неравенству мирового населения.

Литература

Агарков В.А., Бронфман С.А., Шерина Т.Ф., Гуртовенко И.Ю. (2014) Влияние социально-психологических факторов и особенностей культуры на ожидания российских пациентов от психотерапии. *Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание*, 1: 204–212. <http://doi.org/10.12737/7224>.

Агарков В.А., Бронфман С.А. (2013) Ожидания пациентов в отношении психотерапии. *Психическое здоровье*, 11(87): 52–60 [<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20260517>] (дата обращения: 03.05.2023).

Акулов А. В регионах объявлений стало больше на 150%: почему растет рынок психотерапии в России (Электронный ресурс) [<https://www.gazeta.ru/business/2022/05/24/14898320.shtml>] (дата обращения: 16.11.2022).

Антонова Н.А., Ерицян К.Ю., Цветкова Л.А. (2021) Запрос на психологическую помощь студентов педагогического вуза. *Психология человека в образовании*, 3(2): 208–217. <http://doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-2-208-217>.

Антонова Н.А., Ерицян К.Ю., Казанцева Т.В., Дубровский Р.Г. (2022) Барьеры и фасилитаторы обращаемости за психологической помощью в системе общего образования. *Психологическая наука и образование*, 27(4): 77–87. <http://doi.org/10.17759/pse.2022270408>.

Брагина М.С. (2021) Православный психолог на приходе. *Церковь и медицина*, 1(20): 132–136.

Быкова О.Е. (2021) Концепция доверия Петра Штомпки. *Философия и общество*, 2 (99): 119–134.

Воробьева А., Скипор С. (2021) Факторы и характеристики отношения клиентов психолога к онлайн-консультированию на фоне пандемии COVID-19. *Влияние пандемии на личность и общество: психологические механизмы и последствия*. Отв. ред. Т.А. Нестик, А.Л. Журавлев, А.Е. Воробьева. М.: Институт психологии РАН, 358–381. http://doi.org/10.38098/fund_21_0442_12.

Иванов В.Г., Лазарева Е.Ю. (2019) Что лежит в основе обращения клиента за психологической помощью в онлайн-форме? *Медицинская психология в России*, 1 (54): 1–6. <http://doi.org/10.24411/2219-8245-2019-11070>.

Коттлер Д. (2002) *Совершенный психотерапевт. Работа с трудными клиентами*. СПб.: Питер.

Кочюнас Р. (2010) *Психологическое консультирование. Групповая психотерапия*. М: Академический Проект.

Легостаева М.В. (2011) О месте православной психотерапии в преодолении невротических расстройств. *Консультативная психология и психотерапия*, 19(3): 67–96.

Фрейк Н.В. (2006) Концепция доверия в исследованиях П. Штомпки. *Социологические исследования*, 11: 1–10.

Aguirre Velasco A., Satna Cruz I.S., Billings J, Jimenez M., Rowe S. (2020) What are the Barriers, Facilitators and Interventions Targeting Help-Seeking Behaviours for Common Mental Health Problems in Adolescents? A Systematic Review. *BMC Psychiatry*, 20(1): 1–22. <https://doi.org/10.1186/s12888-020-02659-0>.

Aziz M., Erbad A., Belhaouari S.B., Almourad M.B., Altuwairiqi M., Ali R. (2022) Who Uses Mhealth? User Archetypes for Physical and Mental Health Apps. *Digital Health*, 9: 1–16. <https://doi.org/10.1177/20552076231152175>.

Balcombe L., Leo D.D. (2021) Digital Mental Health Challenges and the Horizon Ahead for Solutions. *JMIR Mental Health*, 8(3): 1–11. <https://doi.org/10.2196/26811>.

Bargh J.A., McKenna K.Y., Fitzsimons G.M. (2002) Can you See the Real Me? Activation and Expression of the “True Self” on the Internet. *Journal of Social Issues*, 58(1): 33–48. <https://doi.org/10.1111/1540-4560.00247>.

Bell I.H., Thompson A., Valentine L., Adams S., Alvarez-Jimenez M., Nicholas J. (2022) Ownership, Use of, and Interest in Digital Mental Health Technologies Among Clinicians and Young People Across a Spectrum of Clinical Care Needs: Cross-Sectional Survey. *JMIR Mental Health*, 9(5): 1–15. <http://dx.doi.org/10.2196/30716>.

Bennion M.R., Hardy G., Moore R.K., Millings A. (2017) E-Therapies in England For Stress, Anxiety or Depression: What is Being Used in the NHS? A Survey of Mental Health Services. *BMJ Open*, 7(1): 1–9. <http://dx.doi.org/10.1136/bmjopen-2016-014844>.

Bian S., Miller J. (2020) Online Psychological Counseling: Is it Really Effective [http://fycjournal.ucdavis.edu/wp-content/uploads/2021/01/Online-Psychological-Counseling.pdf] (дата обращения: 04.05.2023).

Binik Y.M., Cantor J., Ochs E., Meana M. (1997). From the couch to the keyboard: Psychotherapy in cyberspace. In: Kiesler S. (ed.) *Culture of the Internet*. Mahwah, N.J.: Erlbaum: 71–100.

Bowman S., Nic Giolla Easpaig B., Fox R. (2020) Virtually caring: a qualitative study of internet-based mental health services for LGBT young adults in rural Australia. *Rural Remote Health*, 20(1): 1–8. <https://doi.org/10.22605/rrh5448>.

Borghouts J., Eikey E., Mark G., De Leon C., Schueller S. M., Schneider M.; Nicole S., Kai Z., Mukamel D., Sorkin D.H. (2021) Barriers to and Facilitators of User Engagement with Digital Mental Health Interventions: Systematic Review. *Journal of Medical Internet Research*, 23(3): 1–29. <https://doi.org/10.2196/24387>.

Brown P., Calnan M., Scrivener A., Szmukler G. (2009) Trust in Mental Health Services: A neglected concept. *Journal of Mental Health*, 18(5): 449–458. <https://doi.org/10.3109/09638230903111122>.

Byron P., Rasmussen S., Wright Toussaint D., Lobo R., Robinson K.H., Paradise B. (2017) 'You Learn from Each Other': LGBTIQ Young People's Mental Health Help-seeking and the RAD Australia Online Directory. Western Sydney University Young and Well Cooperative Research Centre, Sydney [http://handle.westernsydney.edu.au:8081/1959.7/uws:38815] (дата обращения: 04.05.2023).

Classen B., Tudor K., du Preez E., Day E., Ioane J., Rodgers B. (2021) An Integrative Review of Contemporary Perspectives on Videoconference-Based Therapy — Prioritizing Indigenous and Ethnic Minority Populations in the Global South. *Journal of Technology in Behavioral Science*, 6 (3): 545–558. <https://doi.org/10.1007/s41347-021-00209-3>.

Cook B. L., Shu-Yeu Hou S., Lee-Tauler S.Y., Progovac A.M., Samson F., Sanchez M.J. (2019) A Review of Mental Health and Mental Health Care Disparities Research: 2011–2014. *Medical Care Research and Review*, 76(6): 683–710. <https://doi.org/10.1177/1077558718780592>.

Davis J.A., Ohan J.L., Gibson L.Y., Prescott S.L., Finlay-Jones A.L. (2022) Understanding Engagement in Digital Mental Health and Well-being Programs for Women in the Perinatal Period: Systematic Review Without Meta-analysis. *Journal of Medical Internet Research*, 24(8): 1–20. <https://doi.org/10.2196/36620>.

Derr A.S. (2016) Mental Health Service Use Among Immigrants in the United States: A Systematic Review. *Psychiatric Services*, 67(3): 265–274. <https://doi.org/10.1176/appi.ps.201500004>.

Dever Fitzgerald T., Hunter P.V., Hadjistavropoulos T., Koocher G.P. (2010) Ethical and Legal Considerations for Internet-Based Psychotherapy. *Cognitive Behaviour Therapy*, 39(3): 173–187. <https://doi.org/10.1080/16506071003636046>.

Dunn K., Wilson J. (2021) When Online and Face to Face Counseling Work Together: Assessing the Impact of Blended or Hybrid Approaches, Where Clients

Move Between Face-To-Face and Online Meetings. *Person-Centered & Experiential Psychotherapies*, 20(4): 312–326. <https://doi.org/10.1080/14779757.2021.1993970>.

Fletcher-Tomenius L., Vossler A. (2009) Trust in Online Therapeutic Relationships: The Therapist's Experience. *Counselling Psychology Review*, 24(2): 24–34.

Frövenholt J., Bragesjö M., Clinton D., Sandell R. (2007) How do Experiences of Psychiatric Care Affect the Perceived Credibility of Different Forms of Psychotherapy? *Psychology and Psychotherapy: Theory, Research and Practice*, 80(2): 205–215.

Gaebel W., Muijen M., Baumann A.E., Bhugra D., Wasserman D., van der Gaag R.J., Heun R., Zielasek J. (2014) EPA Guidance on Building Trust in Mental Health Services. *European Psychiatry*, 29(2): 83–100. <http://dx.doi.org/10.1016/j.eurpsy.2014.01.001>.

Gough B., Novikova I. (2020) Mental Health, Men and Culture: How Do Sociocultural Constructions of Masculinities Relate to Men's Mental Health Help-Seeking Behaviour in the WHO European Region? Technical Report. WHO [<https://eprints.leedsbeckett.ac.uk/id/eprint/7159/>] (дата обращения: 20.04.2023).

Grant M.J., Booth A. (2009) A Typology of Reviews: An Analysis of 14 Review Types and Associated Methodologies. *Health Information & Libraries Journal*, 26(2): 91–108. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1471-1842.2009.00848.x>.

Green H.D., Pescosolido B.A. (2023) Social Pathways to Care: How Community-Based Network Ties Shape the Health Care Response of Individuals with Mental Health Problems. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*, 1–12. <https://doi.org/10.1007/s00127-023-02476-2>.

Harerimana B., Forchuk C., O'Regan T. (2019) The use of Technology for Mental Healthcare Delivery among Older Adults with Depressive Symptoms: A Systematic Literature Review. *International journal of mental health nursing*, 28(3): 657–670. <https://doi.org/10.1111/inm.12571>.

Harrison L., Wright J. (2020) The Experiences of Person-Centered Counsellors Working with Suicidal Clients Online Through the Medium of Text. *British Journal of Guidance & Counselling*, 48(4): 576–591. <https://doi.org/10.1080/03069885.2020.1742873>.

Heath C., Luff P. (1992) Media Space and Communicative Asymmetries: Preliminary Observations of Video-Mediated Interaction. *Human-Computer Interaction*, 7(3): 315–346.

Hodges J.C., Calvo R. (2023) Teleservices Use Among Latinx Immigrant Families During the Covid-19 Pandemic. *Children and Youth Services Review*, 145: 1–8. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2022.106778>.

Kaihlalanen A.M., Virtanen L., Buchert U., Safarov N., Valkonen P., Hietapakka L., Hörhammer I., Kujala S., Kouvonen A., Heponiemi T. (2022) Towards Digital Health Equity — A Qualitative Study of The Challenges Experienced by Vulnerable Groups in Using Digital Health Services in The COVID-19 Era. *BMC Health Services Research*, 22(1): 1–12. <https://doi.org/10.1186/s12913-022-07584-4>.

Kallergis G. (2019) The Contribution of The Relationship Between Therapist-Patient and the Context of the Professional Relationship. *Psychiatrike= Psychiatriki*, 30(2): 165–174. <https://doi.org/10.22365/jpsych.2019.302.165>.

Kiely K.M., Brady B., Byles J. (2019) Gender, Mental Health and Ageing. *Maturitas*, 129: 76–84. <https://doi.org/10.1016/j.maturitas.2019.09.004>.

Kim S.B., Lee Y.J. (2022) Factors Associated with Mental Health Help-Seeking among Asian Americans: A Systematic Review. *Journal of Racial and Ethnic Health Disparities*, 9(4): 1276–1297. <https://doi.org/10.1007/s40615-021-01068-7>.

Lambert M.J. (1992). Implications of Outcome Research for Psychotherapy Integration. v Norcross, JC in Goldstein, MR (ur.) *Handbook of Psychotherapy Integration*.

Lattie E.G., Stiles-Shields C., Graham A.K. (2022) An Overview of and Recommendations for More Accessible Digital Mental Health Services. *Nature Reviews Psychology*, 1(2): 87–100. <https://doi.org/10.1038/s44159-021-00003-1>.

Lippke S., Gao L., Keller F.M., Becker P., Dahmen A. (2021) Adherence With Online Therapy vs Face-to-Face Therapy and With Online Therapy vs Care as Usual: Secondary Analysis of Two Randomized Controlled Trials. *Journal of Medical Internet Research*, 23(11): 1–19. <https://doi.org/10.2196/31274>.

Lustgarten S.D., Garrison, Y.L., Sinnard, M.T., Flynn A.W. (2020) Digital Privacy in Mental Healthcare: Current Issues and Recommendations for Technology Use. *Current Opinion in Psychology*, 36: 25–31. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2020.03.012>.

Morgan A.A., Landers A.L., Simpson J.E., Russon J. M., Case Pease J., Dolbin-MacNab M.L., Bland K.N., Jackson, J.B. (2021) The Transition to Teletherapy in Marriage and Family Therapy Training Settings During COVID-19: What Do the Data Tell Us? *Journal of Marital and Family Therapy*, 47(2): 320–341. <https://doi.org/10.1111/jmft.12502>.

Norwood C., Moghaddam N.G., Malins S., Sabin-Farrell R. (2018) Working Alliance and Outcome Effectiveness in Videoconferencing Psychotherapy: A Systematic Review and Noninferiority Meta-Analysis. *Clinical Psychology & Psychotherapy*, 25(6): 797–808. <https://doi.org/10.1002/cpp.2315>.

Nuttman-Shwartz O., Shaul K. (2021) Online Therapy in a Shared Reality: The Novel Coronavirus as a Test Case. *Traumatology*, 27(4): 365–374. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/trm0000334>.

Rasche P., Wille M., Bröhl C., Theis S., Schäfer K., Knobe M., Mertens A. (2018) Prevalence of Health App Use Among Older Adults in Germany: National Survey. *JMIR mHealth and uHealth*, 6(1): 1–11. <https://doi.org/10.2196/mhealth.8619>.

Roberts T., Miguel Esponda G., Krupchanka D., Shidhaye R., Patel V., Rathod S. (2018) Factors Associated with Health Service Utilisation for Common Mental Disorders: A Systematic Review. *BMC Psychiatry*, 18(262): 1–19. <https://doi.org/10.1186/s12888-018-1837-1>.

Rodgers B., Tudor K., Ashcroft A. (2021) Online Video Conferencing Therapy and the Person-Centered Approach in the Context of a Global Pandemic. *Person-*

Centered & Experiential Psychotherapies, 20(4): 286–302. <https://doi.org/10.1080/14779757.2021.1898455>.

Rodgers B., Tudor K., Sutherland A. (2022) An Integrative Review of The Person-Centered and Experiential Therapy Literature on Delivering Individual Video Counselling and Psychotherapy. *Counselling and Psychotherapy Research*, 1–11. <https://doi.org/10.1002/capr.12600>.

Sagar-Ouriaghli, I., Godfrey E., Bridge L., Meade L., Brown J.S. (2019) Improving Mental Health Service Utilization Among Men: A Systematic Review and Synthesis of Behavior Change Techniques Within Interventions Targeting Help-Seeking. *American journal of men's health*, 13(3): 1–18. <https://doi.org/10.1177/1557988319857009>.

Salam Z., Odenigbo O., Newbold B., Wahoush O., Schwartz L. (2022) Systemic and Individual Factors That Shape Mental Health Service Usage Among Visible Minority Immigrants and Refugees in Canada: A Scoping Review. *Administration and Policy in Mental Health and Mental Health Services Research*, 49(4): 552–574. <https://doi.org/10.1007/s10488-021-01183-x>.

Salamanca-Sanabria A., Castro O., Alattas A., Teepe G., Leidenberger K., Fleisch E., Tudor Car L., Müller-Riemenschneider F., Kowatsch T. (2022) Top-funded Companies Offering Digital Health Interventions for the Prevention and Treatment of Depression: A Systematic Market Analysis. *Journal of Medical Internet Research*, 1–31 [<https://preprints.jmir.org/preprint/40754>] (дата обращения: 20.04.2023).

Sandell R., Clinton D., Frövenholt J., Bragesjö M. (2011) Credibility Clusters, Preferences, and Helpfulness Beliefs for Specific Forms of Psychotherapy. *Psychology and Psychotherapy: Theory, Research and Practice*, 84(4): 425–441. <https://doi.org/10.1111/j.2044-8341.2010.02010.x>.

Seifert A., Reinwand D.A., Schlomann A. (2019) Designing and Using Digital Mental Health Interventions for Older Adults: Being Aware of Digital Inequality. *Frontiers in Psychiatry*, 10: 1–4. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2019.00568>.

Susman K. (2021) Between the Tiles: The Psychology of the Virtual Room. Appropriating and Subverting the Digital Sphere for Authentic and Meaningful Encounter. *Person-Centered & Experiential Psychotherapies*, 20(4): 327–344. <https://doi.org/10.1080/14779757.2021.1938180>.

Sussman N., DeJong S.M. (2018) Ethical Considerations for Mental Health Clinicians Working with Adolescents in the Digital Age. *Current Psychiatry Reports*, 20(12): 1–8. <https://doi.org/10.1007/s11920-018-0974-z>.

Swift J.K., Callahan J.L. (2010) A Delay Discounting Model of Psychotherapy Termination. *International Journal of Behavioral Consultation and Therapy*, 5(3–4): 278–293.

Thomas M., Crabtree M., Janvier D., Craner W., Zechner M., Bussian L.B. (2022) Bridging Religion and Spirituality with Gestalt Psychotherapy to Improve Clinical Symptoms: Preliminary Findings Using Gestalt Pastoral Care. *Psychotherapy*, 59(3): 400–404. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/pst0000425>.

Weber J.J., Solomon M., Bachrach H.M. (1985) Characteristics of Psychoanalytic Clinic Patients: Report of the Columbia Psychoanalytic Center Research Project: I. *International review of psychoanalysis*, 12(1): 13–26.

Wyngaerden F., Tempels M., Feys J. L., Dubois V., Lorant V. (2020) The Personal Social Network of Psychiatric Service Users. *International Journal of Social Psychiatry*, 66(7): 682–692. <https://doi.org/10.1177/0020764020927447>.

Yamada A.M., Lukoff D., Lim C.S., Mancuso L.L. (2020) Integrating spirituality and mental health: Perspectives of adults receiving public mental health services in California. *Psychology of Religion and Spirituality*, 12(3): 276–287. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/rel0000260>.

Young L. (2022) Counselling Students' Responses to Conducting Role-Play Activities Online: An Evaluation of Msc University Students. *Counselling and Psychotherapy Research*, 22(3): 678–688. <https://doi.org/10.1002/capr.12487>.

Zeithaml V.A. (1988) Consumer Perceptions of Price, Quality, and Value: A Means-End Model And Synthesis of Evidence. *Journal of Marketing*, 52(3): 2–22. <https://doi.org/10.1177/002224298805200302>.

Источники

Тинькофф Журнал. 11 способов получить помощь психолога бесплатно [<https://journal.tinkoff.ru/short/free-therapy/>] (дата обращения: 22.04.2023).

MOS.ru. Как получить психологическую помощь [<https://www.mos.ru/otvet-zdorovie/kak-poluchit-psihologicheskuyu-pomosch/>] (дата обращения: 20.04.2023).

Ogon. Как это устроено: онлайн-психотерапия в России. Какие есть сервисы, чем отличаются от зарубежных и что по ценам [<https://ogon.ru/news/13377-kak-eto-ustroeno-onlayn-psihoterapiya-v-rossii-kakie-est-servisy-chem-otlichayutsya-ot-zarubezhnyh-i-chto-po-cenam>] (дата обращения: 20.04.2023).

FACTORS OF TRUST TO DIGITAL MENTAL HEALTH PLATFORMS: LITERATURE REVIEW¹

Oxana R. Mikhaylova (oxanamikhailova@gmail.com),
Elizaveta V. Fomicheva (lisssa16fl@gmail.com),
Zhasmin Zhyrgalbek kzy (zhzhhyrgalbekkzy@edu.hse.ru)

HSE University, Moscow, Russia

Citation: Mikhaylova O.R., Fomicheva E.V., Zhyrgalbek kzy Zh. Faktory doveriya tsifrovym platformam okazaniya psikhologicheskoy pomoshchi: obzor literatury [Factors of trust to digital mental health platforms: literature review]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(2): 179–210 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.2.7>. EDN: FKXAYW

Abstract. During recent decades, there has been a steady increase of interest in services and products aimed at providing psychological assistance, especially through digital services and devices. Therefore, there is a need for a sociological analysis of the effects exerted on the dynamics of social life by such a rapid increase in the popularity of digitalized psychological assistance services among the population. At the moment, there are English-language and Russian-language reviews of the scientific literature devoted to the study of consumer experience in the use of digital applications for the provision of psychological assistance and social impact programs with digital elements. However, there are practically no review papers that reveal such experiences in connection with the use of digital platforms for the provision of psychological assistance (DPPP) such as “Yasno”, “Zigmund.Online”. This literature review focuses on the factors that determine trust in these platforms. Based on the analysis of 60 most recent and cited scientific publications on the topic of customer experience using the DPPP for 2020–2023 it was found that the level of trust (that is, experience of use, current use or willingness to use if necessary) is affected by the client: 1) personality traits, 2) age, 3) economic status, 4) attitude towards the provision of professional psychological assistance, including through technical means, 5) digital literacy; from the side of the platform: 6) the quality of software, customer service and algorithms for selecting specialists. The influence of other factors has a mixed, not fully clarified character. Due to the fact that there are practically no comprehensive multivariate studies with moderation and mediation, it is difficult to assume how trust factors correlate with each other. Despite the extensive representation in scientific publications of studies related to the trust of users from vulnerable groups of the population, still not all groups were covered by the studies. Thus, future studies of the DPPP will likely focus on building multivariate models to explain customer trust in the DPPP, as well as cover more users from vulnerable social groups. It should also be considered that the market for digital services on mental health

¹ This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

issues is in development, and, accordingly, in the future, the number of forms of providing psychological assistance using technological means may increase, the latter will lead to the emergence of new questions about trust in newly invented and traditional forms of online counseling.

Keywords: digital mental health platforms, online therapy, online psychotherapy, teletherapy, trust.

References

- Aguirre Velasco A., Satna Cruz I.S., Billings J., Jimenez M., Rowe S. (2020) What are the Barriers, Facilitators and Interventions Targeting Help-Seeking Behaviours for Common Mental Health Problems in Adolescents? A Systematic Review. *BMC Psychiatry*, 20(1): 1–22. <https://doi.org/10.1186/s12888-020-02659-0>.
- Agarkov V.A., Bronfman S.A. (2013) Ozhidaniya patsiyentov v otnoshenii psikhoterapii [Patients' Expectations Regarding Psychotherapy]. *Psikhicheskoye zdorov'ye* [Mental Health], 11(87): 52–60 [<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20260517>] (accessed: 03.05.2023) (in Russian).
- Agarkov V.A., Bronfman S.A., Sherina T.F., Gurtovenko I.Y. (2014) Vliyaniyeotsial'no-psikhologicheskikh faktorov i osobennostey kul'tury na ozhidaniya rossiyskikh patsiyentov ot psikhoterapii [The Influence of Socio-Psychological Factors and Cultural Characteristics on the Expectations of Russian Patients from Psychotherapy]. *Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologiy* [Bulletin of New Medical Technologies], 1: 204–212. <http://doi.org/10.12737/7224> (in Russian).
- Antonova N.A., Yeritsyan K.Y., Kazantseva T.V., Dubrovskiy R.G. (2022) Bar'yery i fasilitatory obrashchayemosti za psikhologicheskoy pomoshch'yu v sisteme obshchego obrazovaniya [Barriers and Facilitators of Seeking Psychological Help in the System of General Education]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye* [Psychological science and education], 27(4): 77–87. <http://doi.org/10.17759/pse.2022270408> (in Russian).
- Antonova N.A., Yeritsyan K.Y., Tsvetkova L.A. (2021) Zaproso na psikhologicheskuyu pomoshch studentov pedagogicheskogo vuza [Request for Psychological Help from Students of a Pedagogical University]. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii* [Human Psychology in Education], 3(2): 208–217. <http://doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-2-208-217> (in Russian).
- Aziz M., Erbad A., Belhaouari S. B., Almourad M. B., Altuwairiqi M., Ali R. (2022) Who Uses Mhealth? User Archetypes for Physical and Mental Health Apps. *Digital Health*, 9: 1–16. <https://doi.org/10.1177/20552076231152175>.
- Balcombe L., Leo D.D. (2021) Digital Mental Health Challenges and the Horizon Ahead for Solutions. *JMIR Mental Health*, 8(3): 1–11. <https://doi.org/10.2196/26811>.
- Bargh J.A., McKenna K.Y., Fitzsimons G.M. (2002) Can you See the Real Me? Activation and Expression of the “True Self” on the Internet. *Journal of Social Issues*, 58(1): 33–48. <https://doi.org/10.1111/1540-4560.00247>.
- Bell I.H., Thompson A., Valentine L., Adams S., Alvarez-Jimenez M., Nicholas J. (2022) Ownership, Use of, and Interest in Digital Mental Health Technologies Among Clinicians and Young People Across a Spectrum of Clinical Care Needs: Cross-Sectional Survey. *JMIR Mental Health*, 9(5): 1–15. <http://dx.doi.org/10.2196/30716>.

Bennion M.R., Hardy G., Moore R.K., Millings A. (2017) E-Therapies in England For Stress, Anxiety or Depression: What is Being Used in the NHS? A Survey of Mental Health Services. *BMJ Open*, 7(1): 1–9. <http://dx.doi.org/10.1136/bmjopen-2016-014844>.

Bian S., Miller J. (2020) Online Psychological Counseling: Is it Really Effective [<http://fycjournal.ucdavis.edu/wp-content/uploads/2021/01/Online-Psychological-Counseling.pdf>] (accessed: 04.05.2023).

Binik Y.M., Cantor J., Ochs E., Meana M. (1997) From the couch to the keyboard: Psychotherapy in cyberspace. In: Kiesler S. (ed.) *Culture of the Internet*. Mahwah, N.J.: Erlbaum: 71–100.

Borghouts J., Eikey E., Mark G., De Leon C., Schueller S. M., Schneider M.; Nicole S., Kai Z., Mukamel D., Sorkin D.H. (2021) Barriers to and Facilitators of User Engagement with Digital Mental Health Interventions: Systematic Review. *Journal of Medical Internet Research*, 23(3): 1–29. <https://doi.org/10.2196/24387>.

Bowman S., Nic Giolla Easpaig B., Fox R. (2020) Virtually caring: a qualitative study of internet-based mental health services for LGBT young adults in rural Australia. *Rural Remote Health*, 20(1): 1–8. <https://doi.org/10.22605/rrh5448>.

Bragina M.S. (2021) Pravoslavnyy psikholog na prikhode [Orthodox Psychologist in the Parish. *Tserkov' i meditsina* [Church and Medicine], 1(20): 132–136 (in Russian).

Brown P., Calnan M., Scrivener A., Szmukler G. (2009) Trust in Mental Health Services: A neglected concept. *Journal of Mental Health*, 18(5): 449–458. <https://doi.org/10.3109/09638230903111122>.

Bykova O.E. (2021) Kontseptsiya doveriya Petra Shtompki [The concept of trust by Peter Sztompka]. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society], 2 (99): 119–134 (in Russian).

Byron P., Rasmussen S., Wright Toussaint D., Lobo R., Robinson K.H., Paradise B. (2017) 'You Learn from Each Other': LGBTIQ Young People's Mental Health Help-seeking and the RAD Australia Online Directory. Western Sydney University Young and Well Cooperative Research Centre, Sydney [<http://handle.westernsydney.edu.au:8081/1959/7/uws:38815>] (accessed: 04.05.2023).

Classen B., Tudor K., du Preez E., Day E., Ioane J., Rodgers B. (2021) An Integrative Review of Contemporary Perspectives on Videoconference-Based Therapy — Prioritizing Indigenous and Ethnic Minority Populations in the Global South. *Journal of Technology in Behavioral Science*, 6(3): 545–558. <https://doi.org/10.1007/s41347-021-00209-3>.

Cook B.L., Shu-Yeu Hou S., Lee-Tauler S. Y., Progovac A.M., Samson F., Sanchez M.J. (2019) A Review of Mental Health and Mental Health Care Disparities Research: 2011–2014. *Medical Care Research and Review*, 76(6): 683–710. <https://doi.org/10.1177/1077558718780592>.

Davis J.A., Ohan J.L., Gibson L.Y., Prescott S.L., Finlay-Jones A.L. (2022) Understanding Engagement in Digital Mental Health and Well-being Programs for Women in the Perinatal Period: Systematic Review Without Meta-analysis. *Journal of Medical Internet Research*, 24(8): 1–20. <https://doi.org/10.2196/36620>.

Derr A.S. (2016) Mental Health Service Use Among Immigrants in the United States: A Systematic Review. *Psychiatric Services*, 67(3): 265–274. <https://doi.org/10.1176/appi.ps.201500004>.

Dever Fitzgerald T., Hunter P.V., Hadjistavropoulos T., Koocher G.P. (2010) Ethical and Legal Considerations for Internet-Based Psychotherapy. *Cognitive Behaviour Therapy*, 39(3): 173–187. <https://doi.org/10.1080/16506071003636046>.

Dunn K., Wilson J. (2021) When Online and Face to Face Counseling Work Together: Assessing the Impact of Blended or Hybrid Approaches, Where Clients Move Between Face-To-Face And Online Meetings. *Person-Centered & Experiential Psychotherapies*, 20(4): 312–326. <https://doi.org/10.1080/14779757.2021.1993970>.

Fletcher-Tomenius L., Vossler A. (2009) Trust in Online Therapeutic Relationships: The Therapist's Experience. *Counselling Psychology Review*, 24(2): 24–34.

Freick N.W. (2002) Kontseptsiya doveriya v issledovaniyakh P. Shtompki [Peter Sztompka. Trust: a sociological theory]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 2(3): 30–41.

Frövenholt J., Bragesjö M., Clinton D., Sandell R. (2007) How do Experiences of Psychiatric Care Affect the Perceived Credibility of Different Forms of Psychotherapy? *Psychology and Psychotherapy: Theory, Research and Practice*, 80(2): 205–215.

Gaebel W., Muijen M., Baumann, A.E., Bhugra D., Wasserman D., van der Gaag R.J., Heun R., Zielasek. J. (2014) EPA Guidance on Building Trust in Mental Health Services. *European Psychiatry*, 29(2): 83–100. <http://dx.doi.org/10.1016/j.eurpsy.2014.01.001>.

Gough B., Novikova I. (2020) Mental Health, Men and Culture: How Do Socio-cultural Constructions of Masculinities Relate to Men's Mental Health Help-Seeking Behaviour in the WHO European Region? Technical Report. WHO [<https://eprints.leedsbeckett.ac.uk/id/eprint/7159/>] (accessed: 20.04.2023).

Grant M.J., Booth A. (2009) A Typology of Reviews: An Analysis of 14 Review Types and Associated Methodologies. *Health Information & Libraries Journal*, 26(2): 91–108. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1471-1842.2009.00848.x>.

Green H.D., Pescosolido B.A. (2023) Social Pathways to Care: How Community-Based Network Ties Shape the Health Care Response of Individuals with Mental Health Problems. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*, 1–12. <https://doi.org/10.1007/s00127-023-02476-2>.

Harerimana B., Forchuk C., O'Regan T. (2019) The use of Technology for Mental Healthcare Delivery among Older Adults with Depressive Symptoms: A Systematic Literature Review. *International journal of mental health nursing*, 28(3): 657–670. <https://doi.org/10.1111/inm.12571>.

Harrison L., Wright J. (2020) The Experiences of Person-Centered Counsellors Working with Suicidal Clients Online Through the Medium of Text. *British Journal of Guidance & Counselling*, 48(4): 576–591. <https://doi.org/10.1080/03069885.2020.1742873>.

Heath C., Luff P. (1992) Media Space and Communicative Asymmetries: Preliminary Observations of Video-Mediated Interaction. *Human-Computer Interaction*, 7(3): 315–346.

Hodges J.C., Calvo R. (2023) Teleservices Use Among Latinx Immigrant Families During the Covid-19 Pandemic. *Children and Youth Services Review*, 145: 1–8. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2022.106778>.

Ivanov V.G., Lazareva E.Y. (2019) Chto lezhit v osnove obrashcheniya kliyenta za psikhologicheskoy pomoshch'yu v onlayn-forme? [What is the Basis of a Client's Request

for Psychological Help in an Online Form?]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii* [Medical Psychology in Russia], 1: 1–6 <http://doi.org/10.24411/2219-8245-2019-11070> (in Russian).

Kaihlalanen A.M., Virtanen L., Buchert U., Safarov N., Valkonen P., Hietapakka L., Hörhammer I., Kujala S., Kouvonen A., Heponiemi T. (2022) Towards Digital Health Equity — A Qualitative Study of The Challenges Experienced by Vulnerable Groups in Using Digital Health Services in the COVID-19 Era. *BMC Health Services Research*, 22(1): 1–12. <https://doi.org/10.1186/s12913-022-07584-4>.

Kallergis G. (2019) The Contribution of The Relationship Between Therapist-Patient and the Context of the Professional Relationship. *Psychiatrike = Psychiatriki*, 30(2): 165–174. <https://doi.org/10.22365/jpsych.2019.302.165>.

Kiely K.M., Brady B., Byles J. (2019) *Gender, Mental Health and Ageing. Maturitas*, 129: 76–84. <https://doi.org/10.1016/j.maturitas.2019.09.004>.

Kim S.B., Lee Y.J. (2022) Factors Associated with Mental Health Help-Seeking among Asian Americans: A Systematic Review. *Journal of Racial and Ethnic Health Disparities*, 9(4): 1276–1297. <https://doi.org/10.1007/s40615-021-01068-7>.

Kochiunas R. (2010) *Psikhologicheskoye konsul'tirovaniye. Gruppovaya psikhoterapiya* [Psychological counseling. Group psychotherapy]. Moscow: Academic Project (in Russian).

Kottler D. (2002) *Sovershennyy psikhoterapevt. Rabota s trudnymi kliyentami* [The perfect psychotherapist. Working with difficult clients]. St. Petersburg: Peter (in Russian).

Lambert M.J. (1992). Implications of Outcome Research for Psychotherapy Integration. v Norcross, JC in Goldstein, MR (ur.) *Handbook of Psychotherapy Integration*.

Lattie E.G., Stiles-Shields C., Graham A.K. (2022) An Overview of and Recommendations for More Accessible Digital Mental Health Services. *Nature Reviews Psychology*, 1(2): 87–100. <https://doi.org/10.1038/s44159-021-00003-1>.

Legostaeva M.V. (2011) O meste pravoslavnoy psikhoterapii v preodolenii nevroticheskikh rasstroystv [On the place of Orthodox Psychotherapy in Overcoming Neurotic Disorders]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Consultative Psychology and Psychotherapy], 19(3): 67–96 (in Russian).

Lippke S., Gao L., Keller F.M., Becker P., Dahmen A. (2021) Adherence with Online Therapy vs Face-to-Face Therapy and With Online Therapy vs Care as Usual: Secondary Analysis of Two Randomized Controlled Trials. *Journal of Medical Internet Research*, 23(11): 1–19. <https://doi.org/10.2196/31274>.

Lustgarten S.D., Garrison Y.L., Sinnard M.T., Flynn A.W. (2020) Digital Privacy in Mental Healthcare: Current Issues and Recommendations for Technology Use. *Current Opinion in Psychology*, 36: 25–31. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2020.03.012>.

Morgan A.A., Landers A.L., Simpson J.E., Russon J. M., Case Pease J., Dolbin-MacNab M.L., Bland K.N., Jackson, J.B. (2021) The Transition to Teletherapy in Marriage and Family Therapy Training Settings During COVID-19: What Do the Data Tell Us? *Journal of Marital and Family Therapy*, 47(2): 320–341. <https://doi.org/10.1111/jmft.12502>.

Norwood C., Moghaddam N.G., Malins S., Sabin-Farrell R. (2018) Working Alliance and Outcome Effectiveness in Videoconferencing Psychotherapy: A Systematic Review and Noninferiority Meta-Analysis. *Clinical Psychology & Psychotherapy*, 25(6): 797–808. <https://doi.org/10.1002/cpp.2315>.

Nuttman-Shwartz O., Shaul K. (2021) Online Therapy in a Shared Reality: The Novel Coronavirus as a Test Case. *Traumatology*, 27(4): 365–374. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/trm0000334>.

Rasche P., Wille M., Bröhl C., Theis S., Schäfer K., Knobe M., Mertens A. (2018) Prevalence of Health App Use Among Older Adults in Germany: National Survey. *JMIR mHealth and uHealth*, 6(1): 1–11. <https://doi.org/10.2196/mhealth.8619>.

Roberts T., Miguel Esponda G., Krupchanka D., Shidhaye R., Patel V., Rathod S. (2018) Factors Associated with Health Service Utilisation for Common Mental Disorders: A Systematic Review. *BMC Psychiatry*, 18(262): 1–19. <https://doi.org/10.1186/s12888-018-1837-1>.

Rodgers B., Tudor K., Ashcroft A. (2021) Online Video Conferencing Therapy and the Person-Centered Approach in the Context of a Global Pandemic. *Person-Centered & Experiential Psychotherapies*, 20(4): 286–302. <https://doi.org/10.1080/14779757.2021.1898455>.

Rodgers B., Tudor K., Sutherland A. (2022) An Integrative Review of The Person-Centered and Experiential Therapy Literature on Delivering Individual Video Counselling and Psychotherapy. *Counselling and Psychotherapy Research*, 1–11. <https://doi.org/10.1002/capr.12600>.

Sagar-Ouriaghli I., Godfrey E., Bridge L., Meade L., Brown J.S. (2019) Improving Mental Health Service Utilization Among Men: A Systematic Review and Synthesis of Behavior Change Techniques Within Interventions Targeting Help-Seeking. *American journal of men's health*, 13(3): 1–18. <https://doi.org/10.1177/1557988319857009>.

Salam Z., Odenigbo O., Newbold B., Wahoush O., Schwartz L. (2022) Systemic and Individual Factors That Shape Mental Health Service Usage Among Visible Minority Immigrants and Refugees in Canada: A Scoping Review. *Administration and Policy in Mental Health and Mental Health Services Research*, 49(4): 552–574. <https://doi.org/10.1007/s10488-021-01183-x>.

Salamanca-Sanabria A., Castro O., Alattas A., Teepe G., Leidenberger K., Fleisch E., Tudor Car L., Müller-Riemenschneider F., Kowatsch T. (2022) Top-funded Companies Offering Digital Health Interventions for the Prevention and Treatment of Depression: A Systematic Market Analysis. *Journal of Medical Internet Research*, 1–31 [<https://preprints.jmir.org/preprint/40754>] (accessed: 20.04.2023).

Sandell R., Clinton D., Frövenholt J., Bragesjö M. (2011) Credibility Clusters, Preferences, and Helpfulness Beliefs for Specific Forms of Psychotherapy. *Psychology and Psychotherapy: Theory, Research and Practice*, 84(4): 425–441. <https://doi.org/10.1111/j.2044-8341.2010.02010.x>.

Seifert A., Reinwand D.A., Schlomann A. (2019) Designing and Using Digital Mental Health Interventions for Older Adults: Being Aware of Digital Inequality. *Frontiers in Psychiatry*, 10: 1–4. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2019.00568>.

Susman K. (2021) Between the Tiles: The Psychology of the Virtual Room. Appropriating and Subverting the Digital Sphere for Authentic and Meaningful Encounter. *Person-Centered & Experiential Psychotherapies*, 20(4): 327–344. <https://doi.org/10.1080/14779757.2021.1938180>.

Sussman N., DeJong S.M. (2018) Ethical Considerations for Mental Health Clinicians Working with Adolescents in the Digital Age. *Current Psychiatry Reports*, 20(12): 1–8. <https://doi.org/10.1007/s11920-018-0974-z>.

Swift J.K., Callahan J.L. (2010) A Delay Discounting Model of Psychotherapy Termination. *International Journal of Behavioral Consultation and Therapy*, 5(3–4): 278–293.

Thomas M, Crabtree M, Janvier D, Craner W, Zechner M, Bussian L.B. (2022) Bridging Religion and Spirituality with Gestalt Psychotherapy to Improve Clinical Symptoms: Preliminary Findings Using Gestalt Pastoral Care. *Psychotherapy*, 59(3): 400–404. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/pst0000425>.

Vorobyeva A., Skipor S. (2021) Faktory i kharakteristiki otnosheniya kliyentov psikhologa k onlayn-konsul'tirovaniyu na fone pandemii COVID-19 [Factors and Characteristics of the Psychologist's Clients' Attitude to Online Counseling against the Background of the COVID-19 Pandemic]. In: *Vliyaniye pandemii na lichnost' i obshchestvo: psikhologicheskiye mekhanizmy i posledstviya* [The Impact of the Pandemic on the Individual and Society: Psychological Mechanism and Consequences. Moscow: Publishing house of the Russian Academy of Psychological Science]: 358–381. http://doi.org/10.38098/fund_21_0442_12 (in Russian).

Weber J.J., Solomon M., Bachrach H.M. (1985) Characteristics of Psychoanalytic Clinic Patients: Report of the Columbia Psychoanalytic Center Research Project: I. *International review of psychoanalysis*, 12(1): 13–26.

Wyngaerden F., Tempels M., Feys J.L., Dubois V., Lorant V. (2020) The Personal Social Network of Psychiatric Service Users. *International Journal of Social Psychiatry*, 66(7): 682–692. <https://doi.org/10.1177/0020764020927447>.

Yamada A.M., Lukoff D., Lim C.S., Mancuso L.L. (2020). Integrating spirituality and mental health: Perspectives of adults receiving public mental health services in California. *Psychology of Religion and Spirituality*, 12(3): 276–287. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/rel0000260>.

Young L. (2022) Counselling Students' Responses to Conducting Role-Play Activities Online: An Evaluation of Msc University Students. *Counselling and Psychotherapy Research*, 22(3): 678–688. <https://doi.org/10.1002/capr.12487>.

Zeithaml V.A. (1988) Consumer Perceptions of Price, Quality, and Value: A Means-End Model and Synthesis of Evidence. *Journal of Marketing*, 52(3): 2–22. <https://doi.org/10.1177/002224298805200302>.

ФАКТОРЫ И ПРЕДИКТОРЫ ОБРАЩЕНИЯ ЗА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩЬЮ В РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Сергей Ткач (s.tkach@spbu.ru),

Ольга Игоревна Бурдина,

Вероника Александровна Одинокова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Ткач С., Бурдина О.И., Одинокова В.А. Факторы и предикторы обращения за психологической помощью в религиозные организации. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(2): 211–232.

<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.2.8>. EDN: DZISAS

Аннотация. Рассматривается влияние различных факторов на обращаемость за психологической помощью к представителям официальных религий. Среди них вера в магию, астрологию, опыт обращения за психологической помощью к представителям традиционной психотерапии, отношение знакомых к терапии, социально-демографические факторы. В качестве теоретической основы работы выступает многокомпонентная модель когнитивных констелляций и теория многоликого христианства Р. Коллинза. Объектом исследования выступают факторы обращения к религии (вера в сверхъестественное, наличие опыта обращения к психотерапевтам, положительное отношение к психотерапии со стороны знакомых и социально-демографические факторы), предметом исследования — взаимосвязь перечисленных факторов с обращением к религиозным организациям. Выборочная совокупность составила 1200 респондентов, репрезентативная для Санкт-Петербурга по полу и возрасту. Цель исследования — установить, как вера в магию, астрологию, опыт обращения за психологической помощью к представителям традиционной психотерапии, отношение знакомых к терапии, социально-демографические факторы влияют на факт обращения за психологической помощью к представителям официальных религий. Данные, полученные в рамках анкетного опроса, проанализированы при помощи регрессионной модели наименьших квадратов. В качестве зависимой переменной выступала ранговая шкала обращения за психологической помощью в религиозные организации. Согласно результатам, можно отметить зависимость положительного опыта обращения к психотерапевтам и склонности обращаться к религиозным организациям. Полученные выводы возобновили дискуссию о религиозной или мистической природе психотерапии. Наши результаты не затрагивают научность/паранаучность самих оснований психотерапии, однако они раскрывают связь общественных представлений в этом вопросе. Природа связи в сознании россиян психотерапии и религиозных практик видится авторам направлением для дальнейших исследований. Также полученные результаты могут послужить рекомендациями для разработки психотерапевтических программ и методик, учитывающих фактор религиозности в работе.

Ключевые слова: теория констелляций, психотерапия, религиозность, вера в сверхъестественное, факторы обращения за психологической помощью.

Введение

Пандемия COVID-19 сильно повлияла на общее психологическое благополучие россиян (Володина и др. 2022): люди чаще стали испытывать тревогу (Якшимбетова и др. 2022), депрессивные состояния (Камхен и др. 2021), иные расстройства настроения. Однако одновременно с ростом обращения к традиционным формам оказания психологической помощи (Абдуллин и др. 2023) мы наблюдаем также возросший интерес россиян к религиозным организациям. Под религиозными организациями мы будем понимать учреждения, относящие себя к организованным формам религии. «На фоне роста религиозных настроений в обществе в последние годы выросла доля россиян, которые регулярно, минимум раз в месяц, посещают церковь (мечеть, синагогу). Если в 2012 г. таких было 7 %, то в наши дни — 15 %, в два раза больше» (ВЦИОМ 2023). Эти изменения являются частью современных трансформационных движений отношения к религии и ее роли в жизни человека. Цифровизация (Шишигина 2022), инструментализация цифровых практик сопровождаются новым взглядом на религию и новой религиозностью (Гаврилова, Попова 2022), в которой строго каноническое знание оказывается переплетенным с магическими ритуалами, доказательной психотерапией и бытовыми взглядами. Это явление требует всестороннего теоретического и эмпирического рассмотрения со стороны научного сообщества, как в ключе факторов, которые влияют на обращения в религиозные организации, так и в ключе их взаимосвязи с верой в сверхъестественные силы и отношения к традиционной психологической помощи.

Литературный обзор

Исследовательский интерес к трансграничной тематике психологической помощи, религиозных воззрений и веры в сверхъестественное возникает в социологии во второй половине XX в. с исследований сообществ нью-эйдж-психологии. И. Тэйлор в своей монографии показывает, что культура, объединяющая в себе академическую психологию и веру в сверхъестественное, сформировалась в контркультурном движении 1960-х годов. Это движение, будучи глубоко социальным явлением, включало в себя представителей континентальной философской традиции (особенно философии психоанализа) в американской академии, антивоенном движении и заключалось в возросшем интересе к достиже-

ниям органического синтеза в химии (Taylor 1999). Широкая поддержка движения в различных интеллектуальных кругах распространило его идеи далеко за пределы изначальных субкультурных рамок, сделав элементом практик повседневности самых разных людей. Осознанная медитация, программа «12 шагов», акупунктура и другие современные элементы культуры, отмечает Тэйлор, также являются наследием движения. В. Ханеграаф пишет, что корни этого движения обнаруживаются еще в оккультных практиках середины XIX в., объединивших в себе веру в спиритуализм и интерес к психологии. Ханеграаф замечает, что культуру синтеза психологии и веры в сверхъестественное можно называть «новыми старыми религиями», так как в их основе лежат канонические представления о христианстве: бессмертная душа, эсхатологические сюжеты, концепция греха и др. Также многие знаковые представители этого движения открыто позиционировали себя христианами (Hanegraaff 1997). П. Витз пишет, что в массовом сознании психология ассоциируется с идеями К. Юнга, А. Маслоу, Э. Фромма, К. Роджерса, Р. Мэйа. Содержание теорий этих авторов и то, как это содержание преломилось в общественном представлении, сделали психологию и психотерапию комплементарными религии. Психология, как и религия, стала играть эпистемическую, эвристическую и деонтологическую роль в жизни людей (Vitz 1994). Т. Сшас идет дальше, обнаруживая в философском метафорическом ядре психотерапии те же элементы, какие мы ожидаем увидеть в религиозном учении. Исследователь пишет, что метод и школа психотерапии представляют собой систему теоретической и прикладной этики, выраженную в терминах болезни, здоровья и лечения. Психотерапевт скорее отражает личность, ценности и устремления основателей методической школы, которую он представляет (Szasz 1974). О тематической общности психотерапии и религии также пишут М. Мидеу (Meadow 1986) Г. Кёниг и Дж. Притчетт (Koenig, Pritchett 1998), А. Бёргин (Bergin 1980).

Среди социологических исследований связи религии и психотерапии можно выделить несколько центральных концепций: рациональный выбор религии, религиозная конверсия, секулярная теория религии, функциональная теория религии. Секулярная теория исходит из допущения о преходящей роли религии в истории: религия когда-то возникла и обязательно исчезнет. Здесь справедливо привести образ *Grand Etre*, под которым О. Конт понимал общество и которому должны начать поклоняться люди вместо поклонения богу в религии (Корсаков 2012). М. Вебер выражает эту мысль в концепции «расколдовывания», где современное индустриальное общество постепенно демистифицирует образ мира, наполняя его научными объяснениями некогда религиозных

явлений (Хабермас, Тягунова 2010). Психотерапия здесь как основанная на научной рациональной психологии должна вытеснять религиозное мировоззрение. Наиболее явно этот вердикт выносит З. Фрейд в своей работе «Будущее одной иллюзии» (Фрейд 1989). Кризис секулярной теории, как пишет Е. Руткевич, наступает при более пристальном рассмотрении эмпирических данных американского общества, которые слабо согласуются с ситуацией в Европе. Разнообразие возможных конфессий и учений, а также близость их моральных оснований, делают возможным выбор религии. Процесс такого выбора оказывается хорошо объяснимым в рамках концепции рационального выбора. Общим для новой парадигмы рассмотрения религии оказывается представление о церквях как о коммерческих организациях, которые борются на рынке религии за спрос со стороны населения (Руткевич 2013). В нашем обзоре этот поворот к новой парадигме позволяет рассматривать психотерапию и религию не как антагонистичные, а как комплементарные явления. Здесь стоит упомянуть эквивалентную функциональность М. Вольраб-Сар, обстоятельно изложенную в рукописи В. Исаевой (Исаева 2014). Обращению к психотерапии, как правило, предшествует возникновение какой-либо проблемы и/или депривация (социальная лишенность, ограничение). Религиозная практика и психотерапия представляют эквивалентные функции утешения, структурирования мировоззрения, социализации, а потому могут рассматриваться людьми как возможные эквивалентные пути решения существующих в жизни проблем. Другим важным аргументом в пользу рассмотрения в едином объекте исследования психотерапии и религиозных практик являются общественные изменения, схваченные оптикой социологии духовности — возникновение и распространение неопределенной религиозности, о которой пишут Д. Воас и А. Кроккетт. Между строгим канонем религиозных учений и психотерапией возникают и получают широкое распространение множество духовных практик, которые могут быть отнесены как к психотерапии, так и к религии, как бы размывая для социологов границу между ними (Voas, Crockett 2005).

Приведенные работы демонстрируют явный и прочный фундамент связи практик психотерапии и религиозных практик: исторически в организации самого религиозного и психотерапевтического знания, а также в области затрагиваемых тематик. Однако все еще актуальным остается вопрос, насколько обнаруживаемый фундамент оказался устойчив со временем, насколько в современном обществе психотерапия оказывается связанной с религиозностью и какие факторы способствуют обращению за психологической помощью в религиозные организации.

Методология

Религиозность как явление социальной жизни пронизывает множество ее граней: экономическое благополучие, феноменологию повседневности, ценностные ориентации и другие аспекты. Р. Коллинз на примере североамериканского христианства демонстрирует, что внутреннее целостное верование, построенное на единой системе канонических текстов и обычаев, расслаивается на независимые системы взглядов, замкнутые внутри экономических классов, как их называет сам Р. Коллинз. Наиболее бедные группы населения используют религию инструментально: они регулярно обращаются к богу для помощи в бытовых делах. Для среднего класса религия меньше связана с конкретными ритуалами и выступает предметом метафизической рефлексии или моральным нарративом. Наиболее обеспеченные классы используют религию как элемент легитимации общественного устройства: богатство и положение в обществе им видятся дарованными богом, а потому справедливыми (Collins 1994). Саму идею о такой связи между религией и классами Р. Коллинз берет у М. Вебера. Однако впоследствии он ее дополняет собственным осмыслением ритуала, где подробнее (среди прочих элементов) рассматривает связь инструментальных религиозных ритуалов и низкого финансового благополучия (Collins 2004). К сходным выводам приходят представители депривационной теории в религии. Под депривацией понимается остро переживаемое чувство обделенности человека в чем-либо в сравнении с другими (Яковлева 2015). Выходом из такой позиции может служить обращение к религии.

В социологических работах о религии и ее проявлениях в жизни людей заслуживают внимания констелляционные теории эмпирической традиции американской социологии. В них религиозные взгляды понимаются как элементы устоявшихся и плотно связанных констелляций из идей. То, какую форму примут религиозные воззрения, оказывается элементом более глубоких структур, неизменных на протяжении всей жизни и передаваемых по наследству (Funk et al. 2013). Причем эти структуры одинаково влияют и на религиозность, и на веру в сверхъестественное, и на политические убеждения (Hornsey et al. 2016), и даже на вкусовые предпочтения (Ruisch et al. 2020). Отсюда, например, мы можем предположить, что инструментальное понимание религии в терминологии Р. Коллинза будет находиться в одной констелляции с верой в астрологию, домовых, привидений и другие проявления сверхъестественного.

Кроме компонентов нашей теоретической модели финансового благополучия и веры в сверхъестественное, интересным также видится компо-

нент о связи между психологической помощью и религиозностью. Существуют различные пути, которые может принимать мысль, когда выстраивает логическую цепочку доказательства. Такие цепочки будут отличаться по своей форме в зависимости от когнитивного стиля, как об этом писал А. Шютц (Schutz 1990). Например, форма доказательства через теорему и доказательства через божественное откровение в нашей теоретической модели будут отличаться лишь когнитивным стилем самого процесса доказательства, но восприниматься они будут внутри разных когнитивных стилей как равно достоверные. Как показано в работе И. Бьянки (Bianchi 1989), мы можем предполагать синонимичность когнитивных стилей психологии и религиозных учений. По этим причинам мы можем сформулировать гипотезу, что для людей, которые находят психологию заслуживающей доверия, религиозные воззрения также будут заслуживать доверия.

Изложенные теоретические позиции могут быть структурировано представлены в схематической теоретической модели исследования (рис. 1).

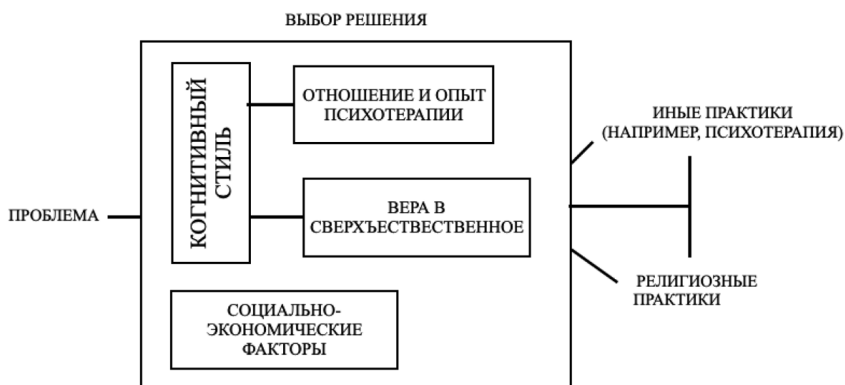

Рис. 1. Теоретическая модель исследования

Обращению за помощью, как правило, предшествует какая-либо проблема или состояние депривации у человека. На выбор принимаемого решения, к кому обратиться, влияет ряд факторов. Мы сконцентрируем свое внимание на когнитивном стиле человека и социально-экономических факторах. Когнитивный стиль в повседневности будет выражаться в конкретных установках о психотерапии, религии, сверхъестественном. Человек может решить либо обратиться к представителю религии за помощью, либо не обратиться (например, обратиться к психотерапевту либо ни к кому

не обращаться). Обозначенные концепты операционализированы в ряде конкретных вопросов, которые задавались респондентам (табл. 1).

Таблица 1

Операционализация основных концепций теоретической модели

Концепция	Формулировка вопроса
Отношение и опыт психотерапии (теория констелляций Бьянки)	
Предубеждения о психотерапии	
	За психологической помощью обращаются только люди, имеющие заболевания, психическое расстройство
	Качественную психологическую помощь можно получить и посредством цифровых технологий, без очного визита к психологу
Опыт и отношение окружения респондента	
	Ваши знакомые обращаются или обращались к психологу за консультацией
	Как вам кажется, как отнесется большинство ваших знакомых, если вы обратитесь к психологу за консультацией?
Опыт респондента	
	Насколько вы удовлетворены полученной психологической помощью
Вера в сверхъестественное (теория констелляций Бьянки)	
	Можно повлиять на судьбу, здоровье человека или решить проблемы с помощью магии
	Предсказания по расположению звезд и планет (астрология)
Социально-экономические факторы (теория религиозных ритуалов Коллинза и теория депривации)	
	Уровень образования
	Уровень совокупного дохода семьи
	Возраст

Когнитивный стиль, по Шютцу, имеет социальную природу. Пространство значений, которые человек наделяет онтологическим статусом, формируется через специфический жизненный опыт. Само наделение онтологическим статусом определяет уровень субъективного доверия не только к содержанию аргументов, но и к форме, в которую такие аргумен-

ты выстраиваются. Подробно этот факт рассмотрен на примере теорий заговора М. Вуд и др., которые показывают, что структура изложения конспирологических теорий оказывается более значимым аргументом поверить в них, нежели их содержание. По этим причинам люди с конспирологическим когнитивным стилем верят в нередко противоречивые теории (Wood et al. 2012). При этом такой когнитивный стиль связан с предыдущим субъективным опытом человека (Radnitz, Underwood 2015) и ориентацией на рефератную социальную группу (Bessi 2016). Впрочем, примеры для таких выводов мы без труда можем найти и в иных сообществах, например научном, когда ученые поддерживают теории, вступающие в противоречие друг с другом. Применительно же к вере в сверхъестественное, религиозности и психотерапии можно привести работу Б. Пост и Н. Уэйда, где продемонстрирована связь растущей параллельной популярности психотерапии, религиозности и веры в сверхъестественное (Post, Wade 2009). В нашей терминологии мы можем говорить об общем когнитивном стиле этих областей.

Резюмируя, сформулируем три основные гипотезы нашего исследования, опираясь на представленную трехкомпонентную теоретическую модель:

1. Обращение за психологической помощью к религиозным организациям отрицательно связано с уровнем дохода. У более бедных россиян скорее будет обнаруживаться инструментальное понимание религии.
2. Также обращение за помощью будет положительно связано с верой в сверхъестественное вообще.
3. Обращение в религиозные организации будет положительно связано с позитивным опытом обращения к психотерапевтам и позитивным установкам в отношении психотерапии вообще.

Объектом исследования выступают факторы обращения к религии (вера в сверхъестественное, наличие опыта обращения к психотерапевтам, положительное отношение к психотерапии со стороны знакомых и социально-демографические факторы), предметом исследования — взаимосвязь перечисленных факторов с обращением к религиозным организациям. Под обращением в религиозные организации мы понимаем именно обращение за психологической помощью в соответствии с формулировкой вопроса, который задавался респондентам: «Приходилось ли вам когда-либо в своей жизни обращаться по поводу своих психологических проблем или жизненных трудностей к представителям официальных религий?» Перед вопросом интервьюеры конкретизировали, что далее речь пойдет о психологической помощи.

Выборочная совокупность составила 1200 респондентов, репрезентативная для Санкт-Петербурга по полу и возрасту. Средний возраст составил 46,1 лет, стандартное отклонение — 15,61 лет. Доля мужчин — 45 %, доля женщин — 55 %.

Целью исследования было установить, как вера в магию, астрологию, опыт обращения за психологической помощью к представителям традиционной психотерапии, отношение знакомых к терапии, социально-демографические факторы влияют на факт обращения за психологической помощью к представителям официальных религий.

Данные, полученные в рамках анкетного опроса, были проанализированы при помощи регрессионной модели наименьших квадратов. В качестве зависимой переменной выступала ранговая шкала обращения за психологической помощью в религиозные организации (не обращался(ась) за помощью, обращался(ась) однажды, обращался(ась) несколько раз).

Результаты

Респондентам был задан вопрос об уровне дохода и уровне образования. Почти две трети (74 %) ответивших имеют высшее образование, 7,5 % — неоконченное высшее, 13,4 % — среднее профессиональное образование, 4 % — среднее общее образование. Говоря об уровне дохода, респонденты чаще всего отмечали, что им хватает на мелкую бытовую технику, но крупные покупки требуют накоплений (42 %) или же что им хватает на крупные покупки, но не на покупку недвижимости или автомобиля (30,5 %). По 7 % респондентов отвечают, что «им хватает на покупку недвижимости или автомобиля» и что «им хватает на продукты питания, но покупка одежды вызывает затруднения». Также 11 % ответили, что им хватает на продукты питания и одежду, но не на мелкую бытовую технику.

Далее мы спросили респондентов об их вере в сверхъестественное и об опыте обращения в религиозные организации. Среди респондентов верят, что можно повлиять на судьбу, здоровье человека или решить проблемы с помощью магии, 13,7 % ответивших на вопрос. Доля респондентов, которые верят в предсказания по расположению звезд и планет (астрологию), составляет 29,2 %. А обращались к религиозным организациям за психологической помощью как минимум единожды 25,7 % респондентов.

В отношении традиционной психологической помощи респондентов спросили, обращались ли они сами к психотерапевтам: 61,7 % респондентов не обращались ни разу, 23,9 % делали это хотя бы единожды и 14,3 % обращались неоднократно. Среди обратившихся — полностью или скорее

были удовлетворены 68 % ответивших. Всем респондентам был задан вопрос об отношении их самих и их знакомых к психотерапии. С утверждением «за психологической помощью обращаются только люди, имеющие заболевания, психическое расстройство» так или иначе были согласны 10 % респондентов. С утверждением, что «качественную психологическую помощь можно получить и посредством цифровых технологий, без очного визита к психологу», согласны большее число респондентов — 34 %. У 75 % респондентов кто-либо из их знакомых обращался за психологической помощью к психотерапевтам. А у 48 % респондентов знакомые одобряют или скорее одобряют, если они сами обратятся к психотерапевтам за подобными услугами.

Анализ

В первой регрессионной модели (табл. 2) продемонстрирована связь между убеждениями в веру в сверхъестественное и обращением в религиозные организации за помощью. Независимые переменные представляют собой дихотомические переменные, где респонденты выбирали, верят они или нет в конкретное явление. Построенная регрессионная модель позволяет объяснить 63,2 % вариативности зависимой переменной. Обращению в религиозные организации способствует вера в способность при помощи магии влиять на судьбу, в астрологию и в потусторонние силы (домовых, привидений и т.д.) Это позволяет подтвердить выдвинутую гипотезу о констелляционной природе убеждений респондентов. Среди верующих респондентов 93,6 % относили себя к православию, 2,6 % — к исламу. Вера в какие-либо из перечисленных явлений, что интересно, противоречит каноническим текстам и православия, и ислама.

Таблица 2

Регрессионная модель связи веры в сверхъестественное и опыта обращения в религиозные организации, $R^2 = 0,632$

Независимые переменные	coef	std err	t	p-value
Можно повлиять на судьбу, здоровье человека или решить проблемы с помощью магии	0.5630	0.024	23.446	0.000
Предсказания по расположению звезд и планет (астрология)	0.2456	0.087	2.812	0.005

Вторая регрессионная модель (табл. 3) связывает социально-демографические характеристики и опыт обращения в религиозные организации. Первоначально выдвинутую гипотезу о большей популярности инстру-

ментального подхода к религии среди более бедных групп населения подтвердить не удалось. Более того, к религиозным организациям обращаются более образованные россияне. Также небольшая позитивная связь наблюдается в отношении возраста.

Таблица 3

Регрессионная модель связи социально-демографических характеристик и опыта обращения в религиозные организации, $R^2 = 0,8$

Независимые переменные	coef	std err	t	p-value
Уровень образования	0.1112	0.017	6.511	0.000
Уровень совокупного дохода семьи	0.0911	0.015	5.967	0.000
Возраст	0.0084	0.001	7.485	0.000

Обращаясь к таблице 4, можем заметить, что позитивное отношение к психотерапии скорее способствует обращению к религиозным организациям. Независимые переменные представляли собой степень согласия с предложенными утверждениями. Наличие опыта знакомых и положительное отношение со стороны знакомых к традиционной психологической помощи особенно способствует тому, что респондент обратится к религиозным организациям. Исключение составляет лишь утверждение «за психологической помощью обращаются только люди, имеющие

Таблица 4

Регрессионная модель связи убеждений относительно психотерапии и опыта обращения в религиозные организации, $R^2 = 0,8$

Независимые переменные	coef	std err	t	p-value
За психологической помощью обращаются только люди, имеющие заболевания, психическое расстройство	0.1297	0.025	5.211	0.000
Ваши знакомые обращаются или обращались к психологу за консультацией	0.1201	0.027	4.375	0.000
Как вам кажется, как отнесется большинство ваших знакомых, если вы обратитесь к психологу за консультацией?	0.0974	0.023	4.290	0.000
Качественную психологическую помощь можно получить и посредством цифровых технологий, без очного визита к психологу	0.0784	0.019	4.188	0.000

заболевания, психическое расстройство», однако его интерпретировать удалось при помощи дополнительного анализа.

В четвертую регрессионную модель (табл. 5) были включены только те респонденты, которые самостоятельно обращались за психологической помощью. Как видим, если респонденты удовлетворены качеством оказанной им помощи и полагают, что помощь оказывают только людям с ментальными расстройствами, мы можем ожидать, что те респонденты, которые самостоятельно имеют ментальное расстройство, хорошо относятся лично к психотерапии и имеют знакомых, которые также хорошо относятся к психотерапии, скорее обратятся к религиозным организациям. Это позволяет нам утверждать, что в России наблюдаются описанные Тэйлором сообщества и подтвердить последнюю гипотезу о связи религии и традиционной психотерапии. Положительный опыт психотерапии, похоже, заставляет людей обращаться к другим сходным по своему когнитивному стилю практикам: к услугам религиозных организаций.

Таблица 5

Регрессионная модель связи убеждений относительно психотерапии и опыта обращения в религиозные организации среди респондентов, обратившихся за психологической помощью к психотерапевтам, $R^2 = 0,8$

Независимые переменные	coef	std err	t	p-value
Насколько вы удовлетворены полученной психологической помощью	0.1560	0.032	4.811	0.000
За психологической помощью обращаются только люди, имеющие заболевания, психическое расстройство	0.1241	0.046	2.683	0.008
Насколько вам известно, ваши знакомые обращаются или обращались к психологу за консультацией	0.1163	0.053	2.215	0.027
Как отнесется большинство ваших знакомых, если вы обратитесь к психологу за консультацией	0.0799	0.041	1.928	0.055

Дискуссия

Полученные результаты возобновили дискуссию о религиозной или мистической природе психотерапии, но в ином ключе. Наши результаты не затрагивают научность/паранаучность самих оснований психотерапии, однако они раскрывают связь общественных представлений об этом во-

просе. Конечно, мы не можем делать строгих выводов, что в сознании россиян психотерапия кажется религиозной практикой. Это скорее направление для дальнейших исследований. Мы лишь можем отметить зависимость положительного опыта обращения к психотерапевтам и склонности обращаться к религиозным организациям. Обращаясь к теории когнитивных стилей и констелляций, мы можем обозначить направление для дальнейшей валидации наших выводов: насколько вера в отдельные религиозные постулаты соотносится с верой в терапевтический эффект традиционной психотерапии.

Полученные результаты о связи образованности и религиозности подтверждаются работами об особенном положении религии в России в сравнении с зарубежными странами. Если в США и ряде европейских стран образованные люди, как правило, реже обращаются в религиозные организации, то в России религия, как об этом пишут Н. Рис (2005) или А. Юрчак (2016), а также более подробно М. Эпштейн и др. (Epstein et al. 2015), оказалась пристанищем образованной интеллигенции в последние годы Советского Союза и в годы постсоветской истории. Вероятно, эта тенденция, существовавшая в 1990-е годы, сохраняется и сегодня.

Полученные результаты о положительной связи обращения за психологической помощью и финансовым благополучием оказываются ближе к критикам деривационного подхода, которые полагают, что обращению к религиозным практикам должны предшествовать удовлетворение базовых материальных потребностей (Furseth, Repstadt 2006: 113). Однако здесь есть и важный российский контекст. Религиозность в постсоветское время вплетается в культуру финансового успеха и бизнес-этики. В межкультурном сравнении бизнес-ценностей И. Дзялошинского и М. Пилгуна только итальянская бизнес-культура оказывается более религиозной (Dzialoshinskiy, Pilgun 2015). О связи между ценностью финансового благополучия и религиозности пишут также Г. Бессокирная и др., отмечая, впрочем, сложное внутренне устройство такой ценностной связи (Бессокирная и др. 2023).

Бёргин в ставшей классической статье показывает, что психотерапия в своей риторике ошибочно обращается к атеистической картине мира, построенной на научном прагматизме. Такая позиция идет вразрез с теистическим материализмом людей, преимущественно обращающихся за психотерапией, что согласуется с результатами нашего исследования. Более того, как показывает Бёргин, атеистичность психотерапии, вступая в конфликт с широко распространенной религиозностью людей, приводит к снижению качества самой терапии (Bergin 1980). Этот же тезис не находит существенного подтверждения в нашем исследовании. Люди, обра-

щающиеся к религиозным организациям, скорее довольны качеством оказываемой им традиционной психотерапии.

О связи религиозности и психотерапии свидетельствует и другое исследование Бёргин, в котором отмечается, что около 80 % всех психотерапевтов называют себя верующими людьми (однако лишь 41 % регулярно посещают церковь и выполняют иные религиозные ритуалы) (Bergin, Jensen 1990). В то же время А. Эллис замечает, что ценностные ориентации и мировоззрение в гуманистической этике, на которую чаще всего опираются психотерапевты, оказываются комплементарными или вовсе идентичными таковым в религиозном мировоззрении. Это уже может объяснить, почему респонденты, которые затем обращаются к религиозным организациям, будут скорее довольны традиционной психотерапией (Ellis 1980). В более позднем исследовании Л. Гоффман и Г. Уолах показано, что 57 % психотерапевтов считали себя религиозными или верующими в сверхъестественное, а темы религиозности и веры в сверхъестественное поднимали 22 % их пациентов (Hofmann, Walach 2011).

Сопоставление психотерапии и религиозных практик позволяют рассматривать их как два эквивалентных института, как выбор в пользу одного или другого, возможно, как конверсию (в трактовке, например, С. Брюса /Bruce 2006/). Переход от религии к психотерапии и обратно, их совмещение может значительно зависеть от биографического пути человека — выявление структуры и содержания таких связей может быть направлением дальнейших исследований с использованием как статистических методов, так и биографического.

Выделяемый авторами когнитивный стиль, связывающий психотерапию, религиозность и веру в сверхъестественное, обладает собственными преимуществами. К. Дивисенко и А. Белов исследуют участников сообществ духовных практик. В таких сообществах люди, как правило, позитивно относятся и к психотерапии, и к религиозным практикам. Дивисенко и Белов показывают, что участники таких сообществ обладают большой жизнестойкостью, которая позитивно сказывается на их субъективном благополучии (Дивисенко, Белов 2017). Авторы, основываясь на этом и результатах исследования, дают рекомендации о включении в психотерапию религиозных и священных образов, что должно повысить качество терапии и доверие со стороны пациентов за счет схожести когнитивных стилей сообществ, формирующихся вокруг психотерапии, и религиозных сообществ.

Говоря об ограничении нашего исследования, следует упомянуть географию опроса. Безусловно, рассматриваемые феномены (религиозность, вера в сверхъестественное, обращение к психотерапии) встречаются

не только в Санкт-Петербурге. Однако характер связи между ними может варьировать в зависимости от населенного пункта, культурных особенностей, доступности услуг психотерапии и т.д. Также ограничениями обладает выбранный метод сбора эмпирических данных: опрос не позволяет детально рассмотреть, какие значения вкладывают респонденты в религиозность, психотерапию, доверие определенным институтам и т.д. Кроме того, вне фокуса внимания осталась проблема, с которой респонденты обращаются к психотерапии или религиозной помощи. Исследование механизмов возникновения и развития у людей ощущения, что с конкретной проблемой им поможет справиться психотерапия или религиозные практики, может быть осуществлено с обращением к качественным методам исследования, что также может быть направлением дальнейшей работы.

Выражение благодарности

Работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 121062300141-5. Авторы выражают благодарность рецензентам за обстоятельные и плодотворные комментарии.

Литература

Абдуллин А.Г., Тумбасова Е.Р., Кукар У.Ю. (2023) Психологические последствия пандемии COVID-19. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 28 (1), 58–64. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-192-58-64>.

Бессокирная Г.П., Большакова О.А., Караханова Т.М. (2023) Опыт исследования духовно-нравственного состояния российского общества. *Социологическая наука и социальная практика*, 11(3): 6–36. <https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.3.1>.

Володина К.А., Рагулина А.А., Русяева И.А. (2022) Психологическое состояние студентов в условиях дистанционного обучения в период пандемии COVID-19. *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*, 10(1): 59–72.

Гаврилова Ю.В., Попова А.А. (2022) Роль депривации в трансформациях индивидуального религиозного сознания в условиях пандемии COVID-19. *Социология*, 1: 184–192.

Дивисенко К.С., Белов А.Э. (2017). Социальные исследования субъективного благополучия в контексте духовности и религиозности. *Социологический журнал*, (2): 51–73. <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.2.5159>.

Исаева В.Б. (2014). Современные концептуальные модели социологии конверсии. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, 166: 108–113.

Камхен В.Б., Калиева Д.А., Нурализода М. (2021) Ассоциация расстройств тревожно-депрессивного спектра и качества жизни трудоспособного насе-

ния в контексте covid–19. *Вестник Казахского Национального медицинского университета*, 1: 107–111.

Корсаков А.И. (2012). Религия и наука в трудах основателя первого позитивизма. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение*, 40 (2): 80–92.

Рис Н. (2005) «Русские разговоры»: культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М.: Новое литературное обозрение.

Руткевич Е.Д. (2013). «Новая парадигма» в социологии религии: pro и contra. *Вестник Института социологии*, 6: 207–233.

Фрейд З. (1989). *Будущее одной иллюзии. Сумерки богов*. М.: Политиздат.

Хабермас Ю., Тягунова Т. (2010). Расколдовывание религиозно-метафизических картин мира и возникновение современных структур сознания. *Социологическое обозрение*, 9(1): 27–52.

Шишигина М.А. (2022) Цифровые практики в прогрессивном иудаизме в России во время пандемии COVID-19. *Цифровая иудаика: исследование еврейских общин в онлайн-пространстве*, (1): 45–63. <https://doi.org/10.31168/0470-1.05>.

Юрчак А.В. (2016) *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение.

Яковлева Ю.А. (2015). Факторы нетрадиционной религиозно-групповой идентификации индивидов. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*, (3–2): 250–252.

Якимбетова А.И. и др. (2022) Тревога и депрессия у пациентов, перенесших новую коронавирусную инфекцию SARS-CoV-2. *Re-health journal*, 2: 95–98.

Bessi A. (2016) Personality traits and echo chambers on Facebook. *Computers in Human Behavior*, 65: 319–324.

Bergin A.E. (1980) Psychotherapy and religious values. *Journal of consulting and clinical psychology*, 48(1): 95.

Bergin A.E., Jensen J.P. (1990) Religiosity of psychotherapists: A national survey. *Psychotherapy: Theory, Research, Practice, Training*, 27(1): 3–7. <https://doi.org/10.1037/0033-3204.27.1.3>.

Bianchi E.C. (1989) Psychotherapy as religion: Pros and cons. *Pastoral Psychology*, 38, 67–81. <https://doi.org/10.1007/BF01094868>.

Bruce S. (2006) Sociology of Conversion: The Last Twenty-Five Years. In: Bremner J.N., Bekkum W.J., Molendijk A.L. (eds.) *Paradigms, poetics, and politics of conversion*. Leuven: Peters: 1–11.

Collins R. (1994) *Four sociological traditions: Selected readings*. Oxford: Oxford University Press.

Collins R. (2004). *Interaction ritual chains*. Princeton: Princeton University Press.

Dzialoshinskiy I., Pilgun M. (2015). Axiological Foundations of Business Ethics in the Post-Socialist Russia: Intercultural Context. *International Journal of Economics and Financial Issues*, 5(3): 263–273.

Ellis A. (1980) Psychotherapy and atheistic values: A response to A. E. Bergin's "Psychotherapy and religious values." *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 48(5): 635–639. <https://doi.org/10.1037/0022-006X.48.5.635>.

Epstein M.N., Genis A.A., Vladiv-Glover S.M. (2015) *Russian postmodernism: New perspectives on post-soviet culture* (Vol. 3). Oxford; N.Y.: Berghahn Books.

Funk C.L. et al. (2013) Genetic and Environmental Transmission of Political Orientations. *Political Psychology*, 34(6): 805–819.

Furseth I., Repstad P. (2006) *An Introduction to the Sociology of Religion. Classical and Contemporary Perspectives*. Burlington, VT: Ashgate.

Hanegraaff W. J. (1997) *New Age religion and Western culture: Esotericism in the mirror of secular thought*. N.Y.: State University of New York Press.

Hofmann L., Walach H. (2011) Spirituality and religiosity in psychotherapy — A representative survey among German psychotherapists, *Psychotherapy Research*, 21(2): 179–192. <https://doi.org/10.1080/10503307.2010.536595>.

Hornsey M.J., Harris E., Bain P., Fielding K.S. (2016) Meta-analyses of the determinants and outcomes of belief in climate change. *Nature climate change*, 6(6): 622–626.

Koenig H.G., Pritchett J. (1998) Religion and psychotherapy. In: Koenig H.G. (ed.) *Handbook of religion and mental health*. Cambridge: Academic Press: 323–336

Meadow M.J. (1986) Current and emerging themes in the psychology of religion. *Journal of Psychology and Christianity*, 5(2): 56–60.

Post B.C., Wade N.G. (2009) Religion and spirituality in psychotherapy: a practice-friendly review of research. *Journal of Clinical Psychology*, 65: 131–146. <https://doi.org/10.1002/jclp.20563>.

Radnitz S., Underwood P. (2015) Is Belief in Conspiracy Theories Pathological? A Survey Experiment on the Cognitive Roots of Extreme Suspicion. *British Journal of Political Science*, 47 (1): 1–17.

Anderson R.A., Inbar Y., Pizarro D.A. (2021) A matter of taste: Gustatory sensitivity predicts political ideology. *Journal of Personality and Social Psychology*, 121(2): 394.

Schutz A. (2012) *Collected papers I. The problem of social reality*. Vol. 11. Berlin: Springer Science & Business Media.

Szasz T.S. (1974) The myth of psychotherapy. *American journal of psychotherapy*, 28(4): 517–526.

Taylor E. (1999) *Shadow culture: Psychology and spirituality in America from the Great Awakening to the new age*. Berkeley, California: Counterpoint.

Vitz P.C. (1994) *Psychology as religion: The cult of self-worship*. Michigan: W.B. Eerdmans Publishing.

Voas D., Crockett A. (2005) *Religion in Britain: Neither believing nor belonging*. Sociology, 39(1): 11–28.

Wood M.J., Douglas K.M., Sutton R.M. (2012). Dead and alive: Beliefs in contradictory conspiracy theories. *Social Psychological and Personality Science*, 3: 767–773. <https://doi.org/10.1177/1948550611434786>.

Zmigrod L., Rentfrow P.J., Robbins T.W. (2018) Cognitive underpinnings of nationalistic ideology in the context of Brexit. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 115(19): E4532–E4540.

Источники

Религия и общество: мониторинг (2023) ВЦИОМ [<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring>] (дата обращения: 30.09.2023).

FACTORS AND PREDICTORS OF SEEKING PSYCHOLOGICAL HELP FROM RELIGIOUS ORGANIZATIONS

Sergey Tkach (s.tkach@spbu.ru),

Olga I. Burdina,

Veronika A. Odinkova

Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Citation: Tkach S., Burdina O.I., Odinkova V.A. (2024) Faktory i prediktory obrashcheniya za psikhologicheskoy pomoshch'yu v religioznye organizatsii [Factors and predictors of seeking psychological help from religious organizations]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(2): 211–232 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.2.8>. EDN: DZISAS

Abstract. The article describes the impact of different components on seeking for mental help from agents of official religions. Among the components considered were conviction in enchantment, soothsaying, involvement of seeking for mental help from agents of conventional psychotherapy, the state of mind of familiar people towards treatment, and socio-demographic components. The hypothetical premise of the work is the multi-component show of cognitive constellation theory and R. Collins' hypothesis of the numerous faces of Christianity. The research object is inhabitants of St. Petersburg, the subject of the research is the variables affecting their looking for seeking for mental help from agents of official religions. The sample comprised of 1200 respondents, representative for St. Petersburg in sex and age. The purpose of the study was to establish how belief in magic, astrology, experience of seeking psychological help from representatives of traditional psychotherapy, the attitude of acquaintances towards therapy, and socio-demographic factors influencing the fact of seeking psychological help from representatives of official religions. Data obtained from the questionnaire survey were analyzed using at least squares regression model. The dependent variable was the rank scale of seeking psychological help from religious organizations. According to the results, one can note the relationship between positive experience of contacting psychotherapists and

the tendency to turn to religious organizations. The findings have renewed the debate about the religious or mystical nature of psychotherapy. Our results do not affect the scientific/parascientific nature of the very foundations of psychotherapy, but they reveal a connection about public perceptions of this issue. The nature of the connection in the minds of Russians between psychotherapy and religious practices is seen by the authors as a direction for further research. Also, the results obtained can serve as recommendations for the development of psychotherapeutic programs and methods that take into account the factor of religiosity in work.

Keywords: constellation theory, psychotherapy, religiosity, belief in the supernatural, factors in seeking psychological help.

Acknowledgements

The work was carried out with the support of St. Petersburg State University, project code 121062300141-5.

The authors would like to thank the reviewers for their thorough and fruitful comments.

References

- Abdullin A.G., Tumbasova Ye.R., Kukar U.Yu. (2023) Psikhologicheskiye posledstviya pandemii COVID-19 [Psychological consequences of the COVID-19 pandemic]. *Psikho-pedagogika v pravookhranitel'nykh organakh* [Psychopedagogy in Law Enforcement], 28(1), 58–64. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-192-58-64> (in Russian).
- Anderson R.A., Inbar Y., Pizarro D.A. (2021) A matter of taste: Gustatory sensitivity predicts political ideology. *Journal of Personality and Social Psychology*, 121(2): 394.
- Bergin A.E. (1980) Psychotherapy and religious values. *Journal of consulting and clinical psychology*, 48(1): 95.
- Bergin A.E., Jensen J.P. (1990) Religiosity of psychotherapists: A national survey. *Psychotherapy: Theory, Research, Practice, Training*, 27(1): 3–7. <https://doi.org/10.1037/0033-3204.27.1.3>.
- Bessi A. (2016) Personality traits and echo chambers on Facebook. *Computers in Human Behavior*, 65: 319–324.
- Bessokirnaya G.P., Bolshakova O.A., Karakhanova T.M. (2023) Opyt issledovaniya duhovno-nravstvennogo sostojaniya rossijskogo obshhestva [Experience of researching the spiritual and moral state of Russian society] *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika* [Sociological Science and Social Practice], 11(3): 6–36. <https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.3.1> (in Russian).
- Bianchi E.C. (1989) Psychotherapy as religion: Pros and cons. *Pastoral Psychology*, 38, 67–81. <https://doi.org/10.1007/BF01094868>.
- Bruce S. (2006) Sociology of Conversion: The Last Twenty-Five Years. In: Bremmer J.N., Bekkum W.J., Molendijk A.L. (eds.) *Paradigms, poetics, and politics of conversion*. Leuven: Peters: 1–11.
- Collins R. (1994) *Four sociological traditions: Selected readings*. Oxford: Oxford University Press.
- Collins R. (2004). *Interaction ritual chains*. Princeton: Princeton University Press.

Divisenko K.S., Belov A.Y. (2017) Social'nye issledovaniya subjektivnogo blagopoluchija v kontekste duhovnosti i religioznosti [Social studies of absorbent influence in the era of twentieth-century spirituality and religiosity]. *Sociologicheskij zhurnal* [Journal of Sociology], 2: 51–73. <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.2.5159> (in Russian).

Dzialoshinskiy I., Pilgun M. (2015). Axiological Foundations of Business Ethics in the Post-Socialist Russia: Intercultural Context. *International Journal of Economics and Financial Issues*, 5(3): 263–273.

Ellis A. (1980) Psychotherapy and atheistic values: A response to A. E. Bergin's "Psychotherapy and religious values." *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 48(5): 635–639. <https://doi.org/10.1037/0022-006X.48.5.635>.

Epstein M.N., Genis A.A., Vladiv-Glover S.M. (2015) *Russian postmodernism: New perspectives on post-soviet culture* (Vol. 3). Oxford, New York: Berghahn Books.

Freud S. (1989) *Budushhee odnoj illjuzii. Sumerki bogov* [The future is an illusion. Twilight of the Gods]. Moscow: Politizdat (in Russian).

Funk C.L. et al. (2013) Genetic and Environmental Transmission of Political Orientations. *Political Psychology*, 34(6): 805–819.

Furseth I., Repstadt P. (2006) *An Introduction to the Sociology of Religion. Classical and Contemporary Perspectives*. Burlington, VT: Ashgate.

Gavrilova Yu.V., Popova A.A. (2022) Rol' deprivatsii v transformatsiyakh individual'nogo religioznogo soznaniya v usloviyakh pandemii COVID-19 [The role of deprivation in transformations of individual religious consciousness under the COVID-19 pandemic]. *Sotsiologiya* [Sociology], 1: 184–192. (in Russian).

Habermas J., Tyagunova T. (2010). Raskoldovyvanie religiozno-metafizicheskikh kartin mira i vozniknovenie sovremennykh struktur soznaniya [Disenchantment of religious-metaphysical pictures of the world and features of the modern structure of consciousness]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological Review], 9(1): 27–52 (in Russian).

Hanegraaff W. J. (1997) *New Age religion and Western culture: Esotericism in the mirror of secular thought*. New York: State University of New York Press.

Hofmann L., Walach H. (2011) Spirituality and religiosity in psychotherapy — A representative survey among German psychotherapists, *Psychotherapy Research*, 21(2): 179–192. <https://doi.org/10.1080/10503307.2010.536595>.

Hornsey M.J., Harris E., Bain P., Fielding K.S. (2016) Meta-analyses of the determinants and outcomes of belief in climate change. *Nature climate change*, 6(6): 622–626.

Isaeva V.B. (2014) Sovremennye konceptual'nye modeli sociologii konversii [Modern conceptual models of the sociology of conversion]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena* [Bulletin of the Russian State Pedagogical University named after. A. I. Herzen], 166: 108–113 (in Russian).

Kamkhen V.B., Kaliyeva D.A., Nuralizoda M. (2021) Assotsiatsiya rasstroystv trevozhno-depressivnogo spektra i kachestva zhizni trudospособnogo naseleniya v kontekste covid-19 [Association of anxiety-depression spectrum disorders and quality of life of the working age population in the context of covid-19]. *Vestnik Kazakhskogo Natsional'nogo meditsinskogo universiteta* [Bulletin of the Kazakh National Medical University], 1: 107–111 (in Russian).

Koenig H.G., Pritchett J. (1998) Religion and psychotherapy. In: Koenig H.G. (ed.) *Handbook of religion and mental health*. Cambridge: Academic Press: 323–336

Korsakov A.I. (2012). Religija i nauka v trudah osnovatelja prvogo pozitivizma [Religion and science in work are the basis of the first positivism]. *Vestnik Pravoslavno-go Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serija 1: Bogoslovie. Filosofija. Religiovedenie* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's Humanitarian University. Episode 1: Theology. Philosophy. Religious Studies], 40(2): 80–92 (in Russian).

Meadow M.J. (1986) Current and emerging themes in the psychology of religion. *Journal of Psychology and Christianity*, 5(2): 56–60.

Post B.C., Wade N.G. (2009) Religion and spirituality in psychotherapy: a practice-friendly review of research. *Journal of Clinical Psychology*, 65: 131–146. <https://doi.org/10.1002/jclp.20563>.

Radnitz S., Underwood P. (2015) Is Belief in Conspiracy Theories Pathological? A Survey Experiment on the Cognitive Roots of Extreme Suspicion. *British Journal of Political Science*, 47 (1): 1–17.

Ries N. (2005) «Russkiye razgovory»: Kul'tura i rechevaya povsednevnost' epokhi perestroyki ["Russian conversations": Culture and everyday speech of the era of perestroika]. M.: Novoye literaturnoye obozreniye (in Russian).

Rutkevich E.D. (2013) «Novaja paradigma» v sociologii religii: Pro i Contra ["New paradigm" in the sociology of religion: pros and cons.]. *Vestnik Instituta sociologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 6: 207–233 (in Russian).

Schutz A. (2012) *Collected papers I. The problem of social reality*. Vol. 11. Berlin: Springer Science & Business Media.

Shishigina M.A. (2022) Tsifrovyye praktiki v progressivnom iudaizme v Rossii vo vremya pandemii COVID-19 [Digital practices in progressive Judaism in Russia during the COVID-19 pandemic]. *Tsifrovaya iudaika: issledovaniye yevreyskikh obshchin v on-layn-prostranstve* [Digital Judaica: Exploring Jewish Communities Online], 1: 45–63. <https://doi.org/10.31168/0470-1.05> (in Russian).

Szasz T.S. (1974) The myth of psychotherapy. *American journal of psychotherapy*, 28(4): 517–526.

Taylor E. (1999) *Shadow culture: Psychology and spirituality in America from the Great Awakening to the new age*. Berkeley, California: Counterpoint.

Vitz P.C. (1994) *Psychology as religion: The cult of self-worship*. Michigan: W.B. Eerdmans Publishing.

Voas D., Crockett A. (2005) *Religion in Britain: Neither believing nor belonging*. Sociology, 39(1): 11–28.

Volodina K.A., Ragulina A.A., Rusyayeva I.A. (2022) Psikhologicheskoye sostoyaniye studentov v usloviyakh distantsionnogo obucheniya v period pandemii COVID-19 [Psychological state of students during distance learning during the COVID-19 pandemic]. *Lichnost' v menyayushchemsya mire: zdorov'ye, adaptatsiya, razvitiye* [Personality in a changing world: health, adaptation, development], 10(1): 59–72 (in Russian).

Wood M.J., Douglas K.M., Sutton R.M. (2012). Dead and alive: Beliefs in contradictory conspiracy theories. *Social Psychological and Personality Science*, 3: 767–773. <https://doi.org/10.1177/1948550611434786>.

Yakovleva Ju.A. (2015) Faktory netradicionnoj religiozno-grupповoj identifikatsii individov [Factors of non-traditional religious group identification of persons]. *Aktual'nye*

problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk [Current Issues in the Humanities and Construction Sciences], 3–2: 250–252 (in Russian).

Yakshimbetova A.I. et al. (2022) *Trevoga i depressiya u patsiyentov, perenesshikh novuyu koronavirusnuyu infektsiyu SARS-CoV-2* [Anxiety and depression in patients who have survived the new coronavirus infection SARS-CoV-2]. *Re-health journal*, 2: 95–98 (in Russian).

Yurchak A.V. (2016) *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'*. *Posledneye sovetskoye pokoleniye* [It was forever until it was over. The last Soviet generation]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye (in Russian).

Zmigrod L., Rentfrow P.J., Robbins T.W. (2018) Cognitive underpinnings of nationalistic ideology in the context of Brexit. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 115(19): E4532–E4540.

СОЦИОЛОГИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

ОСУЖДЕННЫЕ ЖЕНЩИНЫ, ПРЕБЫВАЮЩИЕ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ

Тамара Керимовна Ростовская^{1,2} (rostovskaya.tamara@mail.ru),

Екатерина Николаевна Васильева¹ (vasilevaen@yandex.ru),

Екатерина Игоревна Русанова³ (ei_rusanova@mail.ru)

¹ Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

² Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

³ Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия

Цитирование: Ростовская Т.К., Васильева Е.Н., Русанова Е.И. (2024) Осужденные женщины, пребывающие в исправительных колониях: социально-демографическая структура и проблемы социальной адаптации. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(2): 233–265. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.2.9>. EDN: EBTILO

Аннотация. Исследуется динамика женской преступности в России за 2011–2022 гг., обсуждаются социально-демографическая структура осужденных женщин, отбывающих наказание в исправительных колониях, и проблемы социальной адаптации. Актуальность исследования определяется практическими задачами внедрения и реализации технологий пробации в современной России, а также теоретическими проблемами, обусловленными недостаточной изученностью повседневных практик и проблем социальной адаптации женщин в российской пенитенциарной системе. В результате в российской социологии не сформированы представления о стратегиях поведения осужденных женщин в период отбывания наказания и после выхода из исправительных колоний. Объект исследования — повседневные практики социальной адаптации осужденных женщин. Предмет исследования — влияние статусной позиции осужденной женщины в социально-демографической структуре на повседневные практики ее социальной адаптации. Цель исследования — выявить проблемы социальной адаптации осужденных женщин в зависимости от их социально-демографического статуса. В первой части работы представлена социально-демографическая структура осужденных и совершивших преступления женщин, которая проанализирована на основе данных российской статистики на 2011–2021 гг. Во второй части обсуждаются проблемы адаптации осужденных женщин к выходу из исправительных учреждений, систематизированные на основе данных экспертного интервью с психологами Федеральной службы исполнения наказаний России (n=4) и специалистами социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО), работающих с женщинами после выхода из исправительного учреждения (n=4).

Выявлено, что социальный статус определяет социальные практики и эффективность социальной адаптации осужденных женщин. При реализации закона о пробации необходимо учитывать наиболее уязвимые категории женщин, вышедших на свободу (женщины с несовершеннолетними детьми, зависимые, пенсионного возраста, женщины без устойчивых социальных связей, а также не имеющие возможности трудоустроиться в связи с ограничениями регионального рынка труда).

Ключевые слова: социально-демографическая структура, осужденные женщины, социальный статус, повседневные практики, исправительная колония, социальная адаптация, пробация.

Введение

С 1 января 2024 г. вступил в силу Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», целями которого являются «коррекция социального поведения, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация лиц, в отношении которых применяется пробация, предупреждение совершения ими новых преступлений». Законом закреплены основные понятия, поставлены задачи по созданию условий для оказания помощи осужденным гражданам в восстановлении их социальных связей, реализации профессиональных навыков, трудоустройстве, предоставлении жилья, реализации права на социальное обслуживание, получении образования, медицинской, психологической и юридической помощи и др.

На страницах нового Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ нет указания на социальный пол человека. Половая принадлежность в России учитывается только на стадии определения и назначения судом наказания за совершенное преступление. Так, согласно части 2 статьи 57 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022, с изм. от 15.03.2023) пожизненное лишение свободы не назначается женщинам, а также лицам, совершившим преступления в возрасте до 18 лет, и мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора 65-летнего возраста. Женщинам, осужденным к лишению свободы за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, в том числе при любом виде рецидива, определяется вид исправительного учреждения — исправительная колония общего режима. В России женщины не направляются в исправительные колонии строгого режима или тюрьму для отбывания наказания, как мужчины за совершение тяжких или особо тяжких преступлений или за рецидив преступления, которые определяют срок наказания до десяти лет или свыше десяти лет лишения свободы. Дифференциация видов наказания и условий содержания в пенитенциарных учреждениях для мужчин и женщин обусловлены

биологическими, физиологическими и социальными параметрами (Ростовская, Нарутто, Ворошилова 2022).

Перечисленные в новом законе цели и задачи давно осуществляются специалистами в специализированных исправительных учреждениях, но после освобождения до принятия закона о пробации человек оставался без системной институциональной поддержки и мог рассчитывать только на собственные знания и поддержку близких. Закон утвердил необходимость создания центров пробации, специализированных учреждений для осуществления постпенитенциарной пробации, в рамках которых будет вестись системная работа, в том числе по предоставлению нуждающимся временного места пребывания. Принятие федерального закона о пробации актуализировало общественную дискуссию, а также научные исследования демографической структуры, проблем и социальной адаптации осужденных.

В рамках статьи поставлена цель выявить специфику проблем социальной адаптации женщин после освобождения в зависимости от их социально-демографического статуса. На первом этапе исследования описаны социально-демографические характеристики осужденных женщин. Для этого использовались методы сравнительного анализа данных российской статистики за 2011–2021 гг., фиксировавших социально-демографические характеристики преступников, в том числе осужденных женщинах. На втором этапе выявлены социальные практики осужденных женщин и систематизированы проблемы социальной адаптации к выходу из исправительных учреждений на основе данных экспертного интервью с психологами Федеральной службы исполнения наказаний России (ФСИН) ($n=4$) и специалистами социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО), работающих с женщинами после выхода из исправительного учреждения ($n=4$). Полученные данные позволяют структурировать технологии помощи женщинам в центрах пробации, а также внесут вклад в исследование повседневных практик осужденных и освобожденных из исправительных колоний женщин, проживающих в России, что даст возможность систематизировать стратегии поведения осужденных женщин в современной России.

Методологическая база исследования

Анализ состояния и динамики женской преступности в России в первую очередь необходимо рассматривать в контексте исследования феномена преступности как научной проблемы, обратив особое внимание на теоретико-методологические подходы при исследовании уголовного правосудия и преступности (Barkan, Bryjak 2011; Errol, Madsen, Moslehi

2021; Neanidis, Papadopoulou 2013). Большой блок работ в зарубежной социологии посвящен выявлению специфики женской преступности (Austin 1993; Hamberger 1997; Gavrilova, Campaniello 2015), а также классификации по разным основаниям социального статуса и поведения женщин, преступивших закон (основные концепции систематизированы в работе Р.А. Брушетт: Brushett 2013).

В современной зарубежной литературе можно выделить интересные работы, посвященные конкретным повседневным практикам женщин, преступивших закон на рабочем месте (Larroulet, Daza, Bórquez 2023); практикам социальной адаптации осужденных женщин, имеющих детей (Liu, Chui, Hu 2022); виктимности женщин, занимающихся проституцией (Coston, Ross 1998).

В российской науке преступление и преступность в большей степени концептуализированы в рамках юридической науки, юридической психологии, что позволяет выделять признаки преступления, индикаторы общественной опасности, виновности, противоправности и наказуемости (Агаев, Сафин 2002). Большой объем работ посвящен описанию социально-демографической структуры женской преступности в России как по данным переписи (2009) осужденных и лиц, содержащихся под стражей (Казакова 2011; Казакова, Степанова 2011), так и по данным статистического мониторинга Росстата и ФСИН РФ (Ростовская, Безвербная 2021; Ростовская, Нарутто, Ворошилова 2022; Ростовская, Русанова 2023; Шиян 2016; Щербакова 2023). В российской науке женскую преступность в основном рассматривают в рамках междисциплинарного системного подхода, исследуя преступления (как целое) и деяния (как часть целого), в которых проявляется преступность (Rostovskaya, Kaliev, Zavyalova, Bezverbnuyu 2018; Rostovskaya, Bezverbnaya 2020; Селивестров, Селивестров 2012).

В ряде работ выделены факторы успешной ресоциализации женщин после освобождения, такие как образование, профессиональная подготовка осужденных (Осокин, Полякова 2016), а также факторы, способствующие вовлечению женщин в преступные действия (Кунц 2021; Потапов, Лепшиков, 2016; Ростовская, Русанова 2023; Шиян 2016). К причинам женской преступности в России относят поляризацию социальных групп населения по уровню дохода и источникам получения прибыли (зарботка), финансовые трудности, дисбаланс рынка труда и безработицу, ухудшение социального положения в обществе, психологическую напряженность в жизнедеятельности, довлеющие негативные социально-экономические факторы, культурно-бытовую разницу города и периферий, СМИ (Ростовская, Нарутто, Ворошилова 2022).

Анализируя зарубежные и российские исследования женской преступности, определимся с основными понятиями исследования. *Наказание* для каждой подсудимой женщины по уголовному делу в России — это *мера государственного принуждения*, назначаемая ей от имени государства по приговору суда, который признает ее виновной в совершении преступления, и влекущая предусмотренное Уголовным кодексом Российской Федерации *лишение или ограничение прав и свобод*, а также уголовно-правовое последствие для неё, определяемое как *судимость*. *Справедливость наказания* согласно Уголовному кодексу Российской Федерации заключается в его соответствии характеру и степени общественной опасности содеянного, а также обстоятельствам его совершения и личности виновной женщины. В России суд при определении и назначении наказания руководствуется принципами восстановления социальной справедливости и необходимостью исправления каждой осужденной женщины, что подразумевает предоставление возможности женщине по-другому *проявить себя в социуме после освобождения из мест лишения свободы* (Кунц 2021).

Женская преступность, в отличие от мужской, обусловлена в большей степени материальными трудностями женщины, чем склонностью к рисковому поведению, конечно, исследователи приводят примеры и рискованного поведения женщин. В целом вклад женщин в преступность во всем мире ниже, чем вклад мужчин, но перечисленные факты актуализируют необходимость глубинного исследования женской преступности.

В России социологические исследования повседневных практик и социальной адаптации осужденных женщин не систематизированы, данная работа позволит авторам внести свой вклад в анализ социальных практик осужденных женщин и расширить представления о стратегиях социальной адаптации женщин после выхода из исправительных колоний.

Социально-демографическая структура женщин, совершивших преступления

В России зафиксировано снижение *общей численности осужденных*, находившихся в исправительных колониях для взрослых. Рассмотрим указанные тенденции за десять лет: с 2011 г. количество осужденных (639 626 чел.) сократилось на 81,4 %, а именно до 352 573 человек в 2021 г. В то же время динамика женской преступности в России не столь интенсивна (рис. 1).

Представленные числовые показатели указывают на снижение преступности в период с 2017 по 2021 гг., но при этом в разном процентном

Рис. 1. Динамика женской преступности в России за период с 2017 по 2021 г.

Источники: (Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России; Статистические данные: характеристика осужденных)

соотношении: на 6,3 % сократилась численность женщин, совершивших преступления; на 12,3 % произошло снижение численности выявленных за отчетный период лиц, совершивших преступления; на 28,8 % упала численность осужденных, содержащихся в исправительных колониях для взрослых на территории Российской Федерации. Следовательно, индикаторы женской преступности на фоне общей преступности России устойчивы, отмечается слабый темп снижения девиантного поведения среди женщин.

С 2011 по 2021 г. изменилась не только численность, но и структура преступления, о чем можно судить, анализируя структуру осужденных по различным срокам заключения (табл. 1). В 2021 г., согласно официальным статистическим данным от ФСИН РФ, содержались в исправительных колониях для взрослых 352 573 осужденных, из них наибольшее число осужденных (включая женщин) приговорены на срок заключения (наказания) от пяти до десяти лет — 129 372 человек (почти 37 %). Следующими по численности представлены осужденные, срок заключения которых составлял от трех до пяти лет — 67 327 человек (почти 20 %). Таким образом, в 2021 г. в исправительных колониях России на срок наказания от пяти до десяти лет лишения свободы содержалось на 17 %, или 62 045 осужденных обоих полов, больше, чем на срок наказания от трех до пяти лет.

Обратим внимание на то, что согласно официальным данным от ФСИН РФ за период с 2011 по 2021 г. самый низкий показатель численности осужденных на срок до одного года пришелся на 2011 г. в значении 8903 чел. (1,4 %) при общей численности осужденных 639 262 человек.

Таблица 1

**Численность осужденных (мужчин и женщин),
отбывающих наказание в исправительных колониях для взрослых
в РФ в 2011 и 2021 г. по различным срокам заключения
(по: Статистические данные: характеристика осужденных)**

Срок заключения:	2011, чел. / %		2021, чел. / %	
до 1 года	8 903	1,392	14 643	4, 153
от 1 до 3 лет	134 606	21,044	60 581	17,183
от 3 до 5 лет	151 162	23,633	67 327	19,096
от 5 до 10 лет	242 137	37,856	129 372	36,694
от 10 до 15 лет	72 248	11,295	55 591	15,767
от 15 до 20 лет	23 046	3,603	17 429	4,943
от 20 до 25 лет	5623	0,879	5328	1,511
от 25 до 30 лет	277	0,043	327	0,093
пожизненно	1624	0,254	1975	0,560
ВСЕГО	639 626		352 573	

В течение десяти лет, с 2011 г., наблюдается рост показателя (+2,8 %), в итоге в 2021 г. численность осужденных лиц на срок до одного года выросла на 5740 человек, несмотря на падение общей численности осужденных, содержащихся в исправительных колониях России, на 44,9 % (с 639 626 — в 2011 г. до 352 573 — в 2021 г.).

Статистические показатели численности осужденных *по возрасту на момент совершения ими преступления* в 2021 г. в России представлены на рисунке 2. Наиболее многочисленную группу представляют осужденные в возрасте от 26 до 55 лет — 292 187 человек, в которой численно объединяются несколько возрастных групп от 25 до 35 лет и от 36 до 55 лет, к сожалению, детализированных данных по возрастным группам нет в открытых источниках, что искажает представление современного социологического образа преступности в России, также в официальной статистической информации об осужденных от ФСИН России необходимо проводить детализацию образовательных и иных характеристик мужчин и женщин, отбывающих наказание.

На основе официальных статистических показателей за 2021 г., представленных на портале правовой статистики Генеральной прокуратуры

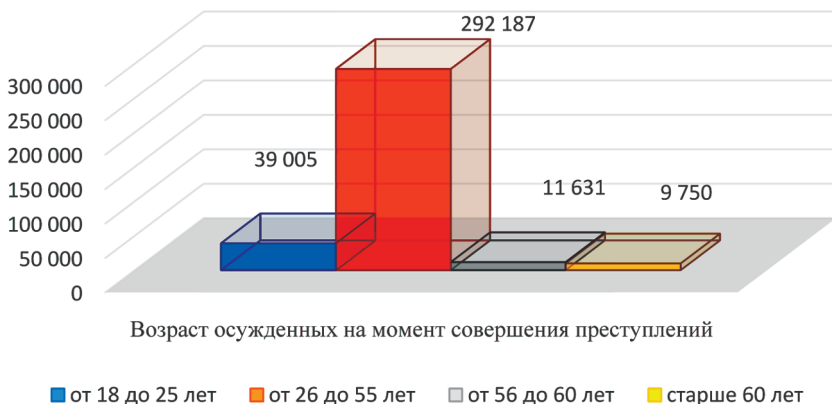

Рис. 2. Численность осужденных по возрасту на момент совершения ими преступления в 2021 г. в России

Источник: (Статистические данные: характеристика осужденных).

Российской Федерации, распределение выявленных за отчетный период женщин, совершивших преступления, по возрасту следующее: 952 (0,7 %) — от 14 до 15 лет; 1881 (1,4 %) — от 16 до 17 лет; 15 032 (10,9 %) — от 18 до 24 лет; 16 008 (11,6 %) — от 25 до 29 лет; 82 846 (60,2 %) — от 30 до 49 лет; 21 005 (15,3 %) — от 50 лет и старше (Социальный портрет преступности по РФ).

Такое социально-правовое явление, как женская преступность, выражается не только через количественную массу совершенных преступлений в социальном пространстве за определенный отрезок времени, но и через численность и социальные характеристики самих осужденных женщин, отбывающих наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы: их возраст, семейное положение, наличие детей, уровень образования, родственные связи.

Так, в общую численность женщин, совершивших преступления за 2021 г., — 137 724 — входят 2833 (2,1 %) несовершеннолетних девушек. Отмечается наибольший процент противоправной деятельности у женщин от 30 до 49 лет в 2021 г. — 60,2 %, или 82 846 человек. Следующими по численности является возрастная категория женщин старше 50 лет, их в 2021 г. было выявлено 21 005 (15,3 %), далее прослеживаются возрастные категории от 25 до 29 лет — 16 008 (11,6 %) и от 18 до 24 лет — 15 032 (10,9 %). То есть суммарное значение численности последних двух возрастных категорий женщин в интервале от 18 до 29 лет находится

в 2021 г. на отметке в 31 040 (22,5 %) женщин, выявленных за отчетный период за совершение противоправного деяния в обществе. Таким образом, молодых женщин-преступниц в возрасте от 18 до 29 лет выявлено за 2021 г. на 10 035 женщин (или на 7,3 %) больше, чем женщин-преступниц старше 50 лет. Пропорциональное соотношение возрастных групп женщин-преступниц за период с 2017 по 2021 г. указывает на то, что доля женщин, совершивших преступления и находящихся в этот момент в возрасте 50 лет или старше, постепенно растет. Так, с 2017 г. доля таких женщин выросла к 2021 г. на 1,03 %, достигнув 15,3 %. Отметим, что доля мужчин, совершивших преступления в России в возрасте от 50 лет, в сравнении с женщинами ниже: в 2017 — 10,5 %, в 2021 — 11,9 %.

Итак, при общей численности на 2021 г. осужденных, отбывающих наказание в исправительных колониях, 352 573 человек на момент возникновения девиантного поведения, предусматривающего законом наложение наказания на виновного, возрастное распределение произошло следующим образом: 82,9 % осужденных в возрасте 26–55 лет; 11,0 % — 18–25 лет; 3,3 % — 56–60 лет и 2,8 % — старше 60 лет. Официальные статистические данные ФСИН РФ за период с 2009 по 2021 г. показывают, что на протяжении этого периода процентное соотношение между группами рассмотренных возрастных интервалов устойчиво, что свидетельствует об общих тенденциях и сохраняющейся склонности к преступной деятельности именно активной и трудоспособной части населения России.

Показатели состояния рецидивной преступности на сегодняшний день являются важнейшими индикаторами уровня преступности и преступной активности в России, подавляющий процент осужденных на отбывание наказания в исправительных колониях России относится к лицам, возраст которых от 26 до 55 лет (табл. 2). Общая численность осужденных-рецидивистов в исправительных колониях для взрослых в 2021 г. составила 215 143 человек, при этом впервые осужденных к лишению свободы в 2021 г. было меньше — 137 430 человек. Таким образом, в 2021 г. 61 % осужденных к лишению свободы уже совершали ранее преступления, а 40 % составляет доля рецидивистов, которые совершили три или более преступных деяний под угрозой наказания, 21 % осужденных совершили противоправный акт уже второй раз. Доля лиц, ранее совершивших преступления, в общей численности выявленных лиц, совершивших преступления за отчетный 2021 г., составила 58,2 %. Доля лиц, совершающих преступление впервые и содержащихся в исправительных колониях, выросла за период с 2017 по 2021 г. до 61,0 %, т.е. на 7,6 % в сравнении

Таблица 2

**Общие сведения о состоянии рецидивной преступности в России
за период с 2017 по 2021 г.**

**(по: Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России;
Статистические данные: характеристика осужденных)**

Индикаторы	2017	2018	2019	2020	2021
Выявлено лиц, совершивших преступления за отчетный период, чел.	967 103	931 107	884 661	852 506	848 320
Выявлено лиц, ранее совершивших преступления, чел.	541 541	525 475	504 416	492 107	493 813
Доля лиц, ранее совершивших преступления в общей численности выявленных лиц, совершивших преступления, %	55,99	56,44	57, 02	57,72	58,21
Численность осужденных, содержащихся в исправительных колониях для взрослых, чел.	495 016	460 921	423 825	376 140	352 573
Освобождено осужденных на конец года, чел.	217 320	221 731	209 094	186 767	168 403
Численность лиц, которые осуждены к лишению свободы впервые, чел.	230 368	210 922	195 810	144 861	137 430
Численность лиц, которые осуждены к лишению свободы второй раз, чел.	91 108	83 707	75 117	81 756	74 467
Численность лиц, которые осуждены к лишению свободы три и более раз, чел.	173 540	166 292	152 898	149 527	140 676
Общая численность осужденных-рецидивистов, чел.	264 648	249 999	228 015	231 283	215 143
Доля осужденных-рецидивистов в общей численности осужденных, содержащихся в исправительных колониях для взрослых, %	46,537	45,761	46,201	38,511	38,979
Доля осужденных впервые в общей численности осужденных, содержащихся в исправительных колониях для взрослых, %	53,463	54,239	53,799	61,49	61,021

с данными за 2017 г. При этом 39,0 % (или 215 143 осужденных) за 2021 г. составила доля осужденных-рецидивистов, содержащихся в исправительных колониях России.

В целом на территории России в 2021 г. отмечался рост на 4218 преступлений, относящихся к категории особо тяжких, что также отражается в росте численности осужденных по сроку от десяти лет лишения свободы или более строгое наказание (табл. 3).

При сравнении 2021 и 2020 гг. рост выразился в большем количестве преступных инцидентов по данной категории преступлений — на 9347. За неполный отчетный год в период с января по ноябрь 2022 г. отмечается рост преступлений, относящихся к особо тяжким, их показатель достиг уже 115 911 зарегистрированных преступлений по стране, т.е. по данной категории преступлений отметку 2021 г. в 114 046 зарегистрированных преступлений перешли на 1845 человек больше. За 2021 г. выявлено 493 813 лиц, которые ранее уже совершали противоправные деяния. За тот же отчетный период 2021 г. выявлено 543 965 человек, которые совершили преступление и не имели источника дохода (их доля составила 64,1 % от общего количества лиц, совершивших преступления).

Увеличение доли преступников, не имеющих дохода, произошло в течение нескольких лет с 63,8 % в 2019 г. до 64,1 % в 2021 г. (Социальный портрет преступности по РФ). При этом за более продолжительный период с 2013 по 2021 г., согласно официальной статистике, происходят колебания данного показателя в пределах 3,5 %. За неполный отчетный год с января по ноябрь 2022 г. подъем уровня преступности в стране отражается через увеличение доли лиц, совершивших преступления и не имеющих дохода на момент совершения противоправного деяния, до 65 % (491 367 чел.), преступников-рецидивистов до 58 % (493 813 преступников-рецидивистов), женщин-преступниц до 16,3 % (122 929 чел.) в общем количестве выявленных преступников.

Несмотря на то что доля женской преступности за 2021 г. составила 16,2 % (137 724 чел.), в общей массе выявленных лиц, совершивших преступления в России, согласно официальным данным, размещенным на портале правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации за 2021 г., не имели постоянного источника дохода на момент противоправного акта поведения 85 279 женщин, их доля составила 67,7 % среди выявленных женщин-преступниц за 2021 г. Таким образом, статистическая вероятность проявления девиантного поведения из-за отсутствия финансового или иного дохода именно у женщин выше. Более того, в 2021 г. численность женщин-преступниц в шесть раз меньше выявленных преступников — лиц мужского пола.

Таблица 3

Общие сведения о состоянии преступности в России за период с 2017 по ноябрь 2022 г.
(по: Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России)

Зарегистрировано преступлений по отчетным периодам	январь- ноябрь 2022	январь- декабрь 2021	январь- декабрь 2020	январь- декабрь 2019	январь- декабрь 2018	январь- декабрь 2017
Зарегистрировано преступлений за отчетный период	1 823 348	2 004 404	2 044 221	2 024 337	1 991 532	2 058 476
особо тяжких	115 911	114 066	109 848	104 719	112 201	113 712
тяжких	380 542	446 013	453 356	389 373	335 973	323 591
средней тяжести	555 220	604 403	635 527	654 912	660 056	706 636
небольшой тяжести	771 675	839 921	845 487	875 332	883 301	914 535
Выявлено лиц, совершивших преступления за отчетный период	754 884	848 320	852 506	884 661	931 107	967 103
Выявлено женщин, совершивших преступления за отчетный период	122 929	137 724	136 318	142 505	145 486	146 916
Доля женщин в общем количестве выявленных лиц, совершивших преступления за отчетный период, %	16,28	16,23	15,99	16,11	15,63	15,19
Выявлено лиц, ранее совершивших преступления за отчетный период	442 128	493 813	492 107	504 416	525 475	541 541
Доля лиц, ранее совершивших преступления, в общем количестве выявленных лиц, совершивших преступления за отчетный период, %	58,57	58,21	57,72	57,02	56,44	56
Выявлено лиц, совершивших преступления и не имеющих дохода	491 367	543 965	544 829	563 986	601 252	635 517
Доля лиц, совершивших преступления и не имеющих дохода, в общем количестве выявленных лиц, совершивших преступления за отчетный период, %	65,09	64,12	63,91	63,75	64,57	65,71

Таблица 4

Сведения о численности осужденных женщин в России по видам преступлений за период с 2017 по 2021 г. (по: Статистические данные: характеристика осужденных)

Численность женщин, которые осуждены за преступления за год:	2021	2020	2019	2018	2017
за преступления, связанные с наркотиками по ст. ст.228 — 233 УК РФ	12 101	12 701	13 423	14 272	14 980
Доля женщин, осужденных за преступления, связанные с наркотиками по ст. ст. 228–233 УК РФ, в общей численности женщин, которые осуждены за преступления, %	42,55	42,32	40,57	40,05	39,41
за кражу по ст.158 УК РФ	3 618	3 630	4 250	4 494	4 774
за грабеж по ст.161 УК РФ	481	581	759	892	1 059
за разбой по ст.162 УК РФ	401	522	592	704	768
за хулиганство по ст.213 УК РФ	0	0	0	4	1
за вымогательство по ст.163 УК РФ	29	30	33	41	40
за прочие преступления	3 289	3 241	3 974	4 020	4 060
за убийство по ст. ст.105, 107,108,109, ч.4 ст. 111 УК РФ	6 474	7 061	6 633	7 165	7 873
за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью ч.1–3 ст.111 УК РФ	1 848	2 053	3 252	3 834	4 270
за изнасилование по ст.131 УК РФ и преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних по ст. п. «а» ч.3, п. «б» ч.4, ч.5 ст. 131, п. «а» ч.3, п. «б» ч.4, ч.5 ст.132, ч.2 ст.133, ст.134, 135 УК РФ	199	193	169	211	186
ВСЕГО:	28 440	30 012	33 085	35 637	38 011

За период с 2017 по 2021 г. выявлено 708 949 женщин, совершивших преступления, а направлены по приговору суда отбывать срок наказания в исправительные колонии России за различные виды преступлений 198 197 женщины (табл. 4). По данным ФСИН РФ, на июнь 2022 г. в исправительных учреждениях содержалась 28 361 женщина, а в 2021 г. насчитывалось 28 440 женщин. Мы уже отмечали подъем женской преступ-

ности в России на 0,2 % с 2020 на 2021 г., при этом тенденция роста женской преступности продолжает сохраняться. На 2021 г. доля осужденных женщин, содержащихся в исправительных колониях, по статьям 228–233 УК РФ в общей массе осужденных по различным видам преступлений 42,6 %, этот показатель с 2017 г. двигался в сторону постепенного роста с 39,4 %, т.е. вырос на 3,1 %. Процентное соотношение осужденных по различным видам преступлений показывает, что почти каждая вторая женщина в России осуждена за наркотики.

Таким образом, преступность женщин в России как статистически устойчивое социальное явление формируется под давлением набирающего обороты падения уровня доходов в России. Разрастание среди женщин преступлений, связанных с наркотиками, несмотря на жесткие санкции закона, происходит на фоне отсутствия финансовых доходов у них как средство быстрого заработка, а не только ради тяги к потреблению наркотических средств, ведь выявление лиц, совершивших преступление в состоянии наркотического опьянения в России, за период с 2013 по 2021 г. упал почти в четыре раза (с 25 221 до 6620 лиц, выявленных в состоянии наркотического опьянения).

Укажем и на то, что доля осужденных женщин от 18 до 55 лет равна 93 % (табл. 5). Доля осужденных женщин в возрасте от 18 до 35 лет, содержащихся в исправительных колониях России, составляет 41 %. Возраст определяет не только поведение человека, его потребности и интересы, состояние здоровья, планы на будущее, но и возможности создания семьи, получение специальности, образования (Потапов 2016).

Таблица 5

Возрастные характеристики осужденных женщин, отбывающих наказание в исправительных колониях общего режима в РФ, 2022 г.¹

Возрастные интервалы, лет	Численность, чел. (%)
18–35	11 666 (41)
36–55	14 805 (52)
56–60	1 087 (4)
61–65	523 (2)
старше 65	280 (1)
ВСЕГО	28 361

¹ Таблицы 5–7 составлены по статистическим данным, приведенным в информационном письме ФСИН РФ № исх-03-39755 от 17.06.2022г. об осужденных женщинах, отбывающих наказание в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы РФ [<https://fsin.gov.ru/statistics/>] (дата обращения: 08.09.2023).

Брачно-семейные отношения женщин-осужденных отражены в таблице 6. Некоторые из женщин имеют детей или родили детей, уже находясь в заключении.

Таблица 6

Семейное положение осужденных женщин, отбывающих наказание в исправительных колониях общего режима на территории Российской Федерации, на 2022 г.

Семейное положение	Численность, чел. (%)
замужем	6 322 (22)
не замужем	11 801 (41)
состоят в гражданском браке	4 986 (18)
в браке не состоят	5 252 (19)
ВСЕГО	28 361

Доля осужденных женщин по России со средним образованием составляет 23 %. Наибольшее число осужденных женщин имеют среднее профессиональное образование или незаконченное высшее образование — 34 %. В показателях по исправительным учреждениям России содержатся данные о 630 (2 %) осужденных женщинах, которые не имеют образования вовсе. Еще 56 % (15 933 из 28 361) не приступали к получению профессионального или высшего образования (табл. 7).

Таблица 7

Осужденные женщины, отбывающие наказание в исправительных колониях общего режима на территории Российской Федерации, по уровню образования на 2022 г.

Уровень образования	Численность, чел. (%)
не имеют образования	630 (2)
имеют начальное образование	982 (3)
имеют основное общее образование	4473 (16)
имеют среднее образование	6343 (23)
имеют начальное профессиональное образование	4001 (14)
имеют среднее профессиональное, незаконченное высшее	9583 (34)
имеют высшее образование	2349 (8)
не имеют профессии	3615 (13)
ВСЕГО	28 361

Согласно информации ФСИН РФ, проводится работа по профессиональной ориентации осужденных в соответствии с потребностями в рабочих кадрах на производственных объектах исправительного учрежде-

ния. С целью обучения не имеющих профессии осужденных комплектование учебных групп по основным программам профессионального обучения осуществляется круглогодично.

Таким образом, социально-демографическая структура показывает обобщенный социальный профиль осужденных женщин, который позволяет сделать выводы об их социальном статусе. Социальный статус большинства содержащихся в исправительных колониях женщин невысокий, что определяется низким уровнем образования, отсутствием профессии и, как следствие, низким уровнем дохода. Почти 80 % женщин не состоят в зарегистрированном браке, что также является одним из факторов низкого дохода, особенно у тех женщин, которые имеют детей. Низкий социальный статус становится фактором, определяющим специфику повседневных практик и социальной адаптации женщин в исправительных колониях и после выхода на свободу.

Повседневные практики и специфика социальной адаптации осужденных женщин

Эксперты, служащие во ФСИН РФ, отмечают, что проводится системная работа по повышению социального статуса осужденных женщин. В первую очередь реализуются проекты повышения уровня образования по профессиям (специальностям), востребованным в стенах исправительных учреждений. К негативным тенденциям, по словам экспертов и специалистов СО НКО, относится то, что полученное осужденными женщинами образование, соответствуя потребностям исправительных колоний в закрытии вакансий в основном на швейном производстве, не всегда соответствует потребностям самой женщины. Основная масса осужденных вынуждены получать то образование, которое декларируется руководством. В то же время в период заключения можно дистанционно получить практически любое образование (высшее или дополнительное), так как в исправительных учреждениях предоставляется доступ к соответствующим образовательным технологиям, что позволяет осужденным эффективнее адаптироваться.

Организовано получение образования, в том числе высшего образования, это на 50% дешевле, чем на воле, осужденные не могут учиться бесплатно в период пребывания в колонии (эксперт 4, психолог ФСИН РФ).

Согласно информации от ФСИН РФ, с начала 2021/2022 г. все осужденные женщины, не имеющие аттестата об окончании 9 класса или про-

фессии, приступают к обучению при поддержке специалистов системы исправления. В некоторых случаях полученное в рамках исправительной системы образование позволяет найти работу женщинам после освобождения.

Например, у нас есть подопечная, она, до того как попала в колонию, не умела шить, сейчас успешно работает в городском ателье (эксперт 5, специалист СО НКО).

После освобождения из исправительного учреждения уровень образования женщин и приобретенная ими профессия не всегда позволяют получить высокооплачиваемую работу, часто приходится трудоустраиваться на несовременные, непрестижные и малоодоходные рабочие места. Осужденные женщины работают в колониях общего режима на низкооплачиваемых рабочих местах на базе исправительных учреждений, так как это единственный способ получения денег, необходимых для оплаты проезда до места проживания после выхода на свободу. Отказаться от работы осужденные не имеют права, так как это является нарушением установленного порядка отбывания наказания (ч. 6 ст. 103 УИК РФ). Участие в трудовой деятельности также становится основой формирования личной характеристики осужденной.

Созданы условия, для того чтобы зарабатывать, в том числе для погашения, возмещения исковой задолженности (эксперт 4, психолог ФСИН РФ).

Большая работа проводится для восстановления гражданского статуса, если есть проблемы с документами.

Специалисты по социальной работе помогают восстановить документы — СНИЛС, полис и т.д., оформить медицинскую страховку, пенсию, инвалидность и т.д. (эксперт 4, психолог ФСИН РФ).

Экспертам были заданы вопросы о повседневных практиках осужденных, попавших в исправительное учреждение за хранение и распространение наркотиков, так как именно по этим статьям наиболее интенсивно растет количество осужденных в возрасте 18–25 лет, в том числе женщин.

У нас в колонии очень много совсем молодых девушек, они «рвались» повысить материальное положение, им не хватало стипендии, роди-

телей было стыдно просить, с работой их «кидали», потому начали распространять... (эксперт 2, психолог ФСИН РФ).

Я вижу, какие девчонки по глупости, по недалёковидности попадают в эти учреждения. Думают, что это «легкие» деньги, но какой ценой? Да и не такие деньги, например 200 рублей. И серьезные сроки, например срок 10 лет для 19-летних девушек — это серьезные последствия (эксперт 1, психолог ФСИН РФ).

Я могу рассказать о женщинах, которые попали в колонию по 228 статье УК за распространение наркотиков. Им хотелось побольше денег, они считали, что благодаря деньгам смогу решить какие-то проблемы. Но, к сожалению, проблемы не решили, а попали в еще более серьезную ситуацию. Больше всего некоторые жалеют о том, что на свободе растут дети, которых они не видят и не могут воспитывать. Дети на данный момент не знают маму, т.е. женщины вынуждены принимать решение — воспитывать ребенка в колонии или отдать на воспитание родственникам, конечно, маленькие дети до трех лет не будут знать и узнавать при встрече маму (эксперт 2, психолог ФСИН РФ).

Серьезная проблема, по словам экспертов, стоит перед женщинами, которые имеют детей. Выделены следующие практики рождения и воспитания осужденными женщинами детей. Во-первых, женщины, родившие детей до заключения под надзор, вынуждены выбирать, если имеют компетенции принять решение, — отдать ребенка в детский дом при исправительном учреждении, в иное учреждение, оставить под опекой родственников. Не при всех колониях и не в каждом регионе есть специализированные учреждения для ухода за детьми. В большинстве случаев женщина не подает прошение о размещении ребенка в детский дом при исправительной колонии. Женщина надеется, что останется в регионе, ближе к основному месту проживания родственников, которые смогут взять ребенка и будут ее навещать. Если родственники не готовы заботиться о ребенке, возможно его помещение в специализированное учреждение в регионе проживания, подведомственное органам социальной защиты населения. Сегодня при женских колониях имеется 13 домов ребенка, в которых на 1 марта 2022 г. проживало 337 детей в возрасте до трех лет (Щербакова 2023). Список данных учреждений недоступен на официальных ресурсах ФСИН РФ и составлен авторами на основе доступной в сети Интернет информации (табл. 9). Кроме домов ребенка,

в некоторых исправительных колониях есть места в общежитии для совместного проживания матери и ребенка, однако количество мест там ограничено, и эксперты отмечают, что есть очереди на проживание в таких общежитиях, особенно в связи с тем, что при совместном проживании с ребенком режим пребывания в учреждении смягчается.

Таблица 9

**Примерный перечень домов ребенка
при исправительных колониях России**

	Лимит напол- нения	Количе- ство мест в доме ребенка	Источник информации (дата обращения: 11-20.11.2023)
1	2	3	4
Исправительная колония № 1 УФСИН РФ по Вла- димирской области	1130	50	https://fsin-mag.ru/stati/fku-ik-1-ufsin-rossii-po-vladimirskoy-oblasti.html
Исправительная колония № 2 УФСИН РФ по Рес- публике Мордовия	820	70	https://f-atlas.ru/catalog/object/ik2vas/
Исправительная колония № 2 ГУ ФСИН РФ по Ни- жегородской области	1415	50	https://f-atlas.ru/catalog/object/ik2nn/
Исправительная колония № 3 ГУ ФСИН РФ по Краснодарскому краю	1093	85	https://23.fsin.gov.ru/structure/fku_ik_3_krasnodarskiy_kray_p_dvubratskiy.php http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102467195&b acklink=1&&nd=102945129
Исправительная колония № 5 УФСИН РФ по Мо- сковской области	347	113	https://f-atlas.ru/catalog/object/ik5mozhaisk/
Исправительная колония № 5 ГУ ФСИН РФ по Че- лябинской области	1068	100	http://fkurf.ru/uralskiy_fo/chelyabinskaya_oblast/fku_ik-5.html
Исправительная колония № 6 ГУ ФСИН РФ по Свердловской области	1284	103	https://f-atlas.ru/catalog/object/ik6ek/
Исправительная колония № 12 УФСИН РФ по Ха- баровскому краю	898	93	https://fsin-mag.ru/stati/fku-ik-12-ufsin-rossii-po-habarovskomu-krayu.html

Окончание таблицы 9

1	2	3	4
Исправительная колония № 15 ГУ ФСИН РФ по Самарской области	853	50	https://f-atlas.ru/catalog/object/ik15samara/
Исправительная колония № 35 ГУ ФСИН РФ по Кемеровской области	961	50	http://fkurf.ru/sibirskij_fo/kemerovskaya_oblast/fku_ik-35.html http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102467195&b acklink=1&nd=102945129
Исправительная колония № 22 ГУ ФСИН РФ по Красноярскому краю	707	40	https://f-atlas.ru/catalog/object/ik22kras/
Исправительная колония № 5 УФСИН РФ по Саратовской области	600	50	https://f-atlas.ru/catalog/object/ik5saratov/
Исправительная колония № 18 УФСИН РФ по Ростовской области	467	42	http://fkurf.ru/yuzhnyj_fo/rostovskaya_oblast/fku_ik-18.html

Во-вторых, женщины, попавшие в исправительное учреждение беременными или забеременевшие в период долгосрочных свиданий. Беременность во втором случае может наступить и с целью смягчения режима, и с целью достижения индикаторов вхождения в программу досрочного освобождения. В этом случае важными являются задачи развития материнских чувств, так как специалисты СО НКО отмечают случаи оставления детей, рожденных в исправительных учреждениях, в опасности после освобождения. Специалисты редко, но сталкиваются с ситуациями, когда мать дезадаптирована. Если ребенок находился в доме ребенка, она не может осуществлять уход за ним и т.д.

Оставление ребенка в опасности может быть обусловлено заболеваниями женщины, депрессивными состояниями и др. В то же время эксперты отмечают, что мотивация женщины к исправлению выше, если она проживает совместно с ребенком в исправительном учреждении, поэтому в федеральную целевую программу «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2026 гг.)» внесены индикаторы строительства новых общежитий для совместного проживания матери с ребенком, а также реконструкции функционирующих помещений, в том числе домов ребенка¹.

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 2 декабря 2020 г. № 1992 «О внесении изменений в федеральную целевую программу «Развитие

Для женщин с детьми в центрах probation должны быть разработаны комплексные меры поддержки, так как при выходе из исправительной колонии необходимо не только обеспечивать уход за ребенком, но и зарабатывать средства для его материального обеспечения. Эксперты отмечают, что не все женщины справляются с такими задачами, некоторое помещают детей на временное содержание в специализированные учреждения системы социальной защиты населения. В целом эксперты считают, что женщины более адаптивны, чем мужчины.

Женщины более адаптированы, т.е. могут быстрее адаптироваться. У женщин чаще всего сохраняются семейные связи. Браки часто рушатся, но остаются дети и поддерживают родители. Мужчины адаптируются сложнее, а после выхода на свободу, мужчине нужна не только семья, но и возможность реализовать профессиональные навыки, необходима занятость (эксперт 3, психолог ФСИН РФ).

Для облегчения адаптации в исправительных учреждениях выстроена комплексная работа.

За полгода до освобождения граждане включаются в специализированные программы. У нас работает «Школа подготовки к освобождению». Здесь участвуют все службы. Еще находясь в исправительном учреждении человек получает помощь социальных работников, психологов. К этому времени уже окончено, если было необходимо, профессиональное обучение. А дальше зависит от человека, как он этими возможностями воспользуется (эксперт 4, психолог ФСИН РФ).

Негативным фактором адаптации является алкогольная или наркотическая зависимость женщин. Зависимость становится и причиной рецидивов. Эксперты отмечают важность реализации Ведомственной программы социально-психологической работы в отношении лиц, имеющих алкогольную и наркотическую зависимость, содержащихся в следственных изоляторах и исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы, которая была в 2018 г. запущена в пилотных учреждениях, а сегодня реализуется на территории всей России (см.: Распоряжение ФСИН России от 21.02.2018 № 52-р).

уголовно-исполнительной системы (2018–2026 гг.)» [<http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102467195&backlink=1&&nd=102945129>] (дата обращения 11.11.2023).

С целью профилактики рецидивов с 2018 г. реализуется ведомственная программа по работе с лицами, зависимыми от алкогольных и наркотических средств. Курс от 4 до 6 месяцев (эксперт 2, психолог ФСИН РФ).

Если нет проблем с алкоголем, то все решается. Если есть проблемы с алкоголем, все проблемы усугубляются (эксперт 5, специалист СО НКО).

Если зависимостей нет, это не является гарантией успешной адаптации, так как большое значение имеют социальные связи, без которых женщины страдают депрессивными состояниями.

Какой объем работы проводится в ИК — восстановление социально-полезных связей, не все родственники, к сожалению, понимают, что нужно поддержать, когда человек попал в колонию, его многие осуждают. Человек должен успешно вернуться в общество, а для этого необходимо поддерживать связи, но осужденные часто стесняются общаться с родственниками. В колонии есть возможность общаться — установлены телефонные аппараты, места для кратко и долгосрочных свиданий (эксперт 4, психолог ФСИН РФ).

Подопечные выбирают разные стратегии, кто-то не стесняется говорить о том, что был в исправительном учреждении, кто-то говорит, кто-то вынужден молчать, так как этого требуют родные. Некоторые подопечные рассказывают, что понимают, сколько неприятностей принесли для своих родных и близких, понимают почему родственники по большей части молчат о них (эксперт 8, специалист СО НКО).

Наиболее неблагоприятная ситуация складывается с пожилыми или неизлечимо больными осужденными, не имеющими социальных связей.

Если нет социальных связей, люди попадают в социальные приюты, это в основном пенсионеры и те, кто освобождается по заболеваниям и фактически приходит в приют умирать. Но есть те, кому мы помочь не в силах, — это мужчины и женщины с алкогольной и наркотической зависимостью. Их в приюты не устроить, с работой им не помочь, их увольняют после нескольких запоев (эксперт 6, специалист СО НКО).

Длительное пребывание в исправительном учреждении негативно влияет на социальную адаптацию после выхода их учреждения.

Например, молодая женщина провела в исправительном учреждении около трех лет. Потом ей было сложно знакомиться с новыми людьми, потому что нужно было как-то о себе рассказать. Многие удивлялись, что она адекватная, потому что у каждого есть свой образ человека из колонии, и этот образ не всегда совпадает с тем, что они видят (эксперт 5, специалист СО НКО).

При длительном сроке заключения не только теряются социальные связи, но и не накапливаются знания о мире, после длительного заключения некоторые удивляются обычным вещам» (эксперт 8, специалист СО НКО).

До введения закона о пробации постпенитенциарную работу выполняли заинтересованные в поддержке бывших осужденных СО НКО.

Мы продолжительное время ездим в исправительные колонии, привозим выступления, концерты. В итоге у нас формируется представление об женщинах, с которыми мы общаемся. Есть случаи, когда мы давали рекомендации бывшим осужденным от своей общественной организации для трудоустройства (эксперт 5, специалист СО НКО).

Сегодня закон о пробации позволит систематизировать технологии помощи осужденным на основе анализа социальных практик. Выявлено, что наиболее уязвимые категории женщин — женщины, имеющие несовершеннолетних детей, пожилые женщины, зависимые и не имеющие профессии, которая будет востребована на рынке труда (табл. 10).

Заключение

В 2022 г. в условиях демографического спада общая численность женщин в исправительных колониях России за различные виды преступлений достигла 28 361 человек. Тенденция роста женской преступности на территории России продолжает сохраняться. Доля женщин в общем количестве выявленных лиц, совершивших преступления, только за январь-ноябрь 2022 г. достигла 16,3 % (122 929 женщин), а это в относительных показателях уже выше значения, чем за 2021 г. — 16,2 % (но в абсолютных показателях значения ниже — 137 724 женщины).

Таблица 10

Основные проблемы реализации социальных практик осужденных женщин

Социальные практики	Позитивные результаты	Проблемы
Работа на швейном производстве	Получение новой профессии. Получение заработной платы	Не соответствие профессии потребностям женщины
Получение дистанционно высшего образования	Повышение уровня образования	Получить образование возможно только на возмездной основе
Завершение процесса получения основного общего образования	Получение аттестата	Отсутствие мотивации у заключенных
Коммуникация со специалистами по социальной работе	Восстановление утраченных документов	Временные затраты, противодействие родственников (не предоставление документов и др.)
Коммуникация с СО НКО	Расширение знаний о внешнем мире. Возможность получить рекомендации при трудоустройстве	Отсутствие мотивации у заключенных
Коммуникация с несовершеннолетними детьми	Возможность видеть ребенка после работы, если ребенок размещен в специализированном учреждении при колонии. Возможность осуществлять уход за ребенком при проживании в общест-житии колонии в местах совместного проживания матери ребенка	При отдельном проживании матери и ребенка у матери не формируются навыки ухода за ребенком. Некоторые женщины используют ребенка для смягчения режима и отказываются от него после выхода из колонии. Фиксируется недостаток специализированных мест проживания матери и ребенка в общежитиях. Наблюдается нарушение коммуникации матери и ребенка в следующих случаях: при колонии нет специализированных учреждений для детей до трех лет; ребенок старше трех лет и проживает далеко от матери с родственниками или в специализированном учреждении в другом городе или регионе

Окончание таблицы 10

Социальные практики	Позитивные результаты	Проблемы
Обучение в «Школе подготовки к освобождению»	Получение помощи от психологов, социальных работников	Прекращение контактов со специалистами после освобождения
Участие в ведомственной программе по работе с лицами, зависимиыми от алкогольных и наркотических средств	Нет доступа и условий для потребления психоактивных веществ. Работа с психологами	Рецидивы после освобождения из колонии
Практики проживания одиночества	Для преодоления чувства одиночества установлены телефонные аппараты, места для кратко- и долгосрочных свиданий. Налаженная социальная коммуникация является базой успешной адаптации	Нет коммуникации с родственниками по внешним и внутренним причинам. Внешние — отсутствие родственников, отказ родственников от общения. Внутренние — страх осуждения, депрессия и др.
Практики проживания в жесткой иерархической системе	Реализуется цель — исправление поведения осужденных	Резкое понижение социального статуса сопряжено с развитием психологических проблем
Практики проживания болезни	Осуществляется уход в пенитенциарном учреждении	Сложности помещения в специализированные учреждения вне колонии

Несмотря на то что в 2021 г. доля женщин-преступниц была ниже в шесть раз по сравнению с мужчинами-преступниками в России, именно женщины проявляли девиантное поведение чаще из-за финансовых трудностей. Их доля составила 67,7 % в общей численности выявленных преступниц за 2021 г. Можно предположить, что снижение уровня жизни будет способствовать увеличению преступных деяний лицами, не имеющими дохода. Наибольший процент осужденных женщин составляют женщины в возрасте от 30 до 49 лет (60,2 % на 2021 г.), следующей по численности является возрастная категория женщин от 50 лет (15,3 % на 2021 г.). При этом доля мужчин, совершивших преступления в возрасте 50 лет или старше, в 2021 г. ниже на 3,3 % доли женщин данной возрастной группы. Каждая вторая женщина в России в 2021 г. была приговорена к исправлению и отбыванию наказания по статьям Уголовного закона за хранение и распространение наркотиков, их доля 42,6 % в общей массе осужденных по различным видам преступлений.

С 2017 по 2021 г. в России в процентном соотношении увеличивается разрыв между численностью осужденных за рецидивы и численностью осужденных, содержащихся в исправительных колониях России за впервые совершенное преступление. В 2021 г. доля осужденных за впервые совершенное преступление составила 61,0 %. Наиболее многочисленная группа осужденных-рецидивистов — это лица, которые осуждены к лишению свободы третий раз или более. Несмотря на жесткие санкции закона, наблюдается рост преступности. В период с 2011 по 2021 г. отмечается увеличение сроков пребывания в исправительных колониях, так как на 6,8 % выросла численность осужденных, приговоренных за особо тяжкие преступления к отбыванию наказания от десяти лет лишения свободы и выше.

Отбывание наказания для женщины-преступницы заключается в ограничении ее возможностей и понижении социального статуса. В то же время на путь исправления женщины встают чаще, чем мужчины. Женщин легче мотивировать к законопослушному поведению, а какой-то части из них достаточно даже только оказаться в местах заключения, чтобы переосмыслить свое поведение в социуме, изменить отношение к жизни и окружению (Осокин, Полякова 2016).

На современном этапе наблюдается подъем женской преступности, особенно в части распространения и хранения наркотиков. На профилактику женской преступности необходимо влиять средствами социальной регуляции, а также правовым воспитанием, формированием правовой культуры и правового сознания среди несовершеннолетних девушек

и женщин в учреждения допрофессионального и профессионального образования. Повседневные практики осужденных женщин отражают их социальный статус: чем выше образование и устойчивее социальные связи, тем больше вероятность успешной социальной адаптации.

Таким образом, целью нашего исследования было выявить проблемы социальной адаптации осужденных женщин в зависимости от их социально-демографического статуса. В результате определены основные проблемы реализации социальных практик осужденных женщин, влияющие на их социальную адаптацию (табл. 10). Показано, что на решение указанных проблем, а следовательно на эффективность социальной адаптации, влияет социально-демографический статус женщины. Социальный статус осужденной женщины определяется наличием документов (гражданство, образование, право собственности, медицинский полис и т.д.); уровнем образования; сохранностью здоровья; социальным статусом семьи (доход, наличие жилья и др.), если коммуникация с семьей сохранена; возможностями самореализации на рынке труда. Важно, что указанные индикаторы социального статуса осужденной женщины влияют на уровень жизни женщины после выхода из колонии, который является важным фактором (наряду с мотивацией женщины) эффективности социальной адаптации. Существенно снижает эффективность социальной адаптации зависимость от психоактивных веществ. В этих классификациях не рассматриваются психологические особенности социальной адаптации мужчин и женщин, следовательно, перечисленные индикаторы правомерно применять и для изменения социальной адаптации и мужчин, и женщин. Специфику социальной адаптации женщин можно наблюдать среди осужденных женщин, имеющих детей. В рамках концепции (Liu, Chui, Hu 2022) наибольшую мотивацию успешной социальной адаптации имеют женщины с детьми. Сохранение и/или восстановление контактов с ребенком, детьми является основой целеполагания и реализации целерационального поведения женщин. Мотивация становится основой структурирования социальных практик, направленных на самореализацию (исключая девиантные случаи использования детей только для смягчения режима содержания). В то же время возникает много вопросов, которые нуждаются в исследовании: как отражаются пребывание в колонии детей до трех лет, разлука трехлетних детей с матерью, если срок заключения превышает время пребывания детей с матерью в колонии? и т.д. Ответы на указанные вопросы позволят не только делать выводы о психологическом состоянии ребенка, но и о социальной адаптации матери, что требует проведения дополнительных междисциплинарных исследований.

Литература

Агаев Г.А., Сафин Ф.Ю. (2002) *Теоретические основы исследования причинного комплекса преступности*. СПб.: СПбГУАП; СПбУ МВД России.

Казакова В.А. (2011) *Женщины, отбывающие лишение свободы (общая характеристика). По материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 12–18 ноября 2009 г.* Вып. 5. М.: Юриспруденция.

Казакова В.А., Степанов К.С. (2011) *Женщины, отбывающие лишение свободы (характеристика отдельных категорий). По материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 12–18 ноября 2009 г.* Вып. 6. М.: Юриспруденция.

Кунц Е.В. (2021) Тенденции преступности женщин и исполнения в их отношении наказания в виде лишения свободы. *Ведомости уголовно-исполнительной системы*, 10: 15–20.

Осокин Р.Б., Полякова В.О. (2016) Достижение результатов исправительного воздействия при исполнении лишения свободы в отношении осужденных лиц женского пола: специфика, основные проблемы и пути их решения. *Вестник Московского университета МВД России*, 3: 130–135.

Потапов А.М., Лепшиков А.Н. (2016) О личности осужденных, освобожденных от отбывания наказания в виде лишения свободы. *Научно-практический журнал «Пенитенциарная наука» ВИПЭ ФСИН России. Рубрика «Юридические науки»*, 3(35): 23–30.

Ростовская Т.К., Безвербная Н.А. (2021) Особенности и тенденции женской преступности в России. *Социальное пространство*, 7(1). <https://doi.org/10.15838/sa.2021.1.28.3> [<http://socialarea-journal.ru/article/28857>] (дата обращения: 10.10.2023).

Ростовская Т.К., Нарутто С.В., Ворошилова С.В. (2022) *Правовой статус и социальная адаптация молодых женщин, освобождаемых из мест лишения свободы*. М.: Проспект. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-392-33707-1.2022>.

Ростовская Т.К., Русанова Е.И. (2023) Женская преступность в России: состояние, тенденции, последствия. *Экономика. Право. Общество*, 1(33): 163–174. <https://doi.org/10.21686/2411-118X-2023-1-163-174>.

Селиверстов В.И., Селиверстов И.В. (2012) Правовое положение лиц, освобождаемых от отбывания наказания в виде лишения свободы по акту амнистии (проблемы теории). *Российский ежегодник уголовного права*, 6: 114–479.

Шиян В.И. (2016) Социально-демографическая характеристика личности женщин-преступниц. *Преступность, уголовная политика, закон. Российская криминологическая ассоциация*: 93–98.

Щербак Е. (2023) Преступность в России, 2022 год. *Демоскоп Weekly*, 987–988 [<https://www.demoscope.ru/weekly/2023/0987/barom06.php>] (дата обращения: 10.10.2023).

Austin R.L. (1993) Recent trends in official male and female crime rates: The convergence controversy. *Journal of Criminal Justice*, 21(5): 447–466. [https://doi.org/10.1016/0047-2352\(93\)90031-H](https://doi.org/10.1016/0047-2352(93)90031-H).

Barkan S.E., Bryjak G.J. (2011) *Fundamentals of Criminal Justice*. Sudbury, MA: Jones and Barlett learning.

Brushett R.A. (2013) *Typologies of Female Offenders: A Latent Class Analysis Using the Women's Risk Needs Assessment*. University of Cincinnati.

Coston C.T.M., Ross L.E. (1998) Criminal victimization of prostitutes: empirical support for the lifestyle/exposure model. *Journal of crime and justice*, 21(1): 53–70.

Errol Z., Madsen J.B., Moslehi S. (2021) Social disorganization theory and crime in the advanced countries: Two centuries of evidence. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 191: 519–537. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2021.09.017>.

Gavrilova E., Campaniello N. (2015) Uncovering the Gender Participation Gap in the Crime. *IZA Discussion Paper*, 8982. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2598922>.

Hamberger L.K. (1997) Female Offenders in Domestic Violence: A Look at Actions in Their Context. *Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma*, 1: 115–127.

Larroulet P., Daza S., Bórquez I. (2023) From prison to work? Job-crime patterns for women in a precarious labor market. *Social Science Research*, 110. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2022.102844>.

Liu L., Chui W.-H., Hu Y. (2022) In the name of love: A narrative analysis of a Chinese single mother's rational and emotional pathways into and out of crime. *Asian Journal of Social Science*, 50: 276–283. <https://doi.org/10.1016/j.ajss.2022.04.003>.

Neanidis K.C., Papadopoulou V. (2013) Crime, fertility, and economic growth: Theory and evidence. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 91: 101–121. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2013.04.007>.

Rostovskaya T.K., Bezverbnaya N.A. (2020) Violence against women: Global trends. *Woman in Russian Society*, 2: 89–98. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.2.8>.

Rostovskaya T.K., Kaliev T.B., Zavyalova N.B., Bezverbnyy V.A. (2018) Prevention of violence as a factor of family security: Russian and Kazakhstan experience. *Woman in Russian Society*, 1: 78–88. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.1.7>.

Источники

Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России за отчетные периоды с 2017 по 2021 г. [<http://crimestat.ru/analytics>] (дата обращения: 08.09.2023).

Социальный портрет преступности по РФ за отчетный период 2021 г. [http://crimestat.ru/social_portrait] (дата обращения: 08.09.2023).

Статистические данные: характеристика осужденных по срокам заключения (наказания), содержащихся в исправительных колониях для взрослых [<https://fsin.gov.ru/statistics/>] (дата обращения: 08.09.2023).

Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022, с изм. от 15.03.2023) [https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/74d65340228d64cd6c19a51708f37d4294824ebb/] (дата обращения: 08.09.2023).

Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» [<http://www.kremlin.ru/acts/bank/48882>] (дата обращения: 09.10.2023).

CONVICTED WOMEN STAYING IN THE CORRECTIONAL FACILITY: SOCIO-DEMOGRAPHIC STRUCTURE AND PROBLEMS OF SOCIAL ADAPTATION

Tamara K. Rostovskaya^{1,2} (rostovskaya.tamara@mail.ru),
Ekaterina N. Vasilieva¹ (vasilevaen@yandex.ru),
Ekaterina I. Rusanova² (ei_rusanova@mail.ru)

¹ Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

² Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

³ Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Citation: Rostovskaya T.K., Vasilieva E.N., Rusanova E.I. (2024) Osuzhdennyye zhenshchiny, prebyvayushchiye v ispravitel'nykh koloniyakh: sotsial'no-demograficheskaya struktura i problemy sotsial'noy adaptatsii [Convicted women staying in the correctional facility: socio-demographic structure and problems of social adaptation]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(2): 233–265 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.2.9>. EDN: EBTILO

Abstract. The work examines the dynamics of female crime in Russia for 2011–2022, discusses the socio-demographic structure of convicted women serving sentences in correctional colonies and problems of social adaptation. The relevance of the study is determined by the practical problems of introducing and implementing probation technologies in modern Russia, as well as theoretical problems caused by insufficient knowledge of everyday practices and problems of social adaptation of women in the Russian penitentiary system. As a result, Russian sociology has not formed ideas about the behavioral strategies of convicted women while serving their sentences and after leaving correctional colonies. Object of study: everyday practices of social adaptation of convicted women. Subject of the study: the influence of the status position of a convicted woman in the socio-demographic structure on the everyday practices of her social adaptation. Purpose of the study: to identify problems of social adaptation of convicted women depending on their socio-demographic status. In the first part of the work: the socio-demographic structure of women convicted and committed crimes is analyzed

based on Russian statistics for 2011–2021. The second part of the work: the problems of adaptation of convicted women after leaving correctional institutions are systematized on the basis of data from an expert interview with psychologists of the Federal Penitentiary Service of Russia (n=4) and specialists from socially oriented non-profit organizations (SO NPO) working with women after their release from a correctional facility (n=4).

As a result of the study, the following data were obtained. Social status determines social practices and the effectiveness of social adaptation of convicted women. When implementing the probation law, it is necessary to consider the most vulnerable categories of women who have been released (women with minor children, dependent women, people of retirement age, women without stable social ties, and those who do not have the opportunity to find a job due to restrictions in the regional labor market).

Keywords: socio-demographic structure, convicted women, social status, everyday practices, correctional colony, social adaptation, probation.

References

- Agaev G.A., Safin F.Yu. (2002) *Teoreticheskie osnovy issledovaniya prichinnogo kompleksa prestupnosti: monografiya* [Theoretical foundations of the study of the causal complex of crime: monograph] St. Petersburg: SPbGUAP; SPbU MVD Rossii (in Russian).
- Austin R.L. (1993) Recent trends in official male and female crime rates: The convergence controversy. *Journal of Criminal Justice*, 21(5): 447–466. [https://doi.org/10.1016/0047-2352\(93\)90031-H](https://doi.org/10.1016/0047-2352(93)90031-H).
- Barkan S.E., Bryjak G.J. (2011) *Fundamentals of Criminal Justice*. Sudbury, MA: Jones and Barlett learning.
- Brushett R.A. (2013) *Typologies of Female Offenders: A Latent Class Analysis Using the Women's Risk Needs Assessment*. University of Cincinnati.
- Coston C.T.M., Ross L.E. (1998) Criminal victimization of prostitutes: empirical support for the lifestyle/exposure model. *Journal of crime and justice*, 21(1): 53–70.
- Errol Z., Madsen J.B., Moslehi S. (2021) Social disorganization theory and crime in the advanced countries: Two centuries of evidence. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 191: 519–537. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2021.09.017>.
- Gavrilova E., Campaniello N. (2015) Uncovering the Gender Participation Gap in the Crime. *IZA Discussion Paper*, 8982. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2598922>.
- Hamberger L.K. (1997) Female Offenders in Domestic Violence: A Look at Actions in Their Context. *Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma*, 1: 115–127.
- Kazakova V.A. (2011) *Zhenshchiny, otbyvayushchie lishenie svobody (obshchaya harakteristika). Po materialam special'noj perepisi osuzhennykh i lic, sodержashchihsya pod strazhej, 12–18 noyabrya 2009 g.* [Women serving imprisonment (general characteristics). Based on materials from a special census of convicts and persons in custody, November 12–18, 2009]. Iss. 5. Moscow: Yurisprudenciia (in Russian).
- Kazakova V.A., Stepanov K.S. (2011) *Zhenshchiny, otbyvayushchie lishenie svobody (harakteristika otdel'nykh kategorij). Po materialam special'noj perepisi osuzhennykh i lic, sodержashchihsya pod strazhej, 12–18 noyabrya 2009 g.* [Women serving imprisonment

(characteristics of individual categories). Based on materials from a special census of convicts and persons in custody, November 12–18, 2009]. Iss. 6. Moscow: Yurisprudenciia (in Russian).

Kuntz E.V. (2021) Tendencii prestupnosti zhenshchin i ispolneniya v ih otnoshenii nakazaniya v vide lisheniya svobody [Trends in crime among women and the execution of prison sentences against them]. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy* [Gazette of the penal system], 10: 15–20 (in Russian).

Larroulet P., Daza S., Bórquez I. (2023) From prison to work? Job-crime patterns for women in a precarious labor market. *Social Science Research*, 110. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2022.102844>.

Liu L., Chui W.-H., Hu Y. (2022) In the name of love: A narrative analysis of a Chinese single mother's rational and emotional pathways into and out of crime. *Asian Journal of Social Science*, 50: 276–283. <https://doi.org/10.1016/j.ajss.2022.04.003>.

Neanidis K.C., Papadopoulou V. (2013) Crime, fertility, and economic growth: Theory and evidence. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 91: 101–121. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2013.04.007>.

Osokin R.B., Polyakova V.O. (2016) Dostizhenie rezul'tatov ispravitel'nogo vozdeystviya pri ispolnenii lisheniya svobody v otnoshenii osuzhdennykh lic zhenskogo pola: specifika, osnovnye problemy i puti ih resheniya [Achieving the results of correctional influence during the execution of imprisonment in relation to convicted female persons: specifics, main problems and ways to solve them]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 3: 130–135 (in Russian).

Potapov A.M., Lepchikov A.N. (2016) O lichnosti osuzhdennykh, osvobozhdaemykh ot otbyvaniya nakazaniya v vide lisheniya svobody [On the identity of convicts released from serving a sentence of imprisonment] *Nauchno-prakticheskij zhurnal «Penitenciarnaya nauka» VIPE FSIN Rossii. Rubrika «Yuridicheskie nauki»* [Scientific and practical journal “Penitentiary Science” of the All-Russian Institute of Penitentiary Education of the Federal Penitentiary Service of Russia. Category “Legal sciences”], 3(35): 23–30 (in Russian).

Rostovskaya T.K., Bezverbnaya N.A. (2020) Violence against women: Global trends. *Woman in Russian Society*, 2: 89–98. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.2.8>.

Rostovskaya T.K., Bezverbnaya N.A. (2021) Osobennosti i tendencii zhenskoj prestupnosti v Rossii [Features and trends in female crime in Russia] *Sotsialnoe prostranstvo* [Social space], 7(1). <https://doi.org/10.15838/sa.2021.1.28.3> [<http://socialarea-journal.ru/article/28857>] (accessed: 10.10.2023) (in Russian).

Rostovskaya T.K., Kaliev T.B., Zavyalova N.B., Bezverbnyy V.A. (2018) Prevention of violence as a factor of family security: Russian and Kazakhstan experience. *Woman in Russian Society*, 1: 78–88. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.1.7>.

Rostovskaya T.K., Narutto S.V., Voroshilova S.V. (2022) *Pravovoj status i social'naya adaptatsiya molodykh zhenshchin, osvobozhdaemykh iz mest lisheniya svobody: monografiya* [Legal status and social adaptation of young women released from prison: monograph] Moscow: Prospekt. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-392-33707-1.2022> (in Russian).

Rostovskaya T.K., Rusanova E.I. (2023) *Zhenskaya prestupnost' v Rossii: sostoyanie, tendentsii, posledstviya* [Women's crime in Russia: status, trends, consequences]. Eko-

nomika. Pravo. Obshchestvo [Economy. Right. Society], 1(33): 163–174. <https://doi.org/10.21686/2411-118X-2023-1-163-174> (in Russian).

Seliverstov V.I., Seliverstov I.V. (2012) Pravovoe polozhenie lits, osvobozhdaemykh ot otbyvaniya nakazaniya v vide lisheniya svobody po aktu ob amnistii (problemy teorii) [Legal status of persons released from serving a sentence of imprisonment under the amnesty act (theory problems)]. *Rossiiskij ezhegodnik ugodnogo prava* [Russian Yearbook of Criminal Law], 6: 114–479 (in Russian).

Shcherbakova E.M. (2023) Prestupnost v Rossii, 2022 god [Crime in Russia, 2022] *Demoscope Weekly* [Demoskop Weekly], 987–988 [<https://www.demoscope.ru/weekly/2023/0987/barom06.php>] (in Russian).

Shiyan V.I. (2016) Sotzial'no-demograficheskaya kharakteristika lichnosti zhen-shchin-prestupnitz [Socio-demographic characteristics of the personality of female criminals] *Prestupnost', ugodnaya politika, zakon. Rossiyskaya kriminologicheskaya associaciya* [Crime, criminal policy, law. Russian Criminological Association]: 93–98 (in Russian).

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на книгу: Социокультурное пространство Санкт-Петербурга: репрезентации и интерпретации. К 350-летию Петра I и 320-летию Петербурга: [монография] / А.Э. Алакшин, А.Н. Андреев, К.С. Барабанова [и др.]; отв. ред. В.В. Козловский, Н.Е. Мазалова; ФНИСЦ РАН. — М.: ФНИСЦ РАН, 2023. — 388 с. ISBN 978-5-89697-425-3. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-425-3.2023>

Анна Михайловна Сосновская (sosnovskaya-am@ranepa.ru)

РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Сосновская А.М. (2024) Рецензия на книгу: Социокультурное пространство Санкт-Петербурга: репрезентации и интерпретации. К 350-летию Петра I и 320-летию Петербурга / отв. ред. В.В. Козловский, Н.Е. Мазалова. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. — 388 с. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(2): 266–273. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.2.10>. EDN: GEYRR

Коллективная монография, созданная социологами, историками, географами и искусствоведами, представляющими различные научные учреждения России, приурочена к 350-летию со дня рождения Петра I (1672–1725), основателя Санкт-Петербурга, города, определившего цивилизационное развитие России в долгосрочной перспективе. Ее авторы исследуют город как многомерное социокультурное пространство, анализируя количественными и качественными методами социологии, антропологии и урбанистики его историю, повседневность и структуры символизации быта. Монография дает комплексное понимание сложности городской среды, подчеркивая усиленную взаимосвязь социальных, культурных и пространственных аспектов, что и позволяет показать, как города развиваются и формируют опыт своих жителей. Всестороннее понимание городской жизни при таком комплексном подходе проливает свет на понимание устойчивости в современном российском обществе. Авторы сосредотачиваются на социальных и культурных характеристиках петербургского общества в прошлом, настоящем и будущем (например, приводимые мнения и голоса студентов вербализируют планы, репрезентируют будущую культуру города — с. 159), представляя различные аспекты жизни города через концептуализацию социокультурного пространства.

Книга представляет собой междисциплинарное исследование, реконструирующее значение Санкт-Петербурга в российской культуре и обществе. В ней сходятся литература, история и архитектура, что претендует на всестороннее понимание исторических, культурных и социальных аспектов города. Благодаря приведенным и проанализированным различным точкам зрения на социальную динамику Петербурга читатели воспринимают тонкое понимание уникальной идентичности и аутентичной атмосферы Санкт-Петербурга и его влияния на литературу, искусство и общество. Авторские интерпретации и презентации различных аспектов жизни большого российского города объединены на основе методологической концептуализации социокультурного пространства.

Книга включает в себя введение, заключение и семь тематических глав, посвященных реформам Петра, направленным на цивилизационное переустройство российского общества, современным мифологическим интерпретациям личности и деятельности Петра, этноконфессиональному пространству города XVIII столетия, включая социально-психологический портрет пасторов евангелических общин того времени, отражению города в жизни поколений, в жилищных, эпидемических и биографических историях.

В рамках цивилизационного подхода город понимается как территориальное, культурно-географическое объединение многих пространств, которые помогают людям и обществу сохранять свою идентичность на протяжении длительного времени, демонстрировать устойчивость и преемственность культурных практик, несмотря на сложность исторических событий. Монография подчеркивает цикличность в исследуемых пространствах города, равноценность разных сосуществующих систем освоения его социальной жизни. Основным критерием устойчивости Санкт-Петербурга выступает многоплановый культурный фактор (религия, городское мифотворчество, мировоззрение, историческое развитие, многослойность имперского Петербурга, сохранение преемственности поколений, особенности ландшафта и архитектуры, своеобразие реагирования и восприятия разных поколенческих когорт, трансформация повседневности в Ленинграде, топонимия и микротопонимия, конструирование языковой картины мира и трансформация экспрессии, пространства квартир и практики коммеморации в музеефикации и воспоминаниях о родных). В Санкт-Петербурге как модели России сосуществуют различные народы, конфессии, биографии, доходные дома, которые показывают развитие на протяжении длительного периода жизни города всякий раз особым способом в соответствии со своими традициями,

культурой, строем отношений и во взаимодействии с имманентной динамикой (логикой) города.

В чем заключаются цивилизационные особенности Санкт-Петербурга согласно рецензируемой монографии?

К числу этих особенностей относятся, в частности, символический характер устойчивых состояний и перемен социокультурных пространств, мировое признание исключительной истории города как стремительного творения и центра реформ Петра Первого, колыбели революций, признание объектом всемирного наследия ЮНЕСКО, наличие множества этносов, культур и конфессий, концентрация творческих людей, что позволяет сохранять статус культурной столицы России при всей несбалансированности социально-экономического, демографического и экологического характера, так что город поддерживает устойчивость своих институтов и интеграцию практик повседневности, обеспечивая аутентичную жизнь человеческих и нечеловеческих акторов.

Социальное пространство Санкт-Петербурга трактуется в целом как совокупность знаково-символических форм, значений и смыслов, в которых фиксируются и интерпретируются вещи, идеи, ценности, отношения, действия социальных акторов. В совокупности глав представлен конструируемый индивидуальной и коллективной деятельностью универсум культуры, закрепляемый институционально и становящийся социальной реальностью публичной и частной жизни поколений. Подобный подход к социокультурному измерению такого сложного территориального объекта, как большой город, позволяет сконцентрировать внимание на ключевых чертах различных знаково-символических конструкторов, значений и смыслов разновидностей городского пространства Санкт-Петербурга (с. 6).

Нам представляется, что исследование не только внесло вклад в понимание смыслового и символического пространства города, но и включило в него имплицитно материальных акторов, выявляемых в оптике онтологического поворота, — различные сообщества в разворачивающихся историях, своим коллективным действием, поддержанным нарративно, стабилизирующих традиционные отношения. Читая книгу, мы с удовольствием обнаруживали в каждой главе акторов, обладающих агентностью и влиянием на людей и ход истории. Мы находили подтверждения нашему убеждению, что смыслы формируют и вещи, и места проживания, хозяйственной активности, социальной и культурной жизнедеятельности, порядок строения. На городское пространство на протяжении истории воздействуют кризисы, вызовы, новейшие условия и силы энтропии, например политические или экономические перемены в стране, пандемия

COVID-19. Все они переформируют городской социум, его практики, воздействуют на материальные объекты и вещи, оставляя след нового практического смысла и интегрируя социум в свою историю самораскрытия.

Социокультурное пространство Санкт-Петербурга постоянно претерпевает изменения, что фиксируется в трансформации биографических практик, мифов, предметах быта. Сохранение памяти, музеефикация практик горожан, культура коммеморации способствуют устойчивости институционализированных практик и передаче культуры последующим поколениям. Представленные исторические реконструкции и репрезентации помогают понять инкорпорированные посредством практик и вещей в картины мира петербуржцев ценности, а исследование этих аспектов помогает лучше осмыслить путь города и идентичность его жителей.

В первой главе (В.В. Козловский, И.И. Елисеева) «Многомерное социальное пространство Санкт-Петербурга» рассматриваются различные ключевые характеристики развития петербургского социума, особенности его цивилизационной и демографической природы, излагается социологически ориентированная интерпретация вклада петровских реформ в цивилизационное переустройство российского общества, в радикальное изменение социальной структуры, культуры, конфессионального уклада Петербурга. Этот уникальный городской опыт придает городу признанную глубину и богатство, выделяя его среди других городов и делая несомненным его культурное наследие как объекта всемирного наследия ЮНЕСКО.

Демографическая история Петербурга свидетельствует о сложной динамике с отрицательными приростами и провалами, но с сохранением уникального интеллектуального сообщества: «Петр I в облике Медного всадника простирает свою длань над городом, передавая тем самым энергию жизни от поколения к поколению» (с. 44). При этом выделены демографические тенденции, которые отражают развитие благотворной социальной среды для жизни, сохранения интеллектуального капитала и создания перспективы дальнейшей интеграции городских институтов.

Во второй главе (Н.Е. Мазалова, С.В. Богородский) «Социокультурное пространство Санкт-Петербурга в мифах» современная мифология Петербурга, представляющая собой смесь мифологических представлений, литературных реминисценций, исторических и архитектурных сведений, признается важным аспектом городской культуры и восприятия города как горожанами, так и жителями России: «Образ Петра I продолжает порождать новые смыслы» (с. 63).

Через различные формы художественного выражения Санкт-Петербург продолжает развиваться и формировать свою идентичность, по-

новому интерпретируя для аудитории, в том числе всемирной, свое историческое и культурное значение. Динамичное взаимодействие мифа и реальности создает разнообразие повествований, формирующих культурную идентичность города: «Петербург со своей исторически недолгой судьбой имеет сложившуюся мифологию, где особенно заметна линия поэтизированной “одушевленности” его главных мест» (с. 70). «Петербургский текст» выступает актором в конструировании городской идентичности.

Третья глава книги (А.Э. Алакшин, А.Н. Андреев) «Протестантизм в этноконфессиональном пространстве Санкт-Петербурга XVIII столетия» обсуждает проникновение европейцев — пасторов городских евангельских и реформатских общин в доминирующее православное социокультурное пространство Санкт-Петербурга в XVIII в., что способствовало формированию поликонфессионального и полиэтнического состава города. Исследования показывают, как мигранты становились признанной частью русского общества, сохраняя свои культурные и религиозные особенности: «В каждой семье прежних иностранцев бережно хранились памятки корневой национальной культуры, комфортной в целом и в частностях уже казалась вся окружающая петербуржца жизнь с ее утонченным ландшафтом, формами отношений между носителями ценностей различных наций и социальных страт, с привычными ритмами сосуществования в одном месте всех возможных религиозных и бытовых традиций. Потомки некогда попавших в чуждую для них страну пасторов, как, конечно, и потомки окормляемых ими прихожан, продолжая оставаться немцами, шведами, швейцарцами, британцами, голландцами, становились русскими людьми» (с. 81).

Четвертая глава книги (Л.И. Новикова, Ч.Э. Сымонович, А.А. Соколова) «Санкт-Петербург в жизни поколений» рассматривает социокультурное пространство Санкт-Петербурга через призму смены поколений, языковых практик и исторических аспектов. Анализируется студенческая культура 1930-х годов, представленность поколений в поэтических антологиях, а также современное студенчество города. Рассматривается формирование культуры студентов в мультиконфессиональной и мультиэтнической городской среде. Участие различных этнических и конфессиональных групп в развитии Санкт-Петербурга влияло на официальную топонимию, лексику и языковую картину мира горожан. Это способствовало формированию в общественном сознании представлений и концепций о действительности, в которых использовались и продолжают использоваться бинарные и градуальные оппозиции: «Следует признать, что достижения политики мультикультурализма и политкорректности

не спасают мир от межкультурных конфликтов. Именно поэтому вопрос об отношениях в системе координат “свой — чужой” требует широкого обсуждения, выявления глубинных корней негативного восприятия “иностранцев”, разработки образовательных и просветительских технологий, нацеленных на преодоление ксенофобии. Эта тема остается актуальной для Санкт-Петербурга с его сложной социальной и этнокультурной дифференциацией населения, о чем свидетельствуют устойчивое сохранение и бытование этнопейоративной лексики в разговорной речи горожан» (с. 167).

В пятой главе книги (А.С. Сухорукова, Т.З. Протасенко, Е.Д. Юхнёва, Л.С. Лаврентьева) «Санкт-Петербург в жилищных историях» рассматриваются особенности повседневной жизни Санкт-Петербурга в контексте социокультурного пространства. Изучается роль доходных домов в культуре города и их мультикультурное пространство, а также роль коммунальных квартир как особой единицы городского облика Санкт-Петербурга. Рассматриваются также создание частного музея-квартиры и особенности петербургской кухни.

В шестой главе (К.С. Барабанова, С.И. Бояркина, Т.З. Протасенко, К.А. Галкин) «Санкт-Петербург в эпидемических историях» анализируются события, которые изменяли привычное пространство и культуру города, включая влияние эпидемий на различные группы населения. Рассматриваются эпидемия холеры в 1831 году и ее влияние на пространство города, а также эпидемии таких болезней, как испанский грипп, туберкулез и другие на рубеже XIX–XX вв. Исследуются социальные последствия и формирование эпидемического пространства, отразившего угрозы и вызванные ими изменения в жизни горожан.

Пятая и шестая главы книги позволяют лучше понять повседневность жителей Санкт-Петербурга в разные исторические периоды, их взаимодействие с городским пространством и трансформирующейся социокультурной средой. Они дают возможность подробнее рассмотреть проанализированные авторами ключевые события, которые повлияли на жизнь города и его жителей, а также на их адаптацию к переменам в социуме и жизненном укладе.

В седьмой главе монографии (А.О. Овсянников, К.С. Дивисенко, Н.Н. Цветаева) «Санкт-Петербург в биографических историях» исследуется роль городского пространства и городской культуры в создании биографических проектов жителей Санкт-Петербурга путем качественного социологического исследования. Рассматривается жизненный путь петербургских профессионалов, формирующих профессиональную и мировоззренческую позицию интеллигенции города. Выявляются

представления поколений петербургских школьников о своей жизни и планах на будущее: жизненных проектах, будущей семье, опасениях и стратегиях финансового поведения. Через автобиографические нарративы жительниц Санкт-Петербурга двух поколений вскрываются изменения в сфере семьи, брака и родительства в контексте модернизационных процессов советского и постсоветского времени.

Рассмотрен срез истории возникновения и развития града Петрова в течение 1703–2022 гг., которая воплощается в динамично формирующемся социокультурном и политическом пространстве города, ставшего плацдармом модернизационных усилий в цивилизационном переустройстве российского государства и превращении его в мощную империю с сильной властью, новым территориальным делением, налоговой системой, регулярной армией и флотом. Новая столица дала толчок превращению патриархального сословного государства в бурно развивающееся социально-экономическое пространство страны с промышленностью, финансами и торговлей, подвижной сословно-социальной структурой, светской культурой и образованием, новой системой управления, интегрированными конфессиями и аутентичными бытом и культурой.

Санкт-Петербург стал центром инноваций и прогресса, привлекая людей из всех слоев общества из разных стран, которые внесли свой вклад в развитие нации. В результате город стал центром культуры, инноваций и прогресса, положив начало постоянным достижениям в различных отраслях.

Полиграфическое качество книги высокое, макетирование в целом соответствует мировым стандартам для научных монографий. Главы о музеефикации жилой квартиры и о пространстве мифов, сопровождающиеся иллюстрациями, воспринимаются с большим интересом. В других главах имеются ссылки на визуальные источники, но в целом полагаем, что отсутствие портретов героев исследований противоречит концепции монографии и должно быть исправлено при переиздании.

Работа служит источником дальнейших изучений и осмыслений петербургской социальной жизни и вдохновляет на исследования. В целом монография успешно сочетает социально-демографические исследования с изучением механизмов устойчивости, того, как многие вещи, например кухня, образование или медицина, оказываются устойчивыми в меняющихся условиях города. Некоторые из названных вопросов истории Петербурга сравнительно хорошо изучены, но именно акцент на изучении устойчивости и их роли — это всегда интересно, увлекательно и научно продуктивно. Было бы полезно в будущем рассмотреть, как эти устойчивые механизмы могут быть реализованы в более широком масштабе,

например чтобы способствовать сохранению окружающей среды, экологическим мерам и устойчивому развитию различных городских районов и области. Изучение долгосрочного влияния методов устойчивого развития на сообщества и качество жизни может дать ценнейшие сведения для практической разработки городской политики.

Book review: Sociocultural space of St. Petersburg: representations and interpretations. To the 350th anniversary of Peter I and the 320th anniversary of St. Petersburg.
Kozlovsky V.V., Mazalova N.E. (eds.)
M.: FCTAS RAS, 2023. — 388 p. ISBN 978-5-89697-425-3.
<https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-425-3.2023>

Anna Sosnovskaya (sosnovskaya-am@ranepa.ru)

RANEPa, St. Petersburg, Russia

Citation: Sosnovskaya A. (2024) Book review: Sociocultural space of St. Petersburg: representations and interpretations. To the 350th anniversary of Peter I and the 320th anniversary of St. Petersburg. Kozlovsky V.V., Mazalova N.E. (eds.) M.: FCTAS RAS, 2023. — 388 p. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(2): 266–273 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.2.10>. EDN: GEYRRR

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Публикуются рукописи, как правило, нигде ранее не публиковавшиеся. Журнал принимает рукописи на русском или английском языках.

Плата за публикацию не взимается. Гонорары не выплачиваются.

Объем статей — не более 80 000 знаков (с пробелами).

Обзоры научных конференций и семинаров — не более 10 000 знаков (с пробелами).

Все остальные материалы — не более 40 000 знаков (с пробелами).

Каждая рукопись статьи должна быть снабжена **информацией об авторах на русском и английском языках**, включающей фамилию, имя и отчество, место учебы/работы, ученые степень и звание, адрес и телефон, адрес электронной почты, **ключевыми словами** (5–8 слов) и подробной **аннотацией на русском и английском языках** объемом 200–250 слов. Вся информация на английском языке помещается в конце статьи в отдельный **англоязычный блок**. Статьи принимаются в электронном виде, набор текста осуществляется в программе Word, используется шрифт Times New Roman, размер шрифта – 12. Статьи следует направлять по адресу: jssa@list.ru

Ссылки на источники даются по тексту в круглых скобках (фамилия автора, пробел, год, двоеточие, страница), а также в виде списка литературы в конце рукописи статьи в алфавитном порядке, начиная с источников на кириллице.

Если в статье есть источники на кириллице, то авторы предоставляют два списка источников: основной (**Литература**) и дополнительный (транслитерированный) (**References**).

Источники, не являющиеся научными (нормативные правовые акты, официальные статистические данные, материалы СМИ и т.п.), даются отдельным списком после основного списка литературы под заголовком **Источники** и в дополнительный список литературы (**References**) не включаются.

Web-страница журнала:

<http://www.jourssa.ru>

Адрес: Издательство «Интерсоцис». 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

Издательство Интерсоцис: +7 (812) 316 2496

E-mail: jssa@list.ru

The Journal of Sociology and Social Anthropology

An academic quarterly founded in 1998

The Journal accepts original manuscripts, which are not under consideration by another publication at the time of submission.

Papers can be written in Russian and English language.

Articles should not exceed:

- 12,000 words (for key presentations)
- 6,000 words for other articles and book reviews
- 1,200 words for conference information.

Submissions:

The manuscripts should be sent to jssa@list.ru. Notification of receipt will be sent by email to the author(s) at the address provided at the time of submission.

The author(s) should submit a file saved where possible in the Word for Windows format, font size — 12 pt. References should be placed at the end of the article.

A brief information about the author including: name and surname, current position, academic degrees, address, telephone number, E-mail address should be provided.

Journal Web-page: <http://www.jourssa.ru>

Contact address: Vladimir Kozlovskiy, The Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (SI RAS – FCTAS RAS).

Address: 7-ya Krasnoarmeyskaya str. 25/14, St. Petersburg, Russia, 190005

Telephone: +7 (812) 316 2496

E-mail: jssa@list.ru

«ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ»

доступен на Web-странице журнала: <http://www.jourssa.ru>
по адресу Научной электронной библиотеки:
https://elibrary.ru/title_about.asp?id=7800

Подписка на бумажную версию периодического издания
производится по индивидуальному и корпоративному заказу.

Подписаться на журнал на 2024 г. можно в редакции.

Адрес: 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

Издательство «Интерсоис».

Тел/факс: +7 (812) 316 2496

E-mail: jssa@list.ru

Web-страница журнала: <http://www.jourssa.ru>

Журнал социологии и социальной антропологии

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС 77 – 86351 от 11.12.2023 г.

Учредители:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр

Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Адрес: Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Сайт: <https://www.fnisc.ru>

Фонд «Международный Фонд поддержки социогуманитарных исследований
и образовательных программ» (Фонд «Интерсоцис»)

Адрес: Россия 191186, г. Санкт-Петербург, ул. Гороховая, д. 20, литер В, пом. 4Н.

Сайт: <https://www.sociologynet.ru>

Главный редактор: В.В. Козловский

Научные редакторы: А.В. Тавровский, Р.Г. Браславский, М.В. Банкович

Оригинал-макет: Н.И. Пашковская

Периодическое издание «Журнал социологии и социальной антропологии» включено в базу РИНЦ, перечень ВАК — категория K1, индексируется в международной базе данных WoS RSCI

Права на материалы, опубликованные в «Журнале социологии и социальной антропологии», принадлежат редакции и авторам.

Публикации журнала не могут быть воспроизведены в любой форме без письменного разрешения редакции. Все права сохраняются.

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе с момента публикации

- на официальном сайте журнала: <https://www.jourssa.ru>
- на сайте РИНЦ: elibrary.ru/title_about_new.asp?id=7800

Издатель: Фонд «Международный Фонд поддержки социогуманитарных исследований и образовательных программ» (Фонд «Интерсоцис»)

Адрес издателя и редакции: 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

Сайт издателя: <https://www.sociologynet.ru>

Телефон издателя: +7 (812) 316-24-96

Электронная почта редакции: jssa@list.ru

Телефон редакции: +7 (812) 316-24-96

2024. Том 27. № 2. Дата выхода в свет 07.05.2024.

Формат бумаги 60х84 1/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 16. Тираж 150 экз. Цена: Бесплатно. Заказ:

Отпечатано в ООО «Реноме»

Адрес: 192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40